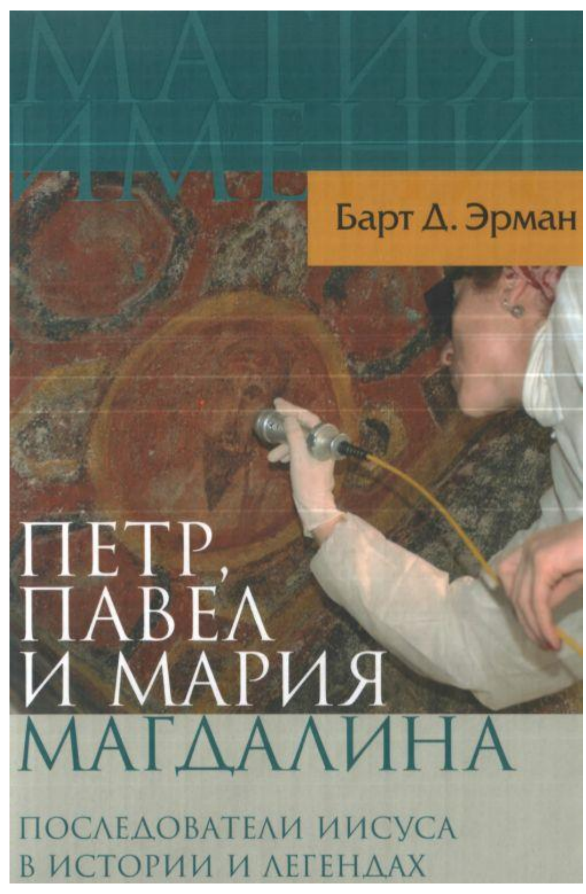
Барт Д. Эрман

Петр, Павел и Мария Магдалина.

Последователи Иисуса в истории и легендах

Посвящается всем Беквитам: Джеку, Барбаре, Томми, Саймону, Джеймсу, Джулии, Питеру, Джил, Холи, Эмили и Чарли — за гостеприимство и возможность послушать.

Вступительное слово. ***Н. В. Шабуров***

Книга Барта Эрмана является научно-популярной. Но какую науку она популяризирует? Вопрос не праздный, ибо о существовании этой науки знают далеко не все. Наука эта именуется библеистикой. Важнейшей ее частью является новозаветная наука (так в западной литературе принято называть раздел библеистики, занимающийся изучением Нового Завета). К сожалению, в нашей стране эта наука не получила должного развития, да и ее достижения у нас мало известны. Чтобы понять, почему так произошло, следует кратко рассказать о ее истории.

Научное изучение Нового Завета и истории возникновения христианства началось в самом конце XVIII века, сначала в рамках развития протестантского богословия (главным образом в Германии). Начало новозаветной науки совпало с формированием научного критического направления в историографии и в филологии. Ведь до конца XVIII века не подвергалось сомнению не только содержание Библии, но в целом господствовало некритическое доверие к древним авторам. В 1795 году Фридрих Август Вольф в «Пролегоменах к Гомеру» поставил под сомнение возможность написания гомеровских поэм одним автором и усомнился в существовании Гомера. В вышедшей в свет в 1811–1832 годах «Римской истории» Бартольд Георг Нибур показал легендарный характер повествования Тита Ливия о ранней истории Рима и разработал методику выделения исторического зерна из мифологических преданий. В 1824 году в «Истории германских и романских народов» Леопольд фон Ранке сформулировал цель историка — показать, «как всё было на самом деле».

Библеистика с самого начала восприняла критическую методологию исторической и филологической науки. Это требовало подлинного переворота в сознании: ведь к Священному Писанию теперь следовало подходить не как к сакральному тексту, вдохновленному Богом, а так же, как историки и филологи исследовали Гомера, Геродота, Тита Ливия и любого другого древнего автора. Один из основоположников новозаветной науки, глава Тюбингенской богословской школы Фердинанд Кристиан Баур писал: «Чтобы понять христианство, нужно поставить его в историческую связь и насколько возможно разложить его на составные элементы; следует понять христианство как учение, соответствующее духу своего времени, и как форму религиозного сознания, подготовленную предшествующим развитием человечества».

За 200 лет своей истории новозаветная наука преодолела первоначальную зависимость от теологических и философских установок, а также крайностей гиперкритицизма, и смогла достичь значительных результатов. Новый Завет к настоящему времени является едва ли не наиболее исследованным текстом в мировой литературе.

В середине XX века расширяется источниковедческая база изучения возникновения христианства. В 1945 году в Египте в районе Наг-Хаммади крестьяне случайно находят собрание более пятидесяти текстов: апокрифических (то есть не вошедших в новозаветный канон) евангелий, апокалипсисов и других сочинений, преимущественно относящихся к гностицизму — мистическому течению первых веков нашей эры, игравшему большую роль в первоначальном христианстве. К 1947 году относится открытие «Свитков Мертвого моря» (или Кумранских рукописей), принадлежавших иудейской секте ессеев, оказавших, по-видимому, существенное влияние на формирование христианства.

Но почему так невелик вклад в новозаветную науку российских исследователей? До начала XX века мешала духовная цензура. Только после 1905 года стали появляться переводы на русский язык некоторых научных трудов по новозаветной проблематике. Вскоре после революции 1917 года вышли научно-популярные книги известного отечественного историка-античника С. А. Жебелева «Евангелия канонические и апокрифические» и «Апостол Павел и его послания», в которых излагались достижения новозаветной науки.

Однако советский период оказался также неблагоприятным для ее развития. Господствовали атеистические установки и требовались не научные исследования, а антирелигиозная пропаганда. Достижения науки в изучении Нового Завета и раннего христианства оставались невостребованными, а под видом научной литературы на русский язык переводились популярные труды представителей так называемой мифологической школы, всеми правдами и неправдам доказывавших «мифологичность» Иисуса и едва ли не всех новозаветных персонажей. К ним примыкали и отечественные авторы, поскольку на протяжении десятилетий признание исторического зерна новозаветных повествований рассматривалось как чуть ли не религиозная апологетика. Лишь с 70-х годов прошлого

столетия стали появляться труды, не вполне вписывавшиеся в господствующее течение (работы И. С. Свенцицкой, М. К. Трофимовой).

Когда на рубеже 80-х и 90-х годов пали цензурные и идеологические препоны и стало издаваться множество книг, посвященных раннему христианству, наступил информационный хаос. На читателей одновременно обрушились издания Нового Завета как в традиционном синодальном, так и в новых — хороших и плохих — переводах, переводы апокрифических текстов — опять-таки разного достоинства, богословская литература (старая и новая), труды, рассматривающие христианство с оккультно-мистических позиций, устаревшие научно-популярные и (реже) научные труды XIX и начала XX века и среди них — малое количество современной научной и научно-популярной литературы, которую, однако, неподготовленному читателю подчас сложно выделить в море литературы ненаучной и просто антинаучной. И тем не менее в последние годы переведены некоторые труды Альберта Швейцера, Рудольфа Бультмана, Чарлза Х. Додда, Давида Флуссера, Мартина Хенгеля, Брюса М. Метцгера, Рэймонда Брауна, Эда П. Сандерса, Джеймса Д. Данна, Дэвида Ауни, Маркуса Борга, Николаса Томаса Райта и других. Надо указать также и на отечественных исследователей. Наряду с уже упомянутыми И. С. Свенцицкой и М. К. Трофимовой это — А. Л. Хосроев, И. А. Левинская, С. В. Лёзов, Г. Г. Ястребов.

Профессор и заведующий департаментом изучения религии Университета Северной Каролины Барт Д. Эрман, книга которого «Петр, Павел и Мария Магдалина: Последователи Иисуса в истории и легендах» предложена вниманию российского читателя, является одним из ведущих специалистов в изучении раннего христианства. Он учился под руководством известного исследователя Нового Завета Брюса Метцгера. На его взгляды большое влияние оказал вышедший еще в 30-е годы прошлого века труд немецкого библеиста Вальтера Бауэра «Ортодоксия и ересь в древнейшем христианстве», в котором едва ли не впервые была высказана мысль, что в первые три века своего существования христианство представляло собой совокупность разных равноправных течений, и только позднее, когда одно из этих течений победило и было объявлено ортодоксальным, с его позиций была пересмотрена вся ранняя история христианства. Б. Эрман в целом разделяет и развивает эти воззрения. Он, в частности, исследовал дополнения и изменения, которые были внесены позднейшими ортодоксальными авторами в новозаветные тексты. Эрман вообще много занимался текстологией Нового Завета и разрабатывал методологию выделения исторически достоверного материала. Он, в частности, указал на три основных критерия достоверности:

1. Критерий независимости источника. Чем в большем количестве независимых друг от друга источников содержится упоминание о каком-то событии или высказывании, тем больше шансов, что это свидетельство достоверно.

2. Критерий несходства. Если приведенный факт «неудобен» для концепции автора, он, скорее всего, достоверен.

3. Критерий достоверности контекста. Скажем, подлинное речение Иисуса должно согласовываться с контекстом еврейской Палестины I века.

Барт Эрман — автор большого количества трудов, из которых важнейшие: «Ортодоксальная порча Писания: Влияние ранних христологических споров на текст Нового Завета» (1996); «Иисус: Апокалиптический пророк Нового тысячелетия» (1999); «Утраченные Писания: Книги, которые не были включены в Новый Завет» (2003); «Новый Завет: Историческое введение в ранние христианские тексты» (2003); «Утраченные христианства: Битвы за Писание и верования, о которых мы никогда не знали» (2003); «Правда и вымысел в „Коде да Винчи“: Исторический взгляд на то, что мы действительно знаем об Иисусе, Марии Магдалине и Константине» (2004); «Искаженный Иисус: История о том, кто и как задним числом искажал Библию» (2005); «Утраченное Евангелие Иуды Искариота: Новый взгляд на предателя и преданного» (2006); «Проблема Бога: Как Библия потерпела неудачу в ответе на

наш самый важный вопрос: почему мы страдаем?» (2008); «Иисус, которого прервали: Выявление скрытых противоречий в Библии (и почему мы о них не знаем)» (2009).

Исследование Эрмана «Петр, Павел и Мария Магдалина» интересно и своим содержанием и авторской точкой зрения. Эрман, во-первых, стремится выявить историческое зерно и реконструировать достоверные сведения об этих последователях Иисуса, а во-вторых, рассматривает предания о них и исследует причины, по которым о них писали так, а не иначе.

Итак, Петр, Павел и Мария Магдалина… Первый среди апостолов, гениальный визионер, направивший христианство на путь, по которому оно шло два тысячелетия, и женщина, чья роль вызывает острый интерес в последние годы… Каждая из трех частей книги построена по одному плану. Сначала анализ источников, на основе которых можно установить, что нам известно о реальных Петре, Павле и Марии. Интересно, что всякий раз речь идет о новозаветных текстах. Это не удивительно: книги, вошедшие в новозаветный канон — древнейшие из дошедших до нас памятников христианской письменности. Известные нам апокрифические сочинения написаны позже. А затем автор анализирует тексты, — как новозаветные, так и апокрифические, — содержащие легенды о наших персонажах и показывает, чем обусловлено именно такое представление о них в традиции.

Начинает Эрман с Петра. Тут следует указать на парадокс: Петр, вероятно, самый почитаемый апостол в церковной традиции, тот, кого, согласно Евангелию, выделил сам Иисус, кто возглавил первоначальную общину после казни Учителя и кто поэтому является символом Церкви. И вместе с тем мы знаем крайне мало достоверного о Петре. Был ли он грамотен? В самом ли деле возглавлял римскую христианскую общину и был следовательно первым епископом Рима? Действительно ли погиб во время Неронова гонения, рассказ о котором содержится в «Анналах» Тацита? Кто является автором приписываемых ему церковной традицией двух посланий, включенных в новозаветный канон? У нас нет бесспорных ответов на эти вопросы. Эрман придерживается в целом скептической позиции. Даже по поводу троекратного отречения Петра от Иисуса, факта, дискредитирующего первого среди апостолов и поэтому, скорее всего, достоверного, он ставит вопрос о том, что позднейшей церковной традиции, вероятно, был нужен именно такой образ Петра. С аргументами автора можно не соглашаться, но читать их интересно и поучительно.

Павел, вероятно, самый выдающийся после Иисуса деятель христианства за всю двухтысячелетнюю историю его существования. И нам повезло: в Новом Завете имеются по крайней мере семь его подлинных посланий, которые являются самыми ранними дошедшими до нас произведениями христианской письменности. Кроме того Павел — главный персонаж новозаветной книги Деяний апостолов. Эрман намечает лишь основные контуры теологии Павла. Это неудивительно: Павлу посвящены тысячи исследований, и писать коротко о его богословии затруднительно. С XVI века на восприятие учения Павла определяющее влияние оказала его интерпретация Лютером, так что во второй половине XX столетия была сформулирована актуальная научная задача «делютеризация Павла». Павла стали рассматривать в контексте еврейской мысли его времени.

Самое интересное у Эрмана — указание на расхождения между Павлом в его собственных посланиях и Павлом в Деяниях. Вывод Эрмана однозначен: при реконструкции воззрений Павла мы должны опираться на его подлинные послания (Эрман принимает наиболее распространенную среди исследователей версию, что подлинными являются семь из приписанных Павлу тринадцати посланий, а включенных в Новый Завет, а образ Павла в Деяниях в целом недостоверен. Деяния апостолов, по его мнению, стремятся скрыть противоречия между Павлом и другими апостолами, прежде всего Петром. Представляется, что Эрман излишне категоричен в непризнании исторической достоверности Деяний. Он пишет, в частности, что Павел в своих посланиях настаивает, что его миссия обращена исключительно к язычникам, в то время как иудеев должен был обращать Петр. Поэтому

Эрман считает недостоверными свидетельства Деяний о проповедях Павла в синагогах. Он выдвигает оригинальную гипотезу, что Павел, прибыв с миссионерской целью в очередной город, организовывал там кожевенную мастерскую и проповедовал на рабочем месте. При этом Эрман игнорирует достаточно многочисленных «боящихся Бога» — язычников, ставших иудействующими, значительная роль которых в распространении христианства была выявлена, в частности, исследованиями отечественного историка Ирины Левинской (см. ее книги «Деяния Апостолов. Главы I–VIII: Историко-филологический комментарий» и «Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры», в которых, кстати, высоко оценивается историческая достоверность Деяний).

Очень интересен анализ Эрманом различных интерпретаций учения Павла в последующие два-три столетия. В частности, очень корректно описано восприятие его идей Маркионом и гностиками (преемство несомненно, но при этом Павел гностиком не был). Верным является суждение Эрмана, что взгляды Павла искажали как гностики, так и «протоортодоксы». Захватывающе интересен анализ Эрманом таких апокрифов, как «Апокалипсис Павла» и «Деяния Павла и Фёклы».

И наконец, Мария Магдалина. До недавнего времени исследователи обращали на нее гораздо меньше внимания, чем на Петра и Павла. Понятно: глава коллегии апостолов, великий творец христианского богословия и — женщина, о которой очень мало написано в канонических Евангелиях, но зато сохранилось множество легенд. Однако в последние десятилетия ситуация изменилась. Во-первых, обнаружились новые источники («Евангелие от Фомы», «Евангелие от Филиппа», «Евангелие Марии») — нет, не сообщающие новые достоверные сведения о Марии, но демонстрирующие, какую роль играл ее образ в сознании ранних христиан. Во-вторых, неожиданно Мария Магдалина стала популярна в массовой культуре. Здесь и влияние феминизма, и рок-опера «Иисус Христос суперзвезда», где содержится намек на любовную страсть Марии к Иисусу, и фильм Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа», в котором она становится женой Иисуса (хотя в конце становится ясно, что это всего лишь вид*е*ние умирающего на кресте), но главным образом «Код да Винчи» Дэна Брауна.

Эрман убедительно показывает полную историческую несостоятельность представленной в романе Дэна Брауна версии о любовной связи и браке Иисуса и Марии Магдалины, но в то же время указывает на очень значительную, не оцененную роль Марии в формировании новой религии. Во-первых, весьма вероятно, что Мария Магдалина принадлежала к числу близких учеников Иисуса, во-вторых же, — и это самое главное! — по-видимому, именно Мария первой обнаружила пустую гробницу и нечто пробудило в ней веру в воскресение Учителя. Филигранный анализ соответствующих эпизодов во всех четырех канонических евангелиях, продемонстрированный Эрманом, приводит к выводу, что евангелистам, возможно, и хотелось приписать это открытие Петру или другим мужчинам-апостолам (в древности женщины не считались надежными свидетелями), но слишком известна была версия о приоритете Марии. А поскольку христианство родилось из веры учеников в воскресение Учителя и первым провозвестником этой веры оказалась Мария из Магдалы, то Эрман делает закономерный, хотя на первый взгляд ошеломляющий вывод, что Мария Магдалина стала первой христианкой, что она «дала старт» христианству.

Со многими выводами автора можно не соглашаться (это нормально для научной работы), но его интереснейшая книга заставляет задумываться, что делает ее издание в русском переводе важным и актуальным.

Николай Васильевич Шабуров, директор Учебно-научного центра изучения религии Российского государственного гуманитарного университета, профессор

Предисловие

При создании книги о трех таких известных людях прошлого, как Симон Петр, апостол Павел и Мария Магдалина, самое трудное — понять, о чем можно не писать. Можно рассказать очень многое — особенно о том, о чем мы располагаем огромным количеством фактических данных, например, относительно Петра и Павла, которым посвящены весьма объемистые труды. Конечно, я не могу охватить здесь все темы. Для моих друзей, работающих в данной области и полагающих, что я мог бы написать больше, позвольте признаться, что, в общем, я с ними согласен. Для всех остальных скажу, что я постарался включить в книгу только все самое ценное.

Я предназначал свою работу не специалистам, а тем читателям, которые интересуются этими фигурами времен раннего христианства, но знают о них немного. Фактически этих трех людей можно было бы считать ключевыми участниками становления важнейшего исторического, культурного, социального, политического и, конечно, религиозного института западной цивилизации — христианской Церкви. Но эти фигуры важны не только в историческом отношении, они также бесконечно интересны как личности.

Многие читатели, возможно, почти ничего не знают о Петре, Павле и Марии как исторических персонах, то есть о том, что на самом деле они говорили и делали в течение своей жизни как до, так и после смерти Иисуса. Но большинство читателей почти наверняка не знают также и историй о них, широко распространенных в более поздние времена, не знают преданий о захватывающих чудесах Петра, обращавшего в веру целые города, о проповедях Павла относительно того, что спасение обретут только те, кто отказывается вести половую жизнь, или о том, как Мария Магдалина, установив парус на лодке без руля, приплыла во Францию, где стала первым христианским миссионером.

Хотел бы поблагодарить ученых, которые бескорыстно прочитали мою рукопись и сделали полезные комментарии к ней в надежде на то, что я так или иначе сделаю ее как можно лучше: профессора Йельского университета и одного из лучших специалистов в данной области, моего коллегу Дэйла Мартина; Эндрю Джейкобса из Риверсайда в Калифорнии, моего бывшего ученика (в Университете Дьюка), чьи проницательные идеи иногда казались невероятными; Стефани Кобб из Хофстровского университета, еще одну мою бывшую ученицу, которая в последние годы развила в себе умение искусно пользоваться своей редакторской красной ручкой; неизвестного и необычайно толкового рецензента при Оксфордском университетском издательстве, которая энергично помогала мне и «пинками» заставила сделать важные исправления; мою жену, Сару Беквит, преподавательницу английского языка в Университете Дьюка, которая является верхом интеллектуального совершенства, несравненной личностью и замечательным партнером. Кроме того, мой талантливый редактор и друг из Оксфордского университетского издательства Роберт Миллер рецензировал рукопись, на протяжении нескольких этапов помогал ее совершенствовать, в течение долгих ночей, за прекрасным вином, обсуждал со мной многочисленные вопросы, имеющие отношение к теме книги. Остается пожелать, чтобы всем авторам так же повезло, как мне.

Переводы раннехристианской литературы, включая Новый Завет, являются моими собственными, если это не обозначено иначе; в качестве источника Еврейской Библии я использовал Новую Исправленную Стандартную Версию Библии (New Revised Standard Version)[1].

Введение

Хотя эта книга не о фолк-трио 1960-х годов «Петр, Павел и Мария», я хотел бы начать с упоминания о нем и об одной из их самых известных песен:

«О, дали бы мне молот,

Я бил бы рано утром,

Я бил бы поздно ночью,

На весь край родной.

Я бил бы тревогу,

Гремел бы, стоя на страже,

Я выковал бы для всех людей

Узы братства, братства,

Я б гремел на весь край».

Группа «Петр, Павел и Мария» ворвалась на сцену фолк-рока в апокалиптический момент американской истории. В начале 1960-х годов в связи с состоянием «холодной войны» накалилась международная обстановка. Ядерное оружие быстро распространялось по обе стороны линии раздела между Советским Союзом и США. Школьники по всей стране тренировались прятаться под партами на тот случай, если вдруг над их городом взорвется атомная бомба. Участие американцев в войне во Вьетнаме только начиналось, хотя вскоре она стала настоящим «современным апокалипсисом», если использовать придуманный позже термин для фильма Фрэнсиса Форда Копполы. На их домашнем фронте нарастало движение за гражданские права, общество раздирали расовое насилие и десегрегация, и было совершенно неясно, как можно разрядить всю эту напряженную обстановку. Это было опасное время, время, предупреждающее о том, что может стать еще хуже, но и время, дающее шанс отвернуться от войны, ненависти и гнета, чтобы возродить любовь на всей земле.

В конце упомянутой популярной песни, после звучания молота, колокола и песни, трио растолковывает их смысл:

«То молот единства,

То колокол свободы,

То песня мира и любви,

Песня братства, братства.

Пой о мире весь мир»{1}.

В контексте обстановки 1960-х годов, когда все мы сталкивались с тяжелыми социальными проблемами бедности, гнета, расизма, дискриминации по половому признаку, не говоря уже о международных военных конфликтах, фолк-музыканты призывали возвратиться к ценностям гуманизма — справедливости, свободе и любви.

Так вот, как оказывается, в первом христианском столетии в римской Палестине существовали практически те же проблемы. Это тоже было время международного по охвату политического владычества и имперской экспансии, время классового разделения, гнета, ненависти, насилия и войн.

В том мире появились люди, в известной мере похожие на наших фолк-музыкантов 1960-х. Это были пророки, которые, говоря о бедах своего времени, получали откровение свыше. Одним из них — бесспорно, самым известным в наше время — был Иисус из Назарета. Он тоже исполнял миссию справедливости, свободы и любви. Подобно другим иудеям своего времени, Иисус утверждал, что беды этого мира порождены космическими силами, противостоящими Богу и его народу, силами, которые вызывают разрушения здесь, на земле. Эти силы приносят боль, горе и страдания; они ответственны за войны, эпидемии, засуху, голод, насилие, гнет и ненависть. Но их дни сочтены. Иисус верил, что скоро Бог утвердит свою власть над этим миром и свергнет силы зла, установит на земле новое царство, Царство Божье, в котором больше не будет несправедливости, насилия, боли и страданий. Сам Бог будет верховным правителем, и люди заживут райской жизнью.

У Иисуса были многочисленные последователи, которые преклонялись перед ним и связывали свое будущее с его посланием. После его смерти они передавали это послание

дальше, за границы империи, возвещая о том, что именно благодаря Христу — ныне воскресшему из мертвых и взошедшему на небо — будущее Царство наступит на земле. Троих из его последователей звали Петром, Павлом и Марией.

Возможно, они были самыми значительными из последователей Иисуса: Симон Петр, его правая рука в период открытого, публичного служения, глава двенадцати учеников; апостол Павел, величайший миссионер и богослов христианской Церкви после смерти Иисуса; и Мария Магдалина, его ближайшая последовательница, женщина, которая первая узнала, что он воскрес из мертвых, и поэтому была, возможно, *первой* христианкой.

Петр, Павел и Мария являются важными фигурами не только по причине того, кем они были фактически — историческими личностями I века, но и в соответствии с тем, как прочно их помнили в более поздние века, как о них возникали легенды, часто принимавшиеся за «евангельскую истину» теми, кто их слышал и пересказывал. В течение первых трехсот лет существования христианства, которые будут центральной темой в моей книге, Петр был широко известен как человек, обладавший способностью творить захватывающие чудеса, приводившие к массовому обращению в христианство. Считалось, что он мог исцелять больных, изгонять бесов и воскрешать мертвых. Некоторые из историй о нем, на взгляд современных читателей, довольно странные, например, в том случае, когда он оживляет вяленую рыбу, чтобы убедить присутствующих в силе Бога, или когда лишает вредоносного мага его способности летать над Римом, заставляет его упасть и разбиться. О Павле тоже рассказывали легенды как о великом чудотворце, носовые платки и накидки которого могли исцелить больного, как о чудотворце, крестившем говорящего льва, который позже отказался растерзать Павла, когда его бросили к диким зверям на арене. В особенности же Павел был известен как великий защитник аскетизма, проповедовавший, что жизнь вечную обретут те, кто воздерживался от радостей половой жизни, даже если состоял в браке.

Современным читателям может показаться удивительным, что такое послание находило отклик у многих людей того времени, что некоторые из них покинули свое брачное ложе в обмен на блаженное существование в будущем. Ведь сама Мария Магдалина была известна своей сексуальной жизнью или по крайней мере своей прежней сексуальной жизнью, так как ходили слухи о том, что она была проституткой, которую Иисус обратил в веру и которая затем имела необычайно близкие отношения с Иисусом перед его смертью. Согласно более поздней легенде, она оказалась во Франции в качестве одного из первых христианских миссионеров в Западной Европе.

Ни одна из подобных историй о Петре, Павле и Марии исторически не является достоверной. Но это не означает, что они не важны. Люди, которые пересказывали чудесные истории (и те, кто слушал их), верили, что они являются точными описаниями прошлого. Более того, они любили эти легенды, потому что те очень хорошо выражали их собственные верования, интересы, ценности, приоритеты и страсти. Если мы интересуемся не только жизнью первых последователей Иисуса, но и жизнью тех, кто рассказывал о них в более поздние времена, нет ничего более подходящего, чем обратиться к историям о Петре, Павле и Марии Магдалине.

Некоторые ученые утверждают, что мы и сегодня не сильно отличаемся от рассказчиков Древнего мира: когда мы говорим о прошлом, мы точно так же не просто констатируем, что происходило тогда в действительности, но показываем, почему произошедшее важно сейчас для нашей собственной жизни. То есть по большому счету ни у кого нет *чисто* антикварного интереса, интереса к прошлому как таковому. Напротив, мы интересуемся им, потому что оно может помочь нам осмыслить настоящее, нашу собственную жизнь, наши собственные верования, ценности, приоритеты, наш собственный мир и наш опыт. Если эта точка зрения верна (бывает и я так думаю), то, строго говоря, нет такой вещи, как «незаинтересованное» исследование прошлого, — все мы изучаем его фактически ради того, чтобы оно помогло нам понять самих себя и нашу жизнь.

Такой «заинтересованный» подход к прошлому был, конечно, присущ и древним людям, рассказывавшим истории о ранних последователях Иисуса. Они рассказывали их не просто для того, чтобы передать объективные сведения о произошедшем, но и потому, что эти истории что-то *значили* для них, независимо от того, были они, строго говоря, исторически точными или нет. Помимо всего прочего, отсюда следует, что перед современными историками стоит двоякая задача. С одной стороны, мы пытаемся определить, насколько это возможно, что же в действительности произошло в прошлом: что на самом деле говорили и пережили Петр, Павел и Мария? В то же время мы исследуем, в каком виде это прошлое помнили люди, которые позже рассказывали о нем истории — даже если те не были достоверными.

Ирония проблемы в том, что часто легче узнать, в каком виде прошлое помнят, чем выяснить, что же произошло на самом деле. Действительно, иногда, несмотря на все наши усилия, невозможно отделить вымысел от фактов, сфабрикованные описания от исторических событий. Самым прискорбным аспектом истории является то, что она исчезает навсегда. Как только что-то происходит, оно тут же заканчивается, и хотя могут оставаться следы прошлых людей и событий, эти следы всегда неполные, частичные, представленные не объективно, неопределенные и подверженные множеству различных толкований. Историки стараются восстанавливать прошлые события, основываясь на оставшихся свидетельствах, но история — не эмпирическая наука, которая может установить факты с высокой степенью вероятности, основываясь на надежных результатах, полученных с помощью повторяемых экспериментов. История — в большей степени искусство, чем наука.

История в большей степени искусство потому, что наши источники информации весьма проблематичны. Можем ли мы верить древнему источнику, который извещает, что Петр оживил вяленую рыбу? Как мы можем узнать правду? В другом источнике указывается, что тень Петра могла исцелять больных, когда он обходил их в солнечный день. Правда ли это? В еще одном источнике рассказывается, что он воскресил из мертвых римского сенатора, произнеся ему на ухо какое-то слово. Действительно ли он это сделал? Одни рассказы о чудесах Петра встречаются в текстах Нового Завета, другие — в книгах не из Нового Завета. Принимает ли историк то, что встречается в Священном Писании, как исторически достоверное, а то, что встречается вне его — как недостоверное? На каком основании? Мы имеем множество писаний, в которых утверждается, что они принадлежат Петру: Первое и Второе послания Петра в Новом Завете, а также «Евангелие от Петра» и «Апокалипсис Петра», не входящие в Новый Завет[2]. Написал ли он какую-либо из этих книг? Или мы должны серьезно отнестись к тому, что говорится в новозаветной книге Деяний апостолов: Петр был неграмотным и не мог ничего написать?

Это лишь некоторые из проблем, с которыми мы сталкиваемся при попытке узнать, что же в действительности представлял собою Петр и что на самом деле происходило в течение его жизни. С аналогичными проблемами связано изучение жизни и Павла, и Марии Магдалины. Прояснение истории — нелегкое дело.

Может быть, все это не имеет особого значения? Наоборот, — говорю как историк, занимающийся своим делом ради ныне живущих, — знание о прошлом важно. Важно знать, осуществляли ли красные кхмеры геноцид в Камбодже. Важно знать, увенчался ли успехом эксперимент с коммунизмом в Восточной Европе. Важно знать, было ли обнаружено в Ираке оружие массового уничтожения.

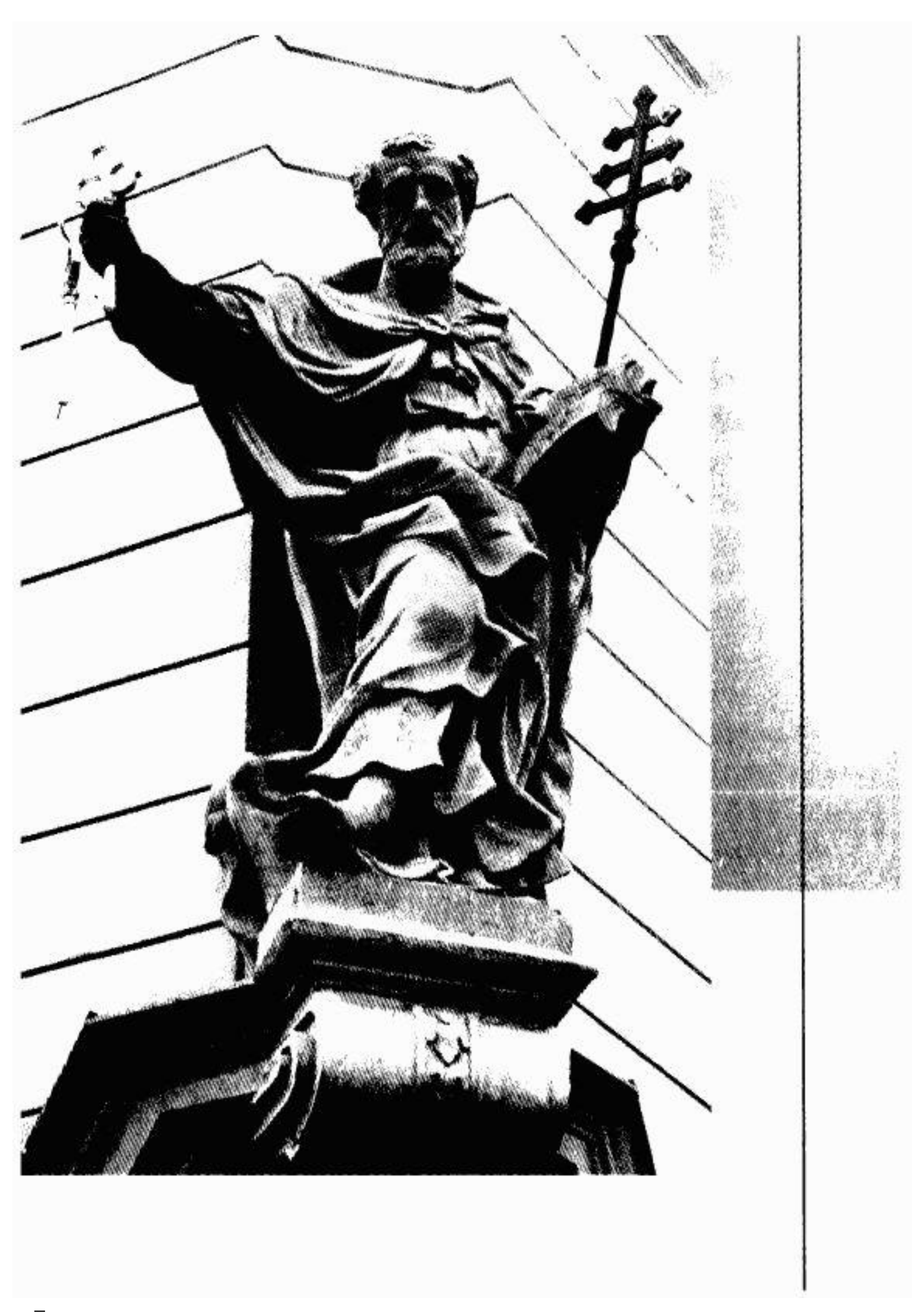
И важно знать, существовал ли Иисус в действительности, совершали ли его последователи те чудеса, о которых рассказывается в сохранившихся источниках. Поэтому мы должны делать все возможное, чтобы узнать, что же произошло в действительности, будь то в недавнем прошлом, если речь идет о разрушении Нового Орлеана и довольно слабых усилиях со стороны правительства для преодоления последствий бедствия, или в немного более отдаленном прошлом, когда наша страна колебалась в вопросе о том, что делать с

кризисами в Руанде или Боснии, или в самом давнем прошлом, и речь идет о причинах падения Римской империи, возвышении греков или жизни исторического Иисуса.

В то же время, как я уже предположил, историческая достоверность — не единственное, что имеет значение, и отделение ее от легенды — не единственное интересное и важное дело, которым занимаются ученые, исследуя дошедшие до нас материалы. Изучение истории — это не только отделение исторического ядра (того, что *действительно* имеет значение) от легендарной оболочки (того, что можно отвергнуть). Как я уже говорил, люди, которые рассказывали и повторяли истории — о Новом Орлеане, Руанде, Юлии Цезаре, Иисусе или Петре, Павле и Марии — часто сами не различали исторические факты и вымышленные легенды. Исторические воспоминания, более поздние приукрашивания, легендарные дополнения и чистые фабрикации — все это рассказывали и пересказывали, потому что в них говорилось об истинах, верованиях, представлениях и идеях, которые христиане хотели передать и которые вызывали у них отклик.

Мы должны понять, какими были эти истины, верования, представления и идеи, изучая дошедшие до нас истории. И поэтому в нашем исследовании материалов о Петре, Павле и Марии будут рассмотрены как исторические факты, так и легендарные приукрашивания. Мы зададимся вопросом о том, что можно узнать об этих последователях Иисуса как реальных, исторических фигурах, что можно узнать о том, кем они были, что делали, во что верили, чему учили, как жили. В то же время мы будем исследовать их как легендарные личности, которые стали играть очень важную роль в умах тех, кто принял христианскую религию при ее зарождении, задолго до того, как она стала религией Римской империи, а в конечном счете самым важным социальным, культурным, политическим, экономическим и религиозным институтом в истории западной цивилизации.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СИМОН ПЕТР

Глава первая
Поле исследования: наши источники о Петре-Камне

Несомненно, Симон Петр является самым известным учеником Иисуса. Но насколько хорошо известно, кем он был в действительности? Мы знаем его имя — Симон, и его прозвище, предположительно данное самим Иисусом, — Кифа, которое в I веке вообще было не именем, а существительным, означающим «камень». Современным эквивалентом было бы «Рокки»[3]. По крайней мере, таким было его прозвище на арамейском языке — языке, на котором говорили Иисус и Симон. На греческом языке, языке Нового Завета, слово, означающее «камень», звучит как *petra,* откуда мы получаем его более известное имя — Петр. Таким образом, имя Симон Петр буквально означает «Симон-Камень». Учитывая порывистый и переменчивый характер Симона при жизни Иисуса, можно предположить, что Иисус проявил здесь свою ироничность.

Но вернемся к нашему вопросу: насколько хорошо мы знаем Петра из дошедших до нас источников? Очень жаль, что у нас нет ничего подобного его полной биографии, написанной кем-либо из его современников, хотя во множестве древних текстов рассказывается о том, что он предположительно говорил и делал, как при жизни Иисуса, так и позже. Одна из трудностей, с которой сталкиваются историки, заключается в выяснении того, какому из этих текстов (если таковые вообще существуют) можно верить как исторически достоверному, а какой был украшен легендами, распространенными среди христианских рассказчиков нескольких первых столетий. Проблема связана не только с легендами, встречающимися за пределами канона Нового Завета, но и с историями, которые в конечном счете стали рассматриваться христианами как Священное Писание.

Факты и вымыслы в историях о Петре

В одном из ранних текстов о миссионерских деяниях Петра после смерти Иисуса мы находим его на Форуме в Риме, где он пытается убедить толпы язычников (то есть последователей многобожия) оставить своих ложных богов и поверить в силу Иисуса, единственного Сына Божьего. На площади появилась женщина в состоянии полного отчаяния: только что умер ее единственный сын, ее любовь и радость. Она умоляет Петра воскресить ее сына из мертвых. Петр отвечает ей: «В присутствии сих свидетелей пойди и принеси своего сына, чтобы они могли увидеть и поверить в то, что он был воскрешен силой Божьей»{2}. Петр посылает группу людей, чтобы те осмотрели труп. Они проверили и убедились в том, что юноша мертв, затем принесли его к Петру и положили посреди Форума. Петр произнес над мертвым телом краткую молитву, а затем приказал: «Юноша, воскресни и иди со своей матерью, ты еще можешь быть полезен для нее». И далее говорится, что «мертвец немедленно воскрес, и толпа увидела и была поражена, и люди закричали: „Ты, Бог Спаситель, ты, Бог Петра, невидимый Бог и Спаситель"». Таким образом была доказана сила Петра, прославлен Бог, а народ уверовал в Христа и последовал за ним.

Но действительно ли случилось данное событие? Его изложение встречается не в Новом Завете, а в собрании писаний, известных как «Деяния Петра», которые были созданы спустя приблизительно 150 лет после того, как сам Петр уже сошел со сцены. Это фактическая история или благочестивая легенда? Сравните ее с рассказом, записанным несколько ранее. В городе Иоппия, расположенном на восточном побережье Средиземноморья, умерла благочестивая христианка по имени Тавифа. Другие христиане города были очень опечалены и послали за Петром, чтобы он пришел и что-нибудь сделал. Тот немедленно прибыл в город и поднялся в горницу, где было положено тело. Выслав всех из комнаты, Петр встал на колени перед мертвой Тавифой и помолился. Затем он сказал ей: «Тавифа, встань!» Она открыла глаза и встала, подав руку Петру, — к изумлению всех в Иоппии, многие из которых пришли убедиться в чуде и в результате поверили в силу Иисуса. Такая вот история, подобная многим другим, но данная встречается в самом Новом Завете (см.: Деян. 9:36–43). На каком основании историк может утверждать, что одна из историй является вымышленным рассказом, а другая — биографическим фактом? Допустимо ли сказать, что автор Деяний

записывал исторические события просто на том основании, что жившие много лет спустя Отцы Церкви решили включить его тексты в канон Священного Писания?[3]

Оживление мертвых тел не может не обращать на себя внимание читателей Нового Завета. Безусловно, мы не каждый день наблюдаем такого рода вещи, но, похоже, именно это и происходит в Библии. Другие удивительные события, тоже невозможные в буквальном смысле, не могут до такой степени поразить нас, оставаясь чем-то странным и сомнительным. Рассмотрим эпизод про Петра и вяленую рыбу. Петр вернулся в Рим, пытаясь убедить толпу в том, что его Бог всемогущ и заслуживает поклонения. Они просили его совершить чудо, чтобы доказать свою точку зрения, и он заметил вяленую рыбу, висящую в окне магазина торговца рыбой. Петр взял рыбу и спросил толпу: «Если увидите ее плавающей в воде подобно рыбе, сможете поверить в того, кого я проповедую?» Все ответили в один голос: «Поистине, мы поверим тебе». И тогда Петр произнес магические слова: «Во имя твое, о Иисус Христос, в которого они еще не верят, в присутствии всех говорю тебе, рыба, живи и плавай как рыба!» И рыба тут же оживает — не просто на час или около того, а окончательно, так как люди видели, что когда они остались и кормили рыбу, она ела крошки хлеба. Эта демонстрация божественной силы оказала тогда внушительное воздействие: «…Весьма многие, видевшие это, последовали за Петром и поверили в Бога».

Это довольно странный момент в жизни Петра; и опять же он встречается не в Священном Писании, а в относящихся ко II веку «Деяниях Петра». Но странные события описываются также и в Новом Завете. В одном месте Деяний апостолов рассказывается, что Петр стал настолько могущественным, что ему больше не требовалось даже прикасаться к больным или бесноватым, чтобы исцелить их. Если он проходил мимо в солнечный день, даже его тень исцеляла их (см.: Деян. 5:15–16).

Или рассмотрим еще пару историй. В Новом Завете Петр говорит от имени Бога с Ананием, человеком, который утаил часть денег, вырученных за проданное имение, то есть то, что было предназначено для апостольского доверительного фонда. В результате вмешательства Петра Ананий (а позже и его в равной мере виновная жена), к изумлению толпы, падает замертво. В тексте не из Нового Завета Петр говорит от имени Бога с Симоном Волхвом, магом, который пытался доказать, что он представляет истину Бога, летая, подобно птице, над холмами и храмами Рима. В результате вмешательства Петра Симон лишается своей способности летать, падает на землю, ломает ногу в трех местах и в конечном счете умирает. Это также заметно поражает толпу. На каком основании мы можем решать, что одна из этих историй — факт, а другая — вымысел?

Мы можем расширить проблему, включив сюда слова Иисуса, которые, как предполагалось, слышал его ближайший ученик Петр. В одном тексте говорится о том, что Иисус сидел на Елеонской горе, рассказывая своим ученикам о том, что произойдет в конце времен. Когда Петр попросил его рассказать поподробнее, Иисус пустился в длинное разъяснение того, что может ожидать неверующих в Судный день, и, вероятно, фактически обрисовывает Петру царство проклятых. Яркие и мрачные образы в тексте прямо указывали: тот, кто обычно ведет греховную жизнь, будет осужден на тяжкие страдания в загробной жизни, и до некоторой степени их наказания будут соответствовать их преступлениям. Так что женщины, которые завязывают лентой свои волосы, чтобы сделать себя привлекательнее для любовников, будут навечно повешены за волосы, а мужчины, у которых были с ними предосудительные сексуальные связи, будут подвешены за свои гениталии над огнем. Нет сомнения, эти мужчины возрыдают: «Мы не знали, что нас ожидает вечное наказание!» Те же, кто упивается своим богатством, будут одеты в тряпье и нечистую одежду и брошены на веки веков на острые раскаленные камни, которые «острее, чем мечи». Те, кто давал деньги под проценты (ростовщики), проведут вечность в большом озере, стоя по колено в скверне. И так далее.

Это повествование можно найти в книге, называемой «Апокалипсис Петра», которую считали священным писанием многие христианские священнослужители в течение многих столетий, пока не был окончательно согласован канон, но которая в конце концов так и не была включена в Новый Завет. Не менее поразителен, однако, текст, встречающийся в Новом Завете, где Иисус говорит Петру (а также Иакову и Иоанну), что «не прейдет род сей, как всё это будет» (Мк. 13:30), вся Вселенная распадется: «Солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою» (Мк. 13:24–26). Если люди смогут увидеть пришествие Сына Человеческого, которое станет величайшим чудом, то с тех пор не будет ни солнца, ни луны, ни звезд.

Можно было бы и больше рассказать об удивительных историях, связанных с Петром, как в каноне Священного Писания, так и вне его, но и приведенного достаточно, чтобы обрести отправную точку. Большинство читателей неканонических текстов, конечно же, понимают, что они полны легендарных рассказов о том, что Петр говорил, слышал, делал и пережил. Эти тексты часто основываются на благочестивых легендах, поскольку христианские рассказчики хотели прославить жизнь главного ученика Иисуса. Но сочинительство подобных легенд практиковалось не после того, как был окончательно утвержден канон Нового Завета. Совсем наоборот, легендарные материалы содержатся именно в тех книгах, которые христиане в конечном счете стали называть Священным Писанием. Дело обстоит не так, будто Новый Завет знакомит нас только с фактами, а книги не из Нового Завета содержат только благочестивый вымысел. Факты и вымысел есть во всех наших книгах, как в Библии, так и вне ее. И во многих случаях трудно — можно сказать, почти невозможно — отделить одно от другого.

Возможно, конечно, это не самая важная задача. Оба вида повествований — исторически достоверные и весьма легендарные — рассказывались и пересказывались христианскими верующими и авторами по определенным *причинам,* часто по одним и тем же причинам. Мы должны понять, что люди, рассказывавшие истории о Петре (а также о Павле, Марии и даже Иисусе), были заинтересованы не просто в том, чтобы преподать уроки истории, поведать объективно проверяемые сюжеты ученикам, которым нужно было знать происходившее, «каким оно действительно было». У христианских рассказчиков был совершенно другой диапазон целей. Они стремились объяснить, проиллюстрировать, исследовать и воплотить важные христианские верования, взгляды, идеи, убеждения, цели, методы и т. д.

Таким образом, если учитывать природу данного материала, возможно, самая важная задача заключается не в сухой академической работе по отделению истории от легенд, а, скорее, в обретении понимания того, чего эти повествования стремились достичь со своей собственной перспективы, то есть какой цели рассказчики хотели достичь, передавая истории так, как считали нужным.

Первоисточники по Петру: необычный эпизод в Евангелии от Марка

Прежде чем дальше исследовать данный вопрос, я должен сказать, что некоторые ученые утверждали, что, несмотря на все вышеизложенное, есть по крайней мере один древний источник, который дает исторически достоверное описание того, что происходило в жизни Петра в период служения Иисуса. Предположительно этот источник основывается на рассказе очевидца (самого Петра) и является не чем иным, как Евангелием от Марка.

Евангелие от Марка — самое раннее из дошедших до нас Евангелий. В настоящее время большинство ученых полагает, что оно было написано примерно в 65 или 70 году, то есть приблизительно через 35–40 лет после смерти Иисуса[4]. Но как Марк получил сведения об Иисусе? Традиция ранней Церкви говорит о том, сам Марк не был учеником Иисуса (и, следовательно, не был свидетелем тех событий, о которых он пишет), но был своего рода личным секретарем его главного ученика — Симона Петра. Эта традиция восходит к

сочинениям в иных отношениях малоизвестного Отца Церкви начала II века по имени Папий, епископа города Иераполя в Малой Азии (на территории современной Турции).

Свидетельство Папия

Папий был автором произведения в пяти книгах, называемого «Изъяснение Господних изречений». Согласно нашим сведениям, это была первая попытка в письменной форме интерпретировать высказывания Иисуса. Трудно разобраться в характере содержащихся там пространных толкований. Мы не знаем, например, интересовался ли Папий только учением Иисуса или обсуждал также различные деяния и страсти Иисуса. Причина нашего незнания состоит в том, что данное произведение почти полностью утрачено. Ранних христиан, читавших «Изъяснение» Папия, оно совершенно не заинтересовало, и они либо запретили его, либо не потрудились переписать для потомков. Ни одного экземпляра не сохранилось. Если мы вообще хоть что-то знаем об этом произведении, то единственно потому, что иногда его цитировали некоторые более поздние церковные авторы. Причем их больше занимал сам факт, что упомянутую книгу написал Папий, чем то, что он говорит в ней; это становится очевидно из нескольких сделанных ими замечаний. Весьма значительный автор начала IV века, Евсевий — иногда называемый «отцом истории церкви», потому что он написал первую историческую летопись ранних веков христианства, — читал «Изъяснение» (или, возможно, только его части) и сделал вывод, что «Папий был человеком весьма невысокого ума» («Церковная история», 3, 39, 13).

Однако достойно великого сожаления, что упомянутое произведение Папия не сохранилось полностью, ибо те его части, которые все же дошли до наших дней, представляют огромный исторический интерес. Оно важно также потому, что Папий указывает, каким образом он собирал сведения об Иисусе и его учении. В одной из цитат, которые Евсевий приводит из «Изъяснения», Папий заявляет, что предпочитаемый им метод исследования состоит не в том, чтобы читать написанное другими об Иисусе (например, Евангелия), а в том, чтобы беседовать с главами христианских общин, которые были знакомы с одним или несколькими апостолами Иисуса:

«Но всякий раз, когда приходил кто-то, кто был спутником одного из пастырей, я подробно расспрашивал его о том, что говорили Андрей или Петр, или что говорили Филипп или Фома, или Иаков, Иоанн, Матфей или любой другой ученик Господа»[5].

И поэтому, хотя сам Папий не был ни свидетелем служения Иисуса, ни спутником кого-либо из учеников Иисуса, он был знаком с людьми, знавшими этих учеников, и получал от них ценные сведения. Эти сведения и послужили основой для его изложения учения Иисуса.

Все сказанное имеет значение для наших целей по той причине, что в одной из немногих сохранившихся цитат из работы Папия приводится ссылка на авторство и авторитетность Евангелия от Марка. Здесь Папий пишет:

«И вот, что пресвитер говорил: „Марк поистине был переводчиком Петра: то, что запомнил из Господом сказанного и содеянного, он точно записал, но не по порядку, ибо он и не слышал Господа, и не сопровождал Его. Позднее, как сказано, он слышал и сопровождал Петра, который проповедовал, применяясь к обстоятельствам, но не собирался располагать в порядке Господни изречения. Потому и не погрешил Марк, записывая так, как запомнил. Ибо он заботился только о том, чтобы ничего не пропустить и не передать неверно"» (Фрагмент 3, 15).

На основе данной цитаты некоторые ученые утверждали, что в Евангелии от Марка мы фактически имеем весьма достоверное описание того, как Петр понимал Иисуса — и, конечно, всего, что сам Петр говорил и делал. Утверждается, что Евангелие от Марка основывается на свидетельском рассказе Петра, как отмечает сам Папий[6].

Некоторые проблемы, связанные со свидетельством Папия

Жизнь историков была бы гораздо легче, если бы всё было таким элементарным делом. Но, к сожалению, проблематично принять утверждение Папия за чистую монету и предположить, что в Евангелии от Марка мы имеем исторически достоверное описание деяний Петра. Во-первых, некоторые элементы утверждения Папия просто невероятны. Когда он говорит, что Марк записывал «всё», что Петр помнил о словах и делах Иисуса, мог ли он действительно подразумевать такое? Наше Евангелие от Марка — это небольшая книга, составляющая немногим более двадцать страниц в лежащей на моем столе Библии. Вероятно, потребуется лишь несколько часов, чтобы прочитать его от начала до конца. Можем ли мы представить себе, что апостол Петр, который был с Иисусом с самого начала его служения и до его ареста, хорошо помнил, что Иисус сказал и пережил, написал после этого такой крохотный сюжет? Несомненно, если он провел с Иисусом месяцы, не говоря уже о годах, он мог бы рассказывать о нем в течение многих дней. Евангелие от Марка не может быть собранием всего того, что помнил Петр.

Однако на то ли Евангелие от Марка ссылается Папий, которое теперь содержится в нашем Новом Завете? Может быть, что естественно было бы предположить, ссылается на него, но важно обратить внимание на несколько любопытных фактов. Во-первых, наше Евангелие от Марка первоначально так не называлось. Как и в случае с другими Евангелиями Нового Завета, оно было написано неизвестным автором. Его автор не говорит, кто он такой. Название книги было добавлено позже (и мы не знаем, насколько позже) писцами, которые переписывали книгу и хотели, чтобы их читатели знали, на чей авторитет опирается повествование{7}. По этой причине нет никакой гарантии того, что книга, упоминаемая Папием, является той книгой, которую мы называем Евангелием от Марка.

Во-вторых, рассмотрим еще одно Евангелие, о котором упоминает Папий, — Евангелие от Матфея (он не обсуждает Евангелие от Луки и Евангелие от Иоанна). Вот что он говорит о нем: «Матфей на еврейском языке изречения (Господни) записал, переводил же их кто как мог». Опять же можно было бы некритически предположить, что Папий ссылается на Евангелие, которое мы называем Евангелием от Матфея. Но разве это так? Вот что он говорит об этой книге: во-первых, в ней содержатся (только) изречения Иисуса, и она была написана на еврейском языке. Но наше Евангелие от Матфея содержит намного больше, чем только изречения, в нем приводится также описание деяний, чудес, смерти и воскресения Иисуса. И оно было написано не на еврейском, а на греческом языке{8}. По-видимому, Папий имеет в виду какую-то другую книгу, а не наше Евангелие от Матфея. Точно так же, когда он упоминает Евангелие от Марка, имеет ли он в виду наше Евангелие от Марка? Трудно сказать, так как он никогда не цитирует ни одного отрывка из Евангелия.

Таким образом, существует большая проблема с буквальным пониманием слов Папия, когда он указывает на то, что Евангелие от Марка основано на свидетельстве Петра: все остальное, что говорит Папий, подробно и правильно обесценено учеными как благочестивый вымысел, а не исторические сведения. Это один из тех интересных случаев, когда ученые, стремящиеся к достоверным комментариям, фактически принимают нечто за факт, даже если есть другие комментарии, которые они предпочитают признать вымышленными. Другими словами, перед нами случай селективного предпочтения, предпочтения расценивать как факт то, что желают принимать за факт, и игнорировать все остальное.

Рассмотрим несколько других хорошо засвидетельствованных комментариев Папия, которые никто не считает фактически достоверными. В одном месте своего «Изъяснения» он упоминает о предании, предположительно полученном от ученика Иисуса Иоанна, о том, что Иисус проповедовал о будущем тысячелетии на земле:

«Грядут дни, когда взрастут такие виноградные лозы, у которых будет по десять тысяч ветвей; и на каждой ветви еще по десять тысяч ветвей. И поистине, на одной ветви будет десять тысяч побегов, а на каждом побеге по десять тысяч гроздей; и в каждой грозди по десять тысяч виноградин, и каждая виноградина при отжатии принесет двадцать пять мер вина. И когда какой-либо из святых схватит одну гроздь, другая возопит к нему: „Я лучше, возьми меня, воздай хвалу Господу через меня". Так же и пшеничное зерно породит десять тысяч колосков, и в каждом колоске будет по десять тысяч зерен, и каждое зерно принесет десять фунтов чистой муки тончайшего помола. Так же и остальные плоды и семена и растительность дадут урожай в подобных количествах» (Фрагмент 1, 3).

Никто не считает, что данное учение Иоанн в самом деле передает от Иисуса; выраженное здесь фантастическое (и потрясающее) ожидание утопического царства на земле интригующе и привлекательно, но в историческом отношении — как описание слов Иисуса — недостоверно.

Или рассмотрим довольно мрачное описание смерти Иуды, который, согласно Папию, не «повесился», как сказано в Евангелии от Матфея (27:5), а испытывал мучительное раздувание, пока его буквально не разорвало (больше согласно с Деян. 1:18):

«Но [после предательства] Иуда явил в этом мире великий пример нечестия, тело его распухло до такой степени, что он не мог проходить там, где могла проезжать повозка, и не только сам не мог проходить, но даже и одна голова его. Веки глаз его настолько, говорят, вспухли, что он вовсе не мог видеть света; а самих глаз его невозможно было видеть даже посредством медицинской диоптры: так глубоко находились они от внешней поверхности… После больших мучений и терзаний он умер, говорят, в своем селе; и село это остается пустым и необитаемым даже доныне; даже доныне невозможно никому пройти по этому месту, не зажав руками ноздри. Таково зловоние, которое сообщилось от его тела и земле» (Фрагмент 4).

Очевидно, Папий был склонен к полетам фантазии. Почему ученые верят ему, когда он говорит, что Петр был источником Евангелия от Марка? Только потому, что они *хотят* верить ему в данном эпизоде, достаточно хорошо осознавая, что, если рассмотреть другие фрагменты его «исторической» информации, то он передает благочестивые фантазии{9}.

Характер сохранившихся источников

Как я уже мельком отмечал, важно осознавать характер сохранившихся христианских текстов, Евангелия от Марка и всех остальных, стараясь исследовать их как источники для выяснения того, что же произошло в действительности. Тексты, которые мы имеем, например Евангелия и Деяния апостолов, вероятно, содержат некоторые исторические установленные воспоминания о реальных событиях в жизни Петра (а также Марии, Иисуса и т. д.). Но они содержат также исторически недостоверные утверждения, многие из которых выдвинуты по тем же самым причинам, по которым сделаны и более достоверные: не для того, чтобы дать нам уроки относительно жизни в римской Палестине I века, а для того, чтобы развить важные христианские взгляды. Это ни хорошо, ни плохо. Невозможно дать «полностью объективное» описание всего происходившего, даже если бы кто-то захотел это сделать. Прежде чем что-либо случившееся могло быть описано, его должны наблюдать. А у человека, наблюдающего и описывающего, всегда есть свои верования, взгляды, мировоззрение, предпочтения, объекты ненависти, симпатии, антипатии, предубеждения,

склонности и масса других черт, которые делают человека человеком. Все эти человеческие черты обязательно влияют на то, как мы наблюдаем все происходящее в нашем мире, что хотим описать и как мы это делаем. Это верно не только для авторов раннехристианской литературы, но и для всех нас, во все времена. В результате историки, которые хотят знать, что же в действительности происходило в прошлом, всегда должны принимать во внимание данный фактор субъективности.

Это особенно верно в отношении ранних христианских Евангелий, которые *никогда не предназначались* для того, чтобы быть объективными описаниями исторических фактов. В конце концов, они называются Евангелиями, что означает «благая весть». Все, кто писал эти книги, намеревались показать, что жизнь, смерть и воскресение Иисуса принесли спасение, то есть у них был теологический замысел. Эти книги — не «объективные» описания того, что говорил и делал Иисус.

Это хорошо видно благодаря особому подходу к чтению Евангелий. Большинство людей, которые серьезно относятся к чтению Евангелий (по-видимому, таких людей все меньше и меньше), читают их таким способом, который я назвал бы «вертикальным». То есть они начинают с Евангелия от Матфея и читают его от начала до конца, каждую страницу, — сверху донизу. Затем они читают от начала до конца Евангелие от Марка. Евангелие от Марка весьма похоже на Евангелие от Матфея: множество одинаковых историй, многие из них стоят в той же последовательности, часто описываются в точности теми же словами. Затем они читают Евангелие от Луки, от начала до конца, и у них возникает то же самое впечатление. В основном это одна и та же история, с добавлением некоторого нового материала. Что и говорить, Евангелие от Иоанна отличается от первых трех, но когда оно читается «вертикально» (сверху донизу), оно вовсе не кажется совсем другим.

Так мы обычно читаем книги. Но есть и другой способ чтения Евангелий — «горизонтальный». Горизонтальное чтение сосредоточено не на сходстве между текстами, оно выдвигает на первый план их различие. Оно предполагает чтение какой-либо истории в одном из Евангелий, затем — чтение той же истории в другом Евангелии, а после этого — чтение той же истории в третьем. Евангелия как бы располагаются на странице в три (или четыре, если считать Евангелие от Иоанна) столбца, и вы читаете поперек столбцов, а не сверху вниз. При этом вы начинаете замечать различия между Евангелиями. Иногда видны маленькие различия, которые невозможно согласовать между собой (даже если описываемые события в главном те же самые). Иногда выявляются большие различия, которые могут иметь значение для понимания смысла события. А иногда это огромные различия с серьезными последствиями для их толкования.

Позвольте мне, просто для иллюстрации, привести несколько примеров, связанных с нашим пониманием жизни Петра.

1. В Евангелии от Марка одно из ранних чудес Иисуса состояло в исцелении тещи Петра от лихорадки (что позволило ей встать и приготовить обед для Иисуса и его голодных учеников) (см.: Мк. 1:30–31). Это происходит задолго до того, как Иисус встречает холодный прием в своем родном городе Назарете после проповеди, которую он произносит там, — через несколько недель или месяцев (см.: Мк. 6:1–6). В Евангелии от Луки Иисус совершает то же чудо исцеления тещи Петра (см.: Лк. 4:38–39), но теперь это происходит почти сразу после его проповеди в Назарете (см.: Лк. 4:16–30) — до деяний Иисуса, описанных в главах 2–5 Евангелия от Марка, а не после них. Возможно, различие не столь уж важное. Но если вы хотите написать биографию Петра, разве не важно знать, что и когда происходило?

2. Другая хронологическая неувязка выявляется в описании конца служения Иисуса. В Евангелии от Марка Иисус проводит Тайную вечерю с Петром и другими учениками во время иудейского праздника Пасхи (см.: 14:12). Однако в Евангелии от Иоанна вечеря происходит за день до Пасхи (см.: Ин. 19:14). Так что когда было? Какова здесь хронологическая последовательность: предполагается ли в христианской традиции, что Тайная вечеря связана

с иудейской Пасхой (возможно, в качестве некой «замены»), или на самом деле она не связана с ней?

3. Как (и когда) Петра призывают стать учеником? Призвал ли его Иисус в самом начале своего служения, когда Петр ловил рыбу (Иисус предложил ему выбрать сеть и следовать за ним), как в Евангелии от Марка (см.: 1:16–17)? Или этот призыв произошел после того, как Иисус сотворил несколько чудес (в том числе исцелив тещу Симона), после того, как Симон и его товарищи получили чудесный улов рыбы, согласно Евангелию от Луки (см.: 5:1–11)? Или сам Петр, побуждаемый его братом Андреем, находит Иисуса (а не наоборот), когда еще не было речи о чудесном улове, как в Евангелии от Иоанна (см.: 1:38–41)?

4. Когда Петр признает, что Иисус — мессия? В середине служения Иисуса, как в Евангелии от Марка (см.: 8:29)? Или в самом начале, как в Евангелии от Иоанна (см.: 1:41–42)?

Примеры такого рода можно умножать целый день. Достаточно читать Евангелие горизонтально, и найдется множество таких примеров. Поэтому я давал своим студентам такое упражнение: назначал ключевое повествование — например, описание воскресения Иисуса — и просил их тщательно сравнить все соответствующие описания в Евангелиях. Кто идет к могиле Иисуса через день после Субботы? Сколько женщин было там? Что они увидели? Кто их там встречает — ангел, человек или двое мужчин? Что им там сказали? Что они сделали сразу после этого? И так далее. Такое же задание можно проделать с вопросами о роли Петра в день воскресения Иисуса. Действительно ли он первый увидел Иисуса или Мария Магдалина? Что он делал у могилы? Кому он поверил? Кому он не поверил? Прочитайте эпизоды самостоятельно, и вы увидите все проблемы. Евангелия — это не исторические рассказы о том, что происходило в действительности. Они *не могут* быть таковыми — слишком часто они не соответствуют реальности.

То же самое упражнение работает и применительно к Деяниям апостолов, где Петр также представлен в заметной степени (по крайней мере в главах 1–12). В данном случае мы не располагаем *вторым* описанием раннего периода существования Церкви, которое можно было бы сравнить с Деяниями апостолов (то есть прочитать их горизонтально): Деяния апостолов — единственная в своем роде книга Нового Завета. Другой ключевой фигурой в Деяниях апостолов является апостол Павел, и можно сравнить то, что Павел пишет о своих отношениях с Петром в своих посланиях, с тем, что говорится об отношениях Павла с Петром в Деяниях апостолов. Тщательно рассмотрите разные описания, и вы найдете важные различия. Когда Петр и другие апостолы встретились с Павлом — сразу после обращения Павла в Дамаске, как в Деяниях, или годы спустя, как на этом настаивает Павел (см.: Деян. 9:26–29; Гал. 1:16–18)? Начал ли Петр служение для язычников, как в Деяниях апостолов, или он ограничился служением для иудеев, в то время как Павел был миссионером для язычников, как об этом пишет в своих посланиях Павел (см.: Деян. 10–11; Гал. 1–2)? Соглашается ли Петр с мнением Павла, что язычники не должны соблюдать иудейский Закон, как в Деяниях апостолов, или он не согласен с этим, как у Павла (см.: Деян. 15:6–11; Гал. 2:11–15)?

Наверное, многие поколения читателей пытались примирить все эти расхождения. И если вы хотите проделать достаточно причудливую интерпретаторскую работу, попробуйте истолковать *что-нибудь* так, чтобы сгладить все острые углы. Когда я учился в колледже, мне в руки попала книга под название «The Life of Christ in Stereo» [«Жизнь Христа в объемном изложении»], в которой из всех четырех Евангелий скомпоновано одно большое Евангелие, где сглаживались все несоответствия. И что же автор решил, например, в том случае, если в Евангелии от Матфея сообщается, что Петр трижды отрекся от Иисуса, прежде чем прокукарекал петух, а в Евангелии от Марка указывается, что Петр трижды отрекся от Иисуса, прежде чем петух прокукарекал дважды? Очень просто: Петр, должно быть, отрекся

от Иисуса *шесть* раз — три раза до того, как петух впервые прокукарекал, и три раза до того, как он прокукарекал снова[10].

Проблема с такого рода толкованиями состоит в том, что в конечном счете это не что иное, как попытка написать совершенно новое Евангелие, которое оказывается полностью отличным от любого из четырех Евангелий Нового Завета. В этом есть свои преимущества — любой может получить то Евангелие, которое он хочет, создав его собственными руками. Но это не лучший путь, если мы хотим понять Евангелия и Деяния апостолов в свете их собственного (в отличие от нашего) учения.

Заключение: факты и вымыслы в историях о Петре

Как я уже говорил во Введении, важно понять, что действительно происходило в прошлом. Но иногда бывает так, что мы просто не в состоянии этого узнать. Как мы увидим в более поздних главах, кое-что относительно Петра мы можем сказать с определенной уверенностью. Например, вероятно, он был говорящим на арамейском языке рыбаком из Галилеи. Есть вещи, которые почти наверняка являются легендарными преувеличениями, сочиненными христианскими рассказчиками о его жизни и поступках: например, он, наверное, не оживлял вяленую рыбу, чтобы обратить в веру римскую толпу. И есть события, которые, возможно, являются историческими, но их трудно установить: проповедовал ли он толпе иудеев в Иерусалиме через два месяца после смерти Иисуса, что привело к массовым обращениям? Действительно ли он был первым епископом в Антиохии Сирийской? Или в Риме? Умер ли он распятым на кресте во время царствования императора Нерона?

Кроме того, существует большое количество историй, рассказанных о Петре, значение которых не зависит от того, исторически достоверные они или нет. Эти истории заслуживают нашего внимания не столько в силу того, что объясняют нам нечто действительно случившееся в его жизни, сколько помогая понять, что происходило в жизни людей, которые рассказывали эти истории. Эти истории имели важное значение для христианских рассказчиков, ибо они помогали им выражать их собственные верования, предпочтения, антипатии, страхи и представления — не только о Петре, но и о себе, о своем отношении к Богу и миру, в котором они жили.

Глава вторая

Петр: твердый камень или зыбкий песок?

Мы можем начать наше исследование с рассмотрения характера Симона Петра. В историях Нового Завета он постоянно описывается как переменчивый и порывистый человек, которого едва ли можно было назвать Камнем. Однако все Евангелия свидетельствуют, что сам Иисус дал ему такое прозвище. Когда это произошло и насколько в действительности оно подходит?

Прозвище Петра

Как очень часто бывает, Евангелия не согласуются в том, когда Иисус даровал Симону имя Петр (Камень). Первое Евангелие, которое, вероятно, было написано Марком, датировано большинством ученых примерно 65–70 годами, то есть возникло через 35–40 лет после событий, о которых в нем рассказывается. Здесь в своем фактически первом публичном деянии Иисус призывает Андрея и его брата Симона оставить рыбацкое дело и стать его последователями. Братья жили в Капернауме, маленькой рыбацкой деревне на берегу Галилейского моря. Вскоре после того, как они встретили Иисуса, одно из его первых чудес состояло в исцелении тещи Симона, лежавшей в лихорадке, которая не позволяла ей приготовить ужин (см.: Мк. 1:29–31). На протяжении нескольких глав описывается, как Иисус продолжал заниматься целительством и изгонял бесов, приобретая последователей, а также обсуждал аспекты иудейского Закона со своими противниками — фарисеями. Лишь в главе 3

рассказывается, что он выбрал двенадцать последователей, чтобы они стали его самыми близкими учениками, составив, так сказать, его внутренний круг. Здесь говорится о том, что сначала он выбрал Симона и дал ему прозвище Петр (см.: Мк. 3:16; это согласуется с версией данной истории у Луки — см.: Лк. 6:14). Можно было бы предположить, что дарование нового имени произошло именно в этот момент, после того как Иисус начал немного узнавать Симона.

Евангелие от Матфея было написано примерно через 10–15 лет после Евангелия от Марка, в 80–85 годы. Многие из историй, описанных в Евангелии от Марка, копируются в Евангелии от Матфея, вероятно, потому, что Матфей просто переписал их, изменив в той мере, в какой считал это целесообразным (добавив множество историй, не встречающихся у Марка). Можно видеть, что Матфей не упоминает о перечислении Иисусом двенадцати учеников вплоть до гораздо более позднего периода его служения. Фактически этого не происходит до тех пор, пока Иисус не произнес своей знаменитой Нагорной проповеди (которая встречается у Матфея, но не у Марка) и совершил множество чудес (см.: Мф. 8–9). Кроме того, при перечислении апостолов Матфей немного изменил формулировку из Евангелия от Марка. Вместо слов «нарекши ему имя Петр» Матфей просто говорит, что первым из учеников был «Симон, называемый Петром» (Мф. 10:2). Другими словами, в этом более позднем тексте «Петр», по-видимому, является просто известным прозвищем Симона, а не эпитетом, который дал ему сам Иисус.

Еще более интересно то, что Иисус дает Петру этот эпитет в более позднем месте Евангелия от Матфея. Примерно в середине повествования описывается, как Петр делает важное признание относительно истинной сущности Иисуса. Когда Иисус спрашивает учеников, кем он является по их мнению, Петр отвечает: «Ты — Христос, Сын Бога Живаго» (Мф. 16:16). Именно в этот момент Иисус отвечает ему (это есть только в Евангелии от Матфея), даровав ему прозвище: «блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:17–18). В течение многих столетий толкователи спорили по поводу значения этих слов: действительно ли Петр является основанием (камнем) Церкви, как обычно утверждают католические теологи? Или же сам Иисус Христос является ее основанием, как это утверждают многие протестанты? А может быть, эти слова означают что-то другое?{11} В любом случае ясно, что, согласно Матфею, Симона назвали «камнем» за его правильное восприятие сущности Иисуса.

Когда мы приходим к последнему Евангелию Нового Завета, Евангелию от Иоанна, написанному, вероятно, примерно в 90–95 годах, мы имеем совершенно другой сценарий. Здесь Иисус не застает Симона за рыбной ловлей и не призывает его стать своим последователем; наоборот — Симон находит *его.* Первым встречает Иисуса Андрей, брат Петра. Будучи учеником Иоанна Крестителя, Андрей однажды услышал, как тот называет Иисуса «Агнцем Божим» (Ин. 1:36), взявшим на себя грехи мира, и естественно, это заинтересовало Андрея. Он решает последовать за Иисусом и поговорить с ним. То, что он узнает, очевидно, произвело на него впечатление, поскольку он немедленно идет искать своего брата Симона и говорит ему: «Мы нашли Мессию» (Ин. 1:41). Симон приходит, чтобы лично убедиться в этом, и первое, что произносит Иисус, взглянув на него, — его новое имя: «ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр)». Трудно понять, что следует из такого заявления, поскольку это произошло сразу же, как только Иисус впервые взглянул на Симона. Может быть, Иоанн хочет показать, что у Иисуса было сверхъестественное в***и***дение его характера, как и в случае с Нафанаилом, которого он позже в той же главе узнает, никогда не видев до того?

Таким образом, если рассматривать только Евангелия, остается неясным, когда или при каких обстоятельствах Симон получил прозвище Камень. Но все Евангелия согласны в том, что Иисус сам дал ему такое имя. Это оказалось знаменательным моментом в истории имен.

Несмотря на то что до этого слово *«камень»* (Петр) было просто существительным, уже в раннехристианский период оно стало популярным именем и остается таковым вплоть до нашего времени.

Твердокаменное начало: Петр в период служения Иисуса

Трудно сказать, сколько людей, которых зовут Петр, действительно проявляют твердокаменный характер. Однако ясно, что настоящий Петр таковым не был. Вовсе не камень, Петр гораздо больше был похож на зыбкий песок, по крайней мере в течение того времени, которое он провел с Иисусом.

Нерешительность Петра проходит постоянным рефреном во всех историях Евангелий Нового Завета. В них показано, что Петр был порывистым, ненадежным, склонным к упрекам и в конечном счете вероломным. Независимо от того, являются ли все эти рассказы исторически точными описаниями того, что происходило, они повторяются достаточно часто, чтобы допустить, что Симон был широко известен своим вспыльчивым и колеблющимся характером.

Однажды где-то на полпути своего публичного служения Иисус, согласно ранним Евангелиям, берет с собой Петра, вместе с Иаковом и Иоанном, на вершину горы, где перед их глазами преображается в сияющее существо. Затем явились еще двое — не кто иные, как Моисей и Илия, — которые стали беседовать с ним. Петр, сбитый всем этим с толку, вымолвил, что они должны сделать для них три шатра, очевидно желая остаться на горе и продолжать испытывать необычные переживания. Рассказчик самого раннего Евангелия, Марк, метко замечает, что Петр высказал предложение, «ибо не знал, что сказать» (Мк. 9:6). Другим ученикам хватило здравого смысла, чтобы промолчать.

В другом эпизоде, в Евангелии от Матфея, тоже показано, как Петр говорит в напряженный момент. Иисус послал учеников в лодке на другую сторону Галилейского моря, в то время как сам остался на берегу помолиться. Когда он закончил молиться, было уже темно и поднялся шторм, мешавший ученикам плыть вперед. Тогда Иисус пошел к ним по воде. Когда ученики увидели его посреди озера, они испугались, думая, что это призрак. Иисус уверял их, что это он, а Петр характерно несдержанно выкрикнул: «Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде» (Мф. 14:28). Иисус исполнил его желание, и Петр, выпрыгнув из лодки, начал идти по воде. Но когда он понял, что идет («видя сильный ветер»), он заколебался и стал тонуть. Только помощь Иисуса спасает его от настоящей беды. И таков Петр всегда: порывистый и колеблющийся. Отсюда и упрек Иисуса к нему: «Маловерный! зачем ты усомнился?»

Непостоянство Петра проявилось в его известном признании Иисуса, описанном в ранних Евангелиях, особенно в Евангелии от Марка. В первой половине этого Евангелия Петр и другие ученики, к большому огорчению Иисуса, по-видимому, не имеют никакого понятия о том, кто же он в действительности. Так что однажды Иисус говорит в отчаянии (после сотворения чудес, описываемых на протяжении восьми глав, и сталкиваясь с их постоянной неспособностью чувствовать его истинную сущность): «как же не разумеете?» (Мк. 8:21). Вскоре он спрашивает их, кем считают его люди, и они говорят ему: одни думают, что он — Иоанн Креститель или пророк Илия, или один из пророков, воскресший из мертвых. Затем он адресует этот вопрос им самим: «А вы за кого почитаете Меня?» (8:29). Петр от лица учеников показывает, что он кое-что понял: «Ты Христос». Но это понимание в лучшем случае оказалось частичным. Как мы увидим в более поздней главе, большинство иудеев I века — включая, очевидно, и Петра, — представляли себе будущего мессию как великую, могущественную личность, которая свергнет врагов Бога и установит новое царство для Израиля[12]. Однако Иисус не был таким, особенно согласно Евангелию от Марка, в котором подчеркивается, что он мессия, который должен умереть за грехи других людей, чтобы дать им возможность расположиться по правую руку от Бога (см.: Мк. 10:45). Согласно Марку, Иисус был страдающим мессией, а не величественным и могущественным.

Но у Петра другое мнение. Сразу после его признания Иисус продолжает учить Петра и его товарищей тому, что «Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» (Мк. 8:31). И именно Петр, который только что сказал, что Иисус — мессия, отводит его в сторону, чтобы прекословить ему. Откуда это прекословие? Ему казалось, что Иисус не понимает, что говорит. Если Иисус — мессия, то он, конечно, не должен пострадать и умереть. Но Иисус точно знает, о чем говорит, и понимает, что Петр воспринимает все неверно. Более того, Петр ошибается настолько, что занимает позицию, диаметрально противоположную Богу. Так возникает известный ответный упрек, когда Иисус говорит своему главному ученику: «Отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мк. 8:33). Петр, по-видимому, всегда готов сказать то, что думает, и часто его строго отчитывают за ошибочное мнение.

Или рассмотрим Евангелие от Иоанна, где Иисус во время Тайной вечери со своими учениками перед арестом взял умывальницу с водой, препоясался полотенцем и стал умывать ноги ученикам, подобно слуге, показывая им, как они должны действовать по отношению друг к другу (см.: Ин. 13:1–11). Однако когда наступила очередь Петра, тот сказал: «Не умоешь ног моих вовек». Его позиция кажется правильной, но она опрометчива. Если Иисус учитель, он может поступать так, как хочет, а то, что он хочет, — это принять на себя роль слуги. Иисус тут же поставил Петра на место: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною». Тогда Петр делает резкий поворот на 180 градусов: «Господи! не только ноги мои, но и руки и голову». У Петра всегда так: или всё, или ничего.

Во всех Евангелиях безрассудное непостоянство Петра ярче всего проявилось в его постыдном отречении от Иисуса. Поразительно, что перед этим событием он громко хвастает, утверждая, что даже если в роковую ночь все остальные покинут Иисуса, то он останется верным до конца (см.: Мк. 14:29), и что он хочет, чтобы его посадили в тюрьму и убили ради Иисуса (см.: Лк. 22:33). Иисус отвечает, что Петр трижды отречется от него. Петр торжественно отрицает: «Хотя бы мне надлежало и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя» (Мк. 14:31). Никогда не произносились более лживые слова. Когда наступил момент истины, доблесть Петра исчезает. После ареста Иисуса Петр бесстыдно объявляет — в трех случаях, — что он не знает его, боясь своей причастности к обществу последователей Иисуса. Хотя Иисус предсказал это, Петр несет ответственность за свои поступки и, понятно, покидает место действий с горькими слезами, оплакивая свою неспособность стоять твердо, подобно камню.

Твердокаменные последствия: Петр и ранняя Церковь

Как мы увидим позже, есть основания полагать, что характер Петра с возрастом улучшился. Однако даже после смерти Иисуса и основания христианской Церкви к Петру иногда возвращались его непостоянство и ненадежность.

Если рассмотреть, что произошло примерно через двадцать лет, мы обнаружим, что последователи Иисуса столкнулись с совершенно другой ситуацией. Первоначально двенадцать учеников (и, вероятно, все остальные, кто следовал за Иисусом во время его служения) были иудеями, которые соблюдали иудейские обычаи, поклоняясь иудейскому Богу, и считали Иисуса иудейским раввином, который дал надлежащее толкование иудейского Закона, данного Моисеем. После смерти Иисуса те, кто обратился в христианскую веру и поверил, что он Сын Божий, умерший за грехи мира, тоже были иудеями, которые видели в жизни и смерти Иисуса исполнение обещаний, данных иудейским Богом в иудейском Священном Писании.

Иисуса казнили в Иерусалиме, и именно там самые первые христиане (то есть те, кто признавал его Христом, смерть которого принесла Спасение) начали свою миссию обращения других в веру в него. Сообщество последователей увеличивалось, и с ее ростом возникла необходимость в руководстве. Естественными руководителями стали те, кто знал Иисуса в

течение его жизни и кто мог засвидетельствовать его воскресение. Через какое-то время в христианской церкви Иерусалима появились три главных руководителя: его главный ученик Петр; Иоанн, еще один из внутреннего круга двенадцати; и земной брат Иисуса — Иаков.

Это произошло незадолго до того, как данное движение начало привлекать в свои ряды неиудеев. В конечном счете миссия последователей Иисуса заключалось в разъяснении того, что его смерть принесла спасение *всем,* кто был отчужден от единственного истинного Бога. Это касалось всех людей на земле, поскольку все шли против воли Божьей — и иудеи, и язычники (то есть неиудеи). Христианские миссионеры начали провозглашать спасение, принесенное Христом неиудеям, пытаясь обратить их из их политеистических религий в веру, что только Богу Израиля следует поклоняться как Богу и что его сын, Иисус, умер за то, чтобы осуществить примирение людей с Богом.

Самым известным миссионером у язычников был, конечно, не Петр, а апостол Павел, о котором мы будем говорить подробнее в последующих главах. Павел и другие иудейские миссионеры столкнулись с множеством настоятельных вопросов, неся весть о Христе язычникам (то есть тем, кто исповедовал многобожие). Если Иисус был сыном иудейского Бога и учил правильному взгляду на иудейский Закон своих иудейских последователей, то разве все, кто поверил в Иисуса, должны были стать иудеями? Некоторые миссионеры и главы христианских общин настаивали на том, что ответом является громкое и очевидное «да». Бог дал свои обещания Израилю, и теперь весь мир мог наслаждаться благами тех обещаний, которые были исполнены в лице иудейского мессии, Иисуса. Но чтобы следовать за иудейским мессией, очевидно, нужно быть иудеем. И это предполагало соблюдение иудейского Закона, записанного в Торе, Еврейской Библии, данной Моисеем. Это предусматривало обрезание для всех мужчин, соблюдение законов о чистой пище, соблюдение Субботы, празднование иудейских праздников и т. п.

Но были и другие христианские лидеры, которые приняли другую сторону в этом споре и так же страстно утверждали, что для того, чтобы стать последователями Иисуса, язычники *не* должны непременно становиться иудеями. Павел был особенно ярым сторонником такого взгляда. Павел утверждал, что поскольку человек не может быть оправдан перед Богом соблюдением иудейского Закона, то принуждение неиудеев соблюдать этот Закон не имеет смысла. Совсем наоборот, те, кто думал, что, соблюдая Закон, они улучшают свое положение перед Богом, совершенно неправильно истолковывали евангельскую истину смерти и воскресения Христа, ибо только благодаря смерти Христа человек смог примириться с Богом. Соблюдение иудейского Закона в дополнение к вере в Христа может подразумевать только то, что смерть Христа не достаточна для оправдания перед Богом. Для Павла, миссионера язычников, такая мысль была богохульной.

Итак, какое отношение все это имеет к Петру в его более поздний период жизни? В послании Павла к христианам в Галатии (нынешняя центральная Турция) описывается эпизод, связанный с Петром, где отмечается его сохраняющееся непостоянство в актуальных тогда вопросах[13]. Согласно Павлу, в сирийском городе Антиохия находилась значительная по численности христианская община. Она состояла как из иудеев, так и из бывших язычников, уверовавших в Христа. Христиане-иудеи, очевидно, продолжали соблюдать свои собственные иудейские обычаи, язычники же не соблюдали требований Закона (кроме требований поклоняться только Богу Израиля и избегать сексуальной распущенности). Неясно, встречались ли эти различные группы верующих Антиохии в одних и тех же местах или проводили отдельные собрания (в тот период христиане встречались в больших домах более богатых членов своей общины, а не в церковных зданиях). Павел, сам иудей, был связан с обеими группами, — почему бы и нет? Христианское спасение пришло в равной степени как к иудеям, так и к язычникам.

Согласно рассказу Павла, Петр приехал в Антиохию и старался всем угодить, встречаясь как с иудеями, так и с язычниками (см.: Гал. 2:11–12). Для строгих иудеев (нехристиан)

такого рода практика могла привести к серьезным проблемам, начиная с того, что совместная трапеза с язычниками влекла за собой несоблюдение правил приема чистой пищи. Сначала Петр, подобно Павлу, не видел в этом проблемы. В конце концов, для спасения имели значение не правила приема кошерной пищи, а смерть мессии.

Но потом из Иерусалима пришли другие иудео-христиане. Они были близкими товарищами брата Иисуса, Иакова, который в то время был, очевидно, высшим авторитетом христианской церкви в Иерусалиме. Эти пришельцы не соглашались со взглядами Павла на язычников, придерживаясь той точки зрения, что для них важно соблюдать иудейский Закон, если они собираются стать последователями иудейского мессии. Петр, по-видимому, попал в несколько затруднительное положение: как ему вести себя в новой ситуации? Должен ли он продолжать общаться с язычниками или из уважения к иерусалимским гостям ему следует воздержаться от нарушения иудейских законов, в которых он был воспитан? Петр решил, что лучше не отталкивать гостей из Иерусалима. Он перестал общаться с христианами-неиудеями и ел только с христианами-иудеями, соблюдая правила приема чистой пищи.

Справедливости ради надо сказать, что, возможно, Петр старался просто не оскорбить кого-нибудь, обладавшего большей чувствительностью, чем его собственная. Но Павел не считал это выходом (хотя, возможно, к тому времени Петр привык к подобному поведению), и он высказал серьезный публичный упрек: «Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» (Гал. 2:14). Логика мысли Павла заключалась в том, что, когда Петр отошел от практики трапез с язычниками, он показал, что в глубине души верит, что соблюдение иудейского Закона имеет значение для оправдания перед Богом. Но если это так, то раньше он вел себя лицемерно. Поэтому он либо прежде лицемерил, либо лицемерит теперь — в любом случае налицо непостоянство, и это нехорошо.

Мы не знаем, как разрешился данный спор. Это один из тех случаев, когда мы слышим только одну сторону спора, и нельзя твердо предположить, что сторона, которая рассказывает о нем, является стороной победившей. Однако в данном инциденте есть нечто замечательно логичное. Петр, снова действуя опрометчиво, не продумывая последствий, передумал, раскаялся в своем поведении и был осужден за это. Камень опять оказался песком.

Петр непоследовательный

Какой вывод можно сделать из полученного последовательного описания фигуры Петра в ранних сохранившихся первоисточниках? Я полагаю, что важно не только знать, что действительно произошло в истории, но и понимать, почему люди запомнили исторические (и неисторические) события так, а не иначе. В нашем случае все сохранившиеся свидетельства относительно личности Симона Петра, по-видимому, согласуются в том, что он был непостоянным, порывистым и колеблющимся человеком. Но почему для ранних христиан было важно помнить (или описывать) его в таком свете?

На протяжении столетий проповедники легко находили ответ на этот вопрос. В число последователей Иисуса всегда входило множество людей самого разного типа. Но во всех церквах, основанных во имя Христа, всегда оказывались люди, которым было трудно оставаться верным тому, что они считали своими религиозными обязательствами. Легко желать быть верным, трудно достигнуть этого; легко давать обещания Богу, трудно выполнять их; легко показывать религиозную браваду, когда все идет гладко, трудно заплатить высокую цену, когда ситуация становится опасной; легко думать, что вы сможете противостоять преследованиям, трудно твердо стоять, когда перед вами раскладывают орудия пыток.

Петр схожим образом описывался во многих самых древних историях, рассказанных о нем. Больше, чем кто-либо другой в раннехристианской традиции, он был тем, о ком последователи Иисуса могли сказать: добросердечный и готовый угодить, но временами колеблющийся, порывистый, ненадежный, кто утверждал, что хотел бы умереть за своего Учителя, но затем фактически отрекся от него не раз, а целых три раза. Для Петра характерна истина: дух устремлен ввысь, но плоть слаба. С тех пор нечто подобное было пережито многими тысячами последователей Иисуса. Неудивительно, что именно эти характеристики делают главного апостола привлекательным для тех, кто, подобно ему, хочет поступать праведно, но оказывается неспособным сделать это.

И все же камень

Тем не менее в одном отношении есть смысл считать Симона Камнем. Ибо, несмотря на все, что можно сказать о личных недостатках Петра, ясно, что его жизнь и деятельность стали абсолютно основополагающими для христианской Церкви как ревностной и сплоченной общины верующих в смерть и воскресение Иисуса. То, что подразумевается в традиции, сохранилось только в одном из более поздних Евангелий, в Евангелии от Матфея, когда Иисус объявляет, что Симона будут называть *Petros* (Петр) и на этом *petra* (камне) Иисус построит свою Церковь (см.: Мф. 16:18). В значительной степени именно деятельность Петра привела к основанию Церкви.

Несомненно, Петр сыграл важную роль в самом раннем христианском сообществе. Вскоре после смерти Иисуса это сообщество сложилось в Иерусалиме, и именно Петр вместе с другим учеником Иисуса, Иоанном, и братом Иисуса, Иаковом, стоял во главе его. С тех пор как христианская церковь в Иерусалиме стала истоком Церкви во всем мире, эти трое — Павел называет их «столпами» Церкви — оказались во главе всего христианского движения. Нет ничего неправдоподобного в том, что Петр, как главный ученик Иисуса, был главой «столпов», по крайней мере на самых ранних этапах. Иаков стал более важной фигурой позже, возможно, после того, как Петр уехал из Иерусалима, чтобы заняться миссией обращения собратьев иудеев в новую веру во Христа. С точки зрения Павла, Петр был преимущественно миссионером для иудейского народа, точно так же, как сам он стал миссионером для язычников (см.: Гал. 2:7–8). Так как церковь, состоявшая как из иудеев, так и из неиудеев, была основана в ходе самой ранней миссии в Иерусалиме, охватив также иудеев за пределами Иерусалима, и так как Петр был главным руководителем обращения иудеев в веру во Христа на ранних стадиях миссии, он в самом реальном смысле в те далекие времена стал основателем всей Церкви. Он послужил камнем, на котором было построено Царство Христа.

Нигде этот взгляд не изложен более ясно, чем в книге Деяний апостолов. Она представляет собой рассказ о распространении христианской Церкви по всей Римской империи. Она была написана тем же автором, который создал Евангелие от Луки, примерно в то же самое время — в 80–85 годах. Оглядываясь назад на основополагающие события, произошедшие на полвека раньше, Лука указывает на то, что с самого начала — сразу после воскресения и вознесения Иисуса — именно Петр возглавил последователей Иисуса. Одно из первых главных событий этого повествования происходит через пятьдесят дней после смерти Иисуса на иудейском празднике Пятидесятницы. Последователи Иисуса собрались вместе в доме в Иерусалиме, и внезапно они переживают обещанное нисхождение Духа Святого. Они слышат шум несущегося сильного ветра, они видят, как на их головы сходят языки пламени, и, выбежав наружу, они начинают говорить на иноземных языках, проповедуя благую весть на языках иудеев «из всякого народа под небом», посетивших Иерусалим во время праздника (см.: Деян. 2:1–13). Многие очевидцы были озадачены этой суматохой, но именно Петр принимается проповедовать собравшейся толпе. В своей импровизированной проповеди он говорит, что наблюдаемое ими является исполнением обещаний Бога, данных через пророков. Он говорит им об Иисусе, о смысле его смерти и воскресения, убеждая их

покаяться. Результат был столь же поразительным, как и само происшествие: тут же обратились три тысячи иудеев (см.: Деян. 2:14–41).

Так, согласно Деяниям апостолов, Петр заложил основание того, что должно было стать католической христианской церковью. И его миссия только начиналась. В следующей главе (Деян. 3) повествуется, как Петр и Иоанн вошли в Иерусалимский храм, где они заметили у его дверей хромого от рождения мужчину, который просил подаяния. У апостолов не было ничего, чтобы дать ему, кроме того, в чем этот человек нуждался больше всего. Петр велел, чтобы тот исцелился во имя Иисуса. Хромой тут же вскочил на ноги, восхваляя Бога. Окружающие видели произошедшее, и Петр использует это как возможность произнести еще одну проповедь. Снова он убеждает людей признать Иисуса как обещанного Богом, как того, кто был несправедливо казнен, но затем воскрешен Богом из мертвых. Результат? Еще пять тысяч новообращенных иудеев, так что в городе больше не осталось нехристиан.

Здесь одна из серьезных причин, по которой ученые подвергают сомнению историческую достоверность повествования Луки. Для христианина, желающего узнать о ранних успехах апостолов Иисуса, этот сюжет, пожалуй, слишком гладкий, чтобы быть правдой. В самом деле, возможно, сюжет слишком гладкий, чтобы оказаться правдой в историческом смысле. Но, тем не менее, точка зрения Луки ясна. После смерти Иисуса крошечная группа его последователей быстро умножалась благодаря обращению других иудеев, поверивших в то, что в Иисусе исполнились обещания Бога Израиля, и через его смерть и воскресение они могут примириться с Богом. Это стало началом Церкви. И кто ответственен за это главным образом? Симон Петр, Камень, на котором был построен фундамент Церкви.

Теперь, когда мы рассмотрели некоторые черты личности Петра, можно начать более тщательно исследовать историю его жизни — как в Новом Завете, так и вне его — от «каменистого» начала и до конца, когда примерно через тридцать пять лет он был предан мученической смерти за свою веру в Христа.

Глава третья

Твердокаменное начало

Христианство — самая распространенная религия в современном мире. А среди христианских конфессий наиболее многочисленная — католическая церковь, около одного миллиарда верующих. Согласно официальной католической точке зрения, именно Петр стал первым Римским папой, епископом Рима, центральной фигурой, вокруг которой выстраивается все остальное. Независимо от того, верно это исторически или нет, думаю, любой согласится, что христианская Церковь, предположительно основанная Петром, — что признают не только католики, но и протестанты, и православные, — была важнейшим религиозным, культурным, политическим, экономическим и социальным институтом в истории западной цивилизации. Учитывая неизмеримое влияние Церкви и в общественных, и в частных сферах на протяжении столетий, кажется, что и ее начало было таким же захватывающим. Так ли это? Кто был главным учеником Иисуса, кто в определенном смысле положил начало этому влиянию, кто стал основанием здания, ставшего могущественным бастионом в истории Запада и отчасти Востока?

Сомнительный краеугольный камень

Как оказалось, ряд исторических сведений о Петре совсем не внушают доверия. Вряд ли возможно выбрать менее вероятного кандидата на роль краеугольного камня Церкви. Согласно тому, что нам известно, исторический Симон был неграмотным крестьянином из отдаленного сельского района Римской империи. Прорвавшись сквозь завесы легенд, окружавших его более позднюю жизнь, мы находим совершенно обычного человека.

Рассмотренные нами самые ранние источники едины в описании рыбака из сельской Галилеи, малонаселенной северной области на территории современного Израиля. Возможно,

у него была своя лодка, или он арендовал ее у более состоятельного торговца. По-видимому, он занимался рыбной ловлей вместе с братом Андреем, то есть, возможно, занимался своего рода мелким семейным бизнесом. Но мы не должны романтизировать этот тяжелый совместный труд. Большинство людей его сословия вели очень простую жизнь. Плата, которую приносили долгие часы изнурительного труда, едва позволяла сводить концы с концами.

Согласно самому раннему преданию, Симон жил в маленькой деревне Капернаум на западном берегу Тивериадского моря («море» — несколько преувеличенное название; на самом деле это небольшое озеро). В Евангелии от Иоанна (1:44) есть утверждение, что он прибыл из Вифсаиды, которая была довольно большим поселением. Но это может дать неверное историческое представление. Название Вифсаида означает «дом рыбной ловли», и возможная жизнь Петра там вполне согласуется с ранним преданием о его занятии. В самых ранних источниках упоминается только Капернаум (см.: Мк. 1:21, 29).

Капернаум не был крупным культурным центром. Археологи производили там раскопки и показали, что это было маленькое, бедное поселение с низкой культурой{14}. Вероятно, при жизни Симона его население составляло около тысячи человек. Не было обнаружено ни общественных построек, ни даже проложенных дорог, характерных для того периода. Деревня представляла собой цепочку домов. В качестве фундаментов использовали местный базальтовый камень, да и сами дома строили из простых материалов. Это были деревянные дома, обмазанные соломой и навозом, с земляными полами и соломенными крышами. Правда, среди обнаруженных развалин Капернаума есть и синагога: к ее руинам и сегодня течет не иссякающий поток паломников. Однако ее постройка датируется V столетием (через четыреста лет после времени Симона). Нет никакого археологического доказательства существования здания синагоги, современного Симону: тогда синагога была просто собранием (в буквальном смысле этого слова) иудеев для чтения Священного Писания и молитв, что могло происходить где угодно.

Большинство иудеев того времени не умели читать. Поэтому неудивительно, что в одном раннем предании говорится, что сам Петр не был искушен в науках, что он был «неграмотным» — дословный перевод греческого слова, используемого по отношению к нему и к его компаньону, рыбаку Иоанну в Деяниях апостолов (4:13): «Видя смелость Петра и Иоанна и приметив, что они люди некнижные и простые, они удивлялись». Нужно учитывать, что рыбаки были обычными необразованными крестьянами, которых в юности отправляли на озеро, и они запускали свои сети вплоть до самых преклонных лет. Обычно у них не было никакого образования. Ведь даже элементарное образование требовало досуга и предполагало потерю заработка, что было неизбежным при посещении школы. И насколько нам известно, в маленькой деревне Капернаум не было никакой школы.

Я подчеркиваю вероятное отсутствие образования у Петра не потому, что это выделяет его как аномалию своего времени, а потому, что это делает его в целом обычным человеком. Современные ученые, занявшиеся изучением распространенности и роли грамотности в Древнем мире, пришли к выводам, которые многих поразили. Похоже, что до индустриальной революции большинство населения было крайне неграмотным, так как оно не могло позволить себе выделять необходимое время и средства для массового образования своей молодежи, да и не видело в этом никакой надобности. Только потребность в образованных рабочих, как и в современном мире, стала причиной того, что так много здоровых людей были освобождены от работ, чтобы они могли научиться читать и писать{15}.

Самые надежные источники указывают, что в Древнем мире могло читать и писать в лучшем случае только 10–15 % населения. Под словом «писать» подразумевается «уметь подписаться». Разумеется, процент был намного ниже в сельских районах, где люди, как правило, лишь еле-еле сводили концы с концами. В таком месте, как сельская Галилея, подавляющее большинство людей, 90 или даже 95 %, не могло прочитать даже простой

текст. Те же, кто умел, служили единственным средством чтения книги для большинства остальных людей, с их помощью чтение могли слушать многие. Точно так же это большинство могло участвовать в акте написания какого-либо документа (например, при составлении простого договора или его расторжении), только наняв кого-то, кто затратил свои время и деньги на обучение. Неудивительно, что книжники (писцы) обладали такой властью в Палестине I века: они были образованной элитой иудеев. Петр не принадлежал к их числу.

Напротив, он был неграмотным рыбаком. Его родным языком, распространенным в той части Галилеи, скорее всего был арамейский — язык самого Иисуса. Есть некоторые основания полагать, что Петр мог говорить на каком-то другом языке (не на греческом, и уж конечно, не на латыни), хотя он, возможно, понимал древнееврейский язык, если ему читали на нем, поскольку это был язык иудейского Священного Писания. Представление о том, что все в Римской империи могли говорить по-гречески, конечно, неверно. Образованная элита могла, но не среднее сословие, которое было в состоянии лишь прокормить свое семейство[16].

Некоторые возражают, что если у Петра был дом, то он, вероятно, был несколько состоятельнее, чем средний житель. Действительно, археологи нашли одну постройку в Капернауме, на стенах которой сохранились надписи II столетия, предположительно важные для христианских паломников. Кроме того, это строение, похоже, было надстроено над маленьким домом I столетия[17]. Но это — слабое доказательство, чтобы настаивать, будто здесь в самом деле место жизни исторического Петра. Это так же вероятно, как если бы через сто лет после его смерти кто-нибудь захотел восславить его и наугад выбрал место для его дома. Но все же дом Петра упоминается в Евангелиях Нового Завета, и нет ничего нелепого в предположении, что дом у него все-таки был. И действительно, у жителя бедной деревни вроде Капернаума не было особого выбора. Не было никаких домов-совладений за арендную плату.

Вот те немногие эпизоды из жизни Симона, которые мы можем извлечь из Евангелий: его (и возможно, Андрея) отцом был Иоанн (или Иона) (см.: Ин. 1:42; Мф. 16:17), он был женат, и его теща все еще жила после того, как он стал учеником Иисуса (см.: Мк. 1:30). Очевидно, он не был одиноким человеком и не избегал брака, подобно большинству его папских последователей на протяжении последующих веков. Кроме того, есть косвенное свидетельство его брака, содержащееся не в Евангелиях.

Апостол Павел упоминал, что Кифа обычно брал с собой на свои проповеди жену (см.: 1 Кор. 9:5). Жена Петра жила еще несколько десятилетий после смерти Иисуса и тоже обратилась в веру. Мы никогда не узнаем ее имя или что-нибудь еще о ней, кроме того, что у нее была мать, которая когда-то болела лихорадкой. Вполне возможно, что все семейство жило в Капернауме вместе в одном доме: Петр, Андрей, их жены, тещи и другие домочадцы.

Допустим, что мужчины (Петр и Андрей) зарабатывали рыбной ловлей достаточно для того, чтобы обеспечить остальных. Когда они стали учениками Иисуса, им пришлось жить на милостыню: то есть просить пропитания или как-то получать пищу без просьбы. Но как их семейство смогло существовать без мужчин, добывающих хлеб (или рыбу), — вопрос, никогда не упоминавшийся ни в одном из наших источников.

В двух ранних источниках говорится, что после смерти Иисуса Петр собирался вернуться к своей работе (см.: Ин. 21; «Евангелие от Петра», 60). Но вскоре он уверовал в воскресение Христа и оказался перед лицом более серьезных дел, чем ловля рыбы для пропитания. Ведь Иисус, как написано, сказал Симону и его брату Андрею в самом начале их ученичества: «Идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков» (Мк. 1:17). Согласно самому раннему Евангелию, Евангелию от Марка, так началась дружба Петра с Иисусом.

Кого-то может удивить, почему ранние христиане захотели, чтобы Петр вошел в историю из бедного крестьянского сословия, неграмотным поденщиком, ставшим впоследствии главой Церкви. Почему не облагородили его имя и не избрали кого-то другого на историческую роль главы апостолов, давших миру Церковь? Ответ, возможно, в том, что многие христиане первых двух столетий, даже подавляющее их большинство, сами принадлежали к низшим сословиям. По всем свидетельствам, их поразила милость Бога, который снизошел к таким, как они, чтобы спасти их. Кроме того, напоминание, что Божественная воля может действовать через столь бесправного человека, как крестьянский рыбак из всеми забытой деревни на побережье Галилеи, вероятно, утешала христиан и убеждала их в том, что сила, заключенная в благой вести, не была ни вдохновением, ни порождением человеческим. Единственное объяснение удивительного успеха новой религии, если судить по влиянию первых проповедовавших ее людей или по ее быстрому распространению, состояло именно в том, что воля Бога проявилась через слабость, а не через силу. Господь призвал такого неприметного человека, как Симон, и сделал его камнем, ставшим основанием Церкви.

Петр — посланник Иисуса

Мы уже видели, что в новозаветных Евангелиях версии первого знакомства Симона с Иисусом и того, как он получил свое прозвище, заметно расходятся (ср.: Мк. 1:16–18, Ин. 1:35–42 и Лк. 5:1–11). Но они сходятся в том, что вскоре после их первой встречи Иисус обрел большое число последователей. Из них он выбрал двенадцать ближайших учеников во главе с Симоном Петром.

Положение Двенадцати

В Евангелиях ясно видно, что двенадцать учеников занимают особое место среди последователей Иисуса. Они сопровождают Иисуса в его путешествиях, они причастны не только к его публичному учению, но и к личным наставлениям, даваемым им особо (включая иногда объяснение загадочных притч, которые он рассказывал толпам), и им даруется особое право и сила творить чудеса его именем. Но неясно, почему Иисус выбрал именно двенадцать учеников. Почему не девять или четырнадцать?

Поиск смысла численности апостольской группы из двенадцати человек и места Петра среди них связан с вопросом: в чем роль и миссия самого Иисуса? Ученые, посвятившие изучению данного вопроса всю свою жизнь, все еще не нашли ответ. Практически полемика вокруг него длится с конца XVIII века, и нет никаких признаков ее скорого завершения. В последние десятилетия ученые приняли за основу одно — независимо от того, что можно было бы сказать об Иисусе, его следует понимать в контексте его времени и не вырывать из этого контекста, как будто он был европейцем XX или американцем XXI века. Иисус был палестинским иудеем I века. При любой попытке понять его слова и деяния необходимо учитывать данный исторический факт.

Я не буду пересказывать все современные толкования Иисуса, предложенные серьезными учеными (и шарлатанами). Любой интересующийся может обратиться к книгам, посвященным этой теме, начиная с великого классика в этой области Альберта Швейцера, написавшего «Историю изучения жизни Иисуса» (1906)[18]. Я обозначу представление об Иисусе, доминирующее среди ученых после сенсационной работы Швейцера. Это представление, согласно которому Иисуса лучше всего толковать как иудейского апокалиптического пророка[19].

Из многих древних источников мы знаем о мировосприятии иудеев I столетия, которое ученые обозначили как «апокалиптизм». Есть свидетельство апокалиптически настроенных иудеев в исторических трудах, написанных в то время. Кроме того, что более важно, есть

писания самих апокалиптиков, включая множество иудейских апокрифов, не вошедших в Библию, и такие рукописи, как «Свитки Мертвого моря».

Термин *«апокалипсис»* означает «откровение», или «раскрытие». Иудейские апокалиптики названы так современными учеными потому, что они верили — Бог открыл им небесные тайны, которые помогали осмыслить земную реальность. Речь идет о сложном представлении относительно причин существования зла и страданий в мире и знании того, как Бог поступит со всем этим. Апокалиптики верили, что миром правят силы зла вроде дьявола и его слуг-бесов. Именно поэтому боль и скорбь так свирепствуют среди людей. Сам Бог, безусловно, не в ответе за эту клоаку страданий. Виновен его личный противник дьявол и дружественные ему нечистые силы.

Но, согласно апокалиптикам, в конце времен Бог исправит все, что так ужасно исказилось. Он еще раз проявит свою власть и спасет мир от зла, которое сейчас так безнаказанно свирепствует. Что касается богоизбранного народа — племени израильского, — то многие апокалиптики стремились показать, что, несмотря на страдания Израиля, Бог не оставит его. Он пошлет освободителя, который свергнет врагов его народа и установит царство здесь, на земле, управляемое его особым посланником, мессией. У других апокалиптиков было более глобальное представление: они считали, что не только праведный Израиль, но и весь мир страдает от сил зла, и что Бог пошлет не просто земного царя (мессию), но космического судью над всем миром. Он уничтожит дьявола и всех его приспешников и установит райский мир, Царство Божье, в котором не будет больше боли и страданий. Сам Бог станет высшим правителем.

И когда это должно случиться? Иудейские апокалиптики утверждали, что конец света уже близок. Тем, кто страдает, осталось выдержать совсем немного. Они не должны поддаваться силам зла и отрекаться от Бога, который в конечном счете отвечает за свое творение; ведь скоро он вмешается и свершит великий суд над всеми, кто выступает против него, и установит свое новое Царство. Как скоро? «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк. 9:1). Сам Иисус, по-видимому, подтверждает апокалиптическое представление о мире и полагает, что час Божьего заступничества близок. «Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как всё это будет. Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут», — говорит Иисус в самой ранней дошедшей до нас записи его учения (Мк. 13:30).

Миссия Иисуса и его послание — о грядущем Царстве Божьем, в котором все зло будет искоренено, все страдания устранены и будет править только добро{20}. Фактически Иисус утверждает, что это Царство уже приблизилось. В грядущем Царстве не будет никаких бесов, ведь Иисус изгонит их. В нем не останется никаких болезней, ведь Иисус исцелит больных. В этом Царстве не будет голода, ведь Иисус насытит народы. В нем не будет никаких стихийных бедствий, ведь Иисус успокоит бури. В этом Царстве исчезнет смерть, ведь Иисус воскресит умерших.

Провозвестие Иисуса в самых ранних сохранившихся источниках — об этом наступающем Царстве и о том, что людям нужно подготовиться к нему. Это будет настоящее царство здесь, на земле, где люди станут жить в радости под управлением Бога. Это будет царство, перенесенное с небес космическим судьей, которого Иисус загадочно называет «Сыном Человеческим». Это явно относится к тому, кто назван «подобным Сыну Человеческому» в строках Еврейского Священном Писания, где говорится о будущем суде (см.: Дан. 7:13–14). Этот Сын Человеческий будет вершить суд на земле, уничтожая тех, кто выступал против Бога, и спасая тех, кто повиновался ему. Точно так же любой, кто придерживается учения самого Иисуса, будет спасен, когда придет сей Сын Человеческий (см.: Мк. 8:38; 13:26–27). Спасенные войдут тогда в вечное Царство Божье. Как же Бог будет управлять этим Царством? Через своего мессию и тех, кою он изберет для исполнения своей воли.

Теперь мы возвращаемся к вопросу о том, почему Иисус выбрал именно *двенадцать* учеников и почему среди них оказался Петр. Согласно древней еврейской традиции, народ Божий первоначально состоял из двенадцати племен, и каждое имело своего вождя (патриархи Израиля в Еврейской Библии). Когда люди, избранные Богом, — израильтяне и все те, кто искренне поклоняется Ему, — войдут как избранники Божьи в новое Царство, то какой строй будет у них? Тот, что был изначально. В новом Царстве Израильском будет двенадцать племен и двенадцать патриархов. Кто станет этими двенадцатью? В одном из наиболее засвидетельствованных высказываний Иисус дает ясный ответ. Беседуя с Петром и другими учениками, Иисус говорит им: «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:28; ср.: Лк. 22:28–30). Именно двенадцать учеников Иисуса будут править Царством.

Другими словами, избрание двенадцати учеников является апокалиптическим подтверждением того, что скоро наступит Царство и эти двенадцать человек, ближайшие последователи Иисуса, станут его правителями.

Кто войдет в это Царство под власть Двенадцати, когда придет Сын Человеческий? Одна из самых поразительных особенностей учения Иисуса заключается в том, что это будут не богатые и сильные, религиозные и достойные. Это будут смиренные, попранные, угнетенные, бедные и грешники. «Первый станет последним и последний первым», и «кто унизит себя, будет возвеличен, и кто возвеличит себя, будет унижен». Богатые и сильные — на стороне сил зла в этом мире (иначе как они получили свое богатство и силу?); бедные и угнетенные — на стороне Бога. И они будут вознаграждены, когда Сын Человеческий придет с Царством Божьим. Правителями этого Царства станут смиренные и ныне обездоленные. Такие, как неграмотный рыбак из сельской Галилеи.

Петр и другие посвященные из самого близкого круга Иисуса станут править вместе с ним, когда придут Царство и сам Иисус, и крестьянин из низов, из сельских мест станет мессией Бога. Неудивительно, что ученики изображаются не слишком верующими в свою благую судьбу и в пришествие Царства Божьего. Они хотели знать, является ли сам Иисус мессией. Они хотели знать, будет ли он возвращать царство Израилю сейчас (см.: Деян. 1:6). Они хотели знать, будет ли у них привилегированная власть, как только оно наступит, например, станут ли они его правой и левой руками, когда он воссядет на троне (см.: Мк. 10:35–37). Эти Двенадцать — особая группа не только потому, что им оказано особое внимание и они получают наставления от того, кто будет править землей, но и потому, что они будут править с ним в грядущем Царстве.

Особые привилегии трех апостолов

Самые ранние из сохранившихся текстов об Иисусе и его учениках — Евангелия от Матфея, Марка и Луки — свидетельствуют, что среди двенадцати был внутренний круг из трех учеников, особенно близких к Иисусу. В него входили Петр и два сына Зеведеевы — Иаков и Иоанн. В нескольких местах Евангелия мы видим, что эти трое пользуются особыми привилегиями.

В Евангелии от Марка начальник синагоги по имени Иаир просит Иисуса исцелить его умирающую дочь. Когда Иисус подошел к дому, девочка уже умерла. Но Иисус не отступил: он отослал всех плакальщиков, с ним остались только родители девочки, а также Петр, Иаков и Иоанн. Только они видели, как он воскресил девочку (см.: Мк. 5:21–24, 35–43).

Примерно на полпути к исполнению своей миссии Иисус подошел к горе Преображения Господня, взяв с собой только Петра, Иакова и Иоанна. Там он преобразился перед ними и, к

изумлению и страху этих трех зрителей, беседовал с двумя предшественниками по Еврейскому Священному Писанию — Моисеем и Илией (см.: Мк. 9:2–8).

До ареста Иисус говорил с учениками о грядущем разрушении, когда наступит Царство Божье. Петр, Иаков, Иоанн и брат Петра, Андрей, наедине спрашивали его о подробностях того, что будет. Иисус исполнил их просьбу и говорил больше, чем когда-либо ранее (согласно Евангелию от Марка) о бедствиях, которые обрушатся на землю прежде, чем Сын Человеческий свершит свой Суд (см.: Мк. 13:1–36).

После Тайной вечери Иисус вышел в Гефсиманский сад помолиться. Он оставил всех учеников, взяв с собой только Петра, Иакова и Иоанна, и они видели его отчаяние, ибо он знал, что смерть уже близко (см.: Мк. 14:32–34). Он просил их не спать, пока он молится. Трижды Иисус возвращался к ним и находил спящими. Но упрекал он лишь одного Петра: «Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение…» (Мк. 14:37).

Итак, были двенадцать, занимавшие особое положение среди последователей Иисуса и получавшие от него особые наставления и власть, но был еще и внутренний круг учеников, сопровождавших его даже в самые личные моменты его жизни, и с кем, возможно, он был особенно близок, — три рыбака из Галилеи.

Особые отношения с одним из учеников

Среди этих трех был один, которого считали правой рукой Иисуса — Симон Камень. Именно он открыто признал Иисуса мессией; только он разговаривал с Иисусом на горе Преображения; это он воззвал к Иисусу, когда тот шел по воде. И его же Иисус упрекал, как редко кого упрекал: «Отойди от меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое»; — «Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час?» С исторической точки зрения ближайшим учеником Иисуса был Петр.

Поэтому любопытно взглянуть на беседы Иисуса с Петром в некоторых сохранившихся преданиях и понять, какими их запомнили христиане, передававшие истории об Иисусе из уст в уста. Именно эти беседы могут показать нам, как ранние рассказчики понимали, что значит быть последователем Иисуса.

Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что следование за Иисусом в его земной жизни означало прежде всего принятие его послания о том, что грядет Царство Божье и люди должны подготовиться к его неизбежному наступлению. Дело не терпело отлагательств: должно быть объявлено слово, предупреждающее людей о грядущих бедствиях и возможности спасения. Это может объяснить ту озадачивающую ситуацию, о которой я ранее упоминал, — что Симон и Андрей вместе с другими оставили свои семейства и ушли с Иисусом. Как оставленные выживали бы месяцы и годы без семейного дохода? Возможно, Петр и другие были настолько убеждены в том, что конец этого века неизбежен и близок, что выживание для долгой жизни стало уже не актуальным. Для них развязка была близкой. Сын Человеческий скоро придет с неба, и его Царство у порога. Но в том Царстве не будет никакой нужды в труде для пропитания, ибо Бог даст все, что необходимо его детям. И поэтому, как сказал им Иисус, люди Божьи должны искать «прежде Царства Божия и правды Его, и это все [пища и одежда] приложится вам» (Мф. 6:33).

Сами ученики, кажется, тоже понимают, чем они пожертвовали ради Иисуса в ожидании грядущего Царства. Когда Иисус сказал, что не богатые, а бедные войдут в Царство Божье, Петр ответил: «Вот, мы оставили всё и последовали за Тобою» (Мк. 10:28). Ответ Иисуса коротко выражает его апокалиптическое послание: «Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто

крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной. Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мк. 10:29–31).

Петр и другие ученики, по-видимому, принимают послание Иисуса о том, что новый век неизбежен и что сам Иисус будет мессией, правителем грядущего Царства, а они — его соправителями. Какой же удар был ими испытан, когда все пошло не так, как планировалось.

Петр и Иисус как грядущий мессия

Здесь я должен разъяснить то, что до сих пор только намечал. Сегодня, когда христиане говорят об Иисусе как мессии, они подразумевают целый ряд представлений. Для некоторых это означает, что мессианство делает Иисуса божественным. Кто-то уверен, что мессианство требовало того, чтобы он умер за грехи мира. Другие полагают, что Иисус — мессия, потому что он — духовный правитель Царства Божьего в наших сердцах. А для кого-то мессианство означает все это. Но историки давно поняли, что ни одно из перечисленных пониманий мессианства не встречается ни в каких иудейских писаниях, и поэтому ни одно из них не поддерживалось иудеями. То есть речь идет о христианских представлениях относительно сути мессианства, но не об иудейских. А Иисус, Петр и другие ученики были не христианами, а иудеями. Чего же тогда ожидали от мессии иудеи?[21]

Возможно, во времена Иисуса большинство иудеев не ожидало никакого мессии вообще, как и большинство иудеев сегодня. Но у тех, кто ожидал мессию, были самые разные идеи о том, на что это могло быть похоже. Само слово *«мессия»* происходит от древнееврейского слова, означающего «помазанник» (древнегреческий эквивалент — *christos*, откуда мы получаем термин «Христос»). Так как цари Израиля проходили помазание как часть церемонии инаугурации, то можно предположить, что, поскольку Израиль был наводнен другими народами и оказался под их властью, будущий царь, который воссядет на троне Израиля, должен быть помазан подобно Давиду, великому царю прошлого. И поэтому некоторые иудеи ожидали появления в будущем воина-царя, который свергнет их врагов и восстановит Израиль как верховное государство в мире. Другие иудеи, разделявшие специфический вид апокалиптического мышления, полагали, что будущий помазанник (или избранный) может быть космическим судьей, «подобным Сыну Человеческому», упомянутому в книге пророка Даниила, который уничтожит силы зла, чтобы установить правление Бога здесь, на земле. Те же, кто был больше сосредоточен на ритуальных законах, которые Бог заповедал в Священном Писании, считали, что будущий помазанник будет великим толкователем Закона Божьего; он поведет свой народ к праведности.

Короче говоря, существовали самые разные ожидания, на что мог быть похож будущий мессия. Но все эти ожидания имели одну общую черту: мессия, как предполагалось, будет фигурой великой и могущественной, он одолеет врагов Бога в грядущем веке. Мысль о том, что он может быть слабым и легко сокрушимым, что его распнут и казнят враги, как легко себе представить, была очень далека от иудейского представлении о мессианстве. Почему же тогда христиане говорят о мессии так, будто *предполагалось,* что он испытает страдания и умрет? Потому, что христиане с самого начала признали, что Иисус — мессия, и вполне понимали, что он пострадал и умер. Это вопрос логики: если Иисус — мессия, а Иисус пострадал и умер, то мессия должен был испытать страдания и умереть.

В подтверждение своего взгляда христиане всегда обращались к некоторым текстам Священного Писания, где говорится о Праведнике Божьем, который подвергнется страданиям и мукам, — например в Псалме 22 и в Книге пророка Исаии (53). Иудеи-нехристиане указывали, однако, на то, что эти тексты не говорят о мессии (вы можете сами посмотреть: термин *«мессия»* не используется в них). Именно поэтому для древних иудеев заявление о том, что Иисус — мессия, было смехотворным. С их точки зрения, Иисус был таким, каким мессия, как предполагалось, не мог быть: смиренным, бессильным, распятым преступником.

Как все это связано с преданиями о Петре в ранних Евангелиях? Мы уже видели, что когда Иисус спросил Петра, он признал его мессией (см.: Мк. 8:29). Если это было реальное ожидание исторического Петра, то его надежды были жестоко разбиты дальнейшими событиями. Ибо вместо того, чтобы устанавливать Царство Божье в Израиле или по всей земле, Иисус был арестован по обвинению в заговоре против властей и вскоре замучен и казнен, в унижении и публично.

Ни один иудей не ушел бы с места казни, думая, что это и был мессия. Распятый Иисус радикально опроверг самые глубокие надежды Петра. Однако это не стало концом истории о проповеднике Иисусе. Ведь Петр уверовал, что спустя три дня после распятия на кресте Бог воскресил Иисуса. Позже он утверждал, что видел Иисуса живым. Независимо от того, что он видел на самом деле, это видение снова все перевернуло. Если Иисус воскрес из мертвых, он *должен быть* избранником Бога. Это подразумевало, что он — мессия, однако не похожий на всё, что ранее о нем представляли. Но разве сам Иисус не понимал, каким мессией он был? Это тот момент, в котором христианская традиция принимает все на себя, ибо христианские авторы утверждали — Иисус знал, что должно было с ним произойти. Следовательно, он понимал, что означает быть мессией и что это полностью отличается от обычных представлений о нем.

Именно поэтому в более поздних историях наших Евангелий (созданных после того, как христиане нашли свое новое понимание мессии), когда Петр признает Иисуса мессией, Иисус предупреждает его не говорить об этом никому (Мк. 8:30). Он не хочет возникновения недоразумений (то есть будто он — еврейский мессия, которого ожидали). Именно поэтому Иисус лишь предположительно говорит Петру, что он должен будет пострадать и умереть в Иерусалиме (рассказчики изображают Иисуса говорящим это, возможно, потому, что в конечном счете именно так в действительности и произошло). Петр, конечно, не понимает, что имеет в виду Иисус. И Иисус упрекает его: «Отойди от Меня, сатана».

В таком позже христианизированном понимании Иисус как мессия должен был пострадать и умереть за других. Но это не всё. Кроме того Иисус также мессия в более традиционном иудейском смысле, в котором он *все еще* унаследует Царство Божье, когда оно наступит. Фактически он сам принесет его. Ибо он сам предсказал, что Сын Человеческий придет с неба судить на земле. Иисус прибудет снова во славе, чтобы судить живых и мертвых.

Петр и другие ученики, без сомнения, ожидали, что Суд произойдет сразу же: ведь Иисус, как написано, сказал, что всё случится в их поколении, прежде, чем ученики «вкусят смерти» (Мк. 9:1). Но по мере того как время проходило, а они возвещали послание спасения через смерть мессии, появлялись проблемы, и последователям Иисуса стало ясно, что будет промежуточный период между «началом конца» (смертью и воскресением Иисуса) и окончательным концом (его вторым пришествием в силе).

Петр, Иисус и время Церкви

Ряд бесед между Петром и Иисусом связаны именно с этим промежуточным периодом. Некоторые ранние христианские авторы считали, что прежде чем Царство войдет в силу, Церковь должна распространиться во всем мире. Поэтому в Евангелии от Матфея, написанном спустя десять или пятнадцать лет после Евангелия от Марка, признание Петра, что Иисус — мессия, формулируется по-другому. Как и у Марка, Петр, отвечая на вопрос Иисуса, говорит: «Ты — Христос», но у Матфея (16:16) он добавляет: «Сын Бога Живаго». Немедленный ответ Иисуса не нацелен здесь на то, чтобы убедить учеников никому об этом не говорить, как у Марка. Сначала Иисус подтверждает идентификацию, а затем указывает на значение этого:

«Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты — Петр, и на

сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16:17–19).

Для более поздних рассказчиков, которые формулировали данный сюжет таким образом, конец света не должен наступить сразу после смерти Иисуса (что Матфей, писавший через полвека, действительно вполне хорошо знал). Сначала должна быть построена Церковь. И над фундаментом ее должен поработать Петр.

Некоторые толкователи, преимущественно протестантские богословы, утверждали, что Иисус в этом отрывке не подразумевал, что «камень», на котором он должен построить церковь, это сам Петр, потому что слово «камень» *(petra)* и прозвище Петр — немного разные *Petros.* Это действительно спорный момент, так как прозвище Петр не могло быть греческим *petra,* так как *petra* является существительным женского рода, тогда как Петр — мужского (как и придуманное имя *Petros* — мужская форма *petra).* Кроме того, если любое из приведенных высказываний действительно восходит к Иисусу или рассказчику, который писал на арамейском языке, то на арамейском и *petra,* и *Petros* — одно и то же слово — *cephas.*

Но говорил ли Иисус, что сам Петр — камень, на котором будет построена Церковь (точка зрения большинства католических толкователей), или что камнем является твердое признание мессианства Иисуса, сделанное Петром (точка зрения многих протестантов), ясно, что, по Матфею, будет промежуточный период, прежде чем наступит Царство Божье. В течение этого периода Церковь обеспечит своего рода альтернативное существование здесь, на земле, и в ней проявится Царство Божье (то есть его правление среди людей). Решения, которые Петр выносит как глава Церкви, отразят волю Бога на небе («что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах»). И Церковь будет победоносной, даже перед лицом сил зла («врата ада не одолеют ее»).

Петр и проблемы промежуточного времени

Поскольку время шло, некоторые христиане стали сомневаться, что принадлежность к Церкви защитит их от сил зла («врат ада»). Это видно из беседы, которая позже была приписана Петру и Иисусу. В течение более трехсот лет единственным письменным свидетельством этой беседы, дошедшим до нас из II века, было «Второе послание Климента», обнаруженное в начале XVII века и впервые изданное в 1633 году. Но недавно археологи обнаружили фактически ту же беседу в неких греческих фрагментах Евангелия, которое претендует на непосредственное авторство Петра (мы еще расскажем об этом Евангелии в более поздней главе). Это «Евангелие от Петра» было написано в начале II века, спустя примерно тридцать или сорок лет после Евангелия от Матфея. Описанная в нем беседа Петра и Иисуса хорошо раскрывает ситуацию, в которой оказались христиане в течение переходного периода. Она отражает ясное понимание, что в том веке зло неустанно продолжало использовать свою силу и что в особенности его гнев был направлен против последователей Христа.

Беседа, которую я здесь привожу в наиболее полной форме, представленной во «Втором послании Климента», начинается со слов, которые покажутся привычными для всех, кто знаком с Новым Заветом: «И сказал Бог: Вы будете как овцы посреди волков». Далее Петр задает неожиданный вопрос и получает еще более неожиданный ответ от Иисуса. Петр спрашивает: «Что, если волки загрызут овец?» И Иисус отвечает:

«Когда овцы уже мертвы, они больше не боятся волков. Так же и вы: не бойтесь тех, кто убивает вас, ведь после ничего уже не могут вам сделать; но страшитесь тех, кто после вашей смерти может бросить ваше тело и душу в геенну огненную» (2 Климент, 5:2–4)[22]*.*

Особенно поразительна в данном отрывке предполагаемая мысль, что Бог защитит свой избранный народ не в будущем Царстве, которое придет на землю, а в загробной жизни. Мы

могли бы назвать это «апокалиптическим» посланием: первоначальное апокалиптическое ожидание подлинного Царства на этой земле преобразовалось в веру, что после смерти человека его душа подвергается суду и попадает либо в рай, либо в ад. Петру говорят, что происходящее с физическим телом здесь и сейчас (например, при убийстве врагами) не должно его особенно беспокоить. Значение имеет лишь то, что происходит после нашей смерти. Данное откровение христиане продолжают отстаивать, несмотря на тот факт, что оно не было апокалиптическим учением, преподанным непосредственно историческим Иисусом.

Петр и загробная жизнь

Заключительная беседа между Петром и Иисусом содержится в интригующем сочинении II века, известном как «Апокалипсис Петра». Это была важная книга для раннехристианской Церкви. Некоторые Отцы Церкви считали, что ее необходимо включить в Новый Завет, либо в Апокалипсис Иоанна (то есть в книгу Откровение Иоанна Богослова), либо оставить отдельной книгой. К сожалению, данная запись существует только в одном фрагменте сочинения на греческом языке. Существует, правда, более полный перевод текста на древнеэфиопский язык. Между сохранившимися греческим и древнеэфиопским текстами есть важные различия, которые озадачили филологов почти на целое столетие. Но обе версии рассказывают об откровении, данном Иисусом Петру относительно того, что произойдет с душами спасенных и проклятых в загробной жизни. Фактически, исходя из греческой версии, получается, что Иисус берет с собой Петра для путешествия в рай и ад. Это первое известное повествование христианского автора о таком путешествии, имеющее сходство с «Божественной комедией» Данте, созданной значительно позже.

В более полной версии на древнеэфиопском языке повествование начинается беседой Иисуса с его учениками на Елеонской горе — эпизод, имеющий сходство с 13-й главой Евангелия от Марка. Здесь ученики тоже хотят знать, что их ожидает в будущем. Иисус изъясняется образно, временами с пафосом (шокирующим), с подробным описанием. Он уверяет их, что конец света действительно скоро наступит. Те, кто останется преданным Богу, будут вознаграждены вечным блаженством, тогда как те, кто жил в грехе, испытают ужасные муки. Оказалось, что наказания соответствуют преступлениям:

«Я увидел и другое место, напротив этого, очень мрачное. То было место наказания. Наказываемые там и наказывающие Ангелы имели темное платье в соответствии с воздухом того места.

Были там некоторые, привешенные за язык. То были хулившие путь справедливости, под ними горел и мучил их пылающий огонь.

И озеро было там какое-то, полное пылающей грязи; там находились люди, извращавшие справедливость. К ним были приставлены Ангелы-мучители.

Над этой бурлящей грязью были еще и женщины, повешенные за волосы. То были женщины, которые наряжались для прелюбодеяния; а те, которые сочетались с ними в скверне прелюбодеяния, висели за ноги, а головы у них были погружены в грязь, и они говорили: „Мы не думали, что попадем в это место…"

И я увидел убийц и их сообщников, брошенных в некое узилище, полное злых гадов; те звери кусали их, извивающихся там в этой муке, и черви их облепили, как тучи мрака. А души убитых, стоя и наблюдая наказание убийц, говорили: „Боже, справедлив твой суд".

Возле того места я увидел другое тесное место, куда стекала кровь и нечистоты наказываемых, и образовалось как бы озеро. Там сидели женщины по шею в крови, а против них сидело и плакало множество детей, которые родились раньше времени; от них исходили лучи огня и поражали женщин в глаза. То были зачавшие вне брака и изгнавшие плод.

Там были еще мужчины и женщины, до середины тел [находившиеся] в огне; они были брошены в темные места, их бичевали злые духи, черви неустанно пожирали их внутренности. То были люди, преследовавшие справедливых и предавшие их.

Рядом опять были женщины и мужчины, кусавшие губы; они мучились и получали раскаленным железом по глазам. То были те, кто хулил и поносил путь праведный. А напротив них были опять другие мужчины и женщины, они откусывали себе язык, и рот у них был наполнен огнем. То были лжесвидетели»[4] *(«Апокалипсис Петра», 21–29).*

Здесь, в «Апокалипсисе Петра», мы имеем более полное, чем в более ранних Евангелиях, описание того, что ожидает как тех, кто поддерживает Бога (вечное блаженство), так и тех, кто выступает против него (вечные муки). Ясно, что мы имеем дело со своего рода древней теодицеей, то есть попыткой объяснить, как Бог может быть оправдан, несмотря на то, что в мире существует так много страданий. Ибо, согласно данному тексту, силы зла и те, кто на их стороне, не будут иметь последнего слова. Последнее слово будет за Богом. Этот мир может казаться клоакой горя и страданий, но все будет оправдано в мире грядущем. Бог восстановит свое имя и оправдает свой народ, вознаградив его за верность и наказав врагов за все зло, которое они совершили.

Здесь тот самый случай (как и большинство бесед между Петром и Иисусом), в котором христиане, рассказывающие эти истории, выражали свои собственные надежды, страхи, тоску, желания, симпатии и антипатии. Другими словами, христиане, по-видимому, использовали истории о Петре для того, чтобы выразить свое собственное понимание того, кто такой Бог, что значит слушаться его и что ждет тех, кто сделал иной выбор.

Глава четвертая

Петр в дни Страстей Господних

Евангелия Нового Завета иногда называют «Страстями». Придумавшие такое название имели в виду, что эти книги в значительной степени повествуют о страдании, смерти и воскресении Иисуса. Всё остальное в жизни Иисуса — всё его открытое, публичное служение — лишь предваряло ключевые события Страстей. Это можно заметить даже просто по количеству места, которое авторы Евангелий отвели событиям последних дней Иисуса. Например, в самом раннем Евангелии, Евангелии от Марка, шесть из шестнадцати глав посвящены последней неделе жизни Иисуса. Заключительное каноническое Евангелие, Евангелие от Иоанна, охватывает три года служения Иисуса в первых одиннадцати главах, а последнюю неделю — в оставшихся десяти.

Поэтому о последних днях и часах Иисуса мы знаем больше, чем о любом другом периоде его жизни. Соответственно в описаниях Страстей есть более существенные ссылки на Петра, чем в любой другой части Евангелий.

Петр в преданиях о Тайной вечере

В преданиях о Тайной вечере Иисуса со своими учениками Петр играет важную роль. В синоптических Евангелиях (от Матфея, Марка и Луки) Иисус празднует пасхальную трапезу{23}. Пасха была ежегодным иудейским праздником, на котором отмечался Исход, произошедший много веков назад, когда Моисей вывел порабощенных сынов Израилевых из Египта. Иудеи рассматривали это событие как результат искусного вмешательства Бога, и каждый год в память о нем они отмечали праздник. Данный праздник включал прием особой пищи, которая символизировала различные аспекты события: горькие травы напоминали о горьком рабстве их предков в Египте, пресный хлеб напоминал о том, что сыны Израилевы должны были бежать в большой спешке, и так далее. В синоптических Евангелиях описывается, как во время этой трапезы Иисус принимает часть символической пасхальной пищи и наделяет ее новой символикой, которая отражает новое деяние спасительного вмешательства Бога. Хлеб символизирует собственное тело Иисуса, которое должно было испытать страдания, а чаша с вином символизирует его собственную кровь, которая должна была пролиться.

С другой стороны, в Евангелии от Иоанна Тайная вечеря Иисуса описывается не как пасхальная трапеза. Она произошла вечером накануне Пасхи{24}. Соответственно в Евангелии

от Иоанна нет никакого упоминания о том, что Иисус устанавливает новое символическое значение уже символической пище. Вместо этого Иисус совершает другой символический акт. Он, Учитель двенадцати апостолов, препоясывается полотенцем, наливает воду в умывальницу и начинает умывать ноги ученикам, то есть делает то, что обычно делают слуги (см.: Ин. 13:1–11). Петр, как рассказывается в Евангелии от Иоанна, вместо того чтобы поставить ноги в умывальницу, начинает прекословить. Он спрашивает Иисуса, действительно ли тот собирается умыть его ноги; Иисус отвечает, что то, что он делает, Петр поймет позже. Петр парирует, что он никогда не позволит Иисусу умыть свои ноги. Тогда Иисус решительно заявляет: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною». Этого более чем достаточно для порывистого Петра, который теперь крайне взволнован и просит еще больше, чем Иисус любезно хотел дать: «Господи! не только ноги мои, но и руки и голову». Но Иисус объясняет Петру, что «омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь».

Такой сюжет не встречается ни в одном другом Евангелии, кроме Евангелия от Иоанна, и трудно установить, как на самом деле происходила эта беседа. Данный эпизод открыт для множества возможных истолкований. Многие полагают, что рассказчик думал о значении крещения для прощения грехов. Тот, кто омыт (то есть крещен), полностью чист, и только иногда должен снова умывать ноги (например, обращаясь к Иисусу для освобождения от грехов). Если это так, то пылкий ответ Петра Иисусу передает реакцию тех ранних христиан, которые, возможно, задавались вопросом, нужно ли им после того, как они временно порвали с верой в Иисуса, снова креститься. Эта беседа проясняет, что нет никакой необходимости в повторном крещении, а нужно лишь возвращение к Иисусу для прощения.

Сцена Тайной вечери, которая очень колоритно иллюстрирует характер Петра, встречается во всех четырех Евангелиях и является одним из самых известных эпизодов жизни Петра. Учитывая ее глубокую укорененность в традиции, ее можно отнести к тому, что произошло в действительности. Согласно Евангелиям, Иисус знает, что его предадут, и он предсказывает, что его ученики покинут его. Трудно понять, является ли предсказание Иисуса историческим или это история, рассказанная позже, чтобы объяснить, что Иисус не был внезапно застигнут событиями, которые отняли у него жизнь. Но предание о браваде Петра перед лицом катастрофы может быть вполне подлинным. Во всех евангельских повествованиях, когда Иисус предсказывает, что все его покинут, Петр заявляет, что он в любом случае никогда не покинет его. В самом раннем тексте он говорит: «Если и все соблазнятся, но не я» (Мк. 14:29). А в версии Луки он говорит еще более смело: «Господи! с Тобою я готов и в темницу и на смерть идти» (Лк. 22:33). Через тридцать лет он действительно сделал это, но во время ареста Иисуса все произошло иначе. Быстро же камень был разбит!

Петр во время ареста Иисуса

Мы уже отмечали, что характер Петра окончательно проявился в решающий момент ареста Иисуса. Несмотря на то что он был одним из трех доверенных учеников «внутреннего круга», которых Иисус взял с собой, когда пошел помолиться в одиночестве, Петр, как оказалось, не заслуживал доверия. Иисус просто попросил, чтобы Петр, Иаков и Иоанн бодрствовали и подождали, пока он помолится, но три раза (согласно Евангелию от Марка) он возвращается и застает их спящими (см.: Мк. 14:32–42).

Когда Иуда Искариот приходит с отрядом воинов и служителей первосвященника для ареста Иисуса, мы узнаем, что один из учеников вынимает меч и отсекает ухо служителю первосвященника. В последнем из канонических Евангелий говорится (в других этого нет), что этим учеником был не кто иной, как пылкий Петр, который зарабатывает еще один упрек от Иисуса: «Вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» (Ин. 18:11). Почему Петр был с мечом, не говорится (разве Иисус и его последователи не были пацифистами?).

Но вскоре бравада улетучивается. В Евангелии говорится, что Петр не бежал с места событий сразу, а последовал за толпой, которая требовала, чтобы Иисус предстал перед иудейским судом по обвинению в богохульстве. Бегство других учеников вполне понятно: если их глава преступник, то как это отразится на них? Однако Петр «издали следовал за Ним» (Мк. 14:54); очевидно, он понимал, чем всё могло обернуться.

Положение складывалось неблагоприятным образом — и для Иисуса, который был осужден за свое учение, и для Петра, который из страха трижды отрекся от своего Учителя, причем в быстрой последовательности (либо до того, как петух прокукарекал дважды, согласно Евангелию от Марка, либо прежде, чем петух вообще прокукарекал, как рассказывается в других Евангелиях). Это тройное отречение от Иисуса отмечает момент, о котором сам Петр, несомненно, очень хотел бы забыть. Но христиане сохранили в памяти эту историю. Здесь самый близкий последователь Иисуса, его «правая рука», тот, о ком он сказал, что будет строить на нем, как на камне, свою Церковь, отворачивается от своего Учителя, чтобы спасти свою собственную шкуру, скрывает, что он знал того, кому клялся в преданности, за кого выражал готовность пострадать и умереть. Привлекательность данного сюжета для христианских рассказчиков очевидна, ибо, сколькие из нас позволили страху взять верх над собой, оказывались малодушными в момент настоящего испытания, стремясь сохранить свое собственное благополучие, даже если это означало отказ от своих обещаний, или поворачивались спиной к тем, кого мы прежде любили и лелеяли? Отречения Петра не травмировали Иисуса; он, как и было предначертано, находился на пути к кресту. Но они причинили боль самому Петру, показав ему, когда наступил момент истины, что он вероломен.

Если бы история Петра на этом и закончилась, печальный случай с отречением, вероятно, не имел бы того значения, которое он приобрел в течение столетий для христианских рассказчиков и слушателей. Но в более широком плане Евангелий малодушие Петра описывается на фоне верности Иисуса, который, как мы увидим, оставался верным своему спутнику, несмотря на его отречение.

Петр во время распятия Иисуса на кресте

Согласно самому раннему евангельскому тексту, единственными последователями Иисуса, которые издали видели, как его распяли, были несколько женщин, сопровождавших его во время странствия из Галилеи в Иерусалим для ежегодного празднования Пасхи: Мария Магдалина, еще одна женщина по имени Мария и женщина по имени Саломея (см.: Мк. 15:40). Матфей тоже упоминает группу женщин, но имена некоторых из них отличны от имен, названных в Евангелии от Марка. Иоанн указывает, что вместе с Марией Магдалиной была мать самого Иисуса, Мария, и неназванный ученик, которого Иисус любил (не Петр). Только у Луки предполагается, что Петр, возможно, присутствовал при казни Иисуса на кресте; в его тексте говорится: «Все же, знавшие Его, и женщины, следовавшие за Ним из Галилеи, стояли вдали и смотрели на это» (Лк. 23:49). Наверное, здесь допущено преувеличение, так как у Иисуса были сотни знакомых и, конечно, не все они там были.

Однако есть неканонические тексты, в которых указывается, что Петр хорошо знал о событиях, которые происходили во время казни Иисуса на кресте. Несколько из этих текстов заинтересовали современных ученых, потому что они были обнаружены только в наше время, и в них утверждалось, что они были написаны не кем иным, как самим Петром.

«Евангелие от Петра»

Ученые давно знали о существовании Евангелия, предположительно написанного самим Петром, потому что «отец истории церкви» Евсевий рассказывает о нем в своей «Церковной истории», где упоминается об этой книге и кое-что говорится о ее характере. В конце II века

в Сирии некоторые христиане использовали данное Евангелие как Священное Писание. Однако оно было запрещено после того как епископ по имени Серапион прочитал его и посчитал, что в нем содержались места, которые можно легко интерпретировать как еретическое понимание Христа. Данная ересь была связана с учением, известным тогда под названием докетизм. Это слово происходит от греческого термина *dokeo,* что означает «казаться», или «являться». Докетизм учил, что Иисус Христос на самом деле не был человеком из плоти и крови, но лишь казалось, что он человек. Основная идея, лежащая в основе докетических взглядов на Иисуса, состояла в том, что если Христос был настоящим Богом, то он, очевидно, не мог быть подвержен человеческим ограничениям — боли, страданию и смерти. В таком случае как получалось, что он мог *казаться* человеком? Ибо фактически он полностью был призраком.

Мы знаем о докетических христианах (и имена некоторых из них) примерно со времен епископа Серапиона. Грубо говоря, было два вида докетов. Одни полагали, что Христос лишь казался человеком, потому что его тело не состояло из настоящих плоти и крови, а было фантомом, который просто принял вид плоти и крови. И поэтому, когда Иисус умирал на кресте, он на самом деле не чувствовал боли, не терял крови, то есть в действительности не умирал. Лишь казалось, что он умер.

Другой вид докетизма был немного более сложным. Согласно этому взгляду, в Иисусе Христе было два отдельных существа: Иисус, который был настоящим человеком из плоти и крови, и Христос, который был Всевышним и временно снизошел в Иисуса, чтобы пребывать в нем, наделив силой творить чудеса и провозгласить сверхъестественное учение, а затем оставил его перед смертью умирать одного. Докеты данного толка иногда апеллировали к Евангелию от Марка, где говорится, что во время крещения Иисуса небеса разверзлись и Дух Божий сошел на Иисуса (Мк. 1:10). Именно тогда Всевышний вселился в тело Иисуса. Но затем, в конце Евангелия, когда Иисус висел на кресте, он взмолился: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мк. 15:34). Вот в этот момент божественный Дух, Христос, оставил Иисуса переживать свою судьбу и умирать на кресте.

Согласно епископу Серапиону, как об этом рассказал Евсевий, Евангелие, предположительно написанное Петром, основывается на докетическом толковании Христа. К сожалению, Серапион не уточняет, какие отрывки «Евангелия от Петра» он имел в виду и о каком виде докетизма говорил. К еще большему сожалению, сама книга была утеряна, став недоступной для исследователей в течение многих столетий.

Затем, по воле одной из счастливых случайностей в истории археологии, в 1868 году в Ахмиме (Akhmim), в Египте, во время раскопок была найдена часть «Евангелия от Петра». Французская археологическая группа, раскапывавшая древнехристианское кладбище, наткнулась на могилу монаха VIII века. Он был похоронен вместе с книгой. Среди всего прочего, в книге содержалось фрагментарное Евангелие, которое было написано от первого лица. Автор утверждал, что он Петр[25].

Это было не полное Евангелие, а лишь фрагмент достаточно объемного повествования; сохранившийся фрагмент начинается на полуслове и обрывается также на полуслове. Сколько текста было утеряно, мы, наверное, никогда не узнаем. Но то, что сохранилось, захватывающе интересно для историков раннего христианства. Хотя книга была написана примерно в начале II века, примерно через пятьдесят лет после того, как умер сам Петр. В ней приводится рассказ о суде над Иисусом, о его смерти и воскресении, рассказ от имени Петра, якобы автора книги, свидетельствующего о достоверности повествования.

Надо сказать, что пишущий под псевдонимом автор не очень часто упоминает себя в тексте. Большая часть повествования ведется от третьего лица. Но есть поразительные строки текста, которые выделяют его среди сохранившихся описаний смерти Иисуса. В этом рассказе римские власти, возглавляемые Понтием Пилатом, очень мало или почти никак не связаны с казнью Иисуса. Фрагмент начинается сразу после того, как Пилат «умыл руки», и

говорится, что «из иудеев же никто не умыл рук»[5]. Далее, уже в первом стихе, задается тональность всего произведения. Именно иудеи и их первосвященники ответственны за смерть Иисуса, а не римляне. Это стало заметной темой во II веке и в более поздние столетия, когда иудеев стали считать повинными в смерти своего собственного мессии и в конечном счете пометили одиозным термином «христоубийцы».

В тексте содержится рассказ об Иосифе Аримафее, просившем тело Иисуса, о том, как осмеивали и распинали на кресте Иисуса. Сцена самой казни представлена несколько иначе, чем в Евангелиях Нового Завета. Например, говорится, что когда Иисуса распяли, он «молчал, как будто не испытывал никакой боли» (стих 10)[6]. Возможно, это был один из тех отрывков, которые Серапион считал открытыми для докетического толкования? Иисус вел себя так, будто не испытывал никакой боли, потому что он на самом деле не чувствовал боли?

Есть еще один любопытный эпизод, не зафиксированный в других Евангелиях. Как и в других текстах, вместе с Иисусом были распяты два преступника. Но здесь не сказано, что оба злодея дразнили Иисуса (как в Евангелии от Марка) или один насмехался над ним, а другой мирно с ним разговаривал (как в Евангелии от Луки). Здесь один злодей упрекал римлян за то, что они казнили Иисуса, хотя у них не было на то никаких оснований. Разгневанные его дерзостью, римские солдаты решили не перебивать ему ноги. То есть они хотели, чтобы его страдания не закончились быстрее, чтобы его муки продлились дольше{26}.

При описании предсмертного момента появляется еще один важный стих, ибо здесь его последний крик об оставленности несколько отличается от того, что мы читаем в Евангелиях от Марка и Матфея. Иисус взывает: «Сила моя, сила, ты оставила меня!» (стих 19)[7]. Является ли данный стих еще одним из тех, которые можно было бы интерпретировать докетически, указывающим на то, что божественный элемент в Иисусе оставил его умирать одного?

После рассказа о том, как Иисус был снят с креста и погребен, повествование от третьего лица сменяется повествованием от первого лица:

«Я же с товарищами моими печалился, и, сокрушенные духом, мы спрятались, ибо нас разыскивали как злодеев и тех, кто хотел сжечь храм. Из-за этого всего мы постились и сидели, горюя и плача, ночь и день, до субботы» (стихи 26–27)[8].

Позже из текста, когда автор продолжает описывать удивительные события воскресения (которые мы рассмотрим ниже), мы узнаем, что рассказчиком является не кто иной, как сам Петр.

Христианин, который писал этот текст якобы от имени Петра, имел интересный взгляд на казнь Иисуса. Он рассказывает эту историю так же, как и все те, кто рассказывает истории с целью передать свои собственные идеи, в данном случае о том, что за смерть Бога ответственны иудеи, и о том, что, возможно, на самом деле Иисус был не человеком, подобным всем нам, а лишь казался таковым.

«Коптский Апокалипсис Петра»

Более явный докетический взгляд на страдания Иисуса можно найти в другом документе II века, в котором тоже утверждается, что он был написан самим Петром, в книге, известной как «Коптский Апокалипсис Петра». Так называют «Коптский Апокалипсис», чтобы отличать его от документа, который мы исследовали ранее, от текста, сохранившегося на древнегреческом и древнеэфиопском языках, в котором Петр совершает путешествие по раю и аду. «Коптский Апокалипсис Петра» — совершенно особый текст, не связанный с другими. О его существовании ничего не было известно вплоть до случайного открытия в

относительно недавнее время, когда его обнаружили в тайнике, найденном не археологами, разыскивающими погребенные сокровища, а египетскими крестьянами, которым нужны были удобрения.

Детали открытия остаются неясными до сих пор, спустя примерно шестьдесят лет после того, как оно произошло[27]. В 1945 году, когда группа из семи египетских крестьян, возглавляемых человеком по имени (что довольно примечательно) Мохаммед Али, случайно раскопала кувшин в пустыне около египетского города Наг-Хаммади, вблизи Нила, недалеко от города Луксор. Они искали в земле удобрения для своих садовых участков. Когда они обнаружили кувшин, они не знали, что с ним сделать, поскольку тот был запечатан, и они боялись, что внутри мог оказаться злой джинн. Поразмыслив, они решили, что в кувшине могло храниться золото, и поэтому разбили его мотыгами. Там не было ни джинна, ни золота, а лишь собрание из тринадцати книг в кожаных переплетах, имевших мало пользы для группы неграмотных крестьян в пустыне Египта.

В конечном счете эти книги попали в руки работников музея в Каире, которые рассказали об открытии известным ученым, знатокам древностей. К изумлению ученых, была обнаружена настоящая библиотека в значительной степени неизвестных сочинений ранних веков христианства. Оказалось, что книги были написаны в середине — конце IV века, но в них содержались антологии и более ранних текстов (всего пятьдесят два трактата), большинство которых, вероятно, первоначально были написаны намного раньше, а кое-какие — еще в начале II века[28].

Многие из этих текстов были сразу же признаны важными, потому что в них содержалось учение раннехристианских гностиков, которых мы скоро будем обсуждать. Поэтому данное собрание текстов иногда называют (несколько неточно) гностическими Евангелиями. Но чаще оно известно по месту своего открытия — как рукописи Наг-Хаммади. Все книги в собрании написаны на древнеегипетском (коптском) языке, хотя большая часть из них или даже все первоначально были написаны по-гречески (то есть мы имеем дело с коптскими переводами греческих оригиналов). В их состав входит и «Коптский Апокалипсис Петра», один из наиболее интригующих документов, обнаруженных в собрании, поскольку в нем сказано, что это текст самого Петра о том, что в действительности происходило во время распятия Иисуса на кресте.

Чтобы понять смысл данного текста, вначале следует хотя бы очень кратко рассказать о гностиках и их религиозных взглядах, — вопрос, к которому мы неоднократно будем возвращаться на протяжении всего нашего исследования. Термин «гностический» происходит от греческого слова *гнозис,* означающего «знание». Он используется в ряде древних источников и относится к людям, которые обладают особыми, часто тайными, религиозными знаниями, которые могут принести спасение.

Современные ученые иногда говорят о «гностической религии», как будто это была обособленная религия в Древнем мире, тогда как фактически существовал огромный диапазон религий, в которых подчеркивалось значение тайного знания для спасения. Эти религии не всегда разделяли одни и те же верования, практики и священное писание. Но были группы религий, которые можно рассматривать как обладающие одним и тем же базовым пониманием мира, в котором *гнозис* играл важную роль для спасения. Эти гностические религии, вообще говоря, утверждали, что мир, в котором мы живем, не является благим творением единого истинного Бога. Напротив, мир возник в результате какой-то космической катастрофы. Кроме того, материальное существование, на которое мы обречены в земном мире, отчуждает нас от нашей истинной жизни в качестве духовных существ. Цель гностических религий состоит в том, чтобы позволить нам выйти за пределы этого пагубного материального мира и вернуться в нашу небесную обитель, откуда мы пришли. Это может произойти, если мы узнаем истину о себе самих, окружающем нас мире, о

том, как мы сюда попали и как мы можем спастись. Другими словами, для спасения нам необходимо особое самопознание.

Согласно многим гностическим религиям, именно Христос дал особый *гнозис*, необходимый для спасения. Но как Христос мог бы открыть эту истину нам, не став материальным существом, то есть не попав в ловушку пагубного мира материи? Как правило, в своем понимании Христа гностики были докетами; одни из них считали его чистым призраком, другие полагали, что было различие между человеком Иисусом и божественным Христом. Для тех, кто принимал последнюю точку зрения, в распятом Иисусе умерла лишь его материальная часть (Иисус-человек). Духовное существо, Христос, пребывал по ту сторону страданий.

Именно здесь на первый план выходит «Коптский Апокалипсис Петра» — текст, написанный от имени Петра, в котором автор утверждает, что видел страдания Иисуса на кресте. Но как оказывается, несмотря на то что Спасителя пригвоздили к кресту, это было только внешнее явление.

Книга начинается с того, что Спаситель предупреждает Петра о других христианских лидерах, которые «слепы и глухи» по отношению к подлинной истине Евангелия, потому что «нет у них поводыря» (то есть у них нет истинного *гнозиса;* «Апокалипсис Петра», 74). Они «оскверняют истину» и «проповедуют дурное учение». Затем мы узнаем, что это люди, известные в церквах как «епископы» и «дьяконы». Другими словами, в этом тексте мы видим христианина-гностика, утверждающего, что он Петр, и критикующего христиан-негностиков, которые были, по-видимому, реальными главами христианских церквей.

Но далее идет действительно интересная часть. Петр говорит: «Увидел я, как он был схвачен ими» («Апокалипсис Петра», 81). Но Петр смущен, потому что над крестом он видит другого человека, «радостного и улыбающегося». Естественно, он хочет понять, чт***о*** он видит. И Спаситель говорит ему:

«Тот, которого ты видишь над крестом, радостного и улыбающегося, есть живой Иисус. А тот, в чьи руки и ноги они вбивают гвозди, это его физическая часть, которая всего лишь подмена. Они предают позору то, что является его подобием»[29].

Итак, согласно Петру, автору этого документа, получается, что есть три Христа: Христос, говорящий с ним; Христос, физическая часть которого была пригвождена к кресту (который является только заменителем настоящего Христа), и «живой» Иисус, который находится над крестом и смеется.

Но над чем он смеется? Далее сказано, что живой Иисус приблизился к Петру и говорил с ним, чтобы дать ему понять — часть его, которая была распята, «является домом бесов и сосудом, в котором они обитают и который принадлежит Элохиму и кресту, находящемуся под законом». Элохим — еврейское слово, означающее в Еврейской Библии «Бог». Поскольку гностики полагали, что этот мир является космической ошибкой, а не творением единого истинного Бога, они настаивали на том, что создавший этот мир Бог иудеев был малым, несведущим божеством. Именно этому миру принадлежит тело — сосуд, содержащий дух. Живой Иисус смеется, потому что те, кто распяли его, не имеют истинного знания (они «не знают»). Они думают, что могут убить его. Но он не может быть убит. Он — истинный дух, который был освобожден.

Сообщив Петру о своей истинной природе, Иисус утешает его: «Я буду с тобой, так что никто из твоих врагов не одолеет тебя. Мир с тобой. Будь сильным!» Далее говорится: «Когда он сказал это, Петр пришел в себя».

Вид***е***ние распятия открывает Петру, что в действительности означало для Христа быть пригвожденным к кресту. Это означало смерть его материального тела, но смерть не была способна затронуть дух. Так происходит и с теми, кто имеет истинное знание, которое может принести спасение: в действительности им невозможно причинить вред. Только их тела

могут быть замучены и убиты. Но их тела — не то, кем они на самом деле являются. Тело — это просто бесовская и греховная ловушка для души, которая, освобождаясь из нее, спасается и возвращается в свою небесную обитель.

Особое мнение Василида

Идея насчет Христа, смеющегося над своим собственным распятием на кресте, у некоторых читателей вызывала отвращение. Надо признать, это мало похоже на веселую шутку. Но, тем не менее, были и другие предания о казни Иисуса, тоже связанные с Петром, которые развивали эту шутку еще дальше. Одним из пользующихся нехорошей славой христиан-гностиков середины II века был учитель из Александрии (Египет) по имени Василид. Мы очень мало знаем об учении Василида, поскольку, к сожалению, ни одно из его сочинений не сохранилось. Поэтому мы вынуждены положиться на тексты, написанные его противниками, которые критиковали его взгляды. В первую очередь здесь следует назвать специалиста по ересям конца II века Иринея из Галлии, который написал критику гностиков и их учения в пяти книгах. Ириней дает краткое, но насыщенное деталями изложение взглядов Василида относительно Бога, мира и Христа. Местами трудно понять, дает ли он беспристрастное резюме о том, чему действительно учил Василид, или слегка (а может быть, и сильно) искажает картину, чтобы облегчить дискредитацию и высмеивание его взглядов.

В любом случае, согласно Иринею, Василид тоже проповедовал учение о смеющемся Иисусе (во время казни). Но у него этот поворот событий приобрел совершенно иной смысл. Если вы помните, в ранних Евангелиях говорится, что, когда Иисус был на пути к Голгофе, где его должны были распять, римские солдаты заставили нести за него крест прохожего, Симона из Киринеи (см.: Мк. 15:21). Согласно Василиду, именно в этот момент Иисус (который в конечном счете был божественным существом и мог делать почти всё, что хотел) сменил свою личность. Он чудесным образом преобразил Симона из Киринеи, сделав его похожим на себя, и изменил свой собственный облик, став похожим на Симона. В результате римляне распяли не того человека. Иисус каким-то невероятным образом стоял рядом с крестом и смеялся по поводу своего небольшого фокуса.

О том, что подобная подмена личности допускается, можно было подумать в ходе нашего обсуждения идей под широкой рубрикой докетизма. С этой точки зрения Христос в действительности не мог пострадать, потому что на самом деле он не был человеком. Как же тогда могло казаться, что он испытывает страдания? Это была всего лишь видимость; вместо него страдал кто-то другой.

Но какое всё это имеет отношение к Петру? В одном древнем предании, восходящем к автору конца II века, Клименту Александрийскому, мы узнаем, что Василид утверждал, будто он был учеником человека по имени Главкия, который, в свою очередь, был учеником Петра. Другими словами, здесь снова докетическое толкование распятия на кресте косвенно связано со взглядами, которых предположительно придерживался глава апостолов.

«Послание Петра Филиппу»

Последний пример докетических взглядов, которые вкладываются в слова Петра, можно найти в еще одном из документов, обнаруженных в Наг-Хаммади, в книге, которая содержит послание, предположительно написанное самим Петром апостолу Филиппу. Поэтому оно называется «Послание Петра Филиппу». Большая часть этой книги содержит беседу между воскресшим Иисусом и его учениками, которых собрал вместе Петр. Иисус открывает им природу мирской реальности и наставляет в том, как они могут достичь спасения своих душ.

Его наставление выражает гностическое миропонимание и путь просветления. После своей речи Иисус возвращается на небо, а Петр начинает говорить с другими апостолами о неизбежности того, что они пострадают в этой жизни. По ходу беседы он рассказывает также о страданиях и казни Иисуса, указывая, что в действительности, несмотря на видимые явления, страдание не могло затронуть самого Иисуса:

«[Петр] говорил так: „Наш свет, Иисус, спустился и был распят. И он носил терновый венец. И он надевал багряную одежду.

И он был распят на дереве, и он был похоронен в могиле. И он восстал из мертвых. Мои братья, Иисус чужд этому страданию"» («Послание Петра Филиппу», 139)[30].

Можно было бы задаться вопросом, почему христиане рассказывали о событии так, как настаивает Петр, — что Христос лишь по видимости пострадал. Важно помнить, что в ранние века Церкви были христиане, верившие, что этот мир — не окончательная реальность, не благое творение единого истинного Бога, но возник в результате космической катастрофы и не является подлинной родиной души. Наша настоящая родина находится на небе, и мы должны уйти из материального мира, чтобы обрести спасение. Таким образом, Христос, как утверждает в данных текстах Петр, не мог принадлежать этому пагубному миру, не мог быть подвержен его ограничениям, страстям и страданиям. Что же в таком случае его страдания? На самом деле все это было лишь видимостью. Христос — абсолютно божественное существо, а божественное — за пределами всякого страдания. Наше собственное земное страдание с этой точки зрения является временным и обусловлено тем, что мы ловимся в сети этого чуждого, несовершенного мира. Но мы тоже можем последовать примеру Христа и освободиться из западни, вернуться в свою небесную обитель, где не будет никакого материального зла, а только мир и покой.

Петр и воскресение

Можно с уверенностью сказать, что если бы никто не поверил в то, что Иисус воскрес из мертвых, то религиозное движение, которое он основал, умерло бы вместе с ним. Христианство так никогда и не возникло бы. Безусловно, традиционное христианство учит, что смерть Иисуса принесла в мир спасение. Но именно последующее воскресение сделало его смерть тем, чем она была. Как только люди поверили, что Бог оправдал Иисуса, воскресив его из мертвых, стало ясно, что распятие на кресте не было простой ошибкой правосудия; это был план Бога по спасению мира. Таким образом, доктрина воскресения лежит в основании христианской религии. Без него Иисус остался бы еще одним иудейским пророком, которого постигла трагическая и незаслуженная гибель.

Можно ожидать, что Петр, будучи главой апостолов, должен играть центральную роль в ранних преданиях о воскресении Иисуса из мертвых.

Описание воскресения

Может показаться несколько странным, что в Евангелиях Нового Завета не рассказывается о том, как происходило воскресение. Из них можно узнать, что Иисус был похоронен в гробнице Иосифом из Аримафеи, и что через три дня эту гробницу нашли пустой. Но в них не дается никакого описания того, что произошло, когда Иисус вышел из гробницы.

Однако такое описание есть вне Нового Завета, и оно находится именно в «Евангелии от Петра». Автор рассказывает об этом не от первого лица, не как об увиденном им самим. Но он описывает воскресение как фактическое событие, которое в данном случае подкрепляется авторитетом предполагаемого автора, самого Петра.

И это описание удивительно. После похорон Иисуса иудейские первосвященники боялись, что ученики Иисуса выкрадут его тело из гробницы, и поэтому они убедили правителя Пилата дать им охрану, чтобы они сторожили ее в течение трех дней. Пилат назначил на это центуриона по имени Петроний вместе с группой солдат. Те прикатили огромный камень, привалили его ко входу в гробницу, запечатали семью печатями (вероятно, для того, чтобы никто уж точно не смог туда пробраться) и по очереди стали сторожить.

Но утром третьего дня с неба раздался громкий голос, небеса разверзлись, и к гробнице спустились два человека. Камень сам откатился в сторону, и эти двое вошли внутрь. Солдаты охраны пошли разбудить Петрония, и когда они рассказывали ему о случившемся, они увидели, что из гробницы вышли три человека. Двое из них были высокими, как горы, а головы их достигали неба. Они поддерживали третьего, который был еще более высоким, с головой выше неба. А за ними из гробницы вышел крест. С неба раздался голос: «Возвестил ли Ты усопшим?» И был ответ с креста: «Да»[9].

Этот чудесный сюжет явно стремится подчеркнуть несколько моментов. Самым очевидным является то, что гробница оказалась пустой на третий день не потому, что кто-то выкрал тело, а потому, что Бог сотворил чудо, выведя Иисуса живым. Удивительный характер события оттенен тем фактом, что камень, огромный и запечатанный семью печатями, откатился сам собой, как только с неба сошли ангельские фигуры. В этом рассказе подчеркивается также божественная природа Иисуса, поскольку он выходит из гробницы с головой выше неба. (Его поддерживают двое других. Не потому ли, что он все еще слаб из-за физического испытания распятием на кресте? Но можно предположить, что для тела, окруженного ореолом сияния, это не будет проблемой.) И наконец, ясно указано, что благодаря жертве Христа спасение распространилось даже на царство мертвых. Отсюда необходимость в разговоре с крестом, символизирующим орудие казни Иисуса. Ведь благая весть о спасении была возвещена и тем, кто умер раньше, праведным святым, ждущим своего искупления в приготовленном им месте преисподней.

Таков единственный сохранившийся текст «Евангелия от Петра» относительно того, что означает воскресение Иисуса: Иисус божествен и благодаря его жертвенной смерти, как это доказывает могущественное вмешательство Бога, в мир пришло спасение.

Обнаружение пустой гробницы

Хотя в сохранившихся текстах Евангелий не рассказывается о событиях воскресения как такового, в них имеются два свидетельства того, что Иисус воскрес из мертвых: на третий день его гробница была обнаружена пустой, и позже он сам явился своим последователям. Однако долгое время осторожных читателей удивляли самые разнообразные расхождения между каноническими текстами в их описании этих событий. Насчет пустой гробницы Евангелия расходятся в том, какие люди вошли в нее, что они там обнаружили, с кем встретились, что им говорили, и что они сделали в ответ. Подробнее мы рассмотрим эти истории в более поздней главе, поскольку ключевой фигурой в них является Мария Магдалина. Пока же нас интересует роль Петра.

Ни в одной из евангельских историй Петр не говорил, что он первым обнаружил пустую гробницу. Всегда это открытие делали именно женщины (или одна Мария Магдалина). И в большинстве текстов сообщается, что они были единственными свидетельницами пустой гробницы. Так об этом рассказывается в Евангелиях от Матфея, Марка, в «Евангелии от Петра» и в первоначальной версии Евангелия от Луки. Но существует еще одно предание о пустой гробнице — в некоторых рукописях Евангелия от Луки, и связано оно с Петром.

Чтобы прояснить смысл этого альтернативного предания, я должен вкратце сказать о сохранившихся текстах. К сожалению, у нас нет оригиналов какого-либо из Евангелий: все

они были потеряны или уничтожены после того, как были созданы и переписаны теми, кто хотел распространить эти книги в своих общинах. У нас даже нет первых копий этих книг или даже копий тех копий. Мы располагаем лишь рукописными копиями, которые появились уже через много десятилетий — в большинстве случаев через много столетий — после того, как были написаны, переписаны и утеряны оригиналы{31}.

Существуют тысячи рукописных копий, главным образом времен Средневековья. Одна из проблем, с которой сталкиваются ученые, заключается в том, что все эти копии отличаются друг от друга (это верно для всех раннехристианских текстов, а не только для Евангелий). Переписчики вольно или невольно изменяли текст: делали случайные ошибки в процессе транскрипции или преднамеренно изменяли то, что переписывали, чтобы немного «улучшить» повествование.

Подобную попытку усовершенствования представляет собой история о пустой гробнице в Евангелии от Луки, и она связана с Симоном Петром. Согласно Луке, женщины, вошедшие в гробницу, обнаружили, что там нет тела Иисуса. Но появились «два мужа в одеждах блистающих» (Лк. 24:4), очевидно, ангелы, сказавшие им, что Иисус воскрес из мертвых. Женщины ушли, чтобы рассказать ученикам, но «показались им [ученикам] слова их [женщин] пустыми, и не поверили им» (Лк. 24:11).

Ученики не верили до тех пор, пока Иисус действительно не явился им, чтобы они уверовали. Но в стихе, которого, вероятно, первоначально не было в тексте Евангелия от Луки, в стихе, добавленном более поздними переписчиками, мы имеем ссылку на одного из учеников, вошедшего в гробницу и уверовавшего:

«Но Петр, встав, побежал ко гробу и, наклонившись, увидел только пелены лежащие, и пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему» (Лк. 24:12){32}.

Это важное дополнение, потому что теперь сообщение о пустой гробнице уже не просто праздный рассказ не заслуживающих доверия женщин: этот факт был проверен главой апостолов. Кроме того, важно и то, что Петр увидел. Строго говоря, гробница не была пустой. Тела Иисуса там не было, но остались лежать его погребальные покровы. Другими словами, Иисус появился из гробницы в сияющем теле, больше не нуждаясь в земных одеяниях. Этот нюанс должен был служить лишним убедительным свидетельством физического воскресения Иисуса.

Интересно, что похожее предание о Петре и пустой гробнице мы находим в Евангелии от Иоанна, последнем из канонических Евангелий. Как рассказывает Иоанн, на третий день в гробницу вошла Мария Магдалина и обнаружила ее пустой. Но она рассказывает об этом не всем ученикам, она бежит к Симону Петру и еще одному неназванному и таинственному ученику, которого Иоанн определяет просто как «ученика, которого любил Иисус». Данная фигура несколько раз появляется в последних главах Евангелия от Иоанна. Согласно древней традиции, этим «любимым учеником» является не кто иной, как сам Иоанн, сын Зеведея и предполагаемый автор четвертого Евангелия{33}.

Как только Мария сказала им: «Унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его» (Ин. 20:2; она, очевидно, еще не понимает, что Иисус воскрес из мертвых), — оба ученика устремились к гробнице. «Любимый ученик» опережает Петра и приходит первым, чтобы заглянуть внутрь, но именно Петр первым входит в гробницу «и видит одни пелены лежащие, и плат, который был на главе Его, не с пеленами лежащий, но особо свитый на другом месте» (Ин. 20:6–7). Очевидно, Иисус, перед тем как выйти из гробницы, аккуратно сложил свои погребальные одеяния.

В тексте не говорится, что Петр поверил в воскресение на основе своего открытия. Показательно, что *другой* ученик, который вошел после Петра и увидел странное зрелище, понял, что все это значит: «и увидел, и уверовал». Но Петр также довольно скоро поверил, поскольку Иисус явился ему и другим людям.

Явления Иисуса после воскресения

В самых ранних сохранившихся источниках описание того, кто первый увидел Иисуса живым после его воскресения, меняется от одного автора к другому. Согласно апостолу Павлу, Христос «явился Кифе, потом двенадцати» (1 Кор. 15:5). Это свидетельство совпадает по крайней мере с одним из евангельских текстов. В повествовании Луки, после того как женщины рассказали ученикам о пустой гробнице, двое других последователей Иисуса (не из двенадцати апостолов, а другие, сопровождавшие их люди) шли по дороге к селению Эммаус, и сам Иисус явился им. Однако они не узнали его и начали говорить с ним как с незнакомцем. Они обсудили трагические события прошедших нескольких дней, и один из них, Клеопа, выразил удивление, что незнакомец не слышал о том, что произошло с Иисусом, который был «предан» иудейскими «первосвященниками и начальниками» в руки римских властей и распят на кресте. Но его гробница, как он рассказал, была теперь обнаружена пустой.

Иисус, все еще не открываясь, упрекает их за непонимание того, что все это должно было произойти в соответствии со Священным Писанием. Он сопровождает их до селения, и они убеждают его остаться с ними. Когда они сидели за столом, он преломил хлеб и дал им, и далее в тексте написано: «Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его» (Лк. 24:31). Но тут же Иисус стал невидимым для них.

Они тотчас возвратились в Иерусалим, чтобы рассказать одиннадцати оставшимся ученикам о том, что произошло, и когда пришли, то узнали от них, что «Господь истинно воскрес и явился Симону» (Лк. 24:34). *Возможно*, в данном случае это совпадает с описанием событий у Павла, согласно которому первое явление Иисуса было Петру, хотя из версии Луки не вполне ясно, было ли явление Иисуса Симону до или после того, как он явился Клеопе и его неназванному спутнику по дороге в Эммаус.

Согласно Луке, Иисус явился затем всем одиннадцати оставшимся ученикам, в том числе и Петру, которые явно испугались, думая, что они видят призрак. Однако Иисус показал им свои руки и ноги и предложил потрогать их; видя, что у них все еще оставались сомнения, он попросил немного еды. Они дали ему кусок жареной рыбы, и он съел его у них перед глазами (см.: Лк. 24:36–43).

Данный момент описания, очевидно, должен был подчеркнуть тот факт, что Иисус *физически* воскрес из мертвых. После воскресения он все еще имел телесное существование. Его можно было видеть и потрогать руками, и он все еще мог есть пищу. Это не был какой-то призрак. Это был сам Иисус, его тело ожило.

В другом каноническом Евангелии есть иные рассказы о явлении Иисуса после воскресения. Наверное, самым поразительным текстом является Евангелие от Марка, поскольку в его первоначальной версии, очевидно, вообще не было никакого явления Петру или кому-то другому. Согласно Евангелию от Марка, когда женщины вошли в гробницу, они нашли юношу, «облеченного в белую одежду», но не Иисуса. Юноша объяснил им, что Иисус воскрес из мертвых. Затем он дал им открытое наставление: «Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам» (Мк. 16:7). Показательно, что Петр особо упоминается в дополнение к другим ученикам. Это, конечно, не потому, что он не был одним из учеников, а потому, что именно ему велено пойти и встретить Иисуса. Почему же именно ему? Несомненно, потому, что он был тем, кто три дня назад отрекся от своего Господа. Это был способ подтвердить, что Иисус распространяет свое прощение на изменчивого Петра, несмотря на его неверие.

Но что действительно странно, так это то, как данная история заканчивается в Евангелии от Марка. В последнем стихе книги говорится, что на самом деле женщины ничего не говорят Петру и другим ученикам: «И, выйдя, побежали от гроба; их объял трепет и ужас,

и никому ничего не сказали, потому что боялись» (Мк. 16:8). И на этом книга заканчивается[34].

Ранее я уже упоминал о том, что есть места, где переписчики изменили текст, пытаясь «улучшить» его (по крайней мере, со своей точки зрения). Здесь перед нами еще одно такое место. Вероятно, многие читатели Евангелия от Марка, в том числе и переписчики, были озадачены таким резким и неожиданным заключением. Женщины никому ничего не рассказали? Разве Петр и другие не услышали благую весть? Но если они не услышали, то как случилось, что Марк узнал, что Иисус воскрес из мертвых?

Для некоторых переписчиков такое окончание было слишком неожиданным, и поэтому они сочинили свое собственное окончание, в котором позже Петр и другие ученики узнали о воскресении и пришли, чтобы увидеть самого Иисуса. Более того, переписчики добавляли различные окончания, так что в сохранившихся рукописях Евангелие от Марка завершается по-разному. В одном окончании говорится, что женщины сообщили «Петру и тем, кто с ним», о том, что им рассказали, и что затем Иисус встретился с ними и послал проповедовать Евангелие. В более пространном окончании, которое попало в Английскую Библию короля Якова, Иисус не встречается наедине с Петром; он явился Марии Магдалине (чьим словам ученики не поверили), двум неназванным ученикам (кому они также не поверили) и наконец — одиннадцати ученикам, включая Петра.

В отличие от Евангелия от Марка, в Евангелии от Матфея женщины действительно передали ученикам, чтобы они встретили Иисуса в Галилее. Они идут туда группой и встречают его там. Об особом явлении Иисуса лично Петру ничего не говорится.

В Евангелии от Иоанна описывается ряд явлений Иисуса после его воскресения: сначала одной Марии Магдалине, потом — десяти ученикам (Фомы там не было) и всем одиннадцати (см.: Ин. 20:11–29). Затем следует одно из самых интересных описаний явлений воскресшего Иисуса, которое особенно важно для Симона Петра и его отношений с Иисусом. В Евангелии от Иоанна говорится, что Симон и шесть других учеников вернулись в Галилею, и Симон объявил, что идет ловить рыбу. Другие решают присоединиться к нему, и они всю ночь безуспешно рыбачили. Затем на рассвете на берегу появился Иисус, но снова не открываясь. Ученики не узнают его. Он спрашивает, поймали они что-нибудь или нет. Когда Иисус узнает, что улова нет, он учит их забросить сеть по правую сторону от лодки. Поступив так, они получили огромный улов. Потом неназванный ученик, «которого любил Иисус», сказал Петру, что «это Господь». Импульсивный Петр набрасывает свою одежду (он разделся для рыбной ловли) и ныряет в море, чтобы приплыть к берегу (можно было бы ожидать, что он оставит свою одежду в лодке, если собирался плыть, но именно так описывается его поступок в Евангелии от Иоанна (см.: 21:1–8).

Остальные ученики сошли на берег с сетью, наполненной добычей, и позавтракали с Иисусом хлебом и рыбой. Снова, как и в Евангелии от Луки, это, возможно, подчеркивает, что воскрес из мертвых именно телесный Иисус, а не просто какой-то призрак. После завтрака происходит важная беседа, во время которой Иисус три раза спрашивает Петра: «Любишь ли ты Меня?» И каждый раз Петр говорит: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя»[35]. После каждого из таких утверждений Иисус велит ему заботиться о своих овцах («паси овец Моих»).

Здесь снова, как в Евангелии от Марка, мы, по-видимому, имеем описание, в котором Иисус восстанавливает с Петром свою дружбу после резкого обрыва их отношений, вызванного отречениями Петра. Три раза Петр утверждал, что не знает Иисуса. И теперь он имеет возможность трижды подтвердить не только то, что знает Иисуса, но и то, что любит его. Иисус любезно отвечает и убеждает Петра взяться за предстоящую ему задачу: подобно доброму пастырю, следить за порученными ему учениками.

Затем Иисус предсказывает собственную смерть Петра:

«Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь» (Ин. 21:18).

Автор Евангелия комментирует, что Иисус сказал это, «давая разуметь, какою смертью [Петр] прославит Бога» (Ин. 21:19). Возможно, Евангелие от Иоанна было написано после смерти Петра, и автор знал, что он был предан мученической смерти как свидетельствующий об Иисусе, — тема, которую мы более подробно рассмотрим в следующей главе.

По-видимому, «Евангелие от Петра» имело такое же окончание, как Евангелие от Иоанна, в котором Иисус явился ученикам после их рыбной ловли в Галилее. К сожалению, как я уже ранее указывал, мы не имеем этого Евангелия полностью, а та часть, которая у нас есть, прерывается на середине предложения. Но вполне ясно, что там должно быть явление Иисуса своим ученикам у моря Тивериадского. Ибо говорится, что после того, как женщины обнаружили пустую гробницу и узнали, что Иисус воскрес, двенадцать учеников были поражены печалью{36}. А затем наступает интригующий конец истории:

«Я же, Симон Петр, и Андрей, брат мой, взяв сети, отправились к морю. И был с нами Левий, сын Алфеев, которого Господь…»[10]

На этом и заканчивается сохранившийся фрагмент «Евангелия от Петра».

Петр и воскресший Иисус

Есть несколько важных тем, которые периодически возникают во всех историях относительно встречи Петра с воскресшим Иисусом, тем, которые раннехристианские рассказчики хотели особо подчеркнуть. Один постоянный рефрен заключается в том, что воскресение Иисуса не было праздной историей, сочиненной глупыми женщинами, — тема, к которой мы еще вернемся, когда будем обсуждать Марию Магдалину и ту важную роль, которую она играет в историях об Иисусе. Раннехристианские рассказчики, похоже, не были высокого мнения о женщинах, хотя следует отметить, что несколько из сохранившихся историй указывают на то, что и *мужчинам* иногда не верили, когда те сообщали, что Иисус воскрес из мертвых (см.: Мк. 16:13; Ин. 21:24–25). Но в любом случае несколько источников сходятся в том, что сообщения женщин проверили сами ученики, и в частности глава учеников Симон Петр.

Кроме того, в некоторых из описаний воскресения подчеркивается физический характер существования Иисуса, когда он воскрес из мертвых. Петр и другие могут видеть, слышать его и трогать его руками. Они могут дать ему поесть рыбу и хлеб. Они могут убедиться, что он — не призрак, и ощутить его реальное личное присутствие. Это должно было стать важным моментом учения для тех ранних христиан, которые, с одной стороны, отрицали докетическую христологию, а с другой — настаивали на том, что жизнь вечная для верующих будет телесным существованием, а не жизнью развоплощенного духа (ср. рассказ Павла в 1 Кор. 15).

Итак, в повествованиях подчеркивается, что после воскресения Иисус восстановил испорченные отношения с Петром. При жизни Иисус избрал Петра, чтобы тот стал его главным учеником, его «правой рукой». Но в тот момент, когда это действительно имело значение, Петр бросился наутек и три раза отрекся от Иисуса. Однако это отречение не привело к вечному отчуждению. В Евангелии от Марка, самом раннем из сохранившихся текстов, посланец в гробнице наставляет женщин, чтобы они велели Петру встретить воскресшего Бога в Галилее. А в последнем каноническом тексте, Евангелии от Иоанна, Иисус ведет частную беседу с Петром, три раза спрашивая, любит ли он его. Получая утвердительный ответ, он уполномочивает Петра заботиться о своих последователях и призывает готовиться к мученической смерти.

Однако существует еще одно описание встречи Петра с Иисусом после его воскресения, которое в значительной степени расходится с теми, которые мы к данному моменту

рассмотрели. В ранее упомянутом «Послании Петра Филиппу» говорится, что Петр собрал учеников после воскресения, они молились Христу, и тогда он явился им. Но он явился не в теле. Вернее, в этом тексте говорится, что он был «в теле» в прошлом, а теперь он уже не был в нем («Послание Петра Филиппу», 133, 16). Он явился им в виде великого света на вершине горы. Из света раздался бесплотный голос, говоря им: «Я Иисус Христос, который с вами навеки».

Потом ученики задали Христу несколько вопросов о том, как мир превратился в то, чем он стал (ужасным местом), и как они могли бы спастись отсюда — вопросы, по-настоящему волновавшие христиан-гностиков, полагавших, что материальный мир есть порочное царство, западня. Они, подобно самому Иисусу, стремились спастись от порочных правителей сего мира, и они нуждались в его руководстве насчет того, как это можно сделать. Иисус дал им ответы, которых они искали, сказал, что реально он явился в смертном теле, но что фактически оно было лишь «смертной почвой», которая удерживала его дух, пока он был на земле, и что он дурачил тех, кто смотрел на него и думал, что он «смертный» (136, 20). Они тоже должны были избавиться от той своей части, которая «испорчена» (то есть от физического тела), чтобы достичь просветления и таким образом обрести спасение. Именно после этого Петр продолжает объяснять, как уже указывалось ранее, что когда казалось, что Иисус испытывает страдания, на самом деле он был «чужд этому страданию».

В данном тексте, в отличие от канонических, достаточно внятно выражено, что Петр придерживается докетического понимания Иисуса и веры в его бестелесное существование после воскресения. Другими словами, так как тело — это материальная сущность и так как материальная форма не является частью истинно божественного, Иисус вместе со всеми, кто присоединился к нему во время его воскресения, живет духовным, бестелесным существованием в загробной жизни.

На примере этого альтернативного вид*е*ния Иисуса после его воскресения ясно, что истории о Петре использовались разными христианами для самых разнообразных целей. Разные христианские авторы придумывали истории, которые могли служить опорой для их собственных верований. Даже если эти истории, — скажем, о встрече Петра с его воскресшим Господом, — сочинены в соответствии с идеями и теологическими программами тех, кто рассказал их, а не в соответствии со стремлением сохранить исторические факты о том, что в действительности обнаружилось на третий день после смерти Иисуса. Для таких рассказчиков Петр важен постольку, поскольку его авторитет можно использовать, независимо от того, отражают ли предлагаемые описания исторические события, представляют ли собой выдумки более поздних времен или же соединение того и другого.

Глава пятая

«На сем камне Я создам Церковь Мою»

В историческом отношении Петр является важной фигурой, но не только потому, что он был главным учеником Иисуса и одним из первых понял, что Иисус воскрес из мертвых. Хотя уже эти два факта делают Петра одной из самых значительных личностей в истории христианской религии. Самое главное, что его жизненная история должна была продолжиться на долгое время после смерти Иисуса. Ибо Петр играл важную роль, точнее, несколько важных ролей в расцветающей христианской общине, которая возникла, как только последователи Иисуса поверили в его воскресение. Петр описывается как первый христианский евангелист и миссионер; он изображается как первый христианский проповедник; он, как предполагается, стал одним из первых христианских авторов; он, как считают некоторые, был одним из первых христианских «епископов», фактически епископом Рима, и следовательно, первым Римским папой; и он бесспорно рассматривается как один из самых ранних христианских мучеников. Для простого неграмотного рыбака из Галилеи это довольно внушительная биография.

Петр как миссионер

В новозаветной книге Деяний апостолов Петр изображается как первый христианский евангелист. В день Пятидесятницы он проповедовал толпе иудеев, которые были поражены знаками Духа, сошедшими на учеников Иисуса: они говорили на иных языках, возвещая благую весть иудеям, прибывшим в Иерусалим отовсюду, и каждый ученик говорил на языке кого-то из них. Благодаря проповеди Петра тотчас обратились в веру в Иисуса три тысячи человек. Вскоре после этого он возле Храма исцелил хромого человека и объявил собравшейся толпе, что сделал это во имя Иисуса. Обратились еще пять тысяч. Расцвет карьеры Петра как миссионера здесь, во вступительных главах Деяний, не становится неожиданностью для читателей Евангелий, которые помнят, что Иисус первым призвал его, чтобы сделать его «ловцом человеков», то есть захватывать сердца других для благой вести.

То, что именно таким был путь Петра после воскресения Иисуса, засвидетельствовано также апостолом Павлом, миссионером у язычников, который указывает, что его собственное служение неиудеям шло параллельно миссионерскому служению Петра у иудеев (см.: Гал. 2:7–8). В другом месте Павел указывает, что Петр брал с собой в миссионерские странствия свою жену, предполагая, что она тоже участвовала в его миссии (см.: 1 Кор. 9:5).

Начало языческой миссии

Категоричное утверждение Павла о том, что работа Петра была ограничена «обрезанными», несколько расходится с важным эпизодом, встречающимся в книге Деяний, с историей, о которой Павел никогда не упоминает и, кажется, не знает. Это рассказ о первом обращении в христианскую веру язычника, римского центуриона по имени Корнилий, принятие которым провозвестия Петра имеет такое значение для автора Деяний, что ему потребовалось почти две полные главы, чтобы рассказать об этом (см.: Деян. 10–11). Важность данного эпизода долгое время признавалась многими исследователями Нового Завета. Книга Деяний апостолов посвящена распространению христианства, от неудачного начала среди маленькой группы последователей Иисуса в Иерусалиме до его распространения по всему средиземноморскому миру, пока благая весть наконец не достигла (в самом конце книги) столицы империи, самого Рима. Однако речь идет не только о количественном и географическом распространении новой религии, но и о том, что мы могли бы назвать ее этническим распространением. Ибо хотя христианство началось как движение в пределах иудаизма, оно скоро стало религией всех людей, иудеев и язычников. Как мы уже видели, закончился один из главных споров в ранней Церкви: должны ли были последователи Иисуса становиться иудеями или нет. Ведь что ни говори, он был принят как иудейский мессия, посланный иудейским Богом иудейскому народу во исполнение иудейского Закона. И поэтому, естественно, были такие, кто настаивал, что последователь Иисуса должен быть иудеем.

Но не так обстояло дело для Павла и для более позднего биографа Павла, Луки, автора Деяний апостолов. В их понимании, христианское движение предназначалось для всех людей, иудеев и язычников, и язычники, которые принимали эту веру, не должны для этого становиться иудеями. Деяния апостолов стремятся показать, что понимание христианства как религии для всех людей — не просто странная идея несколько опоздавшего на христианскую сцену апостола Павла, а убеждение, распространяемое самыми первыми учениками Иисуса. Чтобы прояснить этот пункт, в них рассказывается длинная история о том, как самый первый язычник принимает благую весть, когда ее возвещает главный апостол Иисуса — Симон Петр.

В тексте говорится, что Корнилий был неиудеем, жившим в городе Кесария, на побережье Средиземноморья. Он искренне поклонялся Богу Израиля и получил вид***е***ние от Бога, чтобы он послал за Симоном Петром, пребывавшим тогда в городе Иоппия. Тем

временем Петр в Иоппии получил видение, в котором с неба спустилось полотно, «привязанное за четыре угла», в котором находились животные разных видов. Он услышал голос с неба, сказавший ему: «заколи и ешь». Естественно, Петр ошеломлен, потому что поедание некоторых из этих животных означало бы нарушение иудейского правила о чистой пище. Но затем он услышал голос, который сказал ему: «Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян. 10:15). В такой же последовательности видение повторилось три раза. И когда Петр пытался понять, что все это значит, пришли посланцы с просьбой прибыть в Кесарию, чтобы встретиться с Корнилием и его домашними.

Под воздействием своего видения Петр решает, что открывается Богом предначертанная миссия, и поэтому идет, чтобы встретиться с Корнилием, хотя как иудей он не должен был иметь никаких контактов (так говорится в Деяниях) с неиудеями. Разумеется, фактически иудеи регулярно имели дело с язычниками в самых разных ситуациях, но верно и то, что трапеза с язычниками могла создавать проблемы, так как затрудняла или даже делала невозможным соблюдать законы, связанные с чистой пищей. Во всяком случае Петр отправляется, чтобы встретиться с Корнилием. Когда он приходит, то узнает, что это Бог наставил Корнилия послать за ним, и он начинает возвещать благую весть о спасении, которое Иисус принес своей смертью и воскресением.

Внезапно, пока он говорил все это собравшейся толпе, на всех сошел Дух Святой, и люди начали говорить на иных языках, как апостолы в день Пятидесятницы. Для Петра это стало безошибочным доказательством того, что неиудеи, язычники, могут занимать перед Богом положение, равное положению иудеев, просто благодаря вере в Иисуса. Им не нужно сначала обращаться в иудаизм и соблюдать иудейские законы, сформулированные в Священном Писании. В конце концов они приняли Дух, оставаясь язычниками. Стал понятен смысл его видения полотна с животными. Петр продолжал крестить новообращенных (демонстрируя их принятие в Церковь) и вернулся, чтобы сообщить апостолам и другим, что благая весть спасения теперь пришла и к язычникам, как и к иудеям.

Эта история, как я уже говорил, служит своего рода осью повествования Деяний апостолов. Большая часть остальной части книги повествует об успехе христианской миссии не среди иудеев, а среди язычников, рассеянных по всей Римской империи, особенно благодаря миссионерской деятельности апостола Павла, величайшего поборника того взгляда, что спасение во Христе не зависит от соблюдения предписаний иудейского Закона. Согласно Луке, это не было новой идеей Павла. Таков план Бога, что было показано избранному Иисусом главному ученику, самому Петру.

Чудесная миссия Петра

Что объясняет успех Петра как миссионера? В книге Деяний относительно этого нет никакой двусмысленности: Бог через него творит чудеса, и это убеждает толпы в том, что Петр представляет истину, в которую они должны уверовать. Первые обращения произошли, когда в день Пятидесятницы апостолы чудесным образом получили нисхождение Духа и стали говорить на иных языках. Петр говорит проповедь, и тысячи обращаются в веру. Он исцеляет хромого человека у Храма; собирается толпа, он произносит проповедь — и тысячи обращаются. А затем все апостолы начинают творить «множество знамений и чудес», так что в итоге «верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин» (Деян. 5:14). Наконец, Петр становится настолько могущественным, что по всему Иерусалиму больные люди могут просто лежать на улице в солнечный день, и если его тень проходит над ними, они исцеляются (см.: Деян. 5:15–16). Все, кто был болен или одержим, исцелились. Должно быть, это было здорово, пока продолжалось. И удивительно, что никто даже не подумал преследовать это движение. Создается впечатление, что по всему

Средиземноморью были устроены огромные апостольские больницы, чтобы решить все земные проблемы.

Мысль, что именно чудеса побуждали массы к обращению, продолжается в легендах таких более поздних сочинений, как «Деяния Петра». В этой мысли была своя логика. Люди Древнего мира хорошо знали, что есть могущественные силы природы, с которыми невозможно бороться человеческими усилиями. Вы не можете распоряжаться тем, когда и где пойдет дождь, и поэтому не можете защититься от засухи; вы не можете защитить тело от болезней или бесов или урожай — от гибели; вы ничего не можете изменить, если женщина умирает во время родов или если ребенок рождается мертвым; вы не можете решить, кто родится слепым, глухим или хромым; вы не можете выбрать время своей естественной смерти. Люди ограничены тем, что они могут сами обеспечить для себя, они не в силах повлиять на все, что определяет не только их счастье, но и здоровье и саму жизнь.

Однако, как известно, боги — это сверхчеловеческие существа, которые могут управлять всем перечисленным. Любой бог, который проявил свою силу, заслуживает человеческой преданности: ведь преданность такому богу, очевидно, увеличивает вероятность божественного вмешательства в случае засухи, голода, болезни или смерти.

По всей Римской империи были сотни, возможно, даже тысячи религий, практиковавших поклонение богам, которые могли бы дать своим приверженцам то, в чем те нуждались. Одна из особенностей, которые сделали христианство отличной от всех остальных современных ему религий, за исключением иудаизма, состояла в том, что оно настаивало — есть только один Бог, которому следует поклоняться. Ни один другой бог не является истинным богом. Следовательно, если вы обратились в христианство и стали поклоняться единому Богу, вы должны прекратить поклонение другим богам. Это не было похоже на другие религии империи. Те вполне допускали, что, наряду с принятием нового бога, люди могли продолжать поклоняться и своим старым богам. Все эти «языческие» религии были многобожием, ни одна из них не настаивала на исключительном почитании одного бога. Для них было совершенно приемлемо поклоняться самым разным божествам, которые могли исполнять самые разные функции. Почему в таком случае люди решались оставить всех своих других богов, чтобы поклоняться единому Богу христиан? Единственная причина могла состоять в том, что этот единый Бог оказывался могущественнее всех остальных богов и мог дать все, что было необходимо для здоровой и счастливой жизни. А как это можно доказать? Благодаря чудесам, которые он творил.

Согласно самым ранним текстам о христианской миссионерской деятельности, нет ничего удивительного в том, что именно логика чудес заставляет людей обращаться в веру. Мы обнаруживаем эту логику в самых разных рассказах о ранних христианских миссионерах, содержащихся в легендарных текстах, известных как апокрифические «Деяния». Это истории о таких апостолах, как Иоанн, Фома и Андрей, в которых описывается их миссионерская деятельность и рассказывается, какие великие чудеса они творили, чудеса, которые привели к массовым обращениям в веру. Среди апокрифических «Деяний» есть описания миссионерских подвигов Павла (которые мы будем исследовать в более поздней главе) и Петра.

«Деяния Петра» особенно интересны, потому что именно в них повествуется о соревновании чудес между Петром и одним магом (то есть лжечудотворцем) по имени Симон, иначе известном как Симон Волхв. Это соревнование выявило, кто истинный представитель Бога, и его исход был решен с помощью силы. Тот, кто сотворил самые захватывающие чудеса, тот представлял истину. Чудеса, о которых рассказывается в этих историях, современным читателям могут показаться невероятными. Как я уже заметил, если какие-то чудеса в книге «Деяний» не встречаются в христианской Библии (например, об исцеляющей силе тени Петра или о его способности воскрешать мертвых, произнеся слово), они могут казаться особенно невероятными. Но ведь какое-то невозможное явление — не более

возможно, чем любое другое невозможное явление. И в конце концов, что такое чудо, как не невозможное событие, которое все-таки происходит?

Симон Волхв — фигура, которая впервые возникает не в «Деяниях Петра», а в Деяниях апостолов в Новом Завете. Все более поздние легенды о нем основываются на описании его первоначального столкновения с апостолами в Деяниях (гл. 8). Согласно этой истории, апостол Филипп отправляется в город в Самарии и творит там ряд чудес. Он изгоняет бесов, исцеляет парализованных и хромых. Естественно, это приводит к большому количеству обращений, люди начинают поклоняться Богу Филиппа. Но был в городе человек по имени Симон, который ранее поразил самаритянских жителей своими «волхвованиями», так что все говорили о нем: «сей есть великая сила Божия». То есть они считали Симона представителем самых великих богов, пока не пришел Филипп и не затмил его, заставив всех обратиться в веру в Бога Филиппа, в веру в Иисуса. Сам Симон тоже был поражен, он обращается и крестится (см.: Деян. 8:4–13).

Когда апостолы в Иерусалиме услышали, что многие были обращены и крестились в Самарии, они посылают туда двух своих лидеров, Петра и Иоанна, продолжить служение. Как оказалось, несмотря на то что самаритяне стали последователями Иисуса, они еще не получили дар Духа Святого, который уполномочил самих апостолов со дня Пятидесятницы. Петр и Иоанн пришли и возложили руки на крестившихся верующих, и Дух сошел на них (что, возможно, обнаружилось через какой-нибудь удивительный и очевидный знак, например, они начинали говорить на иных языках). Когда Симон из Самарии увидел силу Петра и Иоанна, его охватила ревность, и он предложил апостолам деньги, говоря: «Дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго». Петр упрекает Симона за мысль, что Сила Божья может быть куплена, и предупреждает его, предлагая раскаяться, «ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды». Симон просит, чтобы апостолы помолились за него, чтобы он мог избежать гнева Божьего за свои греховные мысли (см.: Деян. 8:14–24). И на этом история заканчивается.

Но более поздние легенды продолжают повествование там, где оно заканчивается в Деяниях апостолов. Согласно этим легендам, Симон Волхв так и не усвоил данный ему урок и продолжал пытаться конкурировать с апостолами, убеждая людей, что его собственные чудеса равны или лучше сотворенных ими и что он истинный представитель Бога.

В конечном счете христианские авторы стали изображать Симона Волхва как первого еретика. В работах более поздних авторов, например у Иринея (конец II века), одного из великих критиков ересей в ортодоксальной христианской традиции, Симон предстает первым гностиком, родоначальником всех гностиков. В «Деяниях Петра» он описывается не как гностик, а просто как противник апостолов и их послания о спасении во Христе. Симон выдает себя за великую силу Бога и в борьбе за верующих пытается превзойти апостола Петра в состязании чудес. Это состязание в сотворении чудес образует фабулу «Деяний Петра».

В книге рассказывается, как сила Петра переместила Симона из одного места в другое (из Иудеи в Рим), как Петр, апостол из Иерусалима, закончил свой жизненный путь в столице империи, в Риме. Там, согласно традиции, он стал главой церкви и фактически первым Римским папой. Согласно этому повествованию, он отправился в Рим, чтобы противостоять нечестивым действиям заклятого врага Бога, вредоносного Симона, чудеса которого вводили многих в заблуждение.

В целом неясно, насколько содержание «Деяний Петра» следует воспринимать как непосредственный исторический рассказ о том, что произошло, когда Петр прибыл в Рим, и насколько оно является просто собранием забавных историй. Рассказ начинается не с Петра, а с апостола Павла, находившегося в Риме. Павел обращает массы благодаря своим чудесам, но готовится уехать, чтобы исполнять свою христианскую миссию в Испании. Его отъезд создает вакуум в религиозной сфере, который был заполнен Симоном (Волхвом),

называющим себя «великой силой Божьей» (ссылка на Деян. 8). Последователи Симона возвеличивают его, говоря ему: «Ты Бог в Италии, ты спаситель Римлян». Он возвещает римлянам, что ввергнет их в великий, чудесный транс, влетев в город над вратами. И он делает это, прибыв в Рим и причиняя далее большой вред чудесами, отвращавшими людей от их веры в Христа. Они начинали верить в Симона как истинного представителя Бога. Но на самом деле ему помогает противник Бога, Сатана. Поэтому Бог призвал Петра, чтобы тот остановил Симона.

Петр приплывает в Рим с намерением взять верх над Симоном и доказать римлянам, что именно вера в Христа имеет значение перед Богом. Петр узнает, что Симона приютил у себя бывший христианин, аристократ Марцелл. Когда привратник не пустил Петра в дом, он совершает свое первое чудо. Увидев сидевшего на цепи большого пса, он отвязал его и послал привести Симона. Пес вбежал в дом Марцелла и сказал громким человеческим голосом: «Симон, Петр, стоящий у двери, велит тебе выйти наружу, ибо он говорит: „Из-за тебя я прибыл в Рим, ты грешник и душегуб"». Говорящая собака для хозяина дома, Марцелла — достаточное доказательство; он немедленно раскаивается в своей преданности Симону и выбегает к Петру, прося прощения за свое отступничество на сторону греха.

Пока они беседовали, Петр увидел в толпе человека, который беспричинно смеялся. Определив, что этот человек одержим, Петр приказывает, чтобы злой дух покинул тело одержимого и показал себя. Бесноватый рванулся вперед, столкнув мраморную статую кесаря, которая разбилась вдребезги. Марцелл расстроился, потому что когда император узнает, как плохо обошлись с его статуей, он наложит суровое наказание. Петр, все время контролировавший ситуацию, велел Марцеллу взять немного проточной воды и опрыскать ею разбитые куски статуи. Тот так и сделал, и статуя чудесным образом вновь восстановила свою целостность.

Тем временем собака возвращается от Симона и говорит Петру, что Симон отказывается встретиться с ним. Затем собака ложится и умирает. Многие в толпе падают ниц перед Петром, готовые тут же обратиться в христианство. Другие хотят видеть еще больше чудес, и тогда Петр совершает трюк с вяленой рыбой, который я описал в более ранней главе, благодаря чему рыба возвращается к жизни и затем плавает в пруду во имя Христа, убеждая толпы в том, что Иисус — Господь всех.

Чудеса продолжаются до тех пор, пока на римском Форуме между Петром и Симоном не происходит решающий поединок лицом к лицу, состязание, которое должно раз и навсегда показать, кто более великий чудотворец и, следовательно, истинный представитель Бога. Все население Рима приходит на Форум, включая всех римских сенаторов и других чиновников. Правящий префект устанавливает условия соревнования: он посылает слугу, который, как оказалось, был одним из любимчиков императора, и приказывает Симону умертвить юношу, а Петру — воскресить его из мертвых. Оба выполняют назначенные им задания. Симон шепчет в ухо юноши слово, заставив того упасть замертво. Петр, чтобы не дать превзойти себя, провозглашает: «Бог и Господь Мой Иисус Христос… творящий через меня множество знамений и чудес, чтобы отвратить вас от ваших грехов. Твоей силой возроди теперь по моей просьбе, о Господь, в присутствие всех того, кого Симон умертвил своим прикосновением». Он призывает хозяина слуги взять его руку; когда тот сделал это, юноша оживает. Толпа поражена, и все взмолились: «Есть только один Бог, Бог Петра».

Пока Петр был занят поединком, двое родителей, дети которых недавно умерли, стали умолять его воскресить их тоже. Самый впечатляющий случай связан с умершим сенатором, мать которого просит помощи у Петра. Тот направил людей, чтобы они принесли тело сына на Форум, и предложил новое состязание: если кто из них, он или Симон, сможет воскресить этого человека из мертвых, победитель будет признан представителем истинного Бога; другой будет считаться самозванцем. Петр сказал:

«Римляне, пусть праведный суд теперь свершится между мной и Симоном, и рассудите, кто из нас верит в живого Бога, он или я. Если он оживит тело, которое лежит пред нами, верьте в него как ангела Божьего. Если он не сможет, я призову своего Бога. Если я воскрешу сына для его матери, тогда вы должны поверить, что он — колдун и обманщик, этот человек, который пользуется вашим гостеприимством» («Деяния Петра», 28).

Можно задаться вопросом, почему понадобилось дополнительное доказательство, ведь все население Рима уже признало, что Петр — представитель единого истинного Бога. Но рассказ подводит подобающий итог этой битве титанов. Молодого сенатора отнесли на его смертное ложе, и Симон первый пошел с ним. Стоя рядом с ложем, он три раза наклонился над телом, и сенатор поднял голову, открыл глаза и сделал короткий поклон. Люди поверили, что свершилось чудо, и выбежали, чтобы собрать дрова для костра и сжечь на нем Петра как самозванца. Но Петр останавливает их, показывая, что покойник все еще лежит и не двигается.

«Пусть мертвец заговорит, пусть оживет; если он жив, пусть развяжет ленту у подбородка, пусть призовет свою мать… пусть помашет вам рукой».

Префект подходит к ложу и видит, что молодой человек все еще лежит неподвижно. Магии Симона хватило лишь для того, чтобы вернуть юношу к жизни частично, но не полностью. Затем за дело берется Петр. После разговора с матерью он идет к покойнику, произносит над ним молитву и велит ему воскреснуть. Молодой человек воскресает, развязывает ткань вокруг подбородка, просит одежду, спускается с ложа и говорит с Петром. В этом случае происходит настоящее воскресение. Петр обращается к толпе, убеждая людей раскаяться в своих грехах и обратиться к Христу ради жизни вечной. С тех пор римляне поклоняются «как богу» Петру, приводя к нему тех, кто болен, для исцеления.

Можно было бы подумать, что это и стало концом истории о Симоне Волхве, но напоследок остается нечто еще более драматичное: его окончательное поражение в последнем состязании. Симон решает нанести еще один удар в доказательство своего превосходства над Петром и объявляет о том, что он взойдет непосредственно к Богу, совершив полет над Римом, подобно тому, как он впервые и явился туда. Будучи великим магом, он успешно взлетает и парит над храмами и холмами Рима. Но Петр, представитель истинного Бога, непобедим. Он произносит молитву о том, чтобы явилась истина Бога, заставив Симона лишиться сил в середине полета. Тот падает на землю и ломает ногу в трех местах. Толпа нападает на него с камнями, и он заканчивает свою жизнь после неумелой операции. Далее Петр, герой этой истории, всевозможными способами изображается как победоносный, истинный представитель Бога, сила которого в любое время может одолеть магический обман дьявола.

Петр как проповедник

Мы уже видели, что предания о Петре последовательно изображают его как евангелиста-чудотворца, изумительная способность которого творить чудеса убеждает массы обратиться в веру в Иисуса как сына единого истинного Бога. Но о чем еще проповедовал Петр, стремясь обратить в христианство других людей?

Здесь мы снова сталкиваемся с ограничениями, налагаемыми на нас нашими источниками. Очень жаль, что мы не имеем никакой непосредственной информации о том, что на самом деле проповедовал исторический Петр и чему учил во время своей миссионерской деятельности «среди обрезанных». Как мы увидим позже, существует множество писаний, которые предположительно происходят от руки самого Петра. Какие-то из них мы уже рассмотрели, например, «Евангелие от Петра», «Апокалипсис Петра», «Коптский Апокалипсис Петра» и «Послание Петра Филиппу». Следует рассмотреть и несколько других, например Первое и Второе послания Петра в Новом Завете, «Деяния Петра и двенадцати апостолов», обнаруженные в собрании Наг-Хаммади. Однако есть серьезные

основания подозревать, что ни одно из этих сочинений в действительности не было создано Петром, особенно учитывая то обстоятельство, что согласно более ранним преданиям он был говорящим на арамейском языке неграмотным крестьянином, который не умел читать, не говоря уже о сочинительстве на греческом.

Поэтому мы вынуждены заниматься главным образом изучением того, что другие авторы говорят о проповедях и речах апостола. Это ставит проблемы перед любым исследователем, которого больше интересуют речи исторического Петра, чем то, в каком форме их позже помнили. Древние историки признают, что когда дело доходит до речей, которые они приводят в своих книгах, то они сами сочиняют их, вкладывая в уста своих главных героев те слова, которые приличествуют случаю{37}. Это, конечно, верно и для самого раннего сохранившегося текста с апостольскими проповедями — для новозаветной книги Деяний апостолов, почти четверть объема которой занята речами, произносимыми ее главными персонажами — Петром и Павлом. Как уже давно признали ученые, речи Петра и Павла звучат в книге Деяний весьма похоже, настолько, что если вы не знаете, кто был оратором, вы часто не сможете определить это на основании содержания речи. Петр говорит подобно Павлу, а Павел — подобно Петру. Это может показаться странным, учитывая тот факт, что Петр был неграмотным крестьянином, который говорил на арамейском языке, тогда как Павел был образованным, весьма умным автором, воспитанным в грекоязычной среде. Но это уже не кажется странным, когда узнаешь истинную суть ситуации. В книге Деяний два апостола говорят одинаково не потому, что они похоже говорили в реальной жизни, а потому что их речи вложил в их уста один и тот же человек — сам автор Деяний.

И поэтому здесь опять, когда мы исследуем, что же проповедовал Петр, мы в действительности имеем дело с тем, что он говорил согласно представлениям различных авторов. А это сводится к тому, что разные авторы хотели бы, чтобы он сказал.

Проповеди Петра в книге Деяний апостолов

В книге Деяний апостолов Петр обычно произносит публичную речь после того, как произойдет какое-нибудь чудо. Первая проповедь, которую он произносит, происходит в день Пятидесятницы, через пятьдесят дней после смерти Иисуса. Толпа поражена тем, что все апостолы произносят благую весть на разных языках. Петр уверяет их, что это — не опьяненное состояние (было лишь девять часов утра), а скорее исполнение пророчеств Еврейской Библии о том, что в конце времен Дух Божий изольется на человечество, приводя к удивительным знамениям и чудесам. Другими словами, наступили последние дни и люди должны покаяться. Петр продолжает говорить об Иисусе, который сам был великим чудотворцем, но был распят «руками беззаконных». Однако Бог полностью исправил этот акт несправедливости, воскресив Иисуса из мертвых, как было предсказано в Еврейском Священном Писании.

Когда толпы тех, кто двумя месяцами ранее кричал, требуя смерти Иисуса, осознали свою собственную виновность перед Богом, они взмолились: «Что нам делать, мужи братия?» Петр ответил им, что они должны покаяться в своих грехах, креститься во имя Иисуса и таким образом получить дар Духа. Три тысячи человек услышали его зов и крестились (см.: Деян. 2:22–42).

В следующей главе, после того как Петр исцелил хромого человека перед входом в Храм, он произносит другую проповедь со многими теми же темами: иудеи виновны в смерти праведника Божьего Иисуса, но это также исполнение того, что было предсказано пророками. Теперь все должны покаяться, чтобы их грехи могли быть прощены (см.: 3:12–26).

В следующей главе Петр снова проповедует то же, на этот раз иудейским первосвященникам, обвиняя их в распятии Иисуса, но свидетельствуя о том, что Бог воскресил его из мертвых, и настаивая, что есть спасение только во имя Его (см.: 4:8–12).

Даже когда Петр проповедует неиудейской аудитории в доме центуриона Корнилия, его послание неизменно. Иисус был уполномочен Богом совершить удивительные деяния, тем не менее народ иудейский отверг и погубил его. Но Бог воскресил Иисуса из мертвых во исполнение пророчеств Священного Писания. Все, как иудеи, так и язычники, должны покаяться и получить прощение во имя Иисуса (см.: Деян. 10:29–43).

Темы эти повторяются и в проповедях, которые произносит Павел, чтобы убедить обращаемых. Иисус был несправедливо убит людьми, но он оправдан Богом, который воскресил его из мертвых. Теперь люди должны раскаяться и обратиться к Богу, приняв крещение во имя Иисуса и обретая спасение. Таким образом, Петр является в этом тексте первым оратором, оглашающим послание, которое стремится передать книга Деяний апостолов, послание, которое выражается в теологических взглядах Луки, автора текста{38}.

Проповедь Петра в «Деяниях Петра»

Если мы обратимся к «Деяниям Петра», написанным во II веке, обнаруживаются несколько интересных расхождений в его проповедях. В некотором отношении здесь другая аудитория, так как Петр проповедует уже не некрещенным иудеям Иерусалима (или язычникам, сочувствующим иудаизму, как в доме Корнилия), а язычникам или бывшим язычникам, которые ранее обратились в христианство. Главные темы речей Петра в «Деяниях Петра» обозначены в его первом обращении к христианской общине по прибытии в Рим. Здесь он говорит с людьми, которые были введены в заблуждение, полагая, что Симон Волхв является истинным представителем Бога. Речь Петра предназначена для того, чтобы разуверить их в этой мысли, поскольку, с его точки зрения, Симон, напротив, представитель врага Бога — сатаны.

Петр рассказывает толпам, «зачем Бог послал своего Сына в мир», Сына, который должен был «совершить милосердие или дать средство спасения». В частности, Бог намеревался «устранить всякую несправедливость, всякое неведение и всякое деяние дьявола». Петр признается, что сам он был одержим дьяволом, когда три раза отрекся от своего Бога, и он говорит римлянам, что «сатана-обманщик посылает свои стрелы в вас также [для того], чтобы сбить вас с пути». Но Петр убеждает людей крепко держаться истинной веры, ибо каждый, кого дьявол отвращает от веры, «есть дитя погибели во веки веков». Поэтому его слушатели должны покаяться, отказаться от своей привязанности к слуге зла (Симону Волхву) и вернуться к истинной вере в Иисуса Христа («Деяния Петра», 7).

Отчасти эта проповедь интересна тем, что в ней такое неглубокое содержание. Все сводится к тому, что замысел сатаны состоит в уничтожении веры; для этого он использует Симона, а люди должны отвернуться от сатаны (и Симона) и обратиться к Богу. Однако не очень ясно, что в сущности это может означать — прекратить следовать за Симоном. То есть нет никакого указания на теологические или практические различия между пониманием веры у Петра и Симона.

По сути дела, то же самое повторяется в уже известном нам эпизоде с оживлением рыбы. Толпа хочет знать, кто истинный слуга Бога — Симон (маг) или Петр, и поэтому люди говорят: «Покажи нам другое чудо, чтобы мы могли поверить в тебя как слугу живого Бога, ибо Симон также сделал много чудес в нашем присутствии, и поэтому мы последовали за ним» («Деяния Петра», 12). Петр отвечает: «Если вы увидите, что эта рыба плавает в воде живая, вы сможете поверить в того, кого я проповедую?» Люди отвечают, что воистину

поверят. Он совершает чудо, и люди решают последовать за ним, и они «уверовали в Господа». Во что именно они уверовали, не разъясняется.

И это верно фактически для всего текста. Можно было бы ожидать, что, поскольку Симон Волхв считался отцом гностической религии, Петр обрушится на гностическую систему и покажет, что его собственная теологическая система верований превосходит ее. Но ничего подобного в тексте нет. Вместо этого подчеркивается, что Симон находится не на той стороне в противоборстве между сатаной и Богом, Петр же — на правильной стороне, и люди должны равняться на Петра, или же они заплатят вечными муками. Чудеса, которые совершает Петр и которые всегда превосходят довольно жалкие попытки Симона Волхва, показывают, что в действительности прав Петр и люди должны покаяться.

Проповедь аскетизма у Петра

Однако в «Деяниях Петра» есть один аспект проповеди Петра, который действительно содержит некоторое реальное содержание. Это содержание не такого рода, которое все находят в его провозвестиях в новозаветных Деяниях апостолов. С другой стороны, оно согласуется с провозвестием других евангелистов в апокрифических «Деяниях апостолов». Это — благая весть аскетизма, объяснение того, что быть истинным последователем Христа значит признавать необходимость воздерживаться от всех телесных удовольствий, особенно сексуальных.

Как мы увидим позже, это становится заметной темой и в выступлениях апостола Павла, где она проступает более явственно, чем у Петра. Еще более ярко она выражена в работах, связанных с другими апостолами, например с Фомой и Титом.

В «Деяниях Петра» именно этот специфический аспект его провозвестия приводит к мученической смерти Петра. Рассказывается, что у префекта Рима, человека по имени Агриппа, были четыре любовницы: Агриппина, Никария, Евфемия и Дорида. Они слышат проповедь Петра о необходимости соблюдать целомудрие перед Богом, и в результате «они согласились между собой воздержаться от сожительства с Агриппой». Агриппа все понял: «Тот христианин [Петр] научил вас не сожительствовать со мной. Говорю вам, я уничтожу вас и сожгу его живьем» («Деяния Петра», 33).

Дальше положение еще более обостряется. У римского императора был друг по имени Альбин, чья жена, Ксантиппа, слышит, что проповедует Петр, и решает воздержаться от сексуальной жизни со своим мужем. В это же время «множество других женщин восхитились проповедью целомудрия и отделения от своих мужей, и мужчины также перестали спать со своими женами, потому что они возжелали служить Богу в целомудрии и чистоте». С гордой скромностью автор описывает последствия: «И было большое волнение в Риме».

Рассказ о том, что Петр проповедовал воздержание, может показаться чем-то новым читателям Нового Завета, где ничего подобного не встречается. Но в действительности это была распространенная тема во всех писаниях о Петре, созданных во II–III веках. В одном из любопытных эпизодов (предположительно из жизни Петра), содержащихся в коптской рукописи, обнаруженной в 1896 году, мы имеем фрагментарное описание отношений Петра и его собственной дочери, которую он намеревается сохранить девственницей на всю жизнь. Согласно тексту, известному как «Деяние Петра», к нему собралась большая толпа. Люди привели с собой своих больных, чтобы он исцелил их. Но кто-то в толпе выразил сомнение, что Петр может исцелять толпы, если у его собственной девственной дочери полностью парализована одна сторона тела и она лежит беспомощная в углу комнаты. Почему, хотелось бы знать, Петр пренебрегает своей собственной плотью и кровью?

Петр отвечает, что он, конечно, имеет силу от Бога исцелить девочку, если пожелает этого. В порядке доказательства, он приказывает, чтобы она встала и подошла к нему. Она

делает это, и толпа радуется. Но затем Петр приказывает ей вернуться на место, снова стать беспомощной, и она повинуется. Толпа сбита с толку и расстроена, но Петр объясняет людям, что когда девочка родилась, он получил видение от Бога, предупреждающее, что его дочь «повредит многим душам, если ее тело выздоровеет». И по мере того как она подрастала, пророчество сбывалось. Далее текст фрагментарен, но понятно, что когда девочке исполнилось десять лет, она уже стала настоящей красавицей. И ее украл один богатый мужчина по имени Птолемей, который увидел ее купающейся (возможно, публично) со своей матерью. Мы не уверены в том, что тогда произошло, поскольку две страницы рукописи «Деяния Петра» отсутствуют как раз в данном месте. Но в конце истории Птолемей вернул девочку на порог дома Петра, парализованную с головы до пят. Очевидно, Бог поразил девочку, чтобы воспрепятствовать ей быть причиной сексуального падения Птолемея (и возможно, других), который в конечном счете раскаялся в своих греховных желаниях, стал последователем Христа и умер к вечной жизни.

Другими словами, девочка подрастала слишком соблазнительной, чтобы ей могло быть позволено оставаться здоровой, и поэтому Бог пожелал, чтобы она оказалась постоянно парализованной. Вряд ли это может сойти за благородный комментарий ко взгляду автора на женщин, но данная история вполне сопоставима с тем, что можно найти в других текстах, имеющих отношение к Петру. Например, в тексте, приписываемом апостолу Титу (спутник Павла, согласно Новому Завету), в тексте, который был подделан где-то в IV веке, мы читаем о другом примере того, как Петр «исцелил» молодую девушку. В данном случае это была не его собственная дочь, а дочь крестьянина, который привел ее, совершенно здоровую, к Петру, прося его помолиться за ее здоровье. Петр попросил, чтобы Бог сделал то, что хорошо для ее души, и девушка упала замертво. Автор текста считает, что совершилось великое дело: «О, достойно награды и вечно богоугодно избегать бесстыдства плоти и искоренять гордыню крови!» Отец девушки, понятно, несколько менее доволен. К ужасу рассказчика и Петра в этой истории, он умоляет Петра воскресить девушку из мертвых. Тот подчиняется, а через несколько дней этот человек совращает девушку и убегает с нею, после чего его больше никогда не видели. На этом автор заканчивает историю. Мораль, очевидно, состояла в следующем: лучше сама смерть, чем греховная жизнь во плоти.

Учение о самоотречении можно найти и в последнем тексте, где фигурирует Петр, личность которого мы здесь исследуем, — в работе из библиотеки Наг-Хаммади, которая, в отличие от большинства других книг этого собрании, не имеет никаких очевидных связей с какой-либо гностической группой. «Деяния Петра и двенадцати апостолов» начинаются с того, что ученики возглавили миссию по распространению благой вести после воскресения Иисуса. Они плыли на корабле и остановились в городе «посреди моря». Петр сходит на берег и отправляется искать жилье. По дороге он встречает человека, продающего жемчуг. Ни один из богатых людей в городе не выходит к нему, чтобы купить его жемчуг, потому что у этого человека, похоже, в действительности ничего нет. Бедные же люди просят, чтобы он показал им жемчуг, ведь для них это такое редкое удовольствие. Продавец говорит им, что если они придут в его город, то он не только покажет им жемчуг, но и отдаст им его бесплатно.

Петр тоже хочет узнать путь в этот город и спрашивает о трудностях, которые предстоит вынести, чтобы добраться туда, так как он и его спутники стремятся попасть во все места, чтобы распространять благую весть. Владелец жемчуга говорит ему, что его зовут Литаргоил (что примерно означает «легкий, подобный газели камень»), и сообщает, что в его город добраться нелегко: «Никто не способен идти по пути, кроме того единственного, кто откажется от всего, что имеет, и будет поститься ежедневно от этапа к этапу» («Деяния Петра и двенадцати апостолов», 5). Другими словами, это потребует полного отказа от всего, что человек любит, потребует аскетического образа жизни.

Петр и его спутники решают совершить путешествие, и когда, преодолев много трудностей, они добираются до города, целитель — который скрывался под именем Литаргоила — выходит, чтобы встретить их. После краткой беседы он открывает им свою истинную личность: на самом деле он сам Христос, и они достигли его города только благодаря преодолению трудностей, которые неизбежны на пути всех, кому предстоит войти в Царство Небесное. Христос отсылает их назад в тот город, откуда они прибыли, наставляя отдавать бедным все, что им нужно для жизни. Однако ученики озадачены: ведь ради того, чтобы достичь города Литаргоила, они пожертвовали всем, что у них было, и теперь им нечего дать бедным. Христос отвечает, что одно его имя ценнее золота, серебра и драгоценных камней, и он дает им это лекарство, позволяющее исцелять не тело, а душу, которая ценна гораздо больше, чем тело. Он наставляет проводить время не с богатыми, которые могут дурно повлиять на них, а с нуждающимися, врачуя их духовное здоровье, которое может даровать им жизнь вечную. Петр и другие ученики поклоняются Христу, и он оставляет их с миром.

Таков рассказ, в котором подчеркивается необходимость аскетической жизни, и опять это учение связывается с Петром. В последующих главах мы увидим, что подобное послание аскетизма разделяли также Павел и Мария, и более глубоко исследуем, почему оно стало таким важным для христиан II и III веков. Пока же достаточно сказать, что в раннем христианском движении развилось особое направление, весьма отрешившееся от всего земного. Согласно его доктрине, ценности и приоритеты земного мира противоположны ценностям и приоритетам Бога. Для того чтобы люди достигли Бога, они должны отказаться от сего мира и от всего, что он предлагает. Мы уже видели, что такого взгляда придерживались именно гностические христиане. Но его разделял и намного более широкий круг христиан. Многие из них верили, что связи с земным миром и с человеческим телом как продуктом этого мира лишь отдаляют от Бога. Бог принадлежит иному миру, миру вышнему, и поэтому человек должен выбрать, быть ли связанным с вещами бренного мира и страстями тела или отказаться от этого мира и тела, чтобы принадлежать Богу.

Согласно данной точке зрения, вера в Христа подразумевает не просто признание того, что он умер за грехи людей и воскрес из мертвых. Она предполагает согласие на царство, которое он представляет, Царство Божье. Это обязательство должно быть полным, и оно связано с самоотречением в этом мире. Так как с земным миром нас связывают прежде всего телесные удовольствия, заставляя все больше жаждать того, что мы можем приобрести в материальном мире, то именно от телесных удовольствий следует отказаться. Поэтому целомудренная жизнь — как тех, кто состоит в браке, так и тех, кто не состоит в нем — рассматривается как полная самоотдача Богу. Богатые должны отказаться от своих богатств, влиятельные — от своей власти, а чувственные — от телесных удовольствий. Это позволит наслаждаться удовольствиями мира вышнего.

Возможно, исторический Петр не проповедовал такое послание. Вероятнее всего, он не делал этого. Но поскольку оно стало важной темой у более поздних христианских мыслителей, нет ничего удивительного, что благая весть аскетизма была вложена в его уста в тех преданиях, которые циркулировали от имени Петра в течение многих десятилетий и столетий после его смерти.

Глава шестая

Петр — христианский автор и мученик

Каждый, кто остался заметной фигурой в Древнем мире, мог писать. Были исключения, возможно исключения, которые подтверждают правило, — например, Иисус. Но люди, которых помнили, относились главным образом к литературной элите.

Часто предполагалось, что люди, которые вообще-то не умели писать, если они считались достаточно значительными, были способны писать. Это так в случае Иисуса.

Существуют легенды, согласно которым он посылал письма в ответ на вопросы своих последователей[39]. И это так относительно Петра, который, как утвердилось в христианской традиции, был не только евангелистом и проповедником в ранней Церкви, но и довольно плодовитым автором.

Петр как автор

Некоторые христиане, как мы уже видели, утверждали, что Петр написал Евангелие от своего собственного имени, так называемое «Евангелие от Петра». Другие руководители христианской Церкви отвергали это, исходя из теологических оснований: книга содержала потенциально докетическую христологию, и Петр скорее всего никогда не писал подобных произведений. Так же обстоит дело и с другими писаниями от имени Петра: с «Коптским Апокалипсисом Петра» и «Посланием Петра Филиппу», которые были обнаружены около Наг-Хаммади. Некоторые христиане-гностики признавали, что они были написаны рукой апостола, но другие христиане (не гностики) не могли с этим согласиться. Точно так же другой «Апокалипсис Петра», в котором апостол совершает путешествие по раю и аду, одни христиане считали принадлежащим Петру, а другие отвергали как слишком причудливый, чтобы быть его произведением.

Современные ученые единодушно полагают, что ни одно из этих сочинений в действительности не было написано самим Петром. Все они содержат учения, возникшие скорее всего намного позже смерти Петра, во II веке. Это верно, например, для «Евангелия от Петра» с его подчеркнутым антииудаизмом и для «Коптского Апокалипсиса Петра» с его гностическим мировоззрением. Кроме того, существует серьезный и обсуждаемый вопрос о том, мог ли сам Петр вообще что-либо написать. Это важный вопрос для историков древнего христианства не в последнюю очередь потому, что две книги Нового Завета, Первое и Второе послания Петра, также считаются написанными Петром.

Первое послание Петра

В Первом послании Петра утверждается, что его автор — «Петр, Апостол Иисуса Христа» (1 Пет. 1:1), и что оно обращено к христианам, «рассеянным» в некоторых регионах Малой Азии (современная Турция): Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии. Из самого послания не ясно, были ли его адресаты действительно изгнаны из своей родины или, по замыслу автора, термин *«рассеянные»* использовался метафорически: так как реальное гражданство христианина — рай, жизнь на земле — лишь временное пристанище.

Последняя интерпретация отвечает той ситуации, с которой столкнулись адресаты послания, поскольку ясно, что христиане, к которым оно было обращено, претерпевали преследования за свою христианскую веру, и ясно, что, по убеждению автора, им предстоит перенести еще большие страдания. Ст***о***ит обратить внимание на то, что термин «*страдание*» употребляется в этой короткой книге с пятью главами чаще, чем в любой другой книге Нового Завета, включая Евангелие от Луки и Деяния апостолов, которые составляют четверть всего Нового Завета. Что же это за страдания, которые испытывали христиане?

Некоторые исследователи утверждали, что Первое послание Петра имеет в виду преследования христиан императором Нероном. Как мы знаем из работ римских историков, Нерон хотел осуществить в Риме некоторые архитектурные проекты, но этому препятствовал тот факт, что Рим уже был построен *(Тацит.* Анналы, 15). И поэтому он принял меры, чтобы поджигатели спалили дотла часть города в большом пожаре 64 года, оставившем после себя много тысяч бездомных. Когда народные массы начали подозревать в поджоге Нерона, император решил обвинить кого-нибудь другого и посчитал, что христиане могут послужить козлами отпущения, так как их уже и так повсеместно ненавидели. Он устраивал облавы на

христиан, публично пытал и казнил по обвинению в поджоге. Это — первый зафиксированный случай того, как римский император преследовал христиан.

Однако есть причины полагать, что Первое послание Петра имеет в виду не страдания христиан при Нероне. Прежде всего, данное преследование распространялось только на христиан, проживавших в Риме. Оно не было предприятием в масштабах всей империи. Между тем адресаты Первого послания Петра живут не в Риме, а в провинциях Малой Азии. Кроме того, христиане, преследуемые Нероном, были осуждены не за то, что они христиане; они были осуждены за преступление поджога (хотя эти обвинения были ложными). Адресаты же Первого послания Петра, как сказано в нем, страдали «за имя Христово» (1 Пет. 4:14). Кроме того, их страдания были вызваны не действиями имперских властей, а возникли на уровне широких масс, так как бывшие друзья христиан (и члены их семей?) озлобились из-за того, что христиане больше не участвуют в религиозной и гражданской жизни своих сообществ, а основали свою собственную закрытую социальную группу (см.: 1 Пет. 4:3–5). Наконец, автор послания не осуждает государственных чиновников за любое суровое обращение с христианами. Напротив, он, по-видимому, полагает, что правительство настроено вознаграждать тех, кто ведет себя хорошо, и наказывать только тех, кто не повинуется законам (см.: 1 Пет. 2:13–14).

Итак, ситуация адресатов послания не связана с официальными преследованиями со стороны властей. Эти люди страдают потому, что на них нападают прежние друзья и коллеги, которые не могут понять, почему они изменили свои взгляды и принимают участие в новом и, возможно, тайном обществе христиан. Автор убеждает своих читателей, чтобы они стойко встретили страдания, так как они должны страдать, как страдал их Учитель, сам Христос (см.: 1 Пет. 4:13). Соответственно он настаивает, что они страдают не за то, что делали что-то не так, а лишь за то, что делали праведное. То есть они не должны нарушать закон или совершать что-либо еще, что оправдывало бы наказание. Тогда, если они пострадают только за то, что они христиане, они могут высоко держать свою голову как те, кто страдает несправедливо. Вероятно, именно поэтому автор убеждает их вести моральную, честную жизнь (см.: 1 Пет. 3:14–17; 4:14–15): они должны показать миру, что несмотря на подозрения против них, они честные граждане, которые не вредят никому, а своим присутствием приносят обществу пользу. Автор, видимо, надеется на то, что благородное, моральное поведение христиан убедит и других людей обратиться в веру (см.: 1 Пет. 2:11; 3:1). Последователи Христа не должны быть асоциальными, они должны стремиться объяснить свое поведение и веру всякому, кто попросит об этом (см.: 1 Пет. 2:13–15; 3:15–17).

Автор изо всех сил старается подчеркнуть, что хотя его читатели испытывают страдания и могут ожидать еще больших страданий, они высоко привилегированны. Когда они покинули свои прежние социальные миры, они присоединились к новой семье веры, родились заново (см.: 1 Пет. 1:3, 23), поэтому теперь их Отец — сам Бог (см.: 1 Пет. 1:14, 17). Они могут гордиться тем, что они избранный народ (см.: 1 Пет. 2:9), особенные в этом мире, потому что только они родились от Святого Духа и искуплены кровью Христа (см.: 1 Пет. 1:2, 19).

Первое послание Петра в ранней Церкви считалось настолько своевременным, настолько полным убедительных советов о том, как преодолеть страдания, что было повсеместно и с энтузиазмом принято христианами как написанное самим Петром. Но современные ученые нашли основания сомневаться в авторстве Петра и склоняются к мнению, что здесь (как и в «Евангелии от Петра», двух «Апокалипсисах Петра», «Послании Петра Филиппу» и всех так называемых писаниях Петра) мы имеем дело с произведением, написанным от его имени другим человеком.

Следует отметить, что мы не знаем ничего, что связывает исторического Петра с христианами в Малой Азии, к которым обращено послание. Мы знаем о его жизни в Иерусалиме, Антиохии и Риме — в трех областях, где он, по-видимому, осуществлял свою

миссионерскую деятельность. А Малая Азия? Она была епархией Павла. Конечно, Петр, возможно, ходил также и туда, но Павел ясно и решительно говорит нам, что он и Петр разделили поле деятельности: работа Петра была среди иудеев, а его — среди язычников (см.: Гал. 2:7). Кем же были адресаты этого послания? Язычники, а не иудеи (см.: 1 Пет. 4:1–5).

Еще более важным является базовый вопрос о том, *могла* ли подобная книга быть написана Петром. Как мы неоднократно упоминали, сам Петр говорил на арамейском языке, он был рыбаком из низшего сословия, из сельской Галилеи. Нет никаких сведений, дающих возможность предположить, что кто-то в подобной социально-экономической ситуации мог пойти в школу, чтобы научиться там читать и писать. С другой стороны, данное послание написано на греческом языке высокого уровня, написано человеком, который свободно владел этим языком и, кроме того, был полностью проникнут Еврейским Священным Писанием в его греческом переводе. Конечно, чисто гипотетически можно предположить, что после воскресения Иисуса Петр посещал школу, брал уроки греческого, проделал углубленную работу по изучению греческой литературы и письменности, овладел Еврейской Библией на греческом, а затем сочинил подобное послание для группы людей, которым иначе он, как известно, не служил. Но это кажется маловероятным{40}.

Тем не менее, почему кто-то *утверждал*, что послание написал Петр? Первое, что приходит на ум, — в античное время было вполне обычным делом при написании книг выдавать себя за другую личность. Такое происходило много раз, хотя подобная практика широко осуждалась в языческих, иудейских и христианских кругах, иногда даже людьми, которые сами грешили этим{41}. «Petrine pseudepigrapha», которые мы уже рассматривали — это целая группа книг, и каждая претендует на то, что написана Петром. Но все они созданы другими людьми.

Было несколько причин, по которым автор в античное время мог утверждать, что он кто-то иной. Что касается раннехристианской литературы, чаще всего это позволяло привлечь внимание к собственным взглядам. Если вы полагаете, что вам необходимо сказать нечто важное, и хотите, чтобы люди услышали вас, то как еще лучше сделать это, если не утверждая, что вы кто-то знаменитый, например главный ученик Иисуса?

Помыслы реального автора Первого послания Петра, наверное, были чистыми, как только что выпавший снег. Вероятно, он осознавал, что христиане в общинах Малой Азии и в других местах испытывали трудности из-за своей веры, и хотел утешить, поддержать их в их страданиях, ободрить, чтобы они сохраняли стойкость и мужество. Кто лучше уверит их в необходимости страдать, уверит в том, что они страдают за праведное, если не апостол Петр?

Возможно, у этого произведения был также дополнительный мотив. Одна из особенностей Первого послания Петра, которая удивляла ученых на протяжении многих лет, — насколько сильно описание страданий и смерти Христа здесь созвучно учению апостола Павла. Есть некоторые формулировки, которые можно принять за абсолютно Павловы: «Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились» (1 Пет. 2:24); «потому что и Христос, чтобы привести нас к Богу, однажды пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлен по плоти, но ожив духом» (1 Пет. 3:18) и так далее. Из других источников мы знаем (например, из работ самого Павла — ср.: Гал. 2:11–14), что у Петра и Павла иногда имелись разногласия. Могла ли отчасти цель этого послания состоять в том, чтобы показать, что два великих апостола совершенно одинаково смотрели на важные вопросы? Это вполне вероятно: другие авторы также старались описывать этих двух апостолов как находившихся в полном согласии, в том числе и автор новозаветных Деяний апостолов (ср.: Деян. 15).

Второе послание Петра

Еще один человек, стремившийся показать, что Петр и Павел находились, так сказать, «на одной длине волны», стал автором так называемого Второго послания Петра в Новом Завете. В этом особом случае среди ученых-исследователей наблюдается меньше разногласий: кто бы ни написал Второе послание Петра, это был не Симон Петр, ученик Иисуса.

В отличие от Первого послания, Второе послание Петра не было широко принято или даже известно в ранней Церкви. Впервые явная ссылка на эту книгу делается примерно в 220 году, то есть спустя почти 150 лет после того, как она была предположительно написана. В конце концов ее несколько неохотно включили в канон, поскольку главы Церкви более поздних, III и IV веков приняли, что она была написана самим Петром. Но это наверняка было не так.

В Послании говорится преимущественно о лжеучителях и их пагубном влиянии на «истинных» верующих в Христа. Автор яростно критикует противников, хотя и не сообщается о том, чему же именно они учат. Он делает страшные предупреждения тем, кто «введет пагубные ереси», кто отвергает «искупившего их Господа» и кто «навлечет сам на себя скорую погибель». Эти лжеучителя следуют своему «разврату», и «через них путь истины будет в поношении» (2 Пет. 2). Автор продолжает и далее говорить об этих людях много негативного. Как уже давно выяснили ученые, большая часть использованных им поношений заимствована, фактически всей массой, из другой книги, которая также вошла в Новый Завет, — из Послания Иуды. В этом состоит один из доводов датировать Второе послание Петра несколько позже, примерно 120 годом; кроме того, в нем есть отсылка к другим посланиям, которые были написаны, по-видимому, примерно в конце I века[42].

Одно из серьезных заблуждений этих нечестивых учителей, по мнению автора, состоит в искажении посланий «возлюбленного брата нашего» Павла, «в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания» (2 Пет. 3:16). Другими словами, этот автор писал, когда уже были собраны послания Павла, считавшиеся Священным Писанием. Здесь еще одна причина предполагать, что книга возникла в начале II века. Показательно, что автор широко пользуется библейским авторитетом Павла, и здесь мы наблюдаем примирение между двумя главными апостолами.

Автор Второго послания особенно обеспокоен по поводу «наглых ругателей», которые насмехаются над христианской идеей о том, что скоро придет конец света, как предсказано святыми пророками и по заповеди Господа и Спасителя, переданной «Апостолами вашими» (2 Пет. 3:2). (Мог ли сам Петр говорить об «Апостолах ваших»? Разве он не был одним из них?) Но так как конец света не наступал, иные неверующие начали посмеиваться над этим. Однако для автора послания данный вопрос не предмет для смеха ибо так же, как когда-то мир был уничтожен потопом в дни Ноя, он будет погублен огнем в грядущие дни (см.: 2 Пет. 3:1–7). И не стоит думать, что конец света придет не скоро только потому, что до сих пор он не наступил. Ведь план Бога — не наш план, и когда Бог говорит, что всё скоро произойдет, он меряет «скоро» своими мерками. Мы никогда не должны забывать, по словам автора, что «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (3:8). Даже если конец наступит через пять тысяч лет, тем не менее это то же самое, что «немедленно».

В данном случае перед нами послание, написанное от имени Петра христианином в начале II века. Он критикует лжеучителей своей общины, старается убедить своих читателей стойко держаться веры и ждать великого Божьего суда, который, несомненно, свершится — если не скоро по нашим меркам, то скоро, по крайней мере, по меркам Бога.

«Послание Петра Иакову»

Во время этих обсуждений мы заметили, что христиане II и III веков привлекали имя Петра в качестве авторитета для подтверждения своих взглядов независимо от того, были ли они докетическими или антидокетическими, гностическими или антигностическими. Поэтому не удивительно, что наряду с пишущими под псевдонимом авторами Первого и Второго посланий Петра (судя по их литературным стилям, это явно были разные авторы), которые стремились приводить доводы в пользу близкой связи между взглядами Петра и его апостольского брата Павла, были и другие авторы, которые утверждали, что между их позициями было резкое расхождение. Это характерно, в частности, для ряда произведений, предположительно созданных одним из ранних лидеров церкви в Риме, человеком по имени Климент. Поэтому они известны как сочинения Псевдо-Климентина. Есть два собрания писаний, которые сохранились под именем Климента — собрание из двадцати проповедей, которые, как считается, он произнес («The Clementine Homilies» [«Проповеди Климента»]), и десятитомное описание странствий, которые он предпринял, чтобы отыскать давно потерявшихся членов своей семьи («The Clementine Recognitions» [«Признания Климента»]). Между этими двумя группами произведений есть множество сходств — так много, что ученые давно пришли к выводу, что обе группы текстов восходят к одному, более древнему писанию, которое уже не сохранилось, что они отредактированы двумя разными авторами, в результате чего получилось два собрания книг, которые мы теперь имеем.

Эти собрания важны для нас тем, что в ходе своих путешествий Климент встретил Петра, а затем вместе с ним странствовал по всему Средиземноморью. В книгах Климента приведены подробные обращения Петра. Характерно, что в них Петр иногда злословит на апостола Павла как на лжеучителя. Для нас особенно интересно то, что первому собранию писаний, «Проповедям», предшествует послание, предположительно написанное Петром Иакову, брату Иисуса и главе церкви в Иерусалиме. В этом послании он тоже критикует так называемого апостола язычников.

В послании Павел не упоминается по имени. Но нетрудно понять, кто такой «враг» автора: это тот, кто работает среди язычников и учит их, что им нет необходимости соблюдать Закон. Как мы убедимся в последующем, именно так учил Павел (см.: Гал. 2:15; 5:2–5). Слова Петра Иакову звучали резким аккордом:

«Ибо некоторые из числа язычников отвергли мою законную проповедь и предпочли беззаконное и абсурдное учение человека, который является моим врагом. И действительно некоторые пытались, пока я еще жив, исказить мое слово многообразными толкованиями, как будто я учил прекращению Закона… Но да запретит это Бог! Ибо делать такое означает действовать вопреки Закону Божьему, который был дан Моисею и утвержден нашим Господом в его вечности. Ибо он сказал: „небо и земля прейдут, но ни одна йота, ни одна буква не исчезнут из Закона"» («Послание Петра Иакову», 2, 3–5).

Павел — враг Петра; его учение «беззаконно и абсурдно»; он искажает учение Петра; он противоречит учению самого Иисуса. Невысокая похвала для апостола язычников!

В большей части «Послания Петра Иакову» выражается его беспокойство по поводу того, чтобы его учение не было искажено. Он настаивает, чтобы его писания были переданы только тем, кто надежен и оказался достойным принять их после длительного периода посвящения.

Как и следовало ожидать, полемика против Павла появляется также и в писаниях самого Климента. Это особенно верно в отношении «Проповедей». И здесь, и в других местах сочинений Климента мы находим тексты, подобные текстам в «Деяниях Петра», где Петр вовлекается в спор с Симоном (магом). Более того, становится ясно, что Симон Волхв в действительности является, так сказать, зашифрованным Павлом. Петр сомневается, что

очень краткая встреча Павла с Христом в видении на пути (пути преследования христиан) в Дамаск (ссылка на Деян. 9) может позволить ему учить благой вести, ибо то, чему он учит, расходится с тем, что возвещает Петр, который провел целый год с Христом, когда тот еще был жив и, согласно собственным словам Христа, является камнем, на котором будет построена Церковь. Петр говорит:

«И если наш Иисус явился вам и открылся в видении и застал вас злым и враждебным, все же он говорил только через видения и сновидения или через внешние откровения. Но любой ли может учить через видение? И если ваше мнение таково, что это возможно, то почему тогда наш учитель провел целый год с нами, кто бодрствовал? Как мы можем верить тебе, даже если он явился тебе?.. Но если он посещал тебя на протяжении часа и наставлял, и таким образом ты стал апостолом, то возвести его слова, истолкуй то, чему он учил, будь другом его апостолам, а не борись со мной, его доверенным лицом; ибо ты враждебен, противостоишь мне, твердому камню, камню основания Церкви» («Проповеди», 17,19).

В подтверждение своего заявления о собственном превосходстве Петр в одном из разделов высказывает мысль, что в замысле Бога относительно людей меньший всегда предшествует большему. И поэтому сын Адама, Каин, убийца, предшествовал его другому сыну, Авелю, праведнику; сын изгоя Авраама, Измаил, предшествовал его избранному сыну, Исааку. Так продолжается до последних времен, когда на языческом поле деятельности появились двое, распространяя благую весть Христа — Симон (то есть Павел) и Петр, который, как последний, выше первого: «Кто появился позже, чем он пришел к нему, как свет к темноте, как знание к неведению, как исцеление к болезни» («Проповеди», 2,17).

Итак, мы видели в разных частях нашего исследования, что Петр был фигурой, которую христиане ранней Церкви использовали для самых разнообразных целей, как своего рода громоотвод. Гностики прикрывались его именем для критики ортодоксальных положений, а ортодоксы — для критики гностиков; его могли использовать для продвижения докетической христологии или для ее отрицания; его могли использовать для продвижения учения Павла о благой вести, свободной от соблюдения Закона, основанной на смерти Христа, или для выступления против этого.

Он был не только спорной, но и универсально полезной фигурой: о его жизни и учении рассказывали для того, чтобы ободрить тех, кто считал, что «дух животворит, а плоть не пользует нимало», или чтобы показать, какие великие чудеса творил Бог, демонстрируя истины благой вести, или чтобы побудить обратившихся в веру в Христа к аскетическому образу жизни. Петр, возможно, стал камнем, на котором была основана Церковь, но поскольку она оказалась разной для столь разных людей, можно сказать, что в некоторой степени Петр послужил разными камнями.

Петр епископ

В некоторых кругах Петра считают первым епископом Рима, первым Римским папой. Однако тот период, который интересует нас в этой книге, не оставил нам значительных свидетельств в подтверждение такого взгляда. Напротив, несколько авторов указывают на то, что Петр не был ни первым главой церкви, ни первым ее епископом. Однако имеются некоторые предания, связывающие его с римской церковью после того, как она была основана.

Перед тем как исследовать эти предания, я должен повторить, что за пределами Рима существовали и другие церкви, которые притязали на особую связь с Петром. Его значение для таких церквей не секрет: если Петр был главным учеником Иисуса и первым, кто подтвердил его воскресение, то любая церковь, которая могла связать себя с ним, тем самым повышала свой статус в глазах всего христианского мира. Церковь в самом Иерусалиме могла, конечно, в некоторой степени претендовать на него, поскольку ясно, что в первые месяцы существования церкви, вскоре после смерти Иисуса, именно Петр возглавил ее и

начал миссию обращения других в веру в Иисуса. Примерно через двадцать лет апостол Павел все еще мог говорить о Петре как одном из «столпов» иерусалимской церкви, наряду с Иоанном, сыном Зеведеевым, и Иаковом, братом Иисуса (см.: Гал. 2:9). Из множества источников, включая тексты самого Павла (например: Гал. 2:12), становится ясно, что Иаков должен был в конечном счете принять на себя руководство церковью в Иерусалиме, вероятно потому, что Петр продолжил его миссию по обращению иудеев в других местах. Автор II века, Климент Александрийский, указывает, что именно Иаков был первым епископом Иерусалима (*Евсевий*. Церковная история, 2, 1).

Мы также видели, что какое-то время Петр жил в большом сирийском городе Антиохии, где находился в противостоянии с Павлом по поводу того, нужно ли воздерживаться от совместной трапезы с верующими язычниками ввиду сомнений христиан-иудеев, которые верили в необходимость продолжать соблюдать правила приема чистой пищи (Гал. 2:11–14). В более позднем предании указывается, что в действительности Петр был там первым епископом (*Евсевий*. Церковная история, 3, 36).

Петр был также важен для церкви в Коринфе. Когда Павел пишет свое Первое послание Коринфянам, он обеспокоен тем, что есть группы христиан, требующих преданности тому или иному христианскому руководителю: одни — ему как основателю церкви, другие — Аполлосу как апостолу, который стал преемником Павла в создании церкви, а третьи — Петру (см.: 1 Кор. 1:12). Нет никаких свидетельств, что преданность Петру обосновывалась его посещением этой церкви (четвертая группа христиан Коринфа требовала преданности самому Иисусу, а он точно никогда не был там). Но ясно, что большое значение имела репутация Петра как главного апостола, заставляя апеллировать к нему.

В этих городах — Иерусалиме, Антиохии и Коринфе — в первые два века существования христианства находились три самые крупные церкви, Все три претендовали на связь с Петром. На то же претендовала и четвертая церковь — в Александрии (Египет). Согласно Евсевию, первым отправился в Египет апостол Марк, который основал там (очень крупную) церковь («Церковная история», 2, 15). Речь идет о том Марке, о котором мы ранее говорили как о последователе и секретаре Петра; согласно жившему во II веке Папию, Марк написал свое Евангелие как собрание воспоминаний, которые он услышал в проповедях Петра о жизни Иисуса. Другими словами, благодаря Марку, Петр оказался связан с александрийской церковью.

То же самое относится, конечно, и к крупнейшей церкви в раннехристианском мире, к церкви в Риме. Мы уже упоминали традицию, согласно которой церковь в Риме была уже основана к тому времени, когда туда прибыл Петр. Например, написанные во II веке «Деяния Петра» начинаются с обсуждения деятельности Павла по укреплению церкви в Риме (предполагает ли это, что он тоже прибыл туда уже после того, как эта деятельность началась?) и его решения уехать, чтобы взяться за проповедническую миссию в Испании. Именно из-за вакуума, созданного его отсутствием и заполненного посланцем Сатаны, Симоном Волхвом, Бог призывает Петра приехать в Рим, чтобы противостоять своему заклятому врагу. Петр, согласно этому преданию, попадает в ситуацию, когда уже было большое количество обращенных, но многие из них отпали от веры.

Если не Петр основал церковь в Риме, то кто это сделал? Самым ранним свидетельством существования церкви в Риме является одно из посланий Павла, Послание к Римлянам (написанное в 50-х годах). Данное послание предполагает паству, состоящую в основном или исключительно из язычников (см.: Рим. 1:13). Тогда, по всей видимости, эта церковь основана не Петром, миссионером среди иудеев. Кроме того, в конце своего послания Павел приветствует большое количество членов паствы по имени. Показательно, что он ни разу не упоминает о Петре, ни здесь, ни где-нибудь в другом месте послания. На этом основании исследователи сходятся во мнении, что, когда Павел писал свое послание в середине 50-х годов, Петр еще не приехал в Рим.

Однако в более позднем предании, которое можно найти в трудах Отца Церкви Иринея (конец II века), указывается, что церковь в Риме была «основана и организована двумя самыми великолепными апостолами, Петром и Павлом» (*Ириней.* Против ересей, 3, 3, 2). Как я только что показал, это не могло быть случайной фразой, поскольку в своем послании к римской церкви Павел указывает, что он еще там не был (см.: Рим. 1:13). Но у Иринея была особая полемическая позиция, в соответствии с которой уже в конце II века церковь в Риме была главенствующей церковью христианского мира, и ее взгляды на веру должны были стать нормативными для всех остальных. Поэтому, естественно, что самая важная из церквей должна была быть «основана и организована» двумя самыми важными апостолами, Петром и Павлом (писания которых поэтому, в отличие от других произведений, рассмотренных нами, были приведены в полное согласие друг с другом). Реальность же состоит в том, что мы не знаем, кто основал эту церковь в Риме. Возможно, ее основали просто неизвестные христиане: поскольку множество людей приезжали в Рим и уезжали из него, то вполне правдоподобно, что ранее обращенные (скажем, за десятилетие или больше до того, как Павел написал свое послание римским христианам в 50-х годах) прибыли или вернулись в столицу, обращая других, и это движение развивалось оттуда.

Но кто был первым римским епископом? Согласно Иринею, им стал человек по имени Лин, который был назначен на должность Петром и Павлом («Против ересей», 3, 3, 3). В одном месте отец церковной истории, Евсевий, по-видимому, в некоторой степени соглашается с этим, когда говорит, что «первым, кто назван епископом после мученической смерти Петра и Павла, был Лин» («Церковная история», 3, 2). Но здесь Лин назначен не Петром, а кем-то другим, уже после смерти Петра. И еще больше запутывая ситуацию, всего лишь несколькими параграфами ниже Евсевий формулирует вопрос иначе, говоря, что «Лин… был первым после Петра назначен епископом Рима. Опять же Климент, который стал третьим епископом Рима». Создается впечатление, что Петр был первым епископом, Лин — вторым, а Климент — третьим. Предание становится совсем запутанным, если мы обратимся к сочинениям Тертуллиана, жившего в начале III века, который указывает, что Климент не был третьим римским епископом, поскольку он назначен самим Петром («О прескрипции», 32).

Как можно разрешить эту путаницу? Стоит отметить, что в Послании к Римлянам нет никакого указания на то, что там есть какой-нибудь один руководитель церкви, так же как не было единственных епископов в любой из церквей, к которым Павел обращался в своих посланиях в 50-е годы. Более того, примерно через 60 лет после Павла было написано другое послание, адресованное церкви в Риме. Его автором является вскоре преданный мученической смерти Игнатий, епископ Антиохии, которого под вооруженной охраной доставили в Рим и бросили к диким зверям на Форуме. Так вот, хотя во всех остальных своих шести посланиях Игнатий подразумевает, что есть единственные епископы, которым он пишет (например, епископы эфесян и смирнян), когда он пишет в Рим, он отнюдь этого не предполагает, а говорит со всей паствой, ни разу не упоминая о каком-либо человеке, возглавляющем церковь.

Кроме того, мы располагаем двумя сочинениями христиан, написанными незадолго до времен Игнатия или вскоре после него, которые действительно жили в Риме. Оба свидетельствуют о ситуации, когда римская церковь не находилась под руководством одного человека, то есть епископа. Первое сочинение, послание Климента, было написано примерно в середине 90-х годов, спустя примерно тридцать лет после смерти Петра, о чем автор знает и упоминает (1 Климента, 5:4). Предположительно, его автором был тот самый Климент, который в более поздней традиции назван римским епископом. Все это, по-видимому, говорит о том, что тогда церкви управлялись не отдельными руководителями, а советом пресвитеров. Послание Климента фактически имеет в виду ситуацию в Коринфе, где пресвитеры были отстранены от должности в результате своего рода церковного переворота.

Римские христиане (не епископ) пишут [христианам в Коринф], пытаясь исправить ситуацию с помощью восстановления в должности старших пресвитеров.

Другое сочинение, появившееся после гибели Игнатия, также было написано в Риме; это — апокалипсис, известный как «Пастырь» Гермы. Герма был римским христианином, жившим, вероятно, около середины II века{43}. В своем сочинении он упоминает о Клименте, но не как о епископе. Скорее, Климент рассматривается в качестве своего рода «иностранного корреспондента» для церкви («Пастырь», 8,3). Более того, Герма говорит о «пресвитерах» и «епископах» церкви, но не упоминает ни одного епископа над всей общиной.

Лишь со временем, когда в христианских церквах развились иерархические структуры, ставшие характерными для их организации к концу II века, во главе каждой церкви оказывается один епископ, под началом которого служил совет старейшин (или пресвитеров) и дьяконов. Но в тот ранний период римская церковь была организована более свободно, видимо потому, что она состояла из большого количества отдельных общин христиан, которые встречались в домах своих наиболее состоятельных членов, живших во всех частях города. У каждой из подобных так называемых домашних церквей имелся кто-то главный, вероятно человек, у которого был свой дом и который обеспечивал место для собраний. В конечном счете такие церкви объединились ради общего дела. И когда это произошло, они стали назначать руководителей, отвечающих за все общины во всем городе. Но данное положение вещей сложилось лишь в середине II века. Короче говоря, Петр, возможно, не был первым епископом церкви в Риме, потому что у римской церкви вовсе не было *никакого* епископа вплоть до времени, наступившего примерно через сто лет после смерти Петра.

Петр мученик

Казнь Петра упоминается в Евангелии от Иоанна, которое, очевидно, было написано после того, как произошло это событие. Как уже ранее отмечалось, после воскресения Иисус сказал Петру:

«Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь» (Ин. 21:18).

Автор заканчивает эти слова замечанием: «Сказал же это, давая разуметь, какою смертью [Петр] прославит Бога».

Ясно, что Иисус предсказал Петру — он будет казнен (не умрет естественной смертью) и это будет смерть мученика (ею он «прославит Бога»). Некоторые толкователи утверждали, что предсказание является более конкретным: речь идет о том, что Петр будет распят. Однако то, что в тексте говорится о руках, вряд ли может быть истолковано так, будто он будет пригвожден или привязан к кресту. Такое толкование возможно, но следует отметить, что привязывание рук, согласно тексту, происходит прежде, чем Петра отводят на казнь. И поэтому отрывок может просто говорить о мученической смерти (каким-либо образом), которой предстоит случиться.

Так или иначе, к концу I века и во II веке среди христиан было широко известно, что Петр принял мученическую смерть. В традиции ссылаются на «Первое послание Климента»: «Из-за несправедливой ревности Петр выдержал трудности не лишь однажды или дважды, а много раз; и так несши свое свидетельство [или „будучи предаваем мученической смерти"] он отправился в место славы, которую он заслужил» (1 Климента, 5:4). А через сто лет Тертуллиан пишет о том, что Петр вынес «страстные муки, подобно Господу». Возможно, его слова относятся к преданию о том, что Петр был распят.

Устойчивым преданием более поздних времен стало то, что Петр, вместе со своим компаньоном апостолом Павлом, был предан мученической смерти во время преследований со стороны императора Нерона. Согласно этому преданию, Петр был распят на кресте, причем в довольно странной форме: вверх ногами, вниз головой. Например, Евсевий пишет,

что «Петр прибыл в Рим, где он был распят вниз головой по его собственной просьбе» («Церковная история», 3, 1). Но раньше всего это предание обнаруживается во II веке в «Деяниях Петра», где рассказывается знаменитая история «Quo vadis» — о том, как Петр вернулся в Рим, где его распяли.

Описание смерти Петра в «Деяниях Петра»

Рассказ о смерти Петра — одно из самых интересных мест в «Деяниях Петра». Как я уже отмечал ранее, согласно этой книге, Петр разгневал двух самых могущественных мужчин в Риме своей проповедью сексуального воздержания. Любовницы правящего префекта Агриппы и жена друга императора, Альбины, отказались иметь с ними сексуальные отношения. Задетые в своем самолюбии мужчины решили разобраться с Петром.

Однако жена Альбины, Ксантиппа, узнаёт о заговоре и предупреждает Петра, чтобы он бежал из города. Петр отказывается сделать это, но собратья-христиане наконец убеждают его. И вот, когда он идет через городские ворота, он видит входящего Иисуса. Озадаченный Петр спрашивает его: «Господь, куда идешь?» (на латыни: «Domine, quo vadis?»). Иисус отвечает, что он пришел в Рим, где его должны распять. Петр смущен: «Господь, тебя снова распнут?». Иисус отвечает: «Да, Петр, меня снова распнут». Тогда Петр пробуждается, будто ото сна, и видит, как Иисус всходит на небо, и понимает, что он должен вернуться в город, где его схватят и распнут во имя Иисуса («Деяния Петра», 35).

Не следует думать, будто Петр возвращается неохотно, с ужасом осознавая, что его должны казнить. Текст говорит как раз об обратном: Петр возвращается в Рим, «радуясь и восхваляя Господа» за то, что ему предстоит быть распятым. Для него это было последним шансом уподобиться Христу и умереть славной мученической смертью.

Петр встречается со своими христианскими собратьями, сообщает о своем решении и убеждает их, чтобы они не гневались на Агриппу, ибо такова воля Бога. И когда наступает решающий момент, он просит, чтобы его распяли вверх ногами. Не потому, как полагали некоторые более поздние толкователи, что он считал себя не достойным быть убитым тем же способом, что и его Господь. Петр сам объясняет, что означает распятие на кресте вверх ногами: это — символическое выражение природы земного существования и нашей человеческой необходимости смотреть не на видимости жизни, а на реалии, которые они открывают. Эта идея передается в обращении, которое Петр произносит с креста. Он говорит окружавшим о «тайне всего творения», которое само все перевернуто. Когда в мире появился первый человек (Адам), он родился головой вперед (как и все новорожденные). Это означает, что перспектива Адама как человека, который принес в этот мир грех, была полностью изменена и перевернута вверх ногами. Именно поэтому люди принимают истинное за ложное, а ложное за истинное, правильное за неправильное, реальное за поддельное, а поддельное за реальное. Они имеют перевернутое в***и***дение из-за действий первого человека, Адама («Деяния Петра», 38). Однако находясь вверх ногами, Петр видит вещи в правильной перспективе: что для нас правое, для него левое, то, что для нас верх, для него — низ и т. д.

Люди должны приобрести это новое в***и***дение реальности в нашем мире. Те, кто живет во Христе, осознают, что ценности, приоритеты, предпочтения и страсти земного мира все неправильны. Но есть альтернативный набор ценностей, приоритетов, предпочтений и страстей: тех, которые происходят от Бога. Христиане должны придерживаться их, несмотря на то, что они кажутся противоположными всему, что принимает остальная часть мира.

Петр, произнеся свое послание, умирает. Интересно, что затем его друг Марцелл устраивает ему дорогие, торжественные похороны. И Петр был вынужден воскреснуть из мертвых, чтобы побранить своего друга за то, что тот не понял его: поскольку все в мире

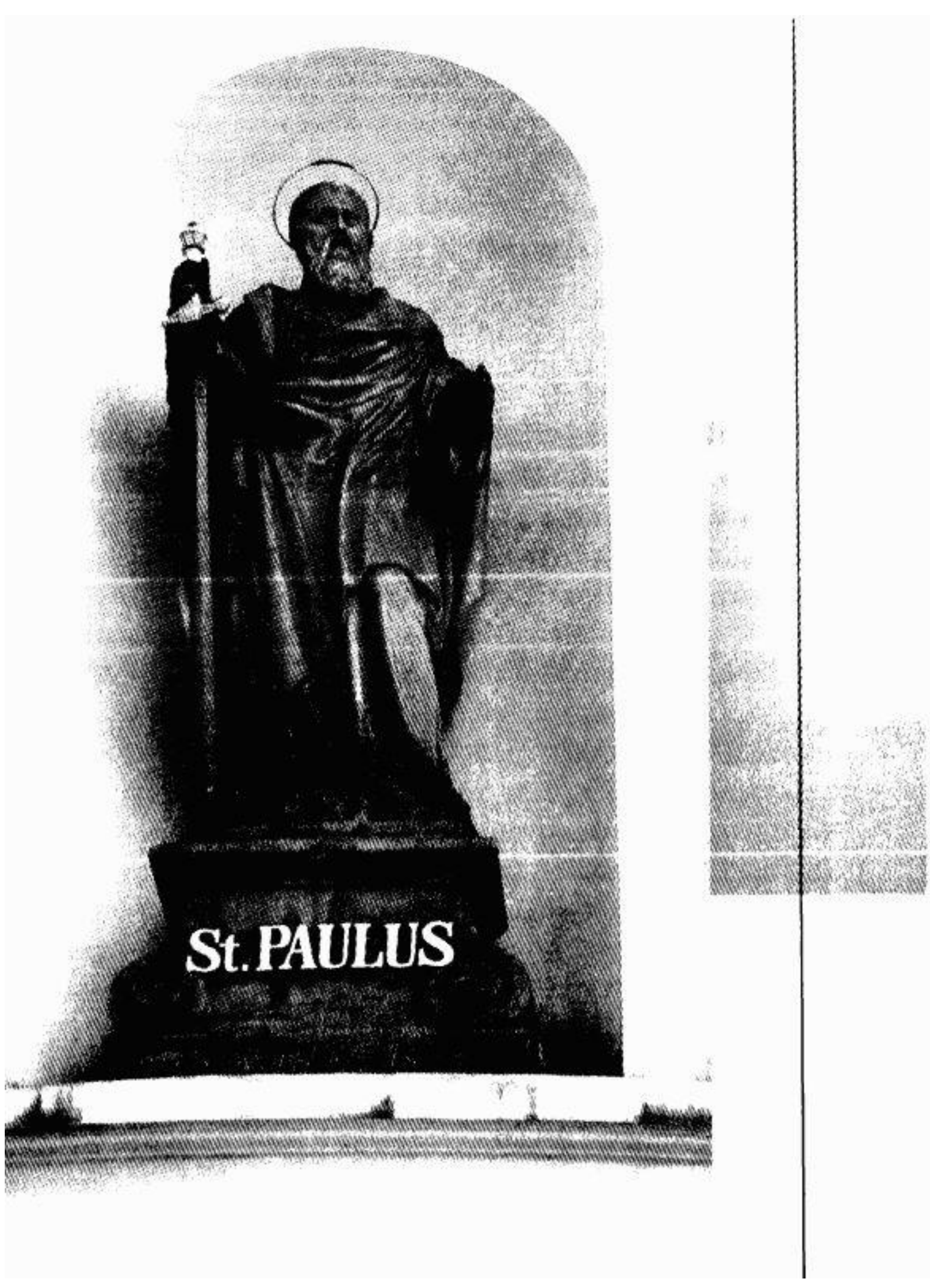
наоборот (как он объяснял, умирая), не богатство следует ценить (в том числе устройство дорогих похорон), а бедность, и не смерти нужно избегать, а жизни.

Заключение

В ходе рассмотрения мы постоянно задавались вопросом, почему христианские авторы рассказывали о жизни Петра именно так, как они это делали. По-видимому, в описании его смерти содержались многочисленные поучения. В самом глубоком смысле Петр наконец смог искупить свою неверность во время ареста Иисуса и суда над ним: теперь, верный своим словам, он действительно идет на смерть вместе с Иисусом. Он идет, не проклиная судьбу, не стеная, а радуясь и восхваляя Бога. Это, без сомнения, важный урок для христиан I и III веков, которых нередко преследовали власти, подвергали мучительным пыткам и смерти. Кроме того, есть ключевой момент, отмеченный самим Петром, когда он висел на кресте вверх ногами: этот мир и его ценности не следует принимать, для Бога это — не наши пути, и его в***и***дение — не наше в***и***дение. Мы должны перестроить свое в***и***дение, чтобы понять, что все, к чему стремится большинство людей и чего они жаждут в этом мире, следует избегать. Мы должны избегать страстей земного мира и оставить его чаяния. Только тогда мы поймем нашу истинную человеческую природу и будем готовы войти в мир, который Бог приготовил для своего народа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АПОСТОЛ ПАВЕЛ

Глава седьмая
Апостол Павел: обзор первоисточников

Была ли еще в истории христианства личность, вокруг которой разгоралось бы столько споров, как вокруг апостола Павла? Именно новое понимание посланий Павла заставило Мартина Лютера отколоться от Католической церкви, что привело к протестантской Реформации и разделению христианского мира, которое продолжается до нашего времени. Церкви всех видов спорят по поводу учения Павла: одни настаивают на том, что в своих текстах Павел выступает против посвящения женщин в духовный сан, в то время как другие доказывают прямо противоположное; одни заявляют, что в своих посланиях он осуждает однополые отношения, другие утверждают обратное; одни доказывают, что в его посланиях поддерживаются западные формы капитализма, в то время как другие говорят, что верно противоположное.

Споры о Павле (и о том, кто может претендовать на правильное его понимание) не являются продуктом лишь нашего времени: они восходят ко времени создания Нового Завета. Во Втором послании Петра говорится о тех (гностиках?), кто «превращает» смысл посланий Павла «к собственной своей погибели» (2 Пет. 3:16). Это, должно быть, означало, что как автор Второго послания Петра, так и христиане, против которых он выступал, обращались к авторитету Павла для отстаивания своих взглядов. С другой стороны, существовали христианские группы, которые не хотели иметь с Павлом ничего общего, как это видно, например, в «Послании Петра Иакову», связанному с «Псевдо-Климентинами», где «Петр» (то есть неизвестный автор, назвавшийся Петром) упоминает об апостоле язычников как о «человеке, который является моим врагом».

Впрочем, нет необходимости обращаться к текстам II века, чтобы увидеть это противостояние. Уже при жизни Павла у него было большое количество врагов. И часто они имелись в тех самих христианских общинах, которые он сам и основал, среди его собственных обращенных. В церквах Галатии были христиане, которые настаивали на том, что Павел неправильно понимал благую весть о Христе, когда утверждал, что мужчины-язычники не должны делать обрезание, чтобы принадлежать народу Божьему. Павел, доказывали они, относительно поздно пришел к вере и извратил первоначальное евангельское учение. В других местах, например, в церквах Коринфа, некоторые считали, что Павел располагает лишь элементарным пониманием веры, которую могли бы провозгласить другие верующие, обладающие гораздо большей духовной силой и красноречием. По мнению этих «лжеапостолов» (как их называет Павел), он «в личном присутствии слаб, и речь [его] незначительна» (2 Кор. 10:10). Идеи Павла часто считали опасными: Послание Иакова в Новом Завете, видимо, направлено против учения Павла (или, по крайней мере, против толкования его учения другими), утверждавшего, что человек оправдан перед Богом «верой одной, а не делами».

Если Павел не имел в виду что-то другое, то здесь возникает противоречие. Именно потому, что различные группы христиан привлекали его имя для поддержки своих, часто противоположных взглядов, историки естественно задались вопросом, а во что на самом деле верил и чему учил Павел.

Как мы видели в ситуации с Петром, это важный вопрос для исследований, он далеко не единственный. Важно также понять, как различные группы *описывали* жизнь и учение Павла, ибо это также предусматривает ряд вопросов исторического характера: не обязательно об историческом Павле, каким он на самом деле был, а о том Павле, каким его помнили.

В последующих главах мы будем исследовать оба ряда вопросов. Как и в разделе о Петре, я начну с замечания, что когда дело доходит до попытки отделить реального, исторического Павла от Павла преданий, выявляются проблемы с первоисточниками. Поэтому я рассматриваю множество описаний Павла, исторического и легендарного, начиная с первых веков существования Церкви.

Отделение истории от преданий

Как различить то, что действительно происходило в жизни Павла, и то, что дошло до нас в виде благочестивых преданий? В одном древнем тексте рассказывается, как во время одного из своих миссионерских странствий Павел прибыл на остров Кипр, где встретил некоего мага, который был еврейским лжепророком по имени Вариисус (буквально «сын Иисуса»; он известен также под именем Елима) и пользовался благосклонностью местного римского чиновника Сергия Павла. Вариисус боялся, что Сергий Павл обратится и станет последователем Иисуса, после чего он потеряет своего покровителя. Поэтому он пытался помешать ему принять учение, которое проповедовал Павел. Когда Павел понял суть происходящего, он выступил против Вариисуса и сказал ему: «И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени». И тут же лжепророк был поражен слепотой.

Сравним это с другой историей. Павел находился в Риме, укрепляя там христиан в вере. Перед отъездом в Испанию, чтобы проповедовать там Евангелие, он провел с верующими прощальную евхаристическую трапезу. Одна из женщин, которая вышла вперед, чтобы причаститься, была нераскаявшаяся грешница по имени Руфина. Павел остановил ее со словами: «Руфина, не приближайся к алтарю Божьему как верующая, ибо ты встаешь не со стороны мужа, а со стороны прелюбодея, и ты все же пытаешься получить евхаристию Божью». Он угрожал ей вечным наказанием, что привело к весьма ощутимому результату: «Руфина тут же ослабела, будучи парализованной в левом боку с головы до пят. И при этом она не могла больше говорить, ибо язык ее был связан».

Обе истории указывают на то, что Павел — апостол, с которым шутки плохи. Действительно ли произошли обе эти истории или хотя бы одна из них? Возможно, читатели удивятся, узнав, что первый эпизод встречается в новозаветной книге Деяний апостолов (13:6), а другой — в первой части «Деяний Петра» (главы 1–2).

Или же рассмотрим два сопоставимых между собой эпизода с оживлением умершего. В одном повествовании Павел проповедовал группе верующих в городе Троада, в верхней комнате дома. Его проповедь затянулась на долгое время. Один христианин по имени Евтих сидел при этом на окне третьего этажа дома; около полуночи он заснул и выпал из окна, разбившись насмерть. Однако Павел сошел вниз к трупу, обнял его и объявил, что он жив. И вот, Евтих восстал из мертвых. Павел, совершенно невозмутимый, возвращается в верхнюю комнату, где продолжает проповедовать до рассвета (см.: Деян. 20:7–11). Может показаться, что данный эпизод взят из преданий, однако он присутствует в новозаветной книге Деяний апостолов.

Тем не менее так ли уж он отличается от повествования о воскрешении Патрокла, слуги императора Нерона, который тоже, как рассказывается, слушал Павла поздно вечером, на этот раз — в амбаре? Патрокл тоже заснул, выпал из окна и разбился насмерть. Весть об этом дошла до Нерона, который очень любил мальчика, но Павел снова спас положение, приказав собравшимся верующим оплакивать смерть мальчика перед Богом так, чтобы тот мог ожить. И далее все идет как надо: Патрокл ожил и вернулся к своему господину, Нерону. Как я уже отмечал в более ранней главе, хотя историю с Патроклом можно сравнивать в разных отношениях с тем, как возвратили к жизни Евтиха, она встречается не в канонической книге, а в апокрифических «Деяниях Павла» II века.

И последний пример берем из рассказов о преследованиях Павла со стороны его врагов. Павел проповедовал Евангелие в городе Листра, когда его враги из числа иудеев возбудили против него толпу. Павла насмерть побили камнями, выволокли из города и бросили. Но вокруг него собрались его последователи, и он оживает, чтобы повести их в следующий город, снова и снова возвещать благую весть, как будто ничего не случилось. Вот — человек, которому невозможно воспрепятствовать.

Существует ли более захватывающая история, чем рассказ о том, как Павла бросили к диким зверям в городе Эфесе! Этот специфический текст по общему признанию немного

странен, но ведь все невероятные истории странные, независимо от того, встречаются они в Библии или в других текстах. В данном сюжете на Павла натравили свирепого льва; однако Павел и лев узнают друг друга. Это оказался тот самый лев, которого Павел ранее встретил в пустыне, где тот попросил апостола (человеческим голосом) крестить его. И теперь, когда они встретились на Форуме, лев, разумеется, не тронул своего учителя. Бог посылает ливень, который убивает всех остальных диких зверей (и множество людей), а Павел и лев сбегают: Павел — чтобы проповедовать благую весть в других странах, а лев — чтобы вернуться в свою природную среду обитания.

Конечно, этот рассказ из области преданий. Но, возможно, мы не должны слишком торопиться и утверждать, что это просто более поздняя выдумка, в то время как все тексты в Новом Завете основаны на достоверных фактах. Разве во всех историях вокруг имени апостола Павла не наблюдаются как исторические, так и легендарные черты? Разве мы не сталкиваемся с той же ситуацией, как и в случае с Петром, когда есть исторические записи, есть предания, и есть истории, которые, вероятно, представляют собой сочетание и того, и другого?

Тексты самого Павла

В отношении переплетения истории и преданий мы действительно в весьма значительной степени находимся в той же ситуации, как и с Петром, но с одним очень важным отличием: мы имеем ряд сохранившихся, собственноручно написанных посланий Павла, которые обеспечивают нас неопровержимыми историческими сведениями об апостоле язычников, то есть тем, чего нам, к сожалению, недоставало в отношении Петра. В Новом Завете есть тринадцать посланий, которые считаются написанными Павлом, кроме того, существует группа посланий не из Нового Завета, включая «Третье послание к Коринфянам» (в Новом Завете содержатся Первое и Второе послания к Коринфянам), несколько посланий, адресованных римскому философу Сенеке (и несколько посланий Сенеки — Павлу), а также послания христианам в городе Лаодикия. Конечно, в данном отношении мы находимся в более выгодной исследовательской ситуации, чем имея дело с Петром или даже с Иисусом. Ни Петр, ни Иисус не оставили нам какого-либо текста, а вот Павел, очевидно, оставил.

Однако для того, чтобы с помощью этих текстов узнать что-либо об историческом Павле, необходимо иметь в виду несколько предостережений. Как и в случае с Петром, важнее всего, что множество текстов, претендующих на то, что они написаны Павлом, в действительности были написаны не им, а являются псевдоэпиграфами (несколько напыщенное название подделок). Это, безусловно, верно для всех текстов не из Нового Завета. Ни одно из таких посланий Павла (например, «Третье послание к Коринфянам» и послания Сенеке) в действительности не принадлежали ему, о чем ученые знают уже в течение многих столетий: эти послания предполагают обстоятельства, весьма отличные от тех, с которыми имел дело Павел, когда писал спустя примерно 20–30 лет после смерти Иисуса, в основном же — в 50-е годы.

Но что можно сказать о тринадцати посланиях в Новом Завете, которые, как утверждается, написаны Павлом? Перед каждым, кто пытается реконструировать то, что проповедовал исторический Павел, эти послания ставят три проблемы.

Ложное приписывание авторства (Pseudepigraphy)

Первая проблема связана с попытками узнать, какие послания вышли из-под руки Павла. В некоторой степени эта проблема отличается от той, с которой мы имели дело, изучая тексты, имеющие отношение к Петру, поскольку там мы не были уверены, что он

вообще умел писать. Павел, по крайней мере, был хорошо образован, поэтому он мог писать и действительно писал. Но в ранней Церкви циркулировало много текстов, написанных от его имени. Как решить, какие из них написал он? Следует подчеркнуть, что нет сомнения, могли ли ранние христиане приписать авторство посланий Павлу. Мы *знаем,* что христиане приписывали ему авторство, например «Третьего послания к Коринфянам», в котором критикуются идеи докетических христологий, появившихся в начале-середине II века, через несколько десятилетий после смерти Павла, или посланий, которыми он якобы обменивался с философом Сенекой, возникших примерно через триста лет после того, как они оба умерли.

У нас есть надежные доказательства, позволяющие предполагать, что уже в период создания Нового Завета были христиане, которые приписывали послания иных авторов Павлу. Одно из таких доказательств содержится в послании, где заявляется, что оно написано Павлом (Второе послание к Фессалоникийцам). В нем автор предостерегает своих читателей относительно циркулирующего послания от его имени, которое сам он в действительности не писал (2 Фес. 2:2). Ирония заключается в том, что множество ученых и без того приходят к мнению, что Павел не создавал Второго послания к Фессалоникийцам. А их мнение основано на том твердокаменном аргументе, что в I веке существовали подделки под послания Павла. Либо Второе послание к Фессалоникийцам написано самим Павлом, и он знал о ходившей повсюду подделке, которая была сочинена от его имени, либо Второе послание к Фессалоникийцам принадлежит не Павлу, и оно само является подделкой. В любом случае получается, что были подделки, написанные от имени Павла.

Один из важных вопросов состоит в том, вошла ли какая-либо из подобных подделок в Новый Завет. Мы всегда должны помнить, что Новый Завет возник как каноническое собрание священных текстов только через столетия после того, как были написаны сами вошедшие в него книги[44]. Люди, принимавшие решения о том, что включать в Новый Завет, не были высокообразованными учеными или искушенными литературоведами. Живя через столетия после того, как эти книги были написаны, они часто не имели средств для точной оценки, был ли предполагаемый автор книги ее настоящим создателем. Может показаться странным, но в распоряжении современных ученых имеется гораздо больше средств для выявления древних подделок, так как сегодня есть сложные методы литературного анализа, словари с указателями и справочники с грамматическими и стилистическими предпочтениями, поисковые системы данных и т. д.

Не буду вдаваться здесь во все детали, просто сошлюсь на другие книги, авторы которых специально занимаются вопросом о том, какие тексты, приписываемые Павлу, действительно принадлежат ему[45]. Для наших целей достаточно понять, что почти все ученые убеждены в том, что из тринадцати приписываемых Павлу посланий Нового Завета семь — бесспорно, его: Послание к Римлянам, Первое и Второе послания к Коринфянам, Послание к Галатам, Послание к Филиппийцам, Первое послание к Фессалоникийцам и Послание к Филимону.

Остальные шесть посланий отличаются от этих бесспорных семи иногда весьма значительно, иногда менее значительно, но заметно. Различия связаны: 1) со словарем и используемым в посланиях (или не используемым) стилем письма: каждое послание обладает отличительным стилем письма, и можно выделить стилистические характеристики, чтобы понять, действительно ли в тексте используется стиль предполагаемого автора; 2) с представленными в посланиях теологическими точками зрения: некоторые спорные послания, очевидно, противоречат теологии бесспорных посланий; 3) с исторической ситуацией, создающей фон послания: некоторые из посланий предполагают обстоятельства, которые возникли после смерти Павла, и т. д.

По-видимому, сомнительные послания — к Ефесянам, к Колоссянам, Второе послание к Фессалоникийцам, Первое и Второе послания к Тимофею и Послание к Титу — написаны более поздними христианами, которые использовали имя Павла, чтобы распространять свои

собственные взгляды, что очень похоже на то, как приписывали авторство Петра таким произведениям, как «Евангелие от Петра», «Послание Петра к Филиппу» и «Апокалипсис Петра». В таком случае будет весьма полезно обсудить спорные послания Павла, чтобы понять, каким Павла помнили спустя годы после его смерти, хотя для выяснения того, что проповедовал сам Павел, такое обсуждение менее эффективно.

Вставки

Однако даже бесспорные послания Павла иногда ставят перед нами вопросы. В текстах есть места, где более поздние переписчики, по-видимому, вставили свой материал, которого первоначально не было. Этот вставленный материал невозможно использовать для того, чтобы установить, что говорил или думал сам Павел, но он показывает нам, какие идеи хотели приписать Павлу более поздние христиане.

Вот лишь один пример. В важном тексте из Первого послания к Коринфянам, послания, которое бесспорно написал сам Павел, он настаивает на том, чтобы женщины «молчали» в церквах, «ибо не позволено им говорить» (1 Кор. 14:34). Это ключевой отрывок в спорах о роли женщин в Церкви современного мира: могут ли женщины, например, быть рукоположены в духовный сан? Конечно нет, если им не позволено даже говорить. Но, как оказывается, существуют весьма убедительные основания полагать, что эти стихи в главе 14 Первого послания к Коринфянам написаны не Павлом, а были добавлены позже переписчиком, который хотел, чтобы апостол был на стороне тех, кто считал, что женщины не должны участвовать в богослужениях в качестве активных членов церковного собрания.

Одной из причин, по которым ученые оценивают данную точку зрения как убедительную, является то обстоятельство, что тремя главами ранее Павел пишет, что когда женщины молятся и пророчествуют в церкви, они должны делать это с покрытой головой. Трудно понять, как Павел может допускать в главе 11, что для женщин приемлемо говорить, если он собирается отрицать это в главе 14. Более того, если убрать указанные стихи из главы 14 (то есть если предположить, что первоначально их там не было), то отрывок звучит намного лучше: непосредственно перед этим Павел говорит о пророках в церкви и чуть позже он продолжает говорить о пророках. Особенно впечатляет то, что есть некоторые рукописи Первого послания к Коринфянам, где эти самые стихи встречаются в другом месте текста — как будто первоначально они были примечанием на полях, сделанным переписчиком, а другие переписчики, копировавшие рукопись позже, поместили его в другое место. По этим и другим причинам представляется, что сам Павел не писал о том, что женщины должны молчать в церкви. Очевидно, это важно для тех, кто хочет понять взгляды Павла на женщин{46}.

Приуроченность посланий к определенным событиям

И третья проблема, вызываемая посланиями Павла при выяснении того, чему он учил и во что верил. Даже если ограничиться бесспорными посланиями в избавленной от вставок форме, необходимо осознавать, что все они являются текстами, написанными по определенным поводам. Я имею в виду, что послания возникли по поводу определенных событий. А понимание обстоятельств создания каждого из посланий влияет на то, как следует его интерпретировать.

Все сохранившиеся тексты Павла фактически были частями посланий, то есть письмами, которые Павел отправлял адресату с помощью древнего эквивалента почтовой службы (в

древности письма обычно передавали с посыльными). Они не претендовали на то, чтобы быть систематическими трактатами, в которых автор разъясняет все, что считает важным. Точно так же как сегодня мы пишем письмо на бумаге или электронное письмо по какому-то конкретному поводу (например, чтобы поприветствовать, сообщить кому-то, что скучаем, поделиться важными новостями или по поводу чьего-то дня рождения, о проблемах на работе, из-за необходимости к кому-то обратиться и т. д.), так и Павел писал свои послания по поводу конкретных случаев. Почти все они, за одним важным исключением, были адресованы христианским общинам, которые он сам создал в городских регионах Средиземноморья, обратив прежних язычников в веру в единого Бога Израиля, в смерть и воскресение его Сына. Услышав о том, как вела себя какая-то из его церквей (часто новости были плохими), Павел писал им послание, чтобы вновь установить отношения и решить различные проблемы, с которыми они сталкивались, будь то моральные вопросы, лжеучения, межличностные конфликты или что-либо иное.

То есть поскольку все послания Павла были приурочены к определенным событиям, они главным образом имели дело с актуальными ситуациями. Они не были систематическими трактатами, решающими вопросы христианского вероучения и этики. Жаль, что у нас нет *всех* посланий, которые когда-либо написал Павел. Тогда мы имели бы неисчерпаемый источник информации о нем и христианских церквах, которые он основал. Фактически мы ограничены семью бесспорными посланиями, которые связаны с весьма конкретными ситуациями.

Позвольте мне проиллюстрировать, как это может создавать для нас проблемы. Только в одном из посланий Павел обсуждает значение христианской евхаристической трапезы, Вечери Господней, и как ее следует проводить. Он обсуждает этот вопрос в Первом послании к Коринфянам, потому что в Коринфе возникли проблемы, связанные, так сказать, с организационной стороной трапезы. Одни верующие съедали и выпивали всё приготовленное, а другие, должно быть, приходили слишком поздно (потому что, видимо, вынуждены были работать), и им уже ничего из еды и питья не оставалось. Из слов Павла совершенно ясно, что, по его убеждению, обряд совместной трапезы и надлежащее его отправление имеют величайшее значение: некоторые христиане заболевали или даже умирали в наказание за то, что не соблюдали обряд должным образом. Но если бы Первое послание к Коринфянам тоже было утрачено (как было утрачено большинство других посланий Павла), мы даже не знали бы, что Павел думал о трапезе. А сколько было других вопросов чрезвычайно важных для Павла, о которых мы не знаем просто потому, что они не возникали в церквах, к которым он обращался в сохранившихся посланиях?

Таким образом, говоря о Павле, мы должны быть очень осторожными и не воображать, будто имеем полную картину того, во что он верил и что проповедовал. Кое-что мы знаем, но наша картина, как это ни прискорбно, не полная.

Особый случай Деяний

У нас есть еще один относительно ранний источник сведений о жизни и учении Павла — новозаветная книга Деяний апостолов. В разделе о Петре у нас была причина подозревать, что некоторые из историй, рассказанные в Деяниях, не являются исторически достоверными, а представляют собой более поздние размышления о жизни Петра того же автора, который написал и Евангелие от Луки. В начале данного раздела я уже предположил, что то же самое относится и к Павлу, то есть некоторые эпизоды Деяний, касающиеся его, так же часто являются материалом преданий, как и исторически проверяемыми описаниями.

Однако применительно к Павлу мы имеем еще более твердые основания для такого суждения. В книге Деяний есть места, где сообщается о тех же событиях в жизни Павла, которые упоминает он сам в своих собственных посланиях, и мы можем сравнить то, что Деяния говорят о Павле, с тем, что он сам сообщает о себе. Показательно, что почти в

каждом случае, когда сравнение такого рода возможно, между этими двумя повествованиями выявляются различия, иногда очень большие.

Если Деяния апостолов были написаны примерно в 80 или 85 году, как считает большинство ученых (вскоре после создания Евангелия от Луки), то они возникли по крайней мере спустя поколение после жизни Павла. Их автором, несомненно, являлся человек, принадлежавший к одной из общин Павла; он слышал истории об апостоле, циркулировавшие после его смерти. Но как все мы знаем, при пересказе истории изменяются, а тридцать лет — это большой промежуток времени. Большинство ученых настаивает на том, что тексты самого Павла — более подходящий источник сведений о нем, чем тексты Луки. То есть там, где есть несоответствия, следует верить именно Павлу.

Несогласованности в Деяниях апостолов

Отчасти причина такого положения состоит в том, что автор Деяний не представил внутренне связного описания жизни Павла, несмотря на утверждение, что он хочет дать повествование «о совершенно известных между нами событиях» (Лк. 1:1–4). Обычно я стараюсь продемонстрировать это своим студентам, предлагая им небольшое упражнение на сравнение. В книге Деяний есть три отрывка, в которых описывается знаменитое обращение Павла. Все три повествования согласуются со словами самого апостола в его собственных посланиях относительно того, что до своего обращения он был энергичным гонителем христиан и что именно вид***е***ния Иисуса после его воскресения убедило его в том, что Бог воскресил Иисуса из мертвых. Но что это было за вид***е***ние и что случилось, когда Павел испытал его? Ответ зависит от того, какой текст прочитать — главу 9, 22 или 26 Деяний. Согласно истории, рассказанной в главе 9, когда Иисус явился Павлу по дороге в Дамаск, попутчики Павла «стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя» (Деян. 9:7), но в главе 22 Павел, говоря о случившемся, заявляет, что его спутники «свет видели… но голоса Говорившего мне не слыхали» (Деян. 22:9). Хорошо, но кто это был? В главе 9 рассказывается, что попутчики Павла продолжали стоять, в то время как сам он упал на землю, пораженный вид***е***нием (ст. 7), однако, согласно главе 26, все упали на землю (ст. 14). В главе 9 Иисус наставляет Павла, чтобы тот отправился в Дамаск и получил наставления о том, что делать, от человека по имени Ананий, но в главе 26 Павла учит сам Иисус.

Все это может показаться незначительными деталями, но почему вообще эти тексты расходятся друг с другом? Некоторые интерпретаторы предположили, что различия возникли потому, что Лука делал небольшие изменения в изложении случившегося в зависимости от того, в каком контексте о нем рассказывалось. В главе 9 он рассказывает о самом событии обращения, тогда как в главе 22 Павел рассказывает о нем враждебной толпе, а в главе 26 вспоминает о нем во время суда над собой. Это выглядит правдоподобно, однако создает проблему для любого, кто хочет понять, что же происходило на самом деле. Если Лука готов был изменять свой рассказ в зависимости от контекста, в котором он его излагает, то почему бы нам не предположить, что он изменял *все* свои истории каждый раз, когда считал это целесообразным? А если он так поступал, как же мы узнаем, что читаем о действительно случившемся?

Противоречия с посланиями Павла

То, что Лука иногда изменял сведения, которыми располагал (или их уже изменили его информаторы), становится еще более явственно, если сравнить его повествование о Павле с рассказами Павла о самом себе. Иногда различия незначительные, по поводу которых можно

просто предположить, что Лука получил искаженные сведения. Другие различия весьма существенные, потому что они касаются понимания смысла благой вести Павла и его миссии христианского евангелиста.

Противоречия наблюдаются, скажем, между книгой Деяний апостолов и собственными посланиями Павла в отношении маршрута его путешествий. В книге Деяний, к примеру, говорится, что когда Павел совершал поездку в Афины после обращения множества людей в городе Фессалоники, он был совершенно один: его спутники Тимофей и Сила не сопровождали его (см.: Деян. 17:15; 18:5). Но сам Павел сообщает иное. В Первом послании к Фессалоникийцам он пишет, что Тимофей был с ним в Афинах: Павел хотел получить известия о том, как ведут себя новые обращенные фессалоникийцы, чтобы выяснить это, он послал Тимофея обратно к ним (см.: 1 Фес. 3:1–2). Возможно, это не имеет большого значения, но показывает, что Лука не гарантирует достоверных подробностей.

Другое сопоставимое различие по-настоящему важно. Согласно самому Павлу, после того как он был обращен благодаря вид***е***нию Христа, он не отправился в Иерусалим, чтобы встретиться с апостолами (см.: Гал. 1). Павел весьма настойчиво подчеркивает это обстоятельство и говорит: «А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу» (1:20). Причина вполне ясна: он хочет, чтобы его читатели поняли, что благая весть, которую он проповедует, не была передана ему земными учениками Иисуса. Он получил ее непосредственно от самого Христа в вид***е***нии, которое привело его к обращению. В таком случае никто не может обвинить его в извращении благой вести, которую он мог бы унаследовать от тех, кто был апостолом до него. Тем интереснее видеть развертывание события согласно Деяниям апостолов. В этой книге описывается, как после своего обращения Павел покидает Дамаск и отправляется в Иерусалим именно для того, чтобы встретиться с апостолами (см.: Деян. 9:23–30). У Луки были причины желать, чтобы Павел завел непосредственное знакомство с ними. По его мнению, все апостолы — Петр, Иаков, Павел и все остальные — пребывали в полном согласии относительно всех важных вопросов, стоящих перед Церковью. Необходимость демонстрировать апостольское согласие вынудила его рассказать историю о ранней апостольской встрече, несмотря на то, что Павел явно отрицает это.

Иногда расхождения между автопортретом Павла и его изображением в Деяниях связаны с содержанием учения Павла. Например, согласно Деяниям, в разговоре с группой языческих философов в Афинах Павел утверждал, что они и все язычники поклоняются многим богам, потому что просто не знают ничего лучшего. Но Бог прощает это упущение и хочет, чтобы они поняли, что нужно поклоняться лишь Ему одному. Теперь, узнав истину, они могут раскаяться и поверить в Иисуса (см.: Деян. 17). Интересно сравнить данную аргументацию с тем, что сам Павел говорит о языческих религиях в своем собственном сочинении. В Послании к Римлянам он заявляет весьма прямолинейно: язычники поклоняются многим богам не потому, что они несведущи. На самом деле верно противоположное: язычники прекрасно знают, что есть только один Бог, но они отвергают это знание Бога, чтобы поклоняться другим богам. И так как они все время знают, что они делают, Бог отнюдь не прощает их, он разгневан и ниспосылает на них свой гнев (см.: Рим. 1:18–32).

Некоторые интерпретаторы пытались примирить эти два отрывка, утверждая, что Павел, возможно, проповедуя сторонникам многобожия, не хотел причинить им обиду, хотя в действительности думал о них иначе (как в главе 17 Деяний). Конечно, теоретически возможно, что Павел не стал говорить того, что действительно думал, потому что не хотел кого-то обидеть. Но это едва ли похоже на Павла, жизненный путь которого изобилует трудностями, вызванными его откровенными взглядами. И кажется маловероятным, чтобы Павел стал говорить противоположное тому, о чем он действительно думал (как своего рода ложь во спасение), если он так настаивал на стойкости в своих собственных писаниях.

Проповедовал ли он противоположное тому, во что верил? Стал бы распространять неправильное представление?

Другие несоответствия между текстами Павла и Деяниями имеют отношение к самой сути его учения. Павел считал себя апостолом неиудеев, язычников, которые, как он утверждал, не обязаны были следовать законам иудаизма, чтобы стать верующими в Иисуса. Павел настаивал на том, что Бог призвал его специально для этой задачи — нести благую весть язычникам. Следует отметить, что Лука, который стремился к гармонии в каждом важном пункте, утверждает, что *Петр* начал языческую миссию еще до Павла (см.: Деян. 10–11). Кроме того, как мы уже видели в Деяниях, между Петром и Павлом существует полное согласие, когда речь идет о языческой миссии (см.: Деян. 15). Но, согласно Павлу, это не так. Согласно его рассказу, как раз по данному вопросу в городе Антиохии он и Петр вступают в довольно неприятное противоборство (см.: Гал. 2:11–14).

Очень большое впечатление производит непримиримость Павла к чувствительности тех христиан-иудеев, которые продолжали думать, что для них важно соблюдать Закон Божий, данный иудеям (как это видно в эпизоде в Антиохии). Павел говорит, что он отказался позволить своему спутнику-язычнику Титу сделать обрезание, чтобы умиротворить тех, кто полагал, что обрезание важно для оправдания перед Богом (см.: Гал. 2:3). По-видимому, Тит был ему благодарен. Но как Павел *мог* бы допустить обрезание Тита? Разве это не подрывало бы его учение о том, что человек оправдан перед Богом одной лишь верой в Христа, а не соблюдением законов, которые Бог дал иудеям через Моисея? Как бы то ни было, но «Павел» Луки имел иную точку зрения. Согласно Луке, у Павла был еще один спутник, Тимофей, обрезанный именно для того, чтобы умиротворить христиан-иудеев, которых они знали (см.: Деян. 16). Сам Павел, конечно, ничего не говорит об обрезании Тимофея. Да и как бы он мог сказать об этом, если считал такие действия диаметрально противоположными своему пониманию благой вести?

Примерно так же описывается в Деяниях характер Павла, который показался бы странным для любого, кто составил бы представление о нем только на основе его собственных посланиях. В Деяниях Павел изображается как добродетельный иудей, который никогда не делает ничего, что поставило бы под угрозу его обязательство соблюдать весь корпус иудейских законов. Не таков Павел, заявлявший, что когда он с язычниками, то живет «для чуждых закона — как чуждый закона» (1 Кор. 9:21). Если бы все, чем мы располагаем, ограничивалось Деяниями апостолов, мы не знали бы некоторых важнейших положений учения Павла. Хотя здесь глава за главой он изображается проповедующим своё учение, мы не знали бы, что Павел был апокалиптиком, ожидавшим неизбежного конца света; мы не знали бы, что, по убеждению Павла, именно крест Иисуса принес спасение; мы не знали бы, что Павел проповедовал учение об оправдании верой; мы не знали бы, насколько активными были женщины в тех церквах, которые основал Павел, и т. д.

Заключение

Я не хочу, чтобы вышесказанное было похоже на резкие выпады в адрес книги Деяний апостолов. Я считаю, что она — чрезвычайно интересная и важная книга. Проблема состоит в том, что ее неправильно использовали интерпретаторы, которые полагали, что, читая истории в Деяниях, они имеют дело с тем, что происходило в действительности. Безусловно, в Деяниях есть исторически достоверные сведения — о Петре, о Павле, о раннехристианском движении. Но главным образом эта книга не хранилище исторических фактических данных. Это собрание историй о раннехристианском движении и его главных апостолах, особенно о Петре и Павле. Корни некоторых из этих историй восходят к историческим фактам, тогда как другие отображают то, как этих апостолов помнил автор (Лука) и те люди, которые передавали эти истории на протяжении многих лет, пока он не услышал и записал некоторых из них. Если мы хотим узнать правду об историческом Павле, мы должны исследовать Деяния

на предмет того, чем они являются, и не обманываться насчет того, будто это хроника реальных событий, которые мы могли бы заснять на видеокамеру, если бы там оказались.

Это верно и для текстов Павла, которыми мы располагаем, поскольку об апостоле возникло множество легенд, в той или иной мере основанных на событиях, которые действительно произошли в его жизни. Например, однажды в своем послании Павел говорит о том, что с ним случился своего рода визионерский опыт, когда он «восхищен был до третьего неба» (2 Кор. 12:2). Он не сообщает, что видел в небесных обителях, но более поздние авторы были гораздо менее осторожными и подробно рассказали об экстатических вид***е***ниях Павла. В результате у нас теперь есть два апокалипсиса, претендующих на описание вид***е***ния Павла, так же как есть апокалипсисы, приписываемые Петру.

Кроме того, в своих посланиях Павел рассказывает о том, как он подвергался гонениям. Здесь мы находим повествования, в которых выразительно и подробно описываются эти преследования, например, рассказ о том, как его побили камнями (после чего он встал и продолжил свою миссию), рассказ о его спасительной встрече со своим неожиданным другом, крещённым львом. В посланиях Павла есть также намеки, что он предвидел свою скорую казнь. Мы имеем рассказ о том, что случилось во время его казни, которая была весьма необыкновенным и сверхъестественным делом: когда палач отсек Павлу голову, из его шеи вместо крови заструилось молоко.

В следующих главах мы рассмотрим личность исторического Павла, основывая свое исследование главным образом на посланиях, которые он сам написал. В то же время мы рассмотрим легенды о нем — некоторые из Нового Завета, а некоторые из текстов, не вошедших в канон. Оба аспекта — исторический и легендарный — важны для понимания этой выдающейся фигуры самого начального периода существования христианской Церкви, поскольку истории о настоящем, историческом Павле и о легендарном Павле хранили в памяти и в более поздние времена.

Глава восьмая

Обращение Павла

Несомненно, Павел стал самым значительным обращенным в истории христианской религии. Но важно понять, что, по крайней мере с его собственной точки зрения, он не обращался из одной религии (иудаизма) в другую (христианство). Дело в том, что термины *«христианство»* и *«христианская религия»* во времена Павла еще не сложились для обозначения конкретной религии с ее собственными верованиями, практиками, Священным Писанием и т. д. Я продолжу использовать здесь эти термины просто ради удобства, как своего рода стенографическое обозначение выражения «религия, принятая последователями Иисуса».

Но еще более важно, что Павел не понимал, что он оставил одну религию и принял другую. С его точки зрения, вера в Иисуса как мессию была реализацией и правильным пониманием религии, которую он всегда принимал, религии его иудейских предков: это был, в некотором смысле, «истинный» иудаизм. Поэтому сказать, что он обратился — значит просто сказать, что он изменил свой взгляд на один важный аспект понимания иудаизма, аспект, который имел огромное значение для всего остального. Он изменил свой взгляд на Иисуса и уверовал, что именно Иисус является мессией Бога, мессией, который умер за грехи мира, а затем был воскрешен из мертвых.

Если мы хотим понять, что означало для Павла обращение в веру в Иисуса, мы должны больше узнать о том, какими были его жизнь и его религия до того, как он пришел к новой вере. Что мы знаем о Павле *до того*, как он стал христианином?

Это одна из тех областей исторического исследования (в действительности, их великое множество), где у нас, к сожалению, нет обширных первоисточников. Мы можем использовать собственные послания Павла, которые можно дополнить за счет осторожного

привлечения историй, встречающихся в Деяниях апостолов, а также выводами, которые можно сделать из очевидных фактов, например из того, что он писал по-гречески, то есть был достаточно образованным человеком, чтобы писать, даже более того — он хорошо знал греческий.

Жизнь Павла как иудея в диаспоре

В посланиях Павла есть два места, которые особенно полезны для понимания раннего периода его жизни. В послании к христианам, которых он обратил в городе Филиппы, Павел настаивает, что если кто и имеет преимущество перед Богом в качестве благочестивого, соблюдающего законы иудея, то это он:

«Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности — гонитель Церкви Божией, по правде законной — непорочный» (Фил. 3:4–6).

А в послании к христианам Галатии Павел подчеркивает свою серьезную приверженность иудаизму предков до принятия веры в Христа:

«Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее, и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий» (Гал. 1:13–14).

Эти отрывки свидетельствуют, что, до того как Павел стал верить в Иисуса, он был необычайно религиозным иудеем фарисейских убеждений, который рьяно преследовал верующих в Иисуса. Из того факта, что Павел прекрасно владел греческим языком, из других признаков в его посланиях и из утверждений в Деяниях апостолов можно сделать вывод, что его иудейское воспитание происходило за пределами Палестины — в еврейской диаспоре.

Термин *diaspora* буквально означает «рассеяние». В данном контексте он связан с тем фактом, что во времена Павла (а также в течение многих столетий до и после этого) большинство иудеев жило не на еврейской родине, которую римляне называли Палестиной, а во всем мире. Их крупные общины существовали в таких далеко друг от друга раскинувшихся городах, как Александрия Египетская, Вавилон и Рим{47}. Для иудея жизнь вне Палестины сопровождалась довольно важными последствиями. В частности, им приходилось говорить не на языке иудеев Палестины, большинство которых, как Петр и Иисус, говорили на арамейском. Как и для многих высокообразованных людей того времени (и иудеев, и неиудеев), родным языком для Павла стал греческий. Среди ученых есть сомнения относительно того, мог ли Павел говорить или читать на каких-либо других языках. Например, продолжаются споры, мог ли он читать еврейские священные тексты на их оригинальном (еврейском) языке, или он знал их в греческом переводе, называемом Септуагинтой{48}.

Жизнь в языческом мире

Еще более важным, чем вопрос о родном языке Павла, является тот факт, что будучи иудеем, живущим в диаспоре, он был окружен людьми, исповедовавшими религии, отличные от иудаизма. В отличие от Иисуса или Петра, Павел родился и вырос в неиудейской, «языческой» среде.

Для Древнего мира трудно определить демографические статистические данные, но большинство ученых оценивает население Римской империи того времени в пределах 60 миллионов человек, из которых примерно 7 % составляли иудеи. Другими словами, в целом иудаизм был религией сравнительно немногочисленного меньшинства в империи. Все остальные люди не относили себя к какой-то *одной* религии. Совсем наоборот, повсюду были сотни религий, все их приверженцы были «меньшинствами», если оценивать их на фоне

остальной части населения. Но у большинства тогдашних религий определенные верования и практики были общими, что позволяет обозначить их как «языческие».

В пределах нескольких параграфов невозможно должным образом описать всё разнообразие древних языческих религий, но несколько широких обобщений могут послужить поставленным здесь целям. Все эти религии были политеистическими, то есть их сторонники верили во многих богов и поклонялись им. У язычников для разного рода мест и видов деятельности были свои особенные боги и богини. Почитали, конечно, великих общегосударственных богов, в том числе богов греческой и римской мифологии, таких как Зевс, Аполлон и Афина. Они считались выше местных божеств. Но было также множество других богов: боги полей, рек и лесов, боги городов и поселений, боги дома и семейного очага, боги войны и мира. Были боги, присматривавшие за различными аспектами человеческой жизни, которые сами люди не способны контролировать — за погодой, ростом зерновых культур, за приумножением домашнего скота, здоровьем, рождением детей. Все эти боги заслуживали поклонения. Никто — кроме иудеев — не считал, что только единый Бог достоин поклонения. Для древних народов такой взгляд был бессмыслицей. Сказать, что следует поклоняться только одному Богу — все равно что сказать, будто нужно иметь только одного знакомого, или есть только одну пищу, или заниматься только одним видом деятельности.

Двумя основными способами, с помощью которых по всей империи поклонялись этим разным богам, были молитвы и жертвоприношения. Обычно для жертвоприношений использовались продукты питания, растительные и животные. Некоторые виды жертвоприношений богам люди совершали практически всюду, где им приходилось бывать, например, возлияние небольшого количества вина перед трапезой. Другие жертвоприношения, например, ежегодное принесение в жертву животных в дни определенных религиозных праздников, должны были осуществляться специально назначенными для этого жрецами в священных местах, храмах.

Именно благодаря надлежащему поклонению боги оставались умиротворенными и поэтому склонными делать то, что было благом для людей. Если их не умиротворяли в достаточной степени, могли случиться бедствия: засуха, голод, эпидемия, землетрясение, поражение в войне и т. д.

Почти ничто не наводило на мысль, будто какая-либо из языческих религий являлась исключительной по своему характеру, никакой бог не настаивал, что если человек поклоняется ему, то он не может поклоняться и другим богам. Широко распространенным допущением было, что все боги — как сверхчеловеческие существа — заслуживают должного; поклонение одному из них не имело никакого отношения к желанию или разрешению поклоняться также и другому.

Поклонение богам обычно осуществлялось по старинной, иногда весьма древней традиции, ритуальные акты молитв и жертвоприношений совершались согласно привычным схемам, передаваемым из поколения в поколение. Практически ни у одной из этих религий не было священных книг, содержащих откровения от божества относительно того, как должно осуществляться поклонение. И почти не было чувства божественного откровения, призванного определять, во что все должны верить, как вести себя в повседневной жизни. Фактически ни доктрина, ни этика почти не представляли интереса для языческих религий. Нельзя сказать, что язычники были имморальными; напротив, насколько мы можем судить, древние язычники были столь же нравственными, как и большинство людей в наше время. Но этика еще не была чем-то таким, что проповедовалось в рамках религий; вместо этого они были сосредоточены на надлежащих способах молитв и жертвоприношений богам.

Жизнь иудея

Что выделяло благочестивого, праведного, весьма религиозного иудея, такого как Павел, в языческом мире? Иудеи настаивали на том, что нужно поклоняться только одному Богу, восхваляя его. В этом состояла их уникальность. Множество иудеев полагало, что в действительности существовали и другие боги. И у большинства иудеев не было проблем в отношениях с язычниками, поклонявшимися тем богам, которым они хотели поклоняться. То есть большинство иудеев не были миссионерами, пытавшимися обратить других в свою религию. Но они утверждали, что для них существует лишь один Бог — Бог их предков.

Иудеи также утверждали, что они являются избранным народом этого Бога. Предания о предках в значительной степени связаны с данной претензией, что иудеи «особый народ»: они должны быть народом Бога, а за это он становится их Богом. Иудеи полагали, что Бог установил с ними завет, своего рода политический мирный договор. Пока они будут следовать его предписаниям относительно того, как поклоняться ему и жить в обществе, он будет защищать их и покровительствовать им. Таким образом, иудеи были сообществом, которое заключило коллективный завет с Богом. Они были связаны друг с другом кровными узами (кроме тех случаев, когда ритуалы обращения проходил неиудей), а с Богом — особым заветом: богослужением, преданностью и совместной жизнью.

Акты иудейского богослужения сами по себе не были тем главным, что отличало их от богослужений в языческих религиях: они тоже были связаны с молитвами и жертвоприношениями Богу (последние — в священном месте). Но большинство иудеев считало, что единственным местом для жертвоприношения животных мог служить только Храм Бога, который был построен в святом городе Иерусалиме, в Иудее, — в отличие от языческих религий, где храмы, скажем, Зевсу можно найти по всей империи. Способы жертвоприношений были разъяснены в Еврейском Священном Писании, называемом Торой (слово, иногда переводимое как «Закон»).

Еще одной характерной особенностью иудаизма, которая выделяла его в религиозном мире Римской империи, было следующее: иудеи чтили множество авторитетных текстов как священные книги. Для многих иудеев изучение религиозных историй и преданий, содержавшихся в этих книгах, было частью их религиозного долга, своего рода богослужением. Такой весьма религиозный человек, каким был Павел, знал Еврейское Священное Писание «от и до». Это Священное Писание включало Тору и другие священные книги, включая книги пророков, например Исаии, Иеремии и Иезекииля, и некоторые другие книги, например Притчи и Псалмы[49].

Жертвоприношения, предписанные в Торе, служили для целого ряда разнообразных событий и целей. Главным образом они были установлены Богом, что позволяло Его народу оставаться в состоянии чистоты перед Ним. Жертвоприношения могли выполнять только священники, но они делали это от имени других людей, которые приносили жертвенных животных. Иудеям диаспоры, конечно, было затруднительно приносить жертвы в иерусалимском Храме. Самое большее, на что могли надеяться такие люди, как Павел, чтобы выполнить священный долг, предписанный в Торе, — случайное паломничество в святой город.

Когда Павел говорит, что он родился у родителей-иудеев, был обрезан на восьмой день и вырос более ревностным в следовании традициям предков, чем большинство его ровесников, он имеет в виду, что чрезвычайно серьезно воспринял свой долг перед Богом иудеев и Священным Писанием. Павел не стал бы Павлом, если бы не был столь серьезным. Должно быть, он с раннего возраста обладал глубокими познаниями в текстах Священного Писания. Он утверждал, что в отношении праведности, о которой можно прочитать в Законе, то есть в отношении выполнения всего, что Закон требовал от тех, кто состоял в завете с Богом, — он «непорочный». Стоит подчеркнуть этот момент, потому что многие читатели (особенно христиане) приходили к мысли, будто у Павла был настоящий комплекс вины, когда речь заходила о Законе, будто он смотрел на иудейский Закон как на какого-то

ужасного надсмотрщика, который требовал от людей исполнения и наказывал их за то, что они не соблюдали его требования. Однако, по-видимому, позиция Павла не такая, по крайней мере как праведного иудея, до принятия веры в Христа. Напротив, он вполне похож на большинство других правоверных иудеев своего времени, которые рассматривали Закон как самый великий дар Бога своему народу и с радостью его соблюдали. Павел не считал, что Закон накладывает огромное бремя вины, он просто констатировал, что поскольку он выполняет то, что связано со справедливыми требованиями Закона, он — «непорочный».

Павел говорит также, что до того, как он поверил, что Иисус есть мессия, он был фарисеем. Большинство моих студентов (возможно, большая их часть — христиане) имеет неправильное представление о фарисеях времен Павла. К сожалению, наши исторические источники не дают возможности понять, чему в действительности учили фарисеи. Мы имеем только одного известного по имени автора сохранившихся текстов из числа фарисеев до времени разрушения иерусалимского Храма (70 год). Это сам апостол Павел. Разумеется, сохранились только тексты, которые он написал после обращения в веру в Христа. (Если бы были обнаружены дохристианские тексты Павла, это стало бы сногсшибательным событием. Только представьте себе, какими они могли бы быть!) Итак, мы можем собрать немного сведений о фарисеях времен Павла только из более поздних упоминаний о них, например, из более поздних текстов иудейских раввинов и христиан, которые выступали против них, а также из текстов Павла.

Единственное, что можно твердо сказать о фарисеях, — это то, что наиболее распространенное стереотипное мнение о них почти наверняка неверно. Если поискать в современном словаре слово *«фарисей»,* то в качестве одного из более поздних определений окажется «лицемер». Мне всегда казалось несколько странным определять *члена епископальной церкви* как алкоголика или *баптиста* — как прелюбодея. Безусловно, среди членов епископальной церкви встречаются алкоголики, как бывают и баптисты-бабники, точно так же, как, наверное, были и фарисеи-лицемеры. Но, как я обычно говорю своим студентам, согласие совершать лицемерные поступки не входило в требования для желающих стать фарисеями. Не было никакой «клятвы лицемера».

Единственное, что мы действительно знаем о фарисеях, — это то, что они стремились максимально строго соблюдать Закон Божий{50}. Это не делало их лицемерами; это делало их религиозными людьми. Их позиция вполне понятна: если Бог дал Закон, то разве мы не должны изо всех сил стараться соблюдать его? Во времена Павла фарисеи развили ряд устных традиций, иногда называемых «традициями старейшин», которые были предназначены для того, чтобы напоминать народу о соблюдении письменных законов Моисеевых. Таким образом, фарисеи были строгими толкователями. Одним из примеров их строгости — по крайней мере в отношении себя — является то, что они, видимо, полагали, что законы чистоты, регулировавшие действия священников в иерусалимском Храме, необходимо соблюдать и в повседневной жизни. Не само ли Священное Писание учит тому, что народ Божий (Израиль) является «царством священников» (Исх. 19:6)?

Поэтому, если в Торе говорится, что священники должны омыть руки перед выполнением жертвоприношения, то фарисеи учили, что сами они тоже должны мыть руки перед принятием пищи. Жизнь священника должна была стать жизнью и каждого обычного человека, стремящегося вести чистую жизнь перед Богом. Очевидно, Павел принимал эти фарисейские учения. Короче говоря, он был очень религиозным иудеем, хорошо сведущим в еврейских традициях, отображенных в Священном Писании, и ревностным в воплощении религиозного учения в своей повседневной жизни.

Другие предания о раннем Павле

Кроме собственного свидетельства Павла о своей преданности иудаизму есть и другие предания о молодых годах Павла, например в Деяниях апостолов, хотя их труднее принять как исторически подлинные. По всей видимости, они выражают то, что автор Деяний, Лука,

хотел бы сказать о Павле, поскольку он помнил жизнь великого апостола. Хотя некоторые из этих историй были вполне приняты современными читателями, в том числе и учеными, я думаю, что они могут служить материалом в большей степени легендарным, чем историческим. А в отношении ряда из них трудно сказать что-либо определенное.

Например, Лука упоминает, что Павел иногда был известен под еврейским именем Савл. Следует подчеркнуть, что Лука прямо не говорит, что «еврейским» именем Павла был «Савл», а когда тот обратился и последовал за Иисусом, оно было изменено на «Павел» — как часто об этом можно слышать. Напротив, даже в Деяниях его иногда называют Савлом уже после его обращения (см.: Деян. 12:25). Савл — просто его еврейское имя, соответствующее греческому Павел. Было ли оно именем, которое он сознательно принял среди людей, говорящих на арамейском языке, остается лишь предполагать. Как я уже отмечал, Павел вышел из грекоязычной среды, а не из среды тех, кто говорил на арамейском. Возможно, Лука хотел подчеркнуть его полную приверженность иудаизму, дав ему имя, которое имело явный иудейский резонанс: первого царя древнего Израиля в Еврейском Священном Писании также звали Савлом.

Лука утверждает, что первоначально Павел прибыл из Тарса Киликийского (см.: Деян. 22:3). Однако сам Павел никогда не говорил об этом ни слова. Ясно, что он, должно быть, прибыл из какого-то относительно крупного городского поселения в еврейской диаспоре, и это вполне мог быть и Тарс. Но мы не можем сказать так наверняка. Здесь, опять же у Луки, возможно, были свои причины избрать местом первоначального нахождения Павла Тарс: в древности он был известен как крупный философский центр империи, одно из двух-трех наилучших мест, где человек мог развивать свои философские и риторические способности. По крайней мере, согласно Страбону, великому древнегреческому географу, описывавшему экзотические места («География», 13). Возможно, Лука хотел повысить статус Павла за счет его интеллектуальной родословной, сделав его жителем большого города с философскими традициями.

Лука также утверждает, что в молодости Павел прибыл в Иерусалим, чтобы изучать там иудаизм с великим раввином того времени Гамалиилом (см.: Деян. 22:3). Это предание менее вероятно, чем другие. Сам Павел имел серьезные мотивы подчеркивать свое образование, выдвигая на первый план свои дохристианские рекомендации в текстах, на которые я уже выше указывал, но он молчит о подробностях своего обучения. Фактически Павел не дает никаких ясных сведений относительно того, что он был знаком с чисто арамейскими (иудейскими) способами толкования; с другой стороны, он свободно владеет греческой Септуагинтой. Конечно, у Луки было множество причин утверждать, что Павел обучался «при ногах Гамалиила»: это придает главному герою его Деяний наилучшее иудейское образование, какое только можно было иметь, полученное у самого знаменитого раввина того времени в самом Иерусалиме. Однако, если Павел действительно вращался в тех кругах, невозможно объяснить некоторые ситуации, о которых он сообщает в своих посланиях, например о том, что евреи, которые обратились, чтобы поклоняться Иисусу в Иудее, не знали его лично, даже того, как он выглядел. По-видимому, Павел никогда не проводил много времени (если вообще был там) в Иерусалиме, столице Иудеи, до того, как стал последователем Иисуса.

В Деяниях апостолов говорится также о том, что Павел владел ремеслом «делания палаток» (Деян. 18:3). Это, конечно, возможно, поскольку Павел действительно в некоторых своих посланиях упоминает, что зарабатывал себе на жизнь ручным трудом. Он никогда не уточнял, чем именно занимался. Но одним из вариантов могла быть обработка кожи, связанная с изготовлением палаток, ремней или сёдел (слово, которое использует Лука, можно интерпретировать по-разному).

Одно из утверждений, встречающихся в Деяниях, которое повторяется и в более поздних преданиях о Павле, состоит в том, что он был римским гражданином (см.: Деян.

22:25). Некоторые историки полагают, что это весьма маловероятно. Сам Павел никогда не заявлял ничего подобного, и фактически очень немногие иудеи были действительно гражданами Римской империи. С одной стороны, быть гражданином означало совершать приуроченные к определенным событиям жертвоприношения богам ради благосостояния государства. Иудеи, даже не придерживавшиеся строгого иудаизма, вероятно, испытывали бы некоторые сомнения в данном вопросе. А такой весьма религиозный иудей, как Павел? Это кажется маловероятным. Кроме того, гражданство в тот период было ограничено главным образом элитой. С другой стороны, Павел, хотя он получил хорошее образование, по-видимому, происходил из класса трудящихся. Здесь опять же, возможно, Лука пытался подчеркнуть только то, насколько значительной фигурой был Павел (был даже гражданином Рима!) до своего обращения.

Из древних источников до нас дошло еще одно описание жизни Павла, на этот раз не из новозаветных Деяний апостолов, а из неканонической книги под названием «Деяния Павла и Фёклы». Это повествование о подвигах Павла и его ученицы Фёклы написано где-то во второй половине II века. В данном тексте рассказывается, как выглядел Павел, и предложенное описание не очень-то лестное. Рассказывается о том, что христианин по имени Онисифор искал Павла среди людей по дороге в город, и всё, чем он располагал, было описание, данное ему Титом. Павел, как говорилось, был низкорослым, лысым, кривоногим, с правильной осанкой, у него были сросшиеся брови и довольно крупный нос. Некоторые ученые утверждают, что в древности читатель воспринял бы такой портрет как положительное изображение, но большинство ученых не согласны с этим. Скорее это может быть описанием человека слабого, чувственного, немного ленивого, не очень интеллектуального и хитроватого{51}.

Почему же в «Деяниях Павла и Фёклы» он изображен именно таким? Есть несколько возможных объяснений. Во-первых, всей солью повествования является то, что превосходство Павла коренилось не в его физическом облике и поведении (как и у Сократа, одного из величайших философов всех времен, который, как о нем сообщалось, тоже был довольно некрасивым). Во-вторых, автор текста хотел показать, что привязанность девственной Фёклы к Павлу нельзя объяснить физической привлекательностью апостола, что часто встречается в художественной литературе того периода, когда удивительно красивая девушка видит необыкновенно красивого юношу и они безумно влюбляются друг в друга с первого взгляда и навсегда. Фёкла действительно была прямо-таки одержима Павлом, но не из-за его исключительно приятной внешности!

Вероятно, данный текст — вовсе не историческое свидетельство о том, как в действительности выглядел Павел. Об этом мы ничего не знаем. Здесь мы имеем описание того, каким представлял себе Павла автор. Если Бог мог проявлять свою силу через такого некрасивого человека, то он способен проявлять ее через кого угодно.

Павел — преследователь христиан

Деяния апостолов и собственные биографические упоминания Павла согласуются в том, что до того как Павел стал последователем Христа, он был ревностным и энергичным гонителем христианской Церкви. Согласно Деяниям апостолов, Павел получил санкцию от первосвященника в Иерусалиме найти и приволочь христиан в темницу. Это также исторически неправдоподобно: первосвященник в Иерусалиме не имел никакой юрисдикции над иудеями, жившими в других частях империи, и сам Павел ничего не говорит об этом. Однако он действительно сообщает о том, что был ревностным преследователем христиан. Почему? Что заставляло Павла не только отвергать христианское послание об Иисусе, но

выступать вплоть до насильственных действий (независимо от того, какие последствия это могло иметь) против тех, кто возвещал о том, что Иисус есть мессия?

Снова нас сковывают наши скудные первоисточники. Некоторые ученые утверждают, что Павел был напуган развитием раннего христианского движения и боялся, что может случиться с более широким еврейским населением, если римляне своевременно разгадают неожиданный подъем новой религии. Логика данного объяснения в том, что если бы римские власти узнали, что некая иудейская секта стала поклоняться преступнику, распятому в качестве будущего иудейского «царя», они, возможно, не отнеслись бы доброжелательно к ее развитию и оказали бы ей противодействие. Такое объяснение представляется мне слишком спекулятивным. Почему римские власти решили наказать иудеев-нехристиан за то, что проповедовала отколовшаяся иудейская секта? Кроме того, Павел никогда не проявлял страха перед римскими репрессиями после того, как стал последователем Иисуса, и никогда не намекал, что видел подобную проблему с христианами до того, как сам обратился.

Некоторые ученые предполагают, что Павел преследовал христиан за то, что они учили обращенных из язычников не соблюдать иудейский Закон. Опять же подобное мнение по своему смыслу несколько поверхностно. Разумеется, такого ревностного блюстителя Закона, как Павел, оскорбляло бы, если бы обращенные в некую новую форму иудаизма не видели необходимости следовать заповедям Бога. Однако мало что указывает на то, будто верующие в Христа *иудеи* переставали соблюдать Закон прежде, чем на переднем плане появился Павел. Напротив, самые ранние верующие в Иисуса были иудеями, и они продолжали соблюдать свои иудейские обычаи. Кроме того, мы можем сказать, что они убеждали своих обращенных неиудеев, чтобы они стали иудеями и могли следовать за иудейским мессией. Совершенно не ясно, появилось ли большое количество обращенных неиудеев, ставших последователями Иисуса, до обращения Павла, сразу через несколько лет после распятия Иисуса. Сам Павел после своего обращения полагал, что Бог призвал *его* для обращения язычников. Он открыто заявлял, что ему предстояло убедить глав христианского сообщества в том, что язычники не должны быть обязанными соблюдать Закон.

Возможно, лучшим объяснением того, что до своего обращения Павел считал самым оскорбительным в христианских утверждениях об Иисусе, является объяснение, на которое он намекает позже в своих собственных посланиях: Павла приводило в ярость как раз утверждение, что Иисус — мессия.

Что в таком утверждении было оскорбительного? В одном отношении — то, что мы уже отмечали: иудеи, ожидавшие прихода мессии (не все), предполагали, что мессия будет кем-то великим и великолепным: могущественным воином-царем или космической личностью, посланной с небес, чтобы свергнуть врагов Бога. А кем был Иисус? Распятым преступником.

Мы можем высказаться даже более определенно. В предыдущей главе я говорил об иудейских апокалиптиках. Из того немногого, что мы знаем о фарисеях, возможно допустить, что они придерживались апокалиптических взглядов. Это означает, что до того, как поверить в Иисуса, Павел мог быть апокалиптическим иудеем. Он полагал, например, что текущий век греховен, но он должен скоро закончиться, когда Бог вмешается в ход истории и установит на земле благое царство с помощью своего могущественного мессии. Каково было для тех, кто верил в подобное, услышать, что мессией был именно Иисус? Это казалось абсолютно смехотворным и портило репутацию самого Бога. Ибо Иисус не явился великой и могущественной фигурой, пришедшей от Бога, а был странствующим пророком с задворок Галилеи, который преступил Закон и принял позорную, мучительную казнь от рук римлян. Он не одолел врагов Бога; враги раздавили его, как комара. Высказывание о том, что он был избранником Бога, равносильно высказыванию, что сам Бог слаб и бессилен в этом мире перед властью Рима — невиданное богохульство!

Но было кое-что еще более оскорбительное в утверждении, что именно Иисус был иудейским мессией, нечто такое, что делало данное утверждение даже более

раздражающим, чем то, что Иисус не обладал ни одной из характеристик, которыми должен был обладать мессия, и то, что он не совершил ничего из того, что мессия, как ожидалось, должен был совершить. Я имею в виду тот факт, что его распяли. Именно конкретный способ его казни, вероятно, вызывал особенный гнев у Павла, если кто-нибудь утверждал, что Иисус есть мессия. В одном из своих поздних посланий Павел отмечает, в чём была проблема с распятием на кресте: «Ибо написано: проклят всяк, висящий на древе» (Гал. 3:13; см. также: Втор. 21:23).

Для Павла всякий, кто был распят (в противоположность побитию камнями или обезглавливанию), проклят Богом. Поэтому утверждать, что некий распятый человек — мессия Бога, было не просто смешно, но нелепо, поскольку противоречило тому, что сказал сам Бог. Повешенный на дереве дальше всех от того, чтобы быть в особой милости у Бога; он проклят Богом. Иисус проклят Богом; он не был его Христом.

Видимо, Павел был очень разгневан утверждением, что распятый иудейский учитель является мессией Бога. Он стал гонителем христиан, стараясь искоренить эту возмутительную форму иудаизма. Но затем в один из самых великих, благодатных поворотных моментов в истории религий откровенный противник Христа стал его самым великим апостолом; преследователь стал глашатаем. Обращение Павла стало решительным моментом не только для его собственной жизни, но и для жизни еще неоперившейся христианской Церкви, которая вскоре обрела силу, чтобы выйти из своей иудейской матрицы и оказать религиозное влияние на Раннюю империю, религия, которая в конечном счете обратила империю, приведя к беспрецедентным переворотам в религиозной и социальной жизни в последующие века, которые пошли по пути, проложенному Павлом.

Павел и воскресение Иисуса

В историческом отношении почти нет сомнений насчет того, что заставило Павла обратиться. У него было вид***е***ние воскресшего из мертвых Иисуса. Павел сам об этом рассказывает, и это событие стало одним из ключевых эпизодов в Деяниях апостолов.

Как мы уже видели, в Деяниях данная история рассказывается в трех случаях: сам Павел описывает событие в главе 9, он рассказывает о нем враждебной толпе в главе 22 и снова говорит об этом во время суда над ним в главе 26. Среди названных трех рассказов есть расхождения, мешающие понять, в какой именно форме автор Деяний хочет донести до нас случившееся. Но основная сюжетная линия везде схожая. Согласно самому полному описанию (в главе 9 Деяний), Павел получил от иерусалимского первосвященника санкцию разыскать последователей Иисуса в еврейских синагогах Дамаска (Сирия), схватить их и привести как пленников в Иерусалим для предъявления им обвинений.

Однако по дороге в Дамаск Павел пережил откровение, преобразившее всю его жизнь. Когда Павел шел по дороге, «внезапно осиял его» свет с неба. «Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь… встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать» (Деян. 9:4–6). Павел был временно ослеплен этим светом. Его отвели за руку в Дамаск, где христианин по имени Анания получил в вид***е***нии поручение от Иисуса возложить на Павла руку, чтобы тот прозрел, и дать ему наставления. В частности, ему было сказано, что Павел «есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми» (Деян. 9:15). Анания сделал всё, как ему велели; у Павла восстановилось зрение, и его крестили (предположительно Анания). И таким образом произошло обращение Павла.

Оно — поворотный момент повествования в Деяниях, так как сразу после обращения Павла происходит история с Корнилием, первым язычником, который поверил в Иисуса (см.:

Деян. 10–11). Отсюда начинается история миссионерских странствий Павла, в ходе которых он обращает язычников в городах Малой Азии, Македонии и Ахаии (современная Турция и Греция), основывает там церкви. Христианство стало превращаться в мировую религию, принимая в свое лоно не только иудеев, но и в значительной степени язычников.

Сам Павел в своих посланиях тоже утверждает, что его обращение случилось по зову Бога, потребовавшего нести благую весть язычникам. В описании того, что в то время происходило, он намного сдержаннее автора Деяний. В кратких автобиографических комментариях, содержащихся в Послании к Галатам, он просто говорит:

«Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, — я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск» (Гал. 1:15–17).

Здесь Павел описывает свое обращение как особый призыв Бога, подобный тому, как в Еврейской Библии Бог призывал пророков исполнить его волю среди народа Израиля (см., например: Ис. 49:5; Иер. 1:5). Однако Павлу Бог повелевает нести послание спасения не иудеям, а язычникам. То есть Бог исполнил обещания пророков о том, что весь мир станет поклоняться ему одному и присоединится к сообществу, заключившему завет с Богом. Это стало возможным благодаря смерти и воскресению Иисуса, и Павлу выпала судьба стать тем, кто возвещает эту благую весть бывшим язычникам.

Но что имеет в виду Павел, когда говорит, что Бог «благоволил открыть во мне Сына Своего»? Может быть то, что он наконец понял: Иисус не был проклят Богом, а был Христом Бога? Видимо, он имеет в виду по крайней мере это. Но что привело к такой перемене? Случился ли просто момент озарения? Дополнительные сведения о том, что побудило Павла к обращению, мы получаем в кратком комментарии, который он дает относительно смерти и воскресении Иисуса в известном месте своего Первого послания к Коринфянам:

«Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию. Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1 Кор. 15:3–10).

Павел указывает, а Деяния подтверждают, что вид**е**ние Иисуса явилось ему *после того,* как тот воскрес из мертвых. Должно быть, это произошло через два или три года после смерти Иисуса. Вид**е**ние однозначно показало Павлу, что Иисус — который был распят, умер и погребен — вернулся к жизни. Было только одно возможное объяснение воскресения Иисуса: должно быть, Бог воскресил его из мертвых. А если Бог воскресил его из мертвых, то это всё меняло.

Новый взгляд Павла на Иисуса

Чтобы понять, насколько радикально вера в то, что он видел Иисуса, ожившего после распятия, изменила взгляды Павла, важно осознать, как преобразились его последующие размышления обо всём важном для него, включая сущность Бога, вопрос о том, как люди могут быть оправданы перед Богом, об отношениях иудеев и неиудеев перед Богом, вопрос о том, когда наступит конец света. Эту радикальную перемену в понимании можно представить себе, признав, как выразился исследователь Нового Завета Э. П. Сандерс, что Павел начал «думать в обратном порядке»{52}. То есть, осознав истинность вид**е**ния Иисуса, ожившего

после смерти, он стал рассуждать в обратном порядке, чтобы заново понять значение этого события для всего остального, что было для него важно.

Прежде всего, разумеется, изменился его взгляд на Иисуса. Ибо, если Иисус жив, то Бог воскресил его из мертвых. А если Бог воскресил его из мертвых, то это должно означать, что он был тем, кого Бог особенно любил. Павел, как и другие христиане до него, начал искать в Священном Писании или перебирать в своей памяти, что было сказано об этом в Священном Писании, и стал размышлять о тех местах текста Еврейской Библии, где говорится об оправдании Богом своего Праведника, с которым жестоко и несправедливо поступили неправедные. К их числу, несомненно, относится Псалом 21:

«Ибо псы окружили меня, скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище; делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий. Но Ты, Господи, не удаляйся от меня; сила моя! поспеши на помощь мне; избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою… Вспомнят, и обратятся к Господу все концы земли, и поклонятся пред Тобою все племена язычников, ибо Господне есть царство, и Он — Владыка над народами» (Пс. 21:17–21, 23–29).

И, вероятно, глава 53 из книги пророка Исаии:

«Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас… Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его» (Ис. 53: 4–6, 10).

Если Бог оправдал Иисуса, — что, очевидно, и произошло, так как Иисус был снова жив, — то это должно означать, рассуждал Павел, что Иисус и был тем самым Праведником, который несправедливо пострадал от рук других.

Но как Иисус мог быть Праведником Бога, если он в самом деле оказался распят? Ведь Священное Писание говорит, что повешенный на дереве проклят Богом (см.: Втор. 21:23)? Очень скоро Павел начал думать так: да, Иисус был проклят, но не за свои *собственные* неправедные деяния, поскольку он был Праведником Бога. Он, должно быть, был проклят за неправедные деяния других людей. То есть Иисус вел праведную жизнь и пострадал за других, которые нарушали волю Божью и навлекли на себя Его гнев. Иисус взял на себя гнев Божий (свое «проклятие») ради других. Другими словами, его страдание и смерть были заместительными: он умер ради других, чтобы сами они не платили за свои собственные грехи. Смерть Христа искупила других от справедливой платы смертью.

Если Бог воскресил Иисуса из мертвых, то, должно быть, сама смерть Иисуса произошла согласно плану Бога. Это не просто акт римских притеснений или ошибка правосудия. Воля Божья состояла в том, чтобы Иисус умер ради других. Но если именно смерть Иисуса оправдывает людей перед Богом, то как насчет завета, заключенного Богом с Израилем, согласно которому он является их Богом, а они — его народом, соблюдающим Закон, который Он дал им?

Новый взгляд Павла на спасение

Продолжая «думать в обратном порядке», Павел приходит к мысли, что только благодаря смерти Иисуса человек может быть оправдан перед Богом. Это должно означать, что Закон, который Бог дал иудеям, *не способствовал* оправданию человека перед Богом. Единственное, что имело значение для спасения, — смерть избранника Бога. Но в таком случае весь народ мог участвовать в спасении, принесенном смертью Иисуса, — и иудеи, у которых был Закон, и язычники, у которых его не было. Павел тотчас увидел ключевой смысл этого нового откровения относительно плана Бога: следовало нести послание к язычникам,

чтобы они тоже могли быть спасены. Они не смогли обрести спасение, став иудеями, соблюдающими Закон. Всё, что имело значение для спасения, — смерть и воскресение избранника Бога.

В общем, Павел быстро понял, что ему дано откровение Иисуса и он должен стать тем, кто понесет эту благую весть (евангелие) язычникам, обратит их в веру в единого Бога иудеев и его Сына Иисуса, смерть которого принесла спасение, не зависящее от Закона.

По мере того как Павел всё больше размышлял над прикладным значением такого понимания спасения, он приходил к новому пониманию иудейского Закона, которому он был тщательно обучен и рьяно старался соблюдать. Хотя Павел считал себя «непорочным» перед Законом, он задумался, является ли Закон тем, что нужно для оправдания перед Богом. Вот как он пишет в Послании к Филиппийцам:

«Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере» (Фил. 3:8–9).

Павел начал осознавать, что существует проблема, связанная с Законом Божьим, данным иудеям[53]. Согласно Закону, верующим иудеям, то есть тем, кто соблюдает Закон, будет дана «жизнь», то есть вечное оправдание перед Богом. Само по себе это не было проблемой. И не было проблемы с Законом по существу. Даже после обращения в веру в Иисуса Павел продолжал считать, что «закон свят, и заповедь свята и праведна и добра» (Рим. 7:12). Проблема состояла в том, что Закон обещал «жизнь» тем, кто соблюдает его, но люди испытывают большие затруднения в этом, потому что они порабощены силой греха, существующего в мире.

Сегодня большинство людей понимает грех (если они вообще думают об этом) как то неправильное, что человек делает, нарушая волю Бога. Но для Павла грех был не просто актом проступка. Будучи апокалиптиком, он полагал, что в мире есть космические демонические силы, которые являются союзниками друг друга в борьбе против Бога, и это заставляет людей вести себя вопреки воле Бога. Грех — одна из таких демонических сил. С тех пор как Адам и Ева позволили греху войти в мир, он стал господствовать над человеческим родом (см.: Рим. 5:12–21). Следовательно, Закон Божий повелел людям то, что они должны делать, и его требования были справедливыми. Но в конечном счете люди не смогли выполнять требования Закона, потому что они пребывали под властью греха (см.: Рим. 7:7–25).

Итак, получается, что наличие Закона есть условие того, что люди совершают грехи. Именно поэтому он предписывает жертвоприношения, которые совершают, если человек нарушает требования Бога. Тот факт, что Израиль нуждался в жертвенной системе, в первую очередь показывает — сам Закон подтверждает, что все находятся под властью греха, то есть, в сущности, никто не может поступать по воле Божьей. И поэтому, даже если Павел мог думать о себе как о «непорочном» перед Законом (возможно, время от времени он совершал жертвоприношения за свои прегрешения), он все же оставался несовершенным в глазах Бога — до тех пор, пока Иисус не умер на кресте и не взял на себя грехи других, позволив людям стать чистыми перед Богом.

Для Павла смерть Иисуса была, с одной стороны, чем-то радикально новым, что совершил Бог для того, чтобы принести своему народу спасение. Больше никто не должен полагать, что жертвоприношения в Храме оправдают его перед Богом. Теперь была принесена совершенная жертва. С другой стороны, данное событие не было чем-то совсем новым, потому что оно изначально составляло часть плана Бога. Именно такое понимание пришло к Павлу в результате переживания вид*е*ния воскресшего Иисуса.

Пророки Еврейской Библии предсказывали, что придет время, когда Закон Божий больше не будет чем-то внешним людям — его веления окажутся вложенными в них. Он станет внутренним — написанным «на сердцах их», как сказал пророк Иеремия (Иер. 31:33). Павел понял, что этот день настал. Те, кто верит в смерть Иисуса, покинули свои старые пути греха и свободны теперь делать именно то, что согласно воле Бога. Это происходит благодаря тому, что, когда люди принимают крещение как христиане, Дух Божий входит в них и дает им новую жизнь и реальную силу. Это верно для всех людей, иудеев и язычников. Всем тем, кто верит в Иисуса и крещён во имя его, дается не только оправдание перед Богом, но и сила делать то, что требуют от них Его праведные законы (см.: Гал. 5:16–25).

Это и есть «новый» завет, который Бог заключил со своим народом, завет, являющийся в действительности исполнением Ветхого Завета, ожидавшимся древними пророками. Христос исполнил то, что Бог планировал изначально, или, как в одном месте выразился Павел: «конец закона — Христос» (Рим. 10:4).

Новый взгляд Павла на Закон

У многих христиан сегодня несколько искаженное представление о том, каким был иудейский Закон. Некоторые из моих студентов полагают, что иудаизм основан на системе предписаний и запретов — есть много того, что ты должен делать (соблюдать Субботу), и еще больше того, чего ты не должен делать (кушать бутерброды с ветчиной), и это всё такое огромное бремя, которое никто не в силах выдержать. Именно поэтому, с их точки зрения, иудеи нуждаются в Христе, потому что Закон ведет только к их осуждению, тогда как Христос приносит спасение. Я говорю им, что это представление искаженное, потому что оно не о самих иудеях, будь то нынешних или живших в древности. Всё Еврейское Писание с древних времен говорит о Законе как о величайшем даре Бога своему народу: он показывает им, как жить и как поклоняться Ему. Разве с подобным Законом может быть что-то не так? Он сообщает волю Божью и дает полезное руководство в самой жизни.

Таким был первоначальный взгляд и Павла. Иудеи были избранным народом Бога, и соблюдение Закона служило актом благодарности и знаком уважения. Но взгляд Павла изменился, как только он осознал, что смерть Иисуса возвращает человека в правильное отношение с заветом Бога.

Оглядываясь на свою прежнюю жизнь в рамках иудаизма, Павел, видимо, пришел к мысли, что суть Закона состоит не в том, чтобы убедить иудеев в их надежных отношениях завета с Богом. Несомненно, Бог дал Закон своему народу как великий дар. Но этот дар был способом предъявить свои праведные требования. Как Павел выразился в одном месте: «Он дан после по причине преступлений» (Гал. 3:19). Таким образом, Закон был указанием на то, как по воле Бога должен жить его народ, и своего рода «детоводителем» (тем, кто следит за детьми, чтобы они шли правильным путем; см.: Гал. 3:24), помогавшим народу Бога идти Его путями.

Но, очевидно, Павел стал осознавать, что иудеи (множество иудеев? все иудеи? сам он — бывший в прошлом иудеем-нехристианином?) неправильно использовали Закон, полагая, что, соблюдая его, они обеспечивают себе спасение перед Богом (см.: Рим. 10:3). Это ошибка. Любой, кто старался быть оправданным (то есть надеялся оказаться поставленным по правую руку Бога), соблюдая Закон, вместо этого попадал под проклятие (см.: Гал. 2:15–16). Только когда люди получают Дух Божий, — что происходит, когда они крестятся во имя Христа, — они могут делать то, что велит Закон (см.: Гал. 5:14; 16–18).

И вот тут на первый план выходит один из самых трудных аспектов мысли Павла. Если принятие Духа позволяет делать то, что велит Закон, который является, очевидно, чем-то благим, можно было бы предположить, что Павел продолжит настаивать, чтобы люди делали только это — соблюдали все законы Священного Писания. Эти законы предполагают, к примеру, необходимость обрезания для мужчин, соблюдение законов чистой пищи,

соблюдение Субботы, празднование определенных праздников, жертвоприношения за грехи и т. д. Однако Павел абсолютно ясно дает понять, что неиудеи, если они верят в Христа, не должны делать всего этого. В своем самом едком послании, Послании к Галатам, он накладывает проклятие на любого, кто думает, будто язычники, которые стали верить в Иисуса, должны участвовать в таких практиках (см.: Гал. 1:8–9; 2:15–16; 3:10–14). Как Павел может утверждать и то и другое одновременно: то, что Закон должен соблюдаться (и может соблюдаться теми, кто имеет Дух Божий), и то, что Закон можно не соблюдать?

Ученые упиваются подобными вопросами, их мнения расходятся в диаметрально противоположных направлениях[54]. С моей точки зрения, самый легкий способ решить данную проблему состоит в следующем: Павел так или иначе представляет, что есть два основных вида законов, данных в Еврейском Священном Писании. Есть законы, которые предназначаются для иудеев, чтобы показать, что они — члены сообщества, заключившего завет с Богом, в частности вышеупомянутые законы обрезания, употребления чистой пищи, соблюдения Субботы и т. д. Это законы, которые делают иудеев иудеями. Но спасение во Христе, согласно Павлу, не для одних лишь иудеев; оно — для иудеев и язычников. Язычникам не нужно становиться иудеями, чтобы обрести оправдание перед Богом. Если бы они должны были делать что-то подобное, это показало бы, что смерть Иисуса не является достаточной для оправдания перед Богом. Но именно смерть Иисуса делает человека оправданным перед Богом. Язычники, которые думают, что они должны стать иудеями (например, быть обрезанными), совершенно неправильно понимают благую весть.

Однако в Священном Писании есть законы другого рода. Это законы, которые обращены ко всем людям, например: не убивать, не прелюбодействовать, не лжесвидетельствовать и возлюбить ближнего как самого себя. Каждый человек, будь он иудей или язычник, должен соблюдать эти законы. Те, кто живет во Христе, в состоянии соблюдать их, потому что Дух Божий дает ему силы для этого. Таким образом, не соблюдением законов человек оправдан перед Богом. Но тот, кто оправдан перед Богом, будет соблюдать законы, во всяком случае законы, которые предназначены для всех людей; эти законы вовсе не предназначены для того, чтобы показать, кто — иудей, а кто неиудей. По этой причине, хотя Павел учил «евангелию без закона» (то есть оправдание перед Богом не приходит от соблюдения Закона), он не проповедовал, по крайней мере по его мнению, «беззаконное евангелие», то есть евангелие, которое приводит к дикому и беззаконному поведению. Предполагается, что верующие в Христа будут вести нравственную, честную жизнь и Дух даст им силы для этого.

Наконец, следует отметить один из самых показательных аспектов учения Павла о спасении, которое приходит от Бога, а не от Закона. Павел утверждает, что это учение вытекает из самого Закона. Другими словами, он не считал себя новатором, придумавшим новую религию, отличную от иудаизма. С его точки зрения, понимание Иисуса как исполнение обещаний, данных Богом Израилю (обетованный мессия), является исполнением принципов иудаизма. В своих посланиях он постоянно обращается к Священному Писанию как «доказательству» своих взглядов. Например, в одном известном месте Павел указывает, что прародитель евреев, Авраам, был оправдан перед Богом не соблюдением Закона (см.: Рим. 4; и также: Гал. 3), ибо жил за столетия до того, как был дан Закон. Однако Авраам был оправдан перед Богом, потому что имел веру: «Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность» (Быт. 15:6; цитируется Павлом в Рим. 4:3 и Гал. 3:6). Согласно Павлу, Авраам указал путь для всех будущих поколений: сама Тора показывает, что не соблюдение Торы дает человеку оправдание перед Богом, а обладание верой. Для Павла это означает веру в то, что Бог совершает теперь во исполнение Священного Писания, дав Христу умереть за грехи людей, а затем воскресив его из мертвых.

Новый взгляд Павла на конец света

Даже когда Павел был фарисеем, то есть до своего обращения, он придерживался апокалиптического мировоззрения. Как и другие апокалиптики, он полагал, что нынешний

век находится во власти сил зла (таких, как грех и смерть, и, вероятно, других дьявольских сил), но что грядет новый век, когда Бог свергнет зло и установит благое Царство, где он один будет высшей властью. Как большинство апокалиптиков, Павел, вероятно, считал, что конец света наступит очень скоро.

Когда Павел поверил, что Христос воскрес из мертвых, он не отбросил свои апокалиптические ожидания. Напротив, знание того, что Иисус вернулся к жизни, решительно подтверждало неизбежность конца нынешнего века. Но было одно ключевое отличие: сам Иисус принес его.

Как и другие фарисеи, Павел полагал, что нынешний век закончится каким-нибудь катастрофическим событием, которое приведет этот мир и все его силы к ужасному концу и возвестит наступление нового Царства. А в конце концов произойдет воскрешение мертвых.

Идея о том, что мертвые люди будут воскрешены, разделялась не всеми иудеями как во времена Павла, так и до него. В большей части Еврейской Библии идея о будущем воскрешении отсутствует, за исключением нескольких заключительных книг. Большинство ее авторов разделяли мнение, что когда люди умирают, они либо перестают существовать, либо продолжат жить в некоем царстве мертвых — Шеоле.

Идея о том, что в будущем произойдет воскрешение, во время которого мертвые тела снова оживут, появилась лишь за несколько столетий до Павла и Иисуса. Она возникла среди иудеев, пытавшихся объяснить, как этот мир мог быть такой клоакой страданий, даже для народа Божьего, если в конечном счете именно Бог управляет им. Их ответ состоял в том, что Бог, *вероятно*, не отвечает за этот мир, но в конечном счете он, как и ранее, продемонстрирует свою власть в конце времён, и тогда все силы зла и примкнувшие к ним люди — даже умершие — окажутся перед судом за противостояние Богу и его целям. В конце этого греховного века мертвые воскреснут, и те, кто примкнул к Богу, будут определены на вечное блаженство; а те, кто примкнул к силам зла и процветал в результате этого, будут осуждены на вечные муки. Последнее слово будет за Богом, и нет ничего, что мог бы кто-либо сделать, чтобы остановить его. Мы видели, что таким было учение Иисуса. В этом состояла также вера других апокалиптиков его времени, включая Павла.

Итак, если воскрешение — это событие, которое должно случиться в день Страшного суда, то к какому выводу естественным образом мог прийти такой апокалиптик, как Павел, поверивший, что Иисус воскрес из мертвых? Он сделал бы вывод, что воскрешение в конце времён уже началось, что он живет во время конца света и вскоре всё придет к сокрушительному концу. И именно Иисус принес это.

Почему Иисус? Поскольку Бог воскресил его из мертвых первым, Иисус является руководителем всех тех, кто теперь тоже воскреснет. Именно поэтому Павел говорит об Иисусе как о «первенце из умерших» (1 Кор. 15:20, 23). Это, так сказать, сельскохозяйственная метафора: так же как в момент, когда урожай созрел, земледелец выходит убирать первый урожай, а на следующий день идет за остальной частью, так и с Иисусом: он был первым воскрешенным из мертвых, за ним последуют и все остальные. Когда это произойдет? Метафора предполагала, что немедленно (земледелец не ждет годы, чтобы собрать оставшуюся часть урожая, но собирает его на следующий день). По Павлу, воскрешение мертвых должно случиться скоро, и люди должны быть готовы. Неудивительно, что он чувствовал острейшую безотлагательность в деле провозглашения благой вести. Согласно Павлу, мир должен был скоро прийти к потрясающему кульминационному моменту, и необходимо было успеть провозгласить благую весть. Нужно успеть дать шанс каждому человеку установить правильные отношения с Богом, иначе он окажется перед Страшным судом, когда придет конец света.

Конец света в Первом послании к Фессалоникийцам

Один из самых интересных текстов во всех писаниях Павла содержится в его самом раннем сохранившемся послании, Первом послании к Фессалоникийцам. Это теплое и дружественное послание (в отличие от Послания к Галатам), в котором Павел отвечает на некоторые вопросы своих обращенных в городе Фессалоники. Среди тем, к которым он обратился, было ожидание, что скоро должен наступить конец света. Очевидно, эти верующие принимали учение Павла о том, что в любой день Иисус может принести на землю Царство Божье. Но этого все еще не случилось, а тем временем некоторые из членов христианской общины уже умерли. У оставшихся живых это вызывало серьезные сомнения: разве те, кто уже умер, не попадут в славное Царство, которое принесет с собой Иисус?

Павел пишет любопытный ответ, в котором утешает своих респондентов, чтобы они «не скорбели, как прочие, не имеющие надежды», так как даже мертвые унаследуют Царство, когда Иисус придет во славе:

«Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (1 Фес. 4:14–17).

Этот отрывок интересен тем, что в нем Павел предполагает, что он будет не одним из «мертвых во Христе», а скорее одним из «оставшихся в живых». Павел ожидает, что конец света придет при его жизни.

На данный текст некоторые христиане-евангелисты указывают в поддержку того взгляда, что «вознесение», когда верующие будут восхищены из этого мира, произойдет прежде, чем вспыхнет весь ад («скорбь»). Следует сказать, что подобное представление о христианах, восхищаемых из мира, полностью отсутствует в любимой книге футуристически мыслящих христиан нашего времени — в книге Откровения. Примечательно, что в данном отрывке из Первого послания к Фессалоникийцам говорится не о грядущей скорби на земле, а только о конце света, когда Иисус вернется во славе со своими верующими. Идея о том, что после вознесения наступит скорбь, может быть выведена только в том случае, если принять, что сказанное здесь Павлом согласуется с тем, что говорит в книге Откровения Иоанн, и соединить их высказывания вместе, как будто в каждом из них дан один из двух отрезков линии времени. Другими словами, такого рода учение ни в одной из этих книг, похоже, не подтверждается.

Еще одна из интересных особенностей текста из Первого послания к Фессалоникийцам состоит в том, что он предполагает такое представление о вселенной, которое ни один образованный человек в наше время не поддерживает, а именно, что вселенную можно воспринимать как некий дом с тремя «уровнями». На самом нижнем — царство мертвых (под нами); там, где мы существуем, — царство живых (на первом этаже); и выше нас, в небе (второй этаж) — Царство Бога и его ангелов. Отсюда представление о том, что когда кто-нибудь умирает, он спускается в обитель мертвых. Иисус умер и спустился туда. Затем он воскрес и поднялся до Царства Бога. Скоро он вернется вниз, и те, кто под нами, будут подняты (воскрешены), а мы, живущие здесь, на земле, также будем подняты и останемся всегда жить в Царстве Божьем.

Нет никаких свидетельств, что Павел подразумевал все это символически. Он, как и большинство иудеев его времени, по-видимому, полагал, что Бог действительно был «там».

Та же мысль лежит в основе истории о вознесении Иисуса на небо в главе 1 Деяний и в любопытном эпизоде из книги Откровения, где пророк Иоанн видит «дверь отверста на небе» и внезапно оказывается проникшим через нее (см.: Откр. 4:1–2). Трудно сказать, что эти авторы вообразили бы себе, если бы знали, что в действительности *существует* не «верх» или «низ» в нашей вселенной, а мириады галактик, с мириадами звезд в каждой из них, которые расходятся на невероятные расстояния, как и миллиарды лет назад. Хочешь не хочешь, но мы живем в мире, весьма отличном от мира авторов Нового Завета.

Еще один важный момент, подчеркиваемый Павлом в описании «возвращения» Иисуса, состоит в том, что будущее воскрешение мертвых он мыслит, подобно всем (насколько мы знаем) иудейским апокалиптикам, как фактически физическое воскрешение. Он не учит, будто, когда человек умирает, его душа отправляется на небеса, где она вечно ведет бесплотное существование. Нет, в будущем будет воскрешение тела, в котором воссоздается физическое «я», чтобы жить вечно. Именно такое представление предполагается в приведенном отрывке из Первого послания к Фессалоникийцам и явно сформулировано в другом послании Павла — Первом послании к Коринфянам, где он резко возражает против тех, кто считает идею телесного существования в загробной жизни смешной (см.: 1 Кор. 15:35–41). Согласно Павлу, все мы будем жить в теле: но это будут духовные тела, как тело Иисуса после его воскресения, ставшее бессмертным и более не подверженным боли и смерти, «нетленным» (1 Кор. 15:50).

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие» (1 Кор. 15:51–53).

Это стало страстной надеждой и безотлагательным провозвестием Павла. Его миссия состояла в том, чтобы убедить других людей так, чтобы они тоже смогли преобразиться в нетленные существа, когда в конце этого века наступит великий кульминационный момент с появлением Иисуса, сходящего с небес. Неудивительно, что он считал свою миссию столь безотлагательной. Конец близок, и нужно успеть всё сказать людям.

Глава девятая

Павел как апостол

Легко показать, что после Иисуса Павел стал самой важной фигурой в истории христианства. Именно миссионерская деятельность Павла помогла преобразовать маленькое иудейское сектантское движение последователей Иисуса в Палестине в мировую религию, включавшую как иудеев, так и язычников. Именно его теологические размышления о смысле смерти и воскресения Иисуса навсегда определили суть христианского послания. Именно его сочинениям было суждено сыграть огромную роль в каноне нового Христианского Священного Писания, Нового Завета, из двадцати семи книг которого тринадцать приписываются Павлу.

Возможно, Павел был бы удивлен, если бы узнал о своем историческом значении. По всей видимости, он не ожидал, что история будет продолжаться еще в течение двух тысяч лет после его смерти. Он полагал, что история должна скоро завершиться сокрушительной концовкой, когда Иисус возвратится на облаках с небес, чтобы свершить суд на земле. Кроме того, есть верные признаки, что на протяжении всего служения Павла его осаждали со всех сторон. Должно быть, никто не предполагал, ни Павел, ни внешние наблюдатели, что именно его голос станет доминирующим, будет канонизирован в христианском богословии и Священном Писании. Но случилось именно так. Павел стал чрезвычайно важной фигурой в истории христианства благодаря своему служению и учению.

Миссия Павла

Даже если Павел, возможно, не предвидел своего будущего влияния, он не преуменьшал значение того, что происходило во время его миссионерской работы среди язычников: поскольку он обращал язычников в веру в единого Бога иудеев и в Иисуса, его Сына, смертью которого Бог примирил с собою мир. Апокалиптическое ощущение Павла, что он живет в конце времён, полностью соответствовало его убеждению, что Бог призвал его именно для того, чтобы он обратил язычников. Для Павла обращение язычников было заключительным событием в истории мира до наступления конца света. И для этой миссии он избран Богом.

Пророческий призыв Павла

Мы уже видели — Павел не понимал, что его обращение приведет к изменению религий. В те редкие моменты, когда Павел говорит о своем приходе к вере в Христа, он использует язык того Священного Писания, которое он очень хорошо знал. Его особенно привлекали еврейские пророки, утверждавшие, что Бог призвал их возвестить его послание. Вспомним, как Павел говорит о мгновении откровения:

«Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам…» (Гал. 1:15–16).

Это замечательно напоминает пророков Еврейской Библии, говоривших о своем собственном призыве. Например, пророк Иеремия так передает обращенные к нему слова Бога: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя» (Иер. 1:5). Бог назначил Иеремию стать своим глашатаем еще до его рождения. То же самое думал о себе Павел. Или рассмотрим писание пророка Исаии:

«И ныне говорит Господь, образовавший Меня от чрева в раба Себе, чтобы обратить к Нему Иакова и чтобы Израиль собрался к Нему; Я почтен в очах Господа, и Бог Мой — сила Моя. И Он сказал: мало того, что Ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых и для возвращения остатков Израиля, но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли» (Ис. 49:5–6).

Таким образом, Павел считал себя стоящим в ряду пророков, избранных до своего рождения для особой миссии. Но он не просто принадлежал к числу боговдохновенных глашатаев. По собственной оценке, Павел ставил свою миссию выше, поскольку серьезно воспринимал слова пророков, согласно которым Божье спасение в конце света будет распространяться не только на его народ, народ Израиля, но и на все народы земли. Когда история приблизится к своему божественно назначенному концу, все те, кто совершает идолопоклонство (то есть язычники), осознают ошибочность своего пути и обратятся к Богу (см.: Ис. 42:17). Они поймут, что «у тебя только Бог, и нет иного Бога» (Ис. 45:14). Как только они придут к этому осознанию, все народы земли поклонятся одному истинному Богу: «Предо Мною преклонится всякое колено, Мною будет клясться всякий язык» (Ис. 45:23) и «все концы земли увидят спасение Бога нашего» (Ис. 52:10).

Слово спасения обращено не только к народу Израиля, но и ко всем людям. И весть о спасении должен был передать не кто иной, как Павел, которого Бог избрал быть «апостолом язычников». Неудивительно, что Павел испытывал ощущение безотлагательности. Надежды и мечты всех пророков с нетерпением ждали своего часа — его личного служения. Он был тем, кого Бог избрал для долгожданного исполнения пророчеств.

Апостольский авторитет Павла

Таким образом, понятно, почему Павел придавал такое значение своей миссии. Понятно также, почему другие считали Павла самонадеянным и непреклонным. Но был ли он действительно призван к тому, чтобы благовествовать язычникам? Это становилось спорным вопросом всякий раз, когда проходил испытание характер его служения. И никогда такое испытание не было более явным, чем среди христианских церквей, которые Павел основал в Галатии, области в Малой Азии (на территории современной Турции).

Наши сведения о том, как Павел основал церкви в этом регионе, несколько противоречивы. Очевидно, он прибыл сюда с данной миссией и серьезно заболел. Исцелившись, он проповедовал благую весть о Христе тем, кто приходил к нему. Вслед за одними приходили другие, пока, наконец, не появлялось множество обращенных (см.: Гал. 4:12–14). Они начали встречаться вместе на регулярной основе, все больше узнавать о своей новой вере и поклоняться Богу, которого они приняли. Эти обращенные были прежде язычниками и, очевидно, не соблюдали иудейских законов или иудейских обычаев. И Павел, как мы видели в предыдущей главе, был весьма настойчив в том, что как язычники они *не* должны обращаться в иудаизм, ибо какой в этом смысл? Если спасение пришло на основе веры в смерть и воскресение Иисуса, Сына Божьего, а не соблюдения Закона иудеев, то зачем язычникам следовать этому Закону? Единственная мыслимая цель (для Павла) состояла в том, чтобы так или иначе улучшить свое положение перед Богом. Но как могло быть улучшено полное и совершенное спасение, данное Христом? Любой, кто думал, будто для спасения необходимо соблюдение Закона, или оно хотя бы полезно косвенным образом, очевидно, неправильно понимал истинную природу благой вести.

В конце концов Павел выздоровел и отправился из Галатии дальше, чтобы нести благую весть в другие места. Как это часто случалось, через некоторое время на передний план вышли другие христиане, возвещавшие другие учения. Не совсем ясно, что именно говорили галатам эти «апостолы», но, вероятно, они утверждали, что Бог дал Закон иудеям как вечное условие для его избранного народа{55}. Закон никогда не был просто временным или ограниченным набором необязательных к выполнению требований. Священное Писание требовало, чтобы мужчины были обрезаны в знак принадлежности народу Божьему (см.: Быт. 17:12–14). Эту заповедь называют вечным условием, а не временным. Поэтому мужчины, поклоняющиеся Богу, должны быть обрезаны. Эти другие «апостолы» говорили также, что ученики Иисуса, которые стали первоначальными главами Церкви и продолжали руководить церковью в Иерусалиме, согласны с ними в данном вопросе. Они делали вывод, что, если Павел проповедовал другое учение, то он извращал первоначальное учение Иисуса и его последователей.

Когда Павел получил известие о конфликте в Галатии, он пришел в ярость и написал ответ. В отличие от большинства других его посланий, оно отнюдь не дружественное, это послание, спешно набросанное в состоянии сильнейшего гнева. Оно — единственное послание от Павла, которое начиналось не с благодарения Бога за паству. Вместо этого оно начинается с обвинения:

«Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовествованию, которое впрочем не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово» (Гал. 1:6–7).

Павел продолжает далее, что, если кто-либо проповедует учение, которое расходится с тем, что он сам проповедовал, тому «да будет анафема» (Гал. 1:8–9). Здесь нет никакой гибкости! Есть одна истина, и Павел возвестил ее. Любой, кто говорит что-либо другое, абсолютно не прав.

Но на каком основании Павел мог претендовать на такую уверенность в своей правоте? Именно в этот момент Павел начинает говорить о своем прошлом праведного иудея и своем откровении от Бога. Христос явился ему, призвав, чтобы он нес благую весть язычникам. Павел знает, что его версия благой вести истинная, потому что сам Христос передал ему ее.

Вот почему Павел (в отличие от автора Деяний) настаивает на том, что после своего обращения он не пошел в Иерусалим, чтобы посоветоваться с апостолами, которые были до него. Его не могут обвинить в изменении их учения: он получил свое учение не от них, а от самого Бога. И когда один из этих иерусалимских апостолов стал противоречить ему в затронутом выше вопросе (Петр, когда они были вместе в Антиохии), Павел публично стал обвинять его в лицемерном поведении и настаивал на том, что никто не может быть оправдан перед Богом, соблюдая Закон. Поэтому, пишет он галатам, требовать, или даже предполагать, что язычники должны быть обрезаны или соблюдать иные требования Закона, есть оскорбление благой вести (и Бога) (см.: Гал. 2:11–15).

Как я уже говорил, тексты самого Павла показывают, что не все соглашались с таким взглядом на Закон, включая Петра. Мы никогда не узнаем аргументацию последнего в антиохийском споре, нам известны только доводы Павла. Можно лишь удивляться, что Петр с готовностью уступил и согласился, что проиграл. Это кажется довольно маловероятным. Другие миссионеры, которые прибыли в Галатию вслед за Павлом, не согласились с ним, настаивая на том, что именно их учение было дано Богом. Как мы увидим в более поздней главе, практически всюду, куда приходил Павел, у него были противники, проповедовавшие иное понимание христианского вероучения. Они, естественно, считали себя правыми, а Павла — неправым. К сожалению для историков, мнения других сторон в этих спорах не сохранились.

Тем не менее у нас есть определенные указания на то, что, возможно, говорили противники Павла. В предыдущей главе я упоминал о ряде текстов, которые были подделаны от имени Климента Римского и называются «Псевдо-Климентинами». В этих легендарных текстах Петр соперничал с «еретиком» Симоном Волхвом, который для их неизвестного автора является тонко скрытым шифром Павла. Помимо всего прочего Петр утверждает, что в истории народа Божьего важные личности выходят парами и первая всегда является низшей по отношению ко второй. Павел, будучи первым, кто появился на языческом миссионерском поле, признается низшим по отношению к Петру, который пришел позже.

Что касается вид**е**ния Иисуса, которое придавало взглядам Павла высший божественный авторитет, то над этим, как мы уже ранее видели, Петр посмеялся:

*«А если наш Иисус явился тебе и был узнан в вид**е**нии и нашел тебя разгневанным и враждебным, однако говорил он только через вид**е**ния и сны или через внешние откровения. Но может ли кто-либо стать сведущим, если его учить через вид**е**ния? И если твое мнение в том, что это возможно, тогда почему наш учитель провел целый год с нами, кто бодрствовал? Как мы можем верить тебе, даже если он явился тебе? Но если он посетил тебя на час и наставлял, благодаря чему ты стал апостолом, то возвести его словами, истолкуй то, чему он учил, будь другом его апостолам, а не борись со мной, кому он доверял; ибо в своей враждебности ты противостоишь мне, тому, кто есть твердый камень, на коем стоит Церковь» (Homilies [Проповеди], 17.19).*

Можно представить себе, как Петр говорит Павлу во время их спора в Антиохии: «Ты думаешь, что ты прав, потому что ты видел Иисуса в течение нескольких мгновений по дороге в Дамаск? Да я годы провел с ним!».

Образ действий (modus operandi) Павла

Как только Павел обратился в веру в Христа и стал считать себя апостолом язычников, он отправился в миссионерские странствия по всем городским регионам Северного Средиземноморья. Он сам пишет об этом:

«Силою знамений и чудес, силою Духа Божия, так что благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика. Притом я старался

благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании» (Рим. 15:19–20).

Другими словами, странствуя из дальней восточной части империи (Иудеи) в области, расположенные сразу к востоку от ее центра, в Иллирик, через Адриатику со стороны Италии, Павел всегда стремился быть первым. Его не интересовало благовествование в областях, куда уже добирались другие христианские миссионеры; он хотел нести истину язычникам, которые никогда не слышали о Христе. В послании к христианам в Риме Павел сообщает: теперь он хочет направиться к далеким западным регионам, вплоть до Испании, чтобы «все народы» могли услышать истину о спасении.

Но как именно Павел осуществлял свое служение? То есть, если размышлять в терминах логистики, что он делал, посещая город с целью обратить людей в веру и основать церковь?

Можно было бы подумать, что он действовал подобно современным евангелистам: устанавливал палатку, давал объявления по городу, собирал несколько человек, внимательно слушавших его, произносил проповедь благой вести, далее призывал к покаянию и таким образом получал некоторое количество обращенных. Но современные активные евангелистские проповеди требуют взаимодействия и подготовки тех, кто занимается этим делом. Когда же Павел отправлялся в какой-нибудь город, он был там первым христианином. Как ясно видно из других его посланий, обычно его сопровождали один-двое собратьев по вере, и они действовали в городе самостоятельно, без всякой дополнительной поддержки, без всякой заранее подготовленной почвы, не имея ничего, с чего можно было бы начать. Павел никогда не говорит о чем-либо таком, что было бы похоже на современные евангелистские кампании.

Возможно ли, что он просто приходил в город, становился на углу улицы и начинал громко проповедовать свое учение прохожим, надеясь собрать вокруг себя какое-то число внимательных слушателей, а потом отправлялся дальше? Конечно, возможно, но ни Деяния, ни сам Павел не дают каких-либо свидетельств, что именно так он и поступал.

Павел иногда говорил, что благая весть открылась «во-первых, Иудею, *потом* и Еллину» (например: Рим. 1:16). Это наводило некоторых на мысль, что Павел использовал местные еврейские синагоги в качестве своего рода миссионерской базы. И действительно, именно так описываются его действия в Деяниях. Всякий раз, когда он приходил в новый город или поселение, он сначала посещал местную синагогу, и там, как гостю в городе, ему давали возможность прокомментировать текст из Священного Писания на текущий день. В контексте своих замечаний он быстро переходил к провозглашению того, что Иисус — мессия, который был отвергнут иудейскими первосвященниками, но оправдан Богом, который воскресил его из мертвых. В Деяниях рассказывается, что обычно в такой ситуации Павел обращал несколько человек. Большинство иудеев считали его взгляды оскорбительными, они отвергали Павла и его послание, вынуждая апостола нести благую весть в другие места, к язычникам. Таким образом, евангельское послание в буквальном смысле шло сначала к иудеям, а затем к язычникам (см., например: Деян. 13:14–74; 17:2–6).

Подобная миссионерская стратегия вполне отвечала бы здравому смыслу. Но проблема с таким историческим объяснением образа действий Павла состоит в том, что сам он ничего не говорит об использовании местных синагог в качестве площадки для своих проповедей{56}. Павел весьма ясно заявляет, что его миссия вовсе не для иудеев, которых он считает сферой компетенции Петра, а исключительно для язычников (см.: Гал. 2:7–8). Несомненно, причина этого состояла в том, что он рассматривал свою миссию как исполнение предсказаний пророка Исаии, что все народы (это можно передать также словом «язычники») узн***а***ют благую весть и придут к Богу спасения в конце времён. Кроме того, есть неоспоримые свидетельства, предполагающие, что Павел не практиковал обращения иудеев в синагогах, поскольку его послания к церквам, которые он основал, адресованы обычно не к смешанной пастве иудеев и язычников, а к пастве, состоящей из обращенных язычников.

Иногда данное положение расходится с тем, как в Деяниях описываются те или иные общины. Например, в главе 17 Деяний говорится, что Павел в течение трех недель проповедовал в еврейской синагоге в Фессалониках и обратил некоторых иудеев в веру в Христа, пока ему не пришлось бежать из города. Можно было бы подумать, что фессалоникийская церковь состояла главным образом, если не исключительно, из обращенных иудеев. Но когда сам Павел пишет послание к фессалоникийской церкви, он явно подразумевает, что ее верующие были не иудеями, а бывшими язычниками, которые раньше поклонялись другим богам. Он говорит, например, о том, как они «обратились к Богу от идолов, *чтобы* служить Богу живому и истинному» (1 Фес. 1:9). В Коринфе его церковь также состояла не из иудеев, ибо Павел напоминает им: «Знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам, так, как бы вели вас» (1 Кор. 12:2).

Итак, хотя в Деяниях Павел изображается как проповедник, обращающий иудеев в синагоге, сам он в своих работах описывает дело иначе. Каким же был образ действий его служения? Павел дает нам некоторые намеки в своих посланиях, особенно в Послании к Фессалоникийцам, где он дружески напоминает им, как проводил среди них время:

«Ибо вы помните, братия, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие» (1 Фес. 2:9).

Когда Павел говорит, что он и его товарищи работали «ночью и днем» среди фессалоникийцев, он не имеет в виду, что все свое время они проводили в проповедях. Он указывает на то, что они постоянно работали, не желая стать финансовым бременем для общины. Другими словами, они натурально *работали*, зарабатывая для себя деньги. И на работе они проповедовали благую весть. Ученые специально изучали смысл подобных отрывков, приходя к пониманию, как Павел основывал церкви в различных городах, которые он посещал{57}. Согласно Деяниям, Павел занимался «деланием палаток» (Деян. 18:3). Используемое в Деяниях слово может иметь множество разных значений, но все они имеют отношение к работе с кожей. Очевидно, Павел был квалифицированным работником и использовал свои навыки для того, чтобы иметь возможность проповедовать свое учение.

По-видимому, происходило это следующим образом. Павел и его спутники приходили в новый город, не зная в нем никого. Они арендовали место, вероятно, неподалеку от центра города, и открывали свой малый бизнес — так сказать, христианский магазин кожаных товаров. По мере того как приходили люди, чтобы поторговаться с миссионерами, те использовали возможность проповедовать им благую весть о спасении во Христе. Какие последствия имело такое служение, мы скоро увидим. Пока достаточно понять, что проповедь осуществлялась на рабочем месте. В общем-то это не было необычным делом. В древнем мире места торговли служили местом для обмена новостями, сообщениями, слухами — местом для бесед, обсуждений и обмена мнениями. Для христианских миссионеров они служили местом проповеди благой вести.

Так же поступал и Павел. Он проповедовал на рабочем месте, работая днем и ночью. Некоторых людей ему удавалось обратить в веру в смерть и воскресение Иисуса для их спасения. Эти люди все чаще посещали его магазин, чтобы узнать еще больше. Затем они начинали еженедельно встречаться вместе после рабочего дня для наставления и молитв, обращали в свою новую веру родственников, соседей и тех, с кем вместе трудились. Иногда они сталкивались с противодействием, временами сильным, своей новой религии. Это заставляло их еще теснее объединиться в форме новой общины, состоящей из народа Божьего, живущего в конце времён, ожидающего, что Бог скоро вмешается в ход истории этого мира и устроит лучший мир, лишенный боли и страдания.

Как только Павел основывал значительную общину в одном месте, он решал, что пришло время двигаться дальше, нести благую весть в другой город, где еще не слышали имя Христа. И таким образом благовествование переходило от одного города к другому.

Учение Павла

Итак, Павел обращал язычников, с которыми встречался на своем рабочем месте. Они прекращали поклоняться множеству своих традиционных богов — богам государства, богам города, богам дома и семьи, богам различных мест и разного рода деятельности и т. д. Они начинали верить только в единого Бога, Бога иудеев, сын которого, Иисус, умер и был воскрешен из мертвых. Было ли то, что говорил Павел, очень убедительным? Историки многое отдали бы, чтобы узнать это! К сожалению, мы располагаем лишь эпизодическими намеками, встречающимися в собственных посланиях Павла и ссылками на его проповеди в более поздних источниках, например, в новозаветных Деяниях апостолов и в «Деяниях Павла» (II век).

Единый всемогущий Бог

В самом раннем из сохранившихся посланий Павла, в Первом послании к Фессалоникийцам, он ссылается на учение, которое возвещал своей языческой аудитории в Фессалониках. Он напоминает им:

«Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам, и как вы обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева» (1 Фес. 1:9–10).

Первая часть его проповеди к язычникам (приверженцам многобожия), очевидно, состояла в том, что есть только один «живой и истинный» Бог и что ему одному нужно поклоняться. Отсюда можно предположить, что Павел должен был убедить их в том, что их собственные боги, в отличие от истинного Бога, были «мертвыми и ложными». Мы не знаем, что именно он говорил, но, возможно, Павел занимался чем-то вроде критики языческого идолопоклонства, которую можно найти в иудейских текстах того периода и более раннего, где языческие идолы высмеиваются как бессильные и бесполезные. Некоторые подобные тексты можно найти в Еврейской Библии, и к ним очень часто обращался Павел. Вот слова пророка Исаии, который смеется над языческим плотником, делающим идолов:

«Он рубит себе кедры, берет сосну и дуб, которые выберет между деревьями в лесу, садит ясень, а дождь возращает его. И это служит человеку топливом, и часть из этого употребляет он на то, чтобы ему было тепло, и разводит огонь, и печет хлеб. И из того же делает бога, и поклоняется ему, делает идола, и повергается перед ним. Часть дерева сожигает в огне, другою частью варит мясо в пищу, жарит жаркое и ест досыта, а также греется и говорит: „хорошо, я согрелся; почувствовал огонь". А из остатков от того делает бога, идола своего, поклоняется ему, повергается перед ним и молится ему, и говорит: „спаси меня, ибо ты бог мой"» (Ис. 44:14–17).

О язычниках, которые поклоняются таким божествам, Исаия делает следующий вывод: «Не знают и не разумеют они: Он закрыл глаза их, чтобы не видели, *и* сердца их, чтобы не разумели» (Ис. 44:18).

Возможно, Павел тоже приводил подобный аргумент своим языческим слушателям: их боги были сделаны руками из мертвого материала и имеют не больше силы, чем ствол дерева, лежащий на заднем дворе; но истинный Бог, который создал небо и землю, является всемогущим и может сделать всё, в чем народ нуждается в этой жизни, творя чудеса для тех, кто поклоняется ему.

Трудно сказать, как Павел убеждал своих слушателей, что иудейский Бог, в отличие от других богов, был всемогущим. Возможно, он рассказывал, как этот Бог взаимодействовал со своим народом на протяжении всей его истории, например спасая его от рабства в Египте благодаря чудесам Моисея, или как творил чудеса через таких пророков, как Илия и Елисей.

Или, возможно, он рассказывал своим слушателям о чудесах, которые совершали в их время Иисус и его последователи.

Доказательства благой вести — «знамения и чудеса» Павла

Возможно даже, что Павел рассказывал о чудесах, которые он совершил сам. В своих посланиях Павел весьма сдержан, говоря о своей собственной способности к чудотворству. Но иногда он упоминает об этом, например, в Послании к Римлянам, где пишет, что сила Божья действовала через него, убеждая других в благой вести:

«Ибо не осмелюсь сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос через меня, в покорении язычников вере, словом и делом, силою знамений и чудес, силою Духа Божия, так что благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика» (Рим. 15:18–19).

Что же это были за «знамения и чудеса», творимые Павлом и столь убедительные для людей, что они поверили — через него действовал Бог? Исцелял больных? Изгонял бесов? Воскрешал мертвых? Или происходило обращение большой массы язычников, что само по себе являлось дивным знаком Силы Божьей? Этого мы не знаем. К сожалению, Павел делает только намеки, возможно, потому, что его читатели хорошо знали, о чем он говорит. Так, в Первом послании к Фессалоникийцам он пишет, что его благовествование состояло «не в слове только, но и в силе и во Святом Духе» (1 Фес. 1:5). И он мог напомнить коринфянам: «И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор. 2:4). Несколько яснее он выражается во Втором послании к Коринфянам: «Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знамениями, чудесами и силами» (2 Кор. 12:12).

Какими на самом деле были эти знамения и чудеса, можно лишь предполагать. Более поздние авторы ломали копья вокруг таких предположений. Деяния апостолов, написанные спустя поколение после Павла, изображают его как великого апостола-чудотворца, деяния которого конкурируют с деяниями его предшественника, Петра. Мы уже упоминали, что когда Павел был на острове Кипр, он столкнулся с лжепророком Вариисусом, называемым также Елимой, которого он поразил слепотой за то, что тот препятствовал его благовествованию: «И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени». Немедленно тьма напала на этого низкого противника Бога спасения. И чудо приводит к важному обращению — римского проконсула Кипра (см.: Деян. 13:7–12).

Когда Павел и его спутник Варнава отправились дальше в город Листру, они встретили калеку, который с рождения не ходил. Павел пристально посмотрел на него и сказал громким голосом: «Стань на ноги твои прямо». Тот встал и пошел. Толпа язычников, наблюдавших случившееся, естественно, истолковала исцеление с позиции своей собственной религии: они предположили, что Павел и Варнава — это два (языческих) бога, Зевс и Гермес, сошедшие с небес и посетившие их, чтобы продемонстрировать свою божественную силу. С большим трудом апостолам удалось удержать толпу от жертвоприношений им как бессмертным существам (см.: Деян. 14:8–18).

Позже, в городе Филиппы, Павла и его спутников задергала одна девушка-рабыня, которая была одержима демоном. Павел изгнал демона, но хозяева девушки не были рады этому: злой дух позволял ей предсказывать будущее, и они извлекали из ее сверхъестественных способностей хорошую прибыль. Теперь их небольшое предсказательное предприятие оказалось разбито вдребезги. Они сговорились арестовать Павла. Но апостол не мог оставаться долгое время на одном месте. Когда он и его спутник Сила всю ночь

«воспевали Бога» в тюрьме, Бог послал землетрясение, которое отворило все двери тюрьмы. Апостолы воспользовались этой возможностью и стали проповедовать «темничному стражу», который немедленно обратился в веру вместе со всей своей семьей, и все они говорили до рассвета, когда Павел крестил их (см.: Деян. 16:16–34).

А чудеса продолжались. Со временем сила Павла стала настолько великой, что его последователи могли взять носовые платки или опоясания, к которым он прикасался, поднести их к больному или бесноватому, и те тотчас же исцелялись (см.: Деян. 19:11–12). Один мальчик выпал из окна (слишком долго слушая проповедь Павла) и разбился насмерть; Павел воскресил его из мертвых (см.: Деян. 20:7–12). Павла укусила смертельно опасная гадюка, но это не причинило ему вреда (см.: Деян. 28:3–6). Те, кто видел это, решили, что он, должно быть, бог или если не бог, то по крайней мере кто-то, кто проявляет силу бога. И в благовествовании Павла недвусмысленно объявляется, кто этот бог. Это — единственный истинный Бог, тот, кто создал небо и землю, сын которого, Иисус, умер за грехи людей и был воскрешен из мертвых. В Деяниях именно чудеса Павла оправдывают и утверждают его миссию. Неудивительно, что благодаря такой силе обращались толпы народа.

Чудотворная сила Павла стала материалом легенд. Как мы уже видели, в первых главах «Деяний Петра» Павел парализовал молодую женщину, которая только что прелюбодействовала и пыталась причаститься («Деяния Петра», 1–2). К сожалению, повествование II века, в котором описываются миссионерские деяния Павла, так называемые «Деяния Павла», дошло до нас в очень фрагментарном виде, а оно явно включало в себя множество замечательных историй о Павле во время его миссионерских приключений.

Самым известным является эпизод с говорящим львом, который конкурирует с историей о Петре и говорящей собаке, о которой мы уже упоминали. Однажды во время своего путешествия Павел оказался в пустыне и столкнулся с огромным львом. Но лев так или иначе понял, что перед ним — апостол Бога, и заговорил с Павлом человеческим голосом, прося, чтобы тот крестил его. Павел не мог отказать в таинстве ни одному нуждающемуся и тотчас же согласился. Войдя в реку и схватив льва за гриву, он крестил его три раза во имя Иисуса. Затем они разошлись каждый своей дорогой.

Позже эти двое, человек и лев, снова встретились. Павла арестовали за его христианские миссионерские действия и отвели на Форум, чтобы бросить к диким зверям. Для него оказался свободен именно его друг лев. Вместо того чтобы стать участниками кровавой сцены, Павел и лев начали вспоминать о былой встрече, пока Бог не послал страшный ливень, погубивший всех других зверей, а заодно и множество зрителей. И лев, и Павел спаслись: первый убежал в свою естественную среду обитания, в горы, а второй вернулся к миссионерским подвигам.

Читателей этого рассказа может поразить его сходство с широко известной историей об Андрокле и льве, сохраненной языческим автором Апионом в его ныне утраченном сочинении «Aigyptiaka». В этом повествовании, когда Андрокл первый раз встретился со львом в пустыне, он не говорил с ним, но заметил, что тот хромает из-за большого осколка в лапе. Набравшись храбрости, Андрокл взял его лапу в свои руки и извлек осколок. Позже его также арестовали за незаконную деятельность и бросили к диким зверям. И вот перед ним оказался лев, которому он раньше оказал помощь. Однако лев, естественно, не съел его, а защитил.

История о человеке и льве, по-видимому, была распространенным сюжетом у древних рассказчиков. Натуралист и плодовитый автор середины I века Плиний Старший приводит несколько примеров того, как львы проявляли благодарность людям, вынувшим им осколки или кости из зубов («Естественная история», 8, 42, 48, 56, 58)[58]. Как он выразился, «среди зверей только лев прощает его просителям». Легенда о Павле и о крещённом льве, возможно, развилась из неопределенных намеков в его собственных посланиях. В Первом послании к Коринфянам он говорит, что «боролся со зверями в Ефесе» (1 Кор. 15:32). Очевидно, он остался в живых, но как? В предании встречается сюжет, возможно,

основанный на комментарии к тексту из Второго послания к Тимофею, книге, которая, как уверены ученые, написана не Павлом, а каким-то его более поздним последователем: «Господь же предстал мне и укрепил меня, дабы через меня утвердилось благовестие и услышали все язычники; и я избавился из львиных челюстей» (2 Тим. 4:17).

Все эти истории об удивительных деяниях Павла служат для того, чтобы дать неопровержимое «доказательство» благовествования Павла: есть только один Бог, который имеет власть вмешаться в человеческие дела и дать людям то, в чем они нуждаются. Это — Бог, которому поклонялся Павел, Бог его иудейских предков. Все остальные боги — мертвые и ложные.

Возвращение Христа на Суд

Но Павел был полон решимости обращать язычников не только для того, чтобы они поверили в Бога иудеев. Ибо теперь этот Бог действовал ради спасения не только иудеев, но и всего мира, как предсказано самими еврейскими пророками. Это спасение принес его сын, Иисус, который умер за грехи мира и был затем воскрешен из мертвых. Не менее важно и то, что скоро он вернется на Суд. Люди должны быть готовы. Иначе они не переживут грядущую катастрофу.

То, что это было сутью послания Павла, становится ясно из самого раннего изложения его проповеди, где он напоминает своим читателям:

«Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам, и как вы обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева» (1 Фес. 1:9–10).

Гнев Божий падёт на этот мир, и только один Иисус может спасти людей от него. Возникает искушение рассматривать срочное благовествование Павла как своего рода апокалиптические огонь и серу. Но его послание заключалось не в том, что люди должны поверить в Иисуса, чтобы избежать ада, когда умрут. Бог вскоре преобразит сей мир греха в славный рай, а все, кто примкнул к силам зла или отказался присоединиться к Богу (что для Павла одно и то же), будут уничтожены, когда это случится. Люди должны покаяться, и дело не терпит отлагательства.

В Послании к Фессалоникийцам ясно видно, что будущая роль Иисуса как спасителя от нависшего гнева Божьего находится в центре благовествования Павла. Павел неоднократно говорит о (втором) пришествии Иисуса (см.: 1 Фес. 2:19; 3:13; 4:14). Это произойдет внезапно и повлечет за собой разрушения (5:2). Это будет похоже на приход вора ночью, когда его никто не ожидает (5:2). Поэтому христиане-фессалоникийцы должны быть готовы, должны «бодрствовать и трезвиться», чтобы не быть застигнутыми так же неожиданно (см.: 1 Фес. 5:1–12). Когда придет Иисус, умершие будут воскрешены из мертвых, а живые — восхищены, чтобы встретить своего Бога «на воздухе», и будут жить с ним вечно (см.: 1 Фес. 4:13–18).

Воскресший из мертвых Христос

Но учил ли Павел фессалоникийцев только о том, что Иисус придет с небес, чтобы вершить суд и спасение? Есть указания, что Павел проповедовал им и другие вещи: например, он упоминает, что Иисуса убили его соотечественники в Иудее (см.: 2:14–15); он говорит об Иисусе как о том, кто умер и был воскрешен из мертвых (4:14). Из других его посланий также ясно, что центральными пунктами его проповеди были смерть и воскресение Иисуса — мессии. Рассмотрим один из его ключевых текстов:

«Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати…» (1 Кор. 15:3–5)

Этот текст важен потому, что в нем суммируется то, что по мнению самого Павла, имело первичное значение в его учении: то, что Христос умер за грехи мира и воскрес из мертвых. Оба события были исполнением того, о чем возвестили пророки Священного Писания («по Писанию»). И оба события произошли публично. Они не были тайными, скрытыми событиями, которые кто-то, возможно, сочинил. Смерть Иисуса доказана тем, что его похоронили, а его воскресение — тем, что позже он явился своим последователям.

Павел упоминает о сути своего благовествования по определенному поводу, точно так же, как он и все остальное писал в связи с какими-то обстоятельствами. В данном случае его послание было связано с большой проблемой, которая беспокоила коринфян. Как мы уже знаем, Павел считал, что в момент воскрешения христиане воскреснут, чтобы войти во славу Царства Божьего. Однако некоторые коринфяне полагали, что это уже произошло. Для этих христиан воскресение не было будущим событием, которое случится каким-то грубым материальным образом, когда тела мертвых так или иначе снова оживут, чтобы остаться вечными. Воскресение было чем-то таким, что уже случилось с верующими, когда они были крещены во имя Христа и приняли Духа Святого. Такие люди уже ведут жизнь в Духе; они уже наслаждаются всеми благами спасения.

Надо сказать, что христиане, считавшие, что они уже совершенны и уже живут своего рода небесной жизнью в сем преходящем мире, были всегда. Большинству из нас, наверное, трудно понять подобный образ мыслей. Ведь даже такие люди болели, испытывали разрушительное влияние возраста и в конечном счете умирали, как и все остальные. Но факт остается фактом: с I века по настоящее время всегда находились люди, которые утверждали, что их жизнь проходит на более высоком, более духовном уровне, чем у всех остальных.

Для Павла, иудейского апокалиптика, превратившегося в апостола Христа, все вышесказанное было абсолютно ошибочным представлением, и чтобы доказать это, он возвращается в послании к своей проповеди, которую первоначально обратил к этим людям. Он подчеркивал, что Христос «воскрес в третий день… и… явился Кифе, потом двенадцати», не для того, чтобы доказать (как иногда говорят по поводу данного отрывка) воскресение Иисуса. Павел ссылался на воскресение Иисуса как раз потому, что коринфяне всегда соглашались с этим. Павел хочет сказать, что когда Иисус был воскрешен из мертвых, он воскрес материально, в физическом теле. Несомненно, его тело не похоже на наше (оно не заболеет гриппом, не состарится и не умрет). Фактически речь идет о бессмертном теле. Но, тем не менее, оно было телом.

Почему это имеет значение? Потому что воскресение последователей Иисуса будет похоже на воскресение Иисуса: это будет телесное воскресение, а не просто воскресение духовное. А так как оно должно быть телесным воскресением, то очевидно, что подобного воскресения верующие еще не испытывали, независимо от того, насколько они, по их мнению, стали более духовными. Наши тела все еще слабы, смертны и подвержены разрушительным воздействиям времени и болезней. Воскресению еще предстоит произойти.

Понимание вышесказанного имело важное значение для Павла потому, что показывало: мы еще не наслаждались всеми благами спасения. Должно произойти нечто большее. Кроме того, если Бог оживит умершее тело, значит, для Бога тело важно. Бог — творец этого мира и человеческого тела, и он будет искупителем и мира, и тела. Почему это важно понять? Некоторые люди (в Коринфе, а затем позже, на протяжении всей истории) утверждали, что тело не имеет значения для Бога, которого интересует только душа. Но если тело не имеет значения, как доказывали эти люди (и действительно утверждали в Коринфе), то не важно, что делать со своим телом.

Церковь в Коринфе, вероятно, оказалась одним из наиболее беспокойных объединений христиан, с которыми Павел должен был иметь дело. В Первом послании к Коринфянам говорится, что в общине имели место массовые расколы, разные группировки, следовавшие за своими духовными лидерами, которые претендовали на обладание высшей духовной силой. Некоторые из раздоров имели межличностный характер: одни члены общины жаловались на других в суд по поводу расхождений во мнениях. Бывали случаи необузданной безнравственности: некоторые мужчины-христиане посещали проституток и хвастались этим в церкви, а один мужчина даже сожительствовал со своей мачехой. Некоторые прихожане жили в полном пренебрежении к тому, как их действия могут затронуть других людей, более слабых в своей вере. Упоминаются люди, напивавшиеся и объедавшиеся на еженедельной трапезе в ущерб другим верующим, которые из-за занятости опаздывали на трапезу и обнаруживали, что им ничего не оставили поесть. Богослужения являли собой полный хаос, поскольку те, кто считал себя особенно духовным, говорили на своем языке (то есть на иностранном языке, которого никто не понимал), говорили громко и соревнуясь друг с другом, чтобы продемонстрировать особенно сильное облечение Духом. И так далее и тому подобное.

Корень этих проблем состоял в том, о чем Павел писал в конце послания, после разрешения всех остальных вопросов, одного за другим. Речь шла о том, что коринфяне не понимали, что сейчас они еще не ведут духовную жизнь в небесных обителях; они — все еще здесь, в этом мире греха и плоти, боли и страдания. Воскресение — будущее физическое событие, а не прошлое духовное. Так как это будет телесное воскресение, Бог явно не считает наше тело чем-то безразличным. А поскольку тело имеет значение, то важно и то, что человек делает с ним. Не должно быть больше проституток, живущих во грехе с мачехами, напивающихся во время вечери Господней, таскающих друг друга в суд и т. д. Когда придет конец света, тогда наступит райская жизнь. Но до тех пор последователи Христа должны жить в любви, в праведности по отношению друг к другу, более беспокоясь о потребностях других, чем о своих собственных.

Таково учение, содержавшееся в благовествовании Павла и первоначально полученное бывшими язычниками, учение о том, что Христос воскрес из мертвых. Подобные идеи можно найти и в других частях его благовествования, например в учении о том, что Христос умер в согласии со Священным Писанием.

Распятый Христос

Для Павла смерть Иисуса имела первостепенное значение не только потому, что именно она принесла спасение; она показала, что представляет собой жизнь в земном мире. Этот специфический аспект проповеди Павла абсолютно контрастирует с тем, что можно в наше время услышать в некоторых христианских церквах, где чрезвычайно одаренные и нарядные проповедники возвещают о том, что примкнувшие к Богу станут успешными, счастливыми и богатыми. Для Павла все было ровным счетом наоборот. Для него те, кто следует за единым, истинным Богом, не могут ожидать богатой и великолепной жизни. Они — последователи распятого, и если следуют за тем, кто был распят, то могут рассчитывать получить за свои старания лишь боль и смерть. Вот почему в своем обращении к коринфянам Павел настаивал: «Ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2:2).

Короче говоря, Павел не подчеркивал великолепие Христа, привычное для его последователей в наше время. Безусловно, смерть Христа в конечном счете приведет к триумфу Бога над всеми, кто противостоит ему. Но это время еще только должно наступить. А до того мы все еще живем в мире, которым управляют силы, чуждые и враждебные Богу,

его целям и его народу. Те, кто верит в Иисуса, ни в коем случае не свободны от разрушительных действий этих чуждых сил. Напротив, пока Иисус не вернулся, верующие живут жизнью распятого.

С точки зрения Павла, «сверхдуховные» лидеры в Коринфе, считавшие себя выше низких проблем и слабостей мира сего, неверно поняли благую весть. Они думали, что именно благодаря сверхъестественным силам и хорошим риторическим навыкам они демонстрировали свою особую наделенность Духом Божьим. Но позиция Павла была противоположной. Так, он подчеркивал: «И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете» (1 Кор. 2:3).

В поистине замечательном отрывке, во Втором послании к Коринфянам, Павел открывает перед обращенными свои слабости, являя духовное превосходство над теми, кто пытался претендовать на их преданность. Примечательно, что он делает это, заостряя внимание не на всякого рода зрелищных подвигах силы, которые он совершил (в противоположность некоторым современным проповедникам), а на своей слабости, боли и страданиях. Короче говоря, его били больше, чем кого-либо другого, что и доказывало, что он в большей мере подобен Христу:

«Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею» (2 Кор. 11:23–30).

Христос был распят. Те, кто являются его последователями, будут испытывать в жизни боль и страдания. Возможно, это не такого рода послание, которое обращало бы в наши дни толпы народа, но таким было учение, которое проповедовал Павел. Неудивительно, что иные из коринфян начали следовать за другими духовными лидерами.

Смерть Христа за грешников

Для Павла значение имел не тот простой факт, что Иисус был распят. Распято было много людей. Согласно Евангелиям, только в Иерусалиме в тот день, когда был убит Иисус, вместе с ним были распяты еще два человека. На следующий день, возможно, было еще два-три, то же самое произошло и через день. Причем только в одном городе средних размеров в отдаленной части империи. Одному Богу известно, сколько людей римляне убили таким способом.

Как мы уже видели, смерть Иисуса делала особенной вера Павла в то, что Иисус — Христос Бога. Смерть Иисуса имела особый смысл потому, что Бог оправдал его, воскресив из мертвых, показав, что тот испытал свою судьбу не из-за чего-то такого, что он делал сам, оскорбляя Бога (или римлян), а за грехи других людей.

Ни в одном другом послании Павла смерть Иисуса и ее влияние на спасение как иудеев, так и язычников, не обсуждались более подробно и глубоко, чем в его Послании к Римлянам. Долгое время все, кто занимался изучением его понимания благой вести, самым важным из посланий Павла считали Послание к Римлянам. Именно поэтому оно является исключением в том отношении, что в других случаях правилом для посланий Павла считалось, что они

написаны для того, чтобы разрешить проблемные ситуации, возникавшие в церквах, которые он сам основал. Церковь в Риме была основана не Павлом, и поэтому в данном случае он писал не одной из своих собственных общин. Как мы уже упоминали, точно не установлено, кто в действительности основал церковь в Риме. Возможно, это были просто неизвестные странники, прибывшие в город впервые или вернувшиеся к себе домой, люди, которые узнали истину о Христе в других землях, а затем принесли благую весть в столицу.

Однако, хотя Павел писал римлянам не для того, чтобы решить проблемы одной из своих собственных церквей, в послании имеются намеки, что оно было написано по конкретному случаю. Очевидно, Павел планировал перенести свое мировое служение благовествования с Востока, где он работал, в западные части империи — в Испанию, которую он называл «концами земли». Он написал римским христианам, потому что хотел использовать Рим в качестве своего рода базы, и надеялся получить от них моральную и (или) материальную поддержку.

Проблема состояла в том, что римские христиане слышали о Павле и некоторые из его идей, о которых они слышали, вызывали у них тревогу. Действительно ли верно, что он проповедовал благую весть, исключавшую Закон? Возвещал ли он беззаконную форму христианства? Кроме того, если он считал, что язычники оправданы Богом на тех же основаниях, как и иудеи, думал ли он в таком случае, что Бог оставил иудеев? Разве они не были его святым народом? Не нарушил ли Бог свои обещания еврейским предкам? Что это за Бог, который создает законы, а затем отменяет их?

Эти и многие другие вопросы возникали о Павле и его учении о благой вести, и вот он написал Послание к Римлянам, чтобы ответить на них. Он хотел изложить свое учение о смерти и воскресении Христа и объяснить их значение для того, как христиане должны жить (*не* нарушая Закон), пояснить, как Бог может оставаться верным своим обещаниям, данным иудеям, если язычники принимаются в народ Божий без соблюдения иудейского Закона.

В своем объяснении Павел говорит, что все люди — иудеи и язычники — нуждаются в спасении Божьем. Все люди нарушили волю Божью: язычники — преднамеренно игнорируя свое знание о том, что есть только один Бог, которому нужно поклоняться (см.: Рим. 1:18–32), иудеи — тем, что нарушают закон Божий, несмотря на то, что он им был дан (см.: Рим. 2:1–29). Таким образом, все люди подлежат гневу Божьему, ибо все подвержены силе греха, который пленил всех, и тех, кто имеет Закон, и тех, кто не имеет (см.: Рим. 3:1–20).

Но теперь Бог открыл путь для того, чтобы люди восстановили с ним мир. В некотором смысле это — новый путь, который не был доступен до Христа; но в ином смысле он старый путь, предсказанный «законом и пророками». Кроме того, он основан на вере, что люди всегда оправданы Богом «независимо от закона» (см.: Рим. 3:21–22). Этот путь оправдания появился благодаря Иисусу, «которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру» (Рим. 3:25).

Другими словами, так же как жертвоприношение животных в иудейском храме могло принести временное оправдание перед Богом для тех, кто нарушил его Закон, смерть Иисуса, как совершенная жертва, приносит вечное оправдание. Смерть Иисуса покрывает все грехи, которые совершили люди, что верно и для соблюдающих Закон иудеев, и для не соблюдающих его язычников. Нужно просто поверить в действенность этой жертвы, то есть спасение можно обрести благодаря вере.

Для Павла такое понимание оправдания человека перед Богом не противоречит тому, чему учит Закон иудеев. Скорее, этому учит сам Закон (см.: Рим. 3:31), как видно на примере Авраама, прародителя евреев, который был оправдан Богом *прежде, чем* получил какую-либо из заповедей Бога, ибо он просто поверил в истинность сказанного Богом. Человек оправдан именно благодаря вере, а не соблюдению Закона (см.: Рим. 4:1–25).

Однако Павел стремится подчеркнуть, что, хотя Божий акт спасения благодаря Христу открыт для всех людей, иудеев и язычников, это не означает, что Бог нарушил свои обещания Израилю считать его своим особым народом (см.: Рим. 9–11). Иудеи все еще избранные, призванные Богом для того, чтобы быть светильниками всем народам на земле с помощью великого дара его Закона (который открывает Его образ и волю — нечто такое, к чему больше никто не имел прямого доступа) и иметь особое положение перед Ним. Но иудеи, по сути дела, отвергли благую весть о спасении во Христе. Тем не менее, это также является частью высшего плана Бога: поскольку иудеи отвергли это послание, оно явилось к язычникам во исполнение пророчеств Священного Писания. В результате еврейский народ увидит, что другие вступили в особые отношения с Богом, и это заставит их — движимых своего рода духовной ревностью — поверить в спасение, осуществляемое Богом. И поэтому, согласно Павлу, «весь Израиль спасется» (Рим. 11:26).

Кроме того, если оправдание даруется независимо от Закона, это не означает, что благая весть приведет к беззаконному поведению. Совсем наоборот, именно те, кто во Христе по вере, смогут одолеть силы этого мира, отчуждающие от Бога. Христиане разделили смерть Христа от мирских сил, таких как грех (см.: Рим. 5–7). Они больше не должны вести жизнь в отчуждении от Бога, но уполномочены теперь делать то, что действительно хочет Бог.

В заключительной части Послания к Римлянам Павел обстоятельно разъясняет нравственный долг христиан, которые теперь в состоянии вести богоугодную жизнь, восстановив мир с Богом, повинуясь его велениям, подчиняясь всем правящим властям и любя других как самих себя (см.: Рим. 12–15).

Таким образом, в Послании к Римлянам мы имеем самое ясное собственное изложение Павлом его учения о благой вести, которое он проповедовал во время своей миссионерской деятельности в языческих странах. Как мы увидим, это учение было изменено более поздними последователями Павла, которые часто «помнили» его в таких формулировках, которые сам Павел, возможно, никогда бы не признал.

Глава десятая

Благовествование Павла согласно более поздним источникам

Один мой друг однажды сказал, что в мире есть люди двух видов: те, кто думает, что в мире есть люди двух видов, и те, кто так не думает[59]. У меня определенно первое убеждение. Год за годом обучая аспирантов, начиная с 1980-х годов, я обнаружил, что есть два разных вида учеников. Одни мои ученики, окидывая взглядом всё разнообразие древних христианских текстов, приходят к выводу, что все они похожи. Все тексты превращаются для них в один большой мегатекст, так что, в конце концов, все они в основном говорят об одном и том же. Другие мои ученики смотрят на разнообразие текстов и находят, что все они разные. Каждый текст воспринимается ими как отдельная сущность со своим собственным автором, своим собственным учением, своими собственными предположениями, так что, в конце концов, каждый текст в основном говорит что-то свое.

Должен признать, что когда я учился в колледже и немного позже, когда стал начинающим аспирантом, я принадлежал к первой категории учеников. Все выглядело в значительной степени похожим. Когда речь заходила о Новом Завете, Евангелие от Марка казалось во многом таким же, как Евангелие от Луки, которое очень похоже на Евангелие от Иоанна, которое, в свою очередь, имело много общего с посланиями Павла, размышлявшими обо всем, что сказано в Деяниях апостолов, и т. д. Но чем больше и глубже я вчитывался в эти тексты на их оригинальном языке, тем больше усиливалось утонченное ощущение того, насколько они в действительности отличаются друг от друга. Полагаю, это был *мой собственный опыт обращения, когда я перешел от того взгляда, что всё, в сущности, одно и то же, к пониманию, что всё в значительной степени уникально.*

Учение Павла в Деяниях

Сегодня это яснее всего обнаруживают сравнения, которые я провожу между Деяниями апостолов и посланиями Павла. Как я уже указывал ранее, мое базовое допущение состоит в том, что сам Павел является наилучшим авторитетом в знании о Павле, и если автор, живший через тридцать лет после его смерти, говорит, что Павел сказал или сделал что-то противоречащее тому, что говорит об этом сам Павел, то, вероятно, именно у Павла факты изложены верно, а другой автор дает измененную версию. Я не хочу сказать, что вследствие этого измененный текст не имеет никакой ценности: он чрезвычайно ценен, но главным образом в отношении того, чего не было, а не того, что было. Он менее ценен для того, чтобы узнать, как *в действительности* выглядел Павел, что он действительно говорил и делал. Но он более ценен для того, чтобы узнать, каким Павла помнили после его жизни, в последующих поколениях. Это также исторический вопрос, и он имеет важное значение для каждого, кто интересуется развитием христианской религии в годы ее формирования.

Сравнить то, что сам Павел говорит о своем благовествовании, с тем, как это описывается в Деяниях, относительно легко: нужно просто взять одну из речей Павла в Деяниях и посмотреть, насколько она соответствует собственным утверждениям Павла. Мы уже говорили о некоторых противоречиях, когда я отмечал различия между тем, что Павел говорит о языческом идолопоклонстве в Деяниях (его речь, обращенная к языческим философам на афинском Ареопоге), и тем, что он сам говорит об этом в Послании к Римлянам. Взгляды, изложенные в этих двух текстах, не просто отличаются, они противоречат друг другу В Деяниях «Павел» говорит, что Бог не придает значения ошибочному идолопоклонству язычников, так как, в конце концов, они не ведают о его существовании и не знают ничего лучшего. В Послании к Римлянам Павел говорит противоположное: Бог не прощает язычникам, но изливает на них свой гнев, потому что они очень хорошо знают, что он — единственный Бог, но они отвергают это врожденное знание, чтобы поклоняться идолам.

Противоречия между тем, что Павел говорит в своем благовествовании, и тем, что об этом говорится в Деяниях, можно заметить в первой важной речи, которую Павел произносит в Деяниях, во время первого из трех описанных в этой книге миссионерских путешествий — в Антиохии Писидийской (Малая Азия). Павел и его спутник Варнава приходят в город, и в день Субботы они идут в синагогу для проведения богослужения совместно со своими собратьями-иудеями. Поскольку они явились туда в качестве гостей, их спросили, не хотят ли они что-нибудь сказать собравшимся. Павел встал и произнес длинную проповедь (см.: Деян. 13:16–42). Он назвал своих слушателей «израильтянами» и кратко изложил историю еврейского народа, вплоть до времен царя Давида. Затем он начал говорить о потомке Давида, Иисусе, указав, что он был объявлен Иоанном Крестителем тем долгожданным, «у Которого я недостоин развязать обувь на ногах»; но его отвергли иудеи Иерусалима, которые предали его Пилату на казнь. Однако Бог воскресил Иисуса из мертвых, что было предсказано не кем иным, как самим Давидом в Еврейском Священном Писании. Именно в Иисусе, продолжал Павел, каждый может найти прощение своих грехов.

Эта проповедь получила теплый прием, и многие благочестивые иудеи последовали за Павлом, чтобы больше узнать о том, что он сказал. На следующей неделе синагога была переполнена — народ пришел, чтобы услышать, что еще скажет Павел. Но иудейские власти испытывали зависть (*они* не могли собрать столько народа) и стали публично критиковать слова Павла. Павел и Варнава ответили, что, поскольку их благая весть иудеями отвергнута, они должны нести ее язычникам. В конечном счете толпа иудеев изгнала их из города.

Теперь читатель, которому всё кажется в основном одинаковым, может рассмотреть эту проповедь и найти в ней отражение собственной проповеди Павла: Иисус — Сын Божий, который был казнен и воскрес из мертвых для спасения. Но читатель, который видит всё уникальным, может заметить разительные различия между этой проповедью и тем, что мог

сказать (и сказал) Павел. Как мы уже отмечали, Павел никогда не говорил, что сначала он благовествовал иудеям в синагоге, и только когда они отвергали его учение, он, довольно неохотно, уходил и искал удачу у язычников. Напротив, Павел считал себя апостолом язычников{60}. Его образ действий, очевидно, состоял в том, чтобы использовать в качестве места своей проповеди не синагогу, а скорее, рабочее место «делателя палаток».

Кроме того, в проповеди из Деяний удивляет то, что «Павел» подчеркивал ход истории Израиля, особенно связь Иисуса с его предком Давидом. Это совсем не тот акцент, который мы находим в посланиях Павла (где он никогда не говорит о событиях еврейской истории). Еще более примечательно, что в проповеди Павла дается краткое описание жизни Иисуса — своего рода конспект евангельских повествований о нем, которое начинается с Иоанна Крестителя и заканчивается распятием и воскресением Иисуса. Но в собственных писаниях Павла нет ничего, что указывало бы на то, что земная жизнь Иисуса имела для него первостепенное (или вообще какое-либо) значение.

Этот последний пункт кажется многим моим неопытным ученикам странным, и поэтому обычно я даю им небольшое задание: я предлагаю быстро прочитать все послания Павла в Новом Завете и сделать список всего, что Павел говорит о том, что сказал и сделал Иисус в течение своей жизни. Многие ученики потом удивляются, им не понадобилась для этого даже карточка «три на пять». В более поздней главе мы будем исследовать вопрос, почему Павел не говорит о жизни Иисуса. На данном этапе достаточно отметить, что упоминания о таких ключевых фигурах, как Иоанн Креститель и Понтий Пилат (фактически обо всех персонажах, упомянутых в Евангелиях), в посланиях Павла тоже отсутствуют.

Наконец, есть важное теологическое расхождение между проповедью Павла в Деяниях и его собственными текстами. Оно имеет отношение к одному из самых фундаментальных вопросов христианского учения: каким образом смерть Христа приносит спасение? У Павла был определенный взгляд на этот вопрос; свой взгляд имеет и Лука, автор Деяний. Внимательные читатели понимают, что Павел и Лука излагают свои учения о спасении весьма по-разному. Согласно Павлу, смерть Христа дает искупление грехов; согласно Луке, смерть Христа приводит к прощению грехов. Но это отнюдь не одно и то же.

Идея искупления заключается в том, что для расплаты за грехи что-то должно быть сделано. Должна быть принесена жертва, которая может служить компенсацией за нарушение божественного Закона. Жертва удовлетворяет справедливые требования Бога, Закон которого был нарушен и который требует расплаты. С точки зрения Павла, смерть Иисуса осуществила искупление: это была жертва, принесенная за других людей, чтобы им самим не нужно было расплачиваться за свои грехи. Это искупление дало людям оправдание перед Богом.

Идея прощения заключается в том, что кто-то освобождает тебя от «крючка греха» без всякого требования расплаты. Если ты прощаешь долг, это означает, что ты больше не требуешь от человека никакой платы. Это весьма отличается от уплаты твоего долга кем-то другим (что было базовой идеей искупления). Согласно взгляду на спасение самого Павла, Христос принес себя в жертву, чтобы оплатить долги других; согласно точке зрения Луки, Бог прощает долг, не требуя какой-либо жертвы.

Почему же тогда, по Луке, Иисус должен был умереть, если не в качестве жертвы за грехи людей? Речи Павла в Деяниях делают ответ совершенно ясным. Причем не имеет значения, рассматривать ли под данным углом зрения речи Павла или Петра, поскольку, если вы помните, их речи здесь в значительной степени похожи (в конце концов, они были написаны тем же Лукой). Иисус был несправедливо казнен. Допущена грубая ошибка правосудия. Когда люди поняли, что они (или их соотечественники) сделали с Иисусом, их переполнило чувство вины, которое заставило их раскаяться и просить прощения. И Бог простил им.

Таким образом, смерть Иисуса, по Луке, — не искупление за грехи; она открыла возможность для покаяния. Именно покаяние приводит к прощению грехов, и таким образом восстанавливает отношения с Богом (см., например, первую речь Петра в Деян. 2:37–39). Это кардинальным образом отличается от учения об искуплении, которое обнаруживается в текстах Павла.

Учение Павла согласно более поздним легендам

Книга Деяний апостолов не была единственным текстом более позднего времени, который видоизменил провозвестие Павла. Есть еще несколько легендарных источников, в которых его проповеди часто излагаются таким образом, что Павел более поздних времен кажется весьма непохожим на исторического Павла. Из этих книг наиболее интересны два текста, которые мы здесь рассмотрим, «Деяния Павла и Фёклы» и «Апокалипсис Павла». В обеих книгах речь идет о том, что Павел проповедовал благую весть самоотречения, утверждая, что спасение приходит от ведения аскетического образа жизни, при котором удовольствия этого мира отвергаются в обмен на блаженство в мире грядущем.

«Деяния Павла и Фёклы»

В одной из самых популярных легенд об апостоле Павле, которая была в обращении с конца II века до Средневековья, рассказывается о его новообращенной Фёкле и их совместном служении распространению благой вести. Эту книгу обычно называют «Деяния Павла и Фёклы», хотя некоторые ученые утверждают, что поскольку Павел играет в основном повествовании лишь второстепенную роль, ее следовало бы называть просто «Деяния Фёклы».

Споры велись и вокруг того, когда впервые был написан данный текст, поскольку некоторые христиане использовали его, чтобы обеспечить себе апостольскую поддержку в той идее, что женщины могут играть в церкви заметную роль, что, например, им может быть позволено крестить христианских новообращенных. Отец Церкви Тертуллиан (около 200 г.) — один из великих христианских женоненавистников поздней античности — был так разгневан по этому вопросу, что утверждал, будто данная книга была подделана пресвитером одной из церквей в Малой Азии, который был пойман на месте преступления за этим занятием и строго наказан. Согласно Тертуллиану, женщины не должны играть никакой руководящей роли в церкви, а сюжет о Фёкле — просто рассказ старых жен, которому не следует верить.

Другие явно думали иначе. На многие столетия Фёкла стала чрезвычайно влиятельной личностью христианской традиции, обожаемой как святая самого высокого ранга. В некоторых церквах следование ей конкурировало даже с почитанием самой Пресвятой Девы Марии[61].

Ее историю, в самой старой версии, можно легко вкратце изложить[62]. Во время своих миссионерских странствий Павел приходит в город Иконий, где его радушно приняли в доме христианина по имени Онисифор. Там он проводит время, проповедуя всем, кто приходит, чтобы услышать его учение. По соседству с Онисифором живет молодая девушка по имени Фёкла со своей матерью Феоклией. Они представляют собой языческую семью высшего сословия, и Фёкла помолвлена с руководителем жителей города по имени Фамирид.

Случилось так, что окно комнаты Фёклы выходило на улицу рядом с домом Онисифора, и она могла слышать оттуда всё, что проповедует Павел, хотя не могла видеть его. Ее привели в восторг его речи, и в течение трех дней она не могла сдвинуться с места у окна. Ее мать расстроилась по поводу странного поведения дочери и позвала Фамирида, чтобы он спас свою будущую невесту от чарующей проповеди незнакомца. Фамирид пытается

уговорить ее отойти от окна, но безуспешно. Расстроившись, он уходит, разыскивает Павла и арестовывает его за нарушение спокойствия жителей города.

Как бы то ни было, преданность Фёклы Павлу теперь была обеспечена. С помощью подкупа она пробирается в темницу, чтобы быть со своим возлюбленным (в платоническом смысле). Фамирид и члены ее семьи находят ее там и приводят их обоих в суд. Мать Фёклы, рассерженная всем происходящим, требует ее казни, если она откажется выйти замуж за Фамирида.

Правитель отдает приказ выпороть Павла, после чего он исчезает со сцены. Однако Фёклу приговорили к сожжению на костре. Но Бог сотворил великое чудо, послав сильную грозу, которая потушила костер и тем самым спасла Фёклу.

С этого места история несколько усложняется. Произошло следующее: Фёкла разыскивает Павла, и они вместе идут в Антиохию, где Фёкла приглянулась другому богатому аристократу, Александру. Отказываясь от его попыток завязать дружбу, она публично оскорбляет его, снимая его венок. Это побуждает Александра обвинить ее перед местными властями; те, в свою очередь, решают бросить ее на арену диким зверям. Помимо множества других побочных сюжетных линий, рассказывается и о том, что случилось с Фёклой там. За время, которое она провела в качестве последовательницы Павла, она так и не была крещена. Увидев на арене водоем, Фёкла решила креститься, бросившись туда. Это вызывает среди части зрителей большой испуг, — женщины во всем этом действе принимают ее сторону, — потому что в водоеме плавали тюлени-людоеды. Но Бог совершает еще одно чудо, посылая в водоем молнию, убившую тюленей и позволившую Фёкле снова спастись.

Фёкла опять разыскивает Павла и сообщает ему, что теперь она крещеная. Она получает его благословение идти дальше и «проповедовать слово Божье». Она так и поступает, прожив после этого долгую и счастливую жизнь одинокой и целомудренной проповедницы благой вести{63}.

То, что Фёкла осталась одинокой девственницей, является одним из ключей к пониманию всего этого занимательного рассказа. Представленное здесь богословие не похоже на то, которого можно было бы ожидать, если бы мы знали лишь семь посланий, бесспорно написанных самим Павлом. Причина, по которой Фёкла отвергает брак с Фамиридом и отклоняет попытки завязать с ней дружбу со стороны аристократа Александра, заключается не просто в том, что она является теперь христианкой и хочет, чтобы ничто не связывало ее с мужем или любовником, оставшимся язычником. Причина в том, что она приняла учение Павла таким, каким оно описано в данной книге: только благодаря половому самоотречению человек унаследует Царство Небесное. Именно это, а не проповедь искупительной жертвы Христа, лежит в основе послания Павла.

Это учение лучше всего выражено в начале рассказа, где Павел проповедует собравшимся в доме Онисифора, в то время как Фёкла слушает его из окна верхнего этажа соседнего дома:

«Блаженны те, кто чист сердцем своим, ибо они узрят Бога.
Блаженны те, кто сохранили плоть свою в святости, ибо они храмами Божьими нарекутся.
Блаженны те, кто самообладают, ибо с ними будет беседовать Бог.
Блаженны те, кто презрели мир сей, ибо они приятны Богу.
Блаженны те, кто имеют жен, как бы не имея их, ибо они наследуют землю.
Блаженны те, кто из-за любви божественной выйдут из тела сего, ибо они наследуют жизнь вечную и одесную Сына Божественного будут стоять.
Блаженны тела и души девственные, ибо они приятны Богу.
И не будет утрачена награда святости их. Ибо по слову Отца дела найдут их для жизни в день Сына его, и упокоение настанет для них навеки»[11].

В этих отрывках ясно выражено учение Павла. Важно отказаться от этого мира и всех его удовольствий. Для Бога имеет значение лишь целомудренная жизнь воздержания. Люди не должны вести половую жизнь, даже если они уже женаты. Награда за целомудрие — жизнь вечная. Это — благая весть, которую приняла Фёкла. Немудрено, что ее жених был так обеспокоен.

Можно было бы задаться вопросом, откуда в действительности происходит такое учение, так как оно выглядит весьма далеким от учения исторического Павла о смерти и воскресении Иисуса. Но такое подчеркивание значения сексуального целомудрия имеет прецедент и в текстах самого Павла. Ему приходилось иметь дело с проблемой сексуальных отношений, особенно остро она обозначилась (как легко догадаться) в церкви Коринфа.

Во многих христианских общинах, древних и современных, в том числе в коринфской церкви времен Павла, по поводу сексуальных вопросов царило полное разногласие. Я уже упоминал, что некоторые члены церкви не считали тело очень важным для Бога, поэтому для них не имело значения, как человек обращается со своим телом. Но были в Коринфе и другие люди, которые приняли противоположную точку зрения: поскольку единственное, что имеет значение, — это душа человека, все телесные проблемы следует игнорировать и жить только духовной жизнью. Вот эти люди и написали Павлу послание, в котором спрашивали, не лучше ли было бы «человеку не касаться женщины» — то есть никогда не иметь половых отношений (см.: 1 Кор. 7:1). Одна из проблем такого отношения к сексу (не самая большая проблема, как можно было бы подумать) заключается в том, что если нет никаких способов направить сексуальную активность в позволительное русло, то она может взорваться, приводя к блуду. Ведь в конце концов эти духовные коринфяне были всего лишь людьми.

Павел вынужден был решать эту проблему и целый ряд связанных с нею вопросов. Как и следовало ожидать, он осуждает посещение проституток и сожительство с мачехами. Но его ответ тем, кто думал, будто никакое сексуальное поведение не стоит внимания, довольно интересен — в нем столько нюансов, что некоторые толкователи полагают, что, по сути дела, Павел не дает последовательного ответа на вопрос коринфян (см.: 1 Кор. 7). Его ответ состоит в том, что из-за вероятности блуда (то есть половой распущенности) все мужчины и женщины должны состоять в браке. Кроме того, в браке они должны гарантировать друг другу реализацию супружеских прав (то есть они должны вести половую жизнь). Но затем Павел признает, что дает эти руководящие принципы как некую уступку, потому что в действительности, к его сожалению, не каждый может быть таким, как он, тем самым подразумевая, что, если бы была его воля, все были бы такими, как он, — одинокими девственниками. Однако это требует особого дара от Бога, и не каждый имеет его. Таким образом, человеку лучше жениться, если он не способен обуздать свои сексуальные желания.

Но, продолжает далее Павел, еще лучше оставаться не состоящим в браке, если возможно (здесь он, как кажется некоторым толкователям, противоречит самому себе). Фактически он доказывает, что всегда предпочтительнее оставаться в том состоянии, в каком человек находится, когда становится христианином. Тот, кто женат, должен оставаться женатым, не состоящие в браке должны оставаться холостыми, а те, кто рабы, не должны стремиться к освобождению и т. д. Почему же он так считал? Все сводится к фундаментальному убеждению Павла, что он жил в самом конце мира сего и что конец света должен скоро наступить. Зачем изменять свой социальный статус, если значение имеет не твоя нынешняя жизнь (она скоро перевернется, когда Иисус придет с небес), а твоя будущая жизнь в Царстве Божьем? И поэтому он говорит:

«Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (1 Кор. 7:29–31).

Поскольку приближается конец света, лучше людям, если возможно, оставаться не состоящими в браке, ибо те, кто женат, вынуждены заботиться о благополучии своего супруга (супруги), а не состоящие в браке могут полностью посвятить себя Царству грядущему (см.: 1 Кор. 7:32–35). Однако, для тех, кто не может сдерживать свои сексуальные побуждения (то есть для большинства людей), лучше жениться и иметь для них позволительный выход. Как сказано в известной фразе Павла: «Лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор. 7:9).

Итак, подчеркиваемая Павлом ценность целомудрия имеет смысл только в контексте его апокалиптического в***и***дения, согласно которому мир, каким Павел знал его, скоро радикально изменится благодаря возвращению Иисуса. Но что случится, если Иисус не вернется? Что случится, если ожидаемый апокалипсис не наступит? Что случится, если мир будет год за годом продолжать свое существование так же, как это было всегда?

По мере того как христианство развивалось, оно все дальше уходило от апокалиптического ожидания, что здесь, на земле, наступит будущая утопическая жизнь, и все больше склонялось к идее будущей утопической жизни на небесах. Учение о загробной жизни, согласно которому души попадут в рай или ад, — это своего рода деапокалиптизированное понимание первоначально апокалиптической благой вести. Когда христиане перестали ожидать, что Иисус вернется где-то на следующей неделе, акцент сместился от царства, которое придет в будущем на землю, на царство, которое находится вверху. Апокалиптический дуализм, который провел разделительную линию между нынешним греховным веком и будущим утопическим веком, видоизменился в неапокалиптический дуализм между этим греховным миром и миром Божьим. Другими словами, горизонтальный дуализм, обрисованный в то время, — этот век и век грядущий, — преобразился в вырисовывавшийся в пространстве вертикальный дуализм: этот мир и мир вышний.

Что же произошло с акцентом Павла на целомудрии, когда стало ясным это преобразование? Причиной целомудрия больше не могло быть то, что конец уже близок, и мы должны быть в состоянии посвятить себя его пришествию. Вместо этого мы должны теперь подготовиться к миру вышнему. А можно ли лучше подготовиться к тому миру, как не отвергнув всякую зависимость от земного? Учение о самоотречении настаивает, чтобы мы не привязывались к этому миру, если хотим испытать радости вечной жизни на небесах. От всех удовольствий мира сего нужно отказаться, если мы хотим вступить в Царство Божье, когда умрем. Спасение придет к тем, кто ведет аскетическую жизнь самоотречения. Это означает: никакой вкусной пищи, никакого утонченного вина, никаких фривольных развлечений и в особенности никакого секса.

«Апокалипсис Павла»

Вряд ли найдется много людей, которые интересуются прошлым просто потому, что хотят узнать, что же когда-то случилось, кто интересуется историей самой по себе, хотя (по крайней мере, теоретически) история есть как раз то, что происходило «где-то там», в далеком прошлом. Конечно, всегда остается под вопросом, а была ли «там» вообще эта самая история? Где именно «там»? И если сейчас этого «там» нет, то как мы узнаем, что когда-то она была «там»? Историки все время «заигрываются» с этими вопросами, обдумывая, в состоянии ли мы на самом деле восстановить прошлое и не является ли история своего рода утонченной игрой, которую мы изобрели, чтобы справляться с тем, что происходит в настоящем, утешая себя вымышленными знаниями о происходившем раньше, или для какой-то другой цели.

Некоторые утверждают, что ни у кого нет простого интереса к прошлому, что каждый интересуется им, потому что интересуется настоящим. Один из приемов людей, интересующихся преимущественно «полезной» исторической информацией, — сблизить прошлое с настоящим, например сделав его актуальным для данного времени. Люди постоянно заняты этим и всегда так делали. Авторы древних преданий о Павле, как мы увидим в следующей главе, использовали данный прием в полную силу: они рассказывали истории о Павле не для того, чтобы люди знали, как действительно вел себя Павел, а для того, чтобы представить его своему собственному времени и передать то учение, которое, по их мнению, должны были услышать их слушатели или читатели.

Иногда эти изображения Павла (делавшие его актуальным для новой ситуации) вводили в заблуждение последующих читателей, заставляя думать, что даже более поздние предания отражают то, каким действительно был Павел. Сказанное вполне можно отнести к Деяниям апостолов и к «Деяниям Павла и Фёклы», если они воспринимаются как исторически достоверное повествование. В других случаях подобные сочинения едва ли кого-то собьют с толку. Например, текст, который я буду рассматривать в этой главе, «Апокалипсис Павла», был написан примерно в конце III века, через двести лет после того, как Павел ушел из земной жизни. Рукой автора этого специфического текста двигал не просто интерес к древности. Он хотел, чтобы Павел говорил именно с его — автора — временем, и для такой цели сочинил повествование о странствии Павла по загробному миру.

Некоторые места в «Апокалипсисе Павла» напоминают о странствии по раю и аду, которое, как мы уже знаем, Петр проделал в «Апокалипсисе Петра», написанном, вероятно, на столетие раньше. Ученые достаточно уверены, что сходство здесь объясняется тем, что у автора странствий Павла было в распоряжении сочинение о Петре, и он кое-что скопировал из него для своего собственного рассказа. Однако в других отношениях это — совсем другой текст, заслуживающий того, чтобы обсудить его отдельно.

Текст основан на загадочном утверждении, которое Павел сделал в своем Втором послании к Коринфянам. Если вы помните, Павлу противостояла в Коринфе группа лидеров, полагавших, что они духовно выше всех других верующих, как это доказывалось их превосходящим знанием Бога. Павел хотел показать, что он также обладает высшим знанием, но так как вся суть дела заключалась в том, что именно его слабость, а не его сила доказывала ему, что он апостол, он просто заявил, что ему также было дано знание посвященного. Оно пришло к нему в виде экстатического вид***е***ния, на которое он ссылается лишь уклончиво, в третьем лице:

«Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похвалюсь, разве только немощами моими. Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня» (2 Кор. 12:1–6).

Итак, что же видел Павел, когда был взят на «третье небо» (что, как я предполагаю, означает наивысшее небо), получил вид***е***ние «рая» и услышал неизреченные слова?

Об этом рассказывается в «Апокалипсисе Павла»{64}. В тексте описывается ряд испытанных Павлом вид***е***ний. Он видит и слышит, как солнце, луна, звезды, море и земля обвиняют людей в том, что они грешат против Бога. Он видит ангелов, которые следят за праведниками здесь, на земле, которые предстают перед Богом, чтобы восхвалить праведников словами, которые должны задеть струны каждого, кто знаком с приписываемой Павлу благой вестью самоотречения:

«[Ангелы сказали:] „Мы здесь от тех, кто отрешился от этого мир ради святого имени Твоего, [мы от тех], кто скитаются, как пилигримы, по каменным пещерам и оплакивают каждый день, прожитый на земле, и голодающих, и томящихся жаждой ради имени Твоего, обуздывающих и превозмогающих себя"».

Затем являются другие ангелы, плача и рыдая перед Богом, поскольку они пришли «от призывающих имя Твое, кого тяготы мира делают негодяями». Многие из проклятых являются христианами, которые ходили путями не прямыми и узкими. Это уже не согласуется с Павлом, который учил, что искупительной жертвы Иисуса достаточно для спасения. Действительно имеет значение то, как человек живет после присоединения к Церкви.

Павел продолжает наблюдать в вид**е**нии, что случается со счастливой душой: после смерти ангелы приносят ее к трону Бога, чтобы она получила вечную награду. Он также видит, что случается с несчастной душой, которую после смерти какие-то очень гневные ангелы уносят куда-то, где ее ждет вечное проклятие. Затем Павлу показывают настоящие места блаженства и мук. Блаженство — это удивительное, великолепное утопическое место праведности, где Павел встречается со святыми еврейской традиции и беседует с ними в раю. С другой стороны, место ужасающих мук. Здесь все виды наказаний, предназначенные для всякого рода грешников, как христиан, так и нехристиан.

Свой набор мучений припасен для христиан. Павел видит «реку огненную», в которой множество людей стоят, погруженные в нее по колени, по пояс, а некоторые — по самое темя. Одни наказаны за то, что пустословили в церкви, другие за то, что «в разврате и прелюбодеяниях прожив свою жизнь, умерли без покаяния», третьи — те, кто «оговаривают перед церковью ближних своих».

Не избавлены от мучений и главы Церкви. Павел видит старика, которого мучают адские ангелы, протыкая его живот железным орудием, «извлекая внутренности того старика через рот его». За что? Он был пресвитером, «и когда он ел и пил, тогда же и служил Богу». Там были наказания для церковных служителей любого ранга.

Не были забыты и обычные грешники, которых мучили самыми разнообразными ужасными способами: маги, неверные супруги, те, кто потерял свою девственность без ведома родителей, и даже люди, которые ели, не дождавшись окончания поста. Ясно, что избежать ужасов ада нелегко. Не составляют исключение и еретики. Одна из худших мук — пребывание в яме, зловоние которой более мучительно, чем все другие до сих пор описанные пытки; в эту яму брошены те, кого Бог никогда не вспомнит, кто фактически является не кем иным, как докетом, те, кто не верил, что Христос ожил в физическом теле.

Итак, в данном тексте мы видим Павла, который весьма далек от исторического Павла. Во Втором послании к Коринфянам он отказывался открыть то, что он видел в своем вид**е**нии рая, потому что слова, которыми с ним говорили там, невозможно высказать человеку. С другой стороны, автор обсуждаемого откровения все видит и все пересказывает. У него явно были свои причины, чтобы так поступать. Бурные апокалиптические времена Павла давно прошли. Больше не было безотлагательной миссии в «концы земли», чтобы дать язычникам узнать, что Судный день близок, что пришествие Христа неизбежно и что они должны изменить свою жизнь, обратиться к единому истинному Богу и принять веру в смерть его Сына, которого он воскресил из мертвых. Ко времени написания «Апокалипсиса Павла» Церковь стала весомой силой в мире. И в ней было много не только святых, но и грешников, были корыстные священники, не заботившиеся о бедных и угнетенных. В общем, были вероотступники. И были люди в христианских общинах, которые не вели истинно религиозную жизнь.

Правда, и сама религиозная жизнь не была уже такой, как во времена Павла, жизнью в ожидании скорого неизбежного пришествия Христа на Суд. Наступила жизнь, в которой отказывались от мира сего и всех его удовольствий ради мира вышнего, мира, в который

человек войдет не тогда, когда этот век закончится, а когда человек умрет и окажется перед Богом для суда, где его определят в рай или в царство проклятых.

Глава одиннадцатая

Страстные союзники Павла

Как мы уже видели, Павел был очень противоречивой личностью и для своего времени, и для более позднего. Боговдохновенные личности всегда такие. Харизма подобна магниту, неотвратимо привлекая одних людей и сильно отталкивая других. Подумайте о реакциях, которые вызывают общественные деятели, обладающие харизмой, в наше время: от таких разных политических деятелей, как Рональд Рейган и Билл Клинтон, до таких политических комментаторов, столь же разных, как Раш Лимбо и Майкл Мур. Или подумайте о чрезвычайно разнообразных реакциях на личность таких религиозных лидеров, как Джерри Фэлвелл и епископ Джон Спонг. Страстно обожаемые или презираемые, все они имели одну общую черту: высочайший уровень личной харизматичности.

С Павлом было то же самое. Он также — если не своим внешним видом, то по крайней мере в своих текстах — источал своего рода харизму, которая привлекала одних и отталкивала других.

Друзья Павла, с которыми мы уже знакомы

Мы уже называли некоторых ранних христианских авторов, которые чтили Павла. Примерно через тридцать лет после того, как Павел создал дошедшие до наших дней послания 50-х годов, член одной из его церквей (мы не знаем, какой) написал повествование об истории раннего христианства со времен Иисуса до времен Павла. Эта книга в конечном счете была включена в Новый Завет как Деяния апостолов, а имя ее автора традиционно известно как Лука, который является также автором нашего третьего Евангелия.

Нет сомнения, что Павел был религиозным героем Луки. Повествование в Деяниях сосредоточено на развитии христианства, начиная с момента его трагического начала в маленькой группе иудейских последователей Иисуса в Иерусалиме вплоть до его славного распространения по всему римскому миру, включая и столицу империи, сам Рим. Человеком, который главным образом ответствен за эту христианскую миссию, является не кто иной, как Павел, обращение которого, а также миссионерские усилия, аресты, суды и странствие в Рим составляют основу повествования Луки, занимая почти две трети всего объема текста. Как только на передний план выходит Павел, большинство других апостолов исчезает, как будто они не имели никакого отношения к христианской миссии. Для Луки Павел стоит рядом с Иисусом — как движущая сила новой религии.

Нельзя сказать, что Лука непременно дает исторически достоверное описание жизни, учения и миссии Павла. Как мы видели в более ранних главах, есть аспекты, большие и малые, в Деяниях, которые, видимо, расходятся с тем, что, должно быть, говорил сам Павел и о своем миссионерском маршруте, и о своем учении. Можно было бы задаться вопросом, как это могло произойти. Как мог кто-то, чтивший Павла так высоко, кто жил примерно в его время, получить сведения о нем большей частью недостоверные?

Но это не так уж удивительно, если немного подумать. Даже в наше время почитатели и хулители Джорджа В. Буша или Билла Клинтона передают совершенно разные версии личной и политической жизни этих президентов, вкладывая в события прошлого свои собственные точки зрения. В некоторых случаях очень трудно понять, что же в действительности происходило в недавних событиях, хотя сегодня мы владеем намного более надежными методами выяснения прошлого, чем во времена Луки: огромным числом текстов очевидцев, письменными источниками, поисковыми системами компьютеризированных данных и т. д. А если бы мы имели только один текст, возникший через тридцать лет после событий, и пытались выяснить, что случилось, что привело к войне с Ираком? Или в более близкой параллели, что, если бы вместо тысячи современных репортажей об уотергейтском скандале

или о президентстве Джеральда Форда (нас отделяет от тех событий примерно столько же времени, сколько Луку отделяло от жизни Павла) у нас было бы в распоряжении только одно сообщение и кому-то лично, по какой-то своей причине, нравились обсуждаемые личности? Удивительно ли, что историки должны искать множество источников, чтобы понять, что на самом деле происходило в прошлом?

В любом случае, несмотря на то что Лука считал Павла своим героем, во многих отношениях он изображал Павла не так, как Павел представлял сам себя. В Деяниях Павел проповедует о том, что Бог прощает невежество язычников, которые поклоняются идолам; в своем собственном послании Павел утверждает, что Бог знает, что язычники вовсе не несведущи, но совершают идолопоклонство полностью осознавая, что они делают, и поэтому посылает на них гневное осуждение. В Деяниях Павел встречается с иерусалимскими апостолами сразу после своего обращения, случившегося по пути в Дамаск, тем самым автор показывает, что все они имеют согласие по самым важным вопросам веры; согласно Павлу, он не встречался с апостолами после своего обращения, подчеркивая тем самым, что он не получал от них никакого наставления в благой вести. В Деяниях Павел изображается как находящийся в полном согласии с Петром и другими апостолами; согласно Павлу, у него были серьезные разногласия с иерусалимскими апостолами, особенно с Петром, во время неприятной конфронтации в Антиохии по важным аспектам евангельского учения. В Деяниях Павел проповедует о том, что Бог прощает всем, кто согрешил, и не упоминает о том, что смерть Иисуса была искупительной жертвой за грехи людей; согласно Павлу, Бог требует пролития крови в уплату за грехи, и вся его благая весть состоит в том, что смерть Иисуса фактически является искуплением. В Деяниях Павел никогда не делает что-либо вопреки велениям иудейского Закона; согласно Павлу, когда он был с язычниками, он жил как язычник. В Деяниях Павел согласился на обрезание язычника Тимофея, чтобы не оскорблять других христиан-иудеев; согласно Павлу, он отказался подвергнуть обрезанию язычника Тита, несмотря на настойчивость христиан-иудеев, потому что для Павла это было бы нарушением всего его учения о благой вести.

И так далее. Иногда трудно сойтись во взглядах даже с человеком, которого уважаешь больше всех остальных. Что уж говорить обо всех людях, которые сегодня заявляют о преданности Иисусу. У многих из них совершенно разные взгляды на то, что в действительности проповедовал и утверждал Иисус. Не во всем такие религиозные глашатаи последних дней могут быть правы. Могут ли они описать Иисуса таким, каким он действительно был? Знает ли кто-либо из них, каким он был на самом деле?

Лука не остался одинок как в своем почитании Павла, так и в стремлении придать его облику и учению новую форму. Примерно через столетие некий христианский лидер из Малой Азии написал «Деяния Павла». В этом тексте апостол тоже предстает как великий религиозный герой, но учение, которое он возвещает, кажется совсем не похожим на то, что проповедовал сам Павел. Собственные послания Павла свидетельствуют, что он учил главным образом о смерти и воскресении Иисуса: «Я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор. 2:2). Иное подается в «Деяниях Павла», где Павел проповедует благую весть самоотречения: здесь способ обрести жизнь вечную состоит в том, чтобы воздерживаться от всех удовольствий, особенно тех, которые связаны с половой жизнью. Отец Церкви Тертуллиан, писавший примерно в 200-е годы, указывал, что автор данного текста был главой церкви в Малой Азии; его застигли на месте преступления за работой над «Деяниями Павла», и он был смещен с поста. В свою защиту автор утверждал, что написал этот текст «из любви к Павлу». Однако даже любовь к другому человеку — еще не гарантия понимания его.

Итак, мы познакомились с «друзьями» Павла. Было много и других почитателей апостола язычников, чьи описания его жизни и учения расходятся с тем, что мы знаем об историческом Павле. Иногда эти более поздние сторонники Павла представляли

теологические взгляды, которые далеко расходятся со взглядами самого апостола. С такими друзьями…[12]

Павел и послания Девтеро-Павла

Я упоминал о том, что ученые уже давно подозревают — некоторые из посланий Нового Завета, приписываемые Павлу, были созданы от его имени другими людьми. В значительной мере они представляли взгляды, которые расходились с положениями, содержащимися в бесспорных посланиях Павла. Фактически сомнения вызывают шесть посланий, то есть почти половина всего корпуса текстов Павла: Второе послание к Фессалоникийцам, Послание к Ефесянам, Послание к Колоссянам, Первое и Второе послания к Тимофею и Послание к Титу. Как и Деяния апостолов, и более поздние «Деяния Павла» они, по-видимому, были написаны «друзьями» Павла, которые хранили память о нем, но изменили его учение.

Ученые продолжают обсуждать эти вопросы вот уже более двухсот лет, с тех пор как они впервые были серьезно поставлены компетентными и квалифицированными исследователями, занявшими разные позиции. Немного скажем об этом сжато и сухо, если касаться истории{65}. Рассмотрим, к примеру, Второе послание к Фессалоникийцам. Оно, конечно, похоже на послание, которое, возможно, написал Павел: его начало похоже на начало одного из бесспорных посланий Павла, на текст, называемый Первым посланием к Фессалоникийцам. Стиль письма и словарь во многом похожи на стиль и словарь Павла. Главный вопрос, который в нем решается, — наступление конца века — был близок и дорог душе апостола. Так почему бы просто не предположить, что его написал Павел?{66}

Уточним: обсуждается не вопрос о том, подделывали ли когда-нибудь христиане послания от имени Павла. Никто не сомневается, что такое случалось: мы имеем «Третье послание к Коринфянам» (II век) и послания Павла к Сенеке (два века спустя), которые, по всеобщему согласию, были подделаны. Не обсуждается также вопрос о том, могло ли подделанное послание войти в Новый Завет. Отцы Церкви, которые определили содержание и контуры Нового Завета, жили через века после того, как сами книги были написаны, и не имели никакой внутренней информации, кто в действительности написал их. Единственный вопрос заключается в том, сам ли Павел написал это особое послание, и его следует решить, опираясь на исследование, совместимо ли оно с другими текстами, которые, как принято считать, написал Павел.

В нашем конкретном случае интересно, что автор Второго послания к Фессалоникийцам фактически говорит о наступлении конца света, однако это, по-видимому, расходится с тем, что Павел говорит в Первом послании к Фессалоникийцам. Там, как мы видели ранее, Павел настаивает, что Иисус вернется немедленно, и люди должны быть готовы, иначе второе пришествие застигнет их, «как тать ночью». Во Втором послании к Фессалоникийцам дело обстоит иначе. Согласно ему, адресаты полагают, что конец света вот-вот наступит, но автор так не думает. Автор пишет, что конец мира сего не может наступить немедленно, потому что сначала должны случиться другие вещи (см.: 2 Фес. 2:1–12). Когда же эти события произойдут, люди поймут, что конец света почти уже здесь, так что они будут предупреждены заранее. Похоже ли это на Павла?

Многим ученым это показалось странным для того Павла, который написал Первое послание к Фессалоникийцам. Возможно, автором был человек, живший позже, который видел, что те, кто ожидал неизбежного и внезапного пришествия Иисуса, сталкивались с проблемами, например бросив свою работу — зачем работать и экономить деньги, если завтра всему придет конец (см.: 2 Фес. 3:10–12)? Такие люди влияли и на других в общине. Чтобы разрешить эту ситуацию, автор написал послание, используя имя Павла, чтобы его авторитетом призвать людей вернуться к работе, а не ожидать, что что-то немедленно случится. Очевидно, это имело смысл в более позднем контексте, когда ожидание неизбежного конца света больше не было столь плодотворным. Его не произошло. Тогда то,

что помнил о Павле этот автор, в известном смысле помогло ему решить актуальный кризис, а не тот кризис, с которым имел дело Павел в свое время.

То же самое можно сказать о других так называемых посланиях Девтеро-Павла в Новом Завете, о книгах, которые называют так потому, что, вероятно, они были написаны не Павлом, а «вторым» *(deutero)* Павлом или, скорее, множеством «вторых» Павлов. Учение в этих посланиях, исторический контекст, который оно предполагает, а зачастую стиль их письма и словарь, значительно отличаются от текстов Павла.

Рассмотрим еще один пример. В Первом послании к Коринфянам Павел весьма ясно говорит, что люди не должны думать, будто воскресение уже произошло как своего рода духовный опыт (мы эту тему уже затрагивали). Его противники в Коринфе требовали вести возрожденную жизнь. Они утверждали, что во время крещения они воскресли из мертвых с Христом и теперь живут чудесной жизнью. В Первом и Втором посланиях к Коринфянам Павел доказывает, что это совсем не так, что жизнь в настоящем полна бесславной боли, потому что последователи Иисуса — последователи распятого. Подобно ему, они тоже будут страдать. Воскресение произойдет только тогда, когда Христос вернется и искупит этот мир, уничтожив силы зла, воскресив мертвых для суда и преобразив тела своих последователей в чудесные, бессмертные существа. Как выразился Павел в Послании к Римлянам, те, кто был крещён, умерли с Христом, ибо они соучаствовали в его смерти, но они еще не воскресли с ним (см.: Рим. 6:1–6). Это случится только в конце света, когда он вернется.

Прямо противоположное учение проповедуется в Послании к Ефесянам, также приписываемом Павлу, но, вероятно, сочиненном «вторым» Павлом{67}. Здесь автор использует значительную часть своего послания для выражения поддержки своих читателей, давая им понять, что они уже пережили духовное воскресение, и поэтому Бог их уже «посадил на небесах во Христе Иисусе» (Еф. 2:6). Может показаться странным, что кто-то написал такие слова от имени Павла, так как они выражают именно то представление, против которого он выступает в своих посланиях к коринфянам. Но так бывает: иногда даже искренние последователи неверно истолковывают изначальное учение. (Спросите любого университетского профессора, который принимал выпускные экзамены.)

Еще более явное изменение взглядов Павла встречается в Первом и Втором посланиях к Тимофею и в Послании к Титу, называемых пастырскими посланиями. Предположительно они написаны Павлом двум пасторам, находившимся под его началом: Тимофею, пастору церкви в Эфесе, и Титу, пастору церкви на Крите{68}. В этих посланиях даются хорошие советы подчиненным Павла, он наставляет их, как управлять своими церквами, кого выбирать в качестве церковных глав, чтобы помочь им служить своим общинам, как избавиться от лжеучителей, проникших в общины, и т. д. Из этих посланий ясно видно, что церкви, о которых идет речь, эффективно организованы и структурированы. В дополнение к пастору, каждая церковь имеет правление старейшин как группу лиц, принимающих решения и, возможно, служащих нижестоящим, правление дьяконов, заботящихся о материальных нуждах общины. Сами пасторы имеют высшую власть над общиной и уполномочены организовывать ее духовные дела, обуздывать своенравных членов и наблюдать за ее различными миссиями.

Все это похоже на разумный порядок организации и структурирования церкви. Но проблема в том, что церкви времен Павла не были такими. Вспомним ситуацию в одной из церквей, которую мы уже обсуждали, — ситуацию в Коринфе. Это была необычайно беспокойная община. Она была расколота, появились разные лидеры, утверждавшие, что они более духовны, чем другие, и завлекавшие в замкнутые группы своих приверженцев. Одни прихожане привлекали других к гражданскому суду по поводу разногласий между ними. Некоторые приходили на еженедельную общинную трапезу (своего рода совместный обед), объедались и напивались допьяна, другим же, по каким-то причинам приходившим позднее, ничего не оставалось поесть и попить. Некоторые члены общины, невзирая на возмущение

других, участвовали в языческих культовых обрядах и ели мясо, которое предлагалось языческим идолам. Сами церковные службы были совершенно хаотичными, а те, кто считал себя более духовным, пытались превзойти друг друга, громко говоря на своем родном языке, прерывая службу и вызывая общую неразбериху. Не говоря уж о необузданной безнравственности в общине: некоторые мужчины открыто посещали проституток, а один из собратьев по вере жил во грехе со своей мачехой.

Итак, когда Павел писал свои послания коринфянам, почему он не адресовал их пастору церкви, чтобы приказать ему привести свою паству в порядок? Почему бы не положиться на пресвитеров и дьяконов, чтобы они сами навели порядок? Почему бы не обратиться к главам церкви, в частности к епископу, чтобы он решил возникшие проблемы? Все потому, что не было тогда никаких назначенных руководителей церкви.

У церквей Павла не было ответственного пастора, который мог бы решить проблемы разобщенности, лжеучений и разврата. Его церкви были организованы как харизматические общины. Термин *«харизма»* происходит от греческого слова «дар». С точки зрения Павла, как на это указывается в Первом послании к Коринфянам, каждый, кто был крещён как христианин, получил дар от Духа Божьего (см.: 1 Кор. 12). Бывают различные дары: дар учить, пророчествовать, говорить на иных языках, понимать языки, исцелять, раздавать милостыни и т. д. Но все дары предназначены для одной цели: они должны позволить общине функционировать как одно целое, «тело» Христово. Так же как тело имеет многочисленные органы с различными функциями, так и в «теле» Христовом каждому верующему отведено играть важную роль и каждому предоставлен для этого дар от Бога. Нет ни одного органа, который управлял бы всем телом. Каждая часть тела имеет свою собственную функцию и должна сотрудничать с другими частями для того, чтобы все тело эффективно функционировало.

Павел понимал, что Церковь как тело Христово была образованием временным, ибо очень скоро сам Иисус вернется с небес и установит на земле свое праведное Царство, где не будет больше никаких проблем, которые нужно было бы решать. В таком случае и дары, данные Духом, служили временным условием, позволявшим Церкви благоденствовать до тех пор, пока не придет конец света.

Но что случится, если он так и не наступит? Конечно, происходившее в Коринфе представляло собой большой хаос. В конечном счете стало ясно, что харизматическим общинам, которые основал Павел, предстояло функционировать еще долгое время. В любом общественном формировании, чтобы оно могло пройти долгий путь, должны быть организация и руководство. В следующем поколении после того, как сам Павел ушел со сцены, его общины развивали иерархические структуры, были учреждены главы церквей. Появились пресвитеры и дьяконы. И был один человек, наделенный высшей властью, — пастор или епископ. То есть возникла та ситуация, которая подразумевалась в пастырских посланиях. Эти послания были написаны кем-то спустя несколько десятилетий после смерти Павла для того, чтобы решать новые проблемы, возникавшие в общинах. Неизвестный автор предполагал, что образ Павла поможет решить эти проблемы. Его подход к ним не был точно таким же, как у Павла. Он жил в другом веке и знал церковь в другой форме. Следовательно, часть его учения расходится с учением Павла.

Например, Павел позволял женщинам играть существенную роль в церквах. В своем Послании к Римлянам он называет множество высокопоставленных женщин, в том числе Фиву, «диакониссу церкви Кенхрейской», Прискиллу, которая продвигала языческую миссию и содержала в своем доме общину, и Юнию, которую Павел называет «прославившейся между Апостолами» (см.: Рим. 16:1, 3–4, 7). В Первом послании к Коринфянам он отмечает, что женщины играют центральную роль во время богослужений церкви, например, своими молитвами и пророчествами (см.: 1 Кор. 11:2–16). Автор пастырских посланий пишет иное. Живя в другой век, когда женский голос подавлялся, а их роль в церкви была урезана, этот

автор позволяет только мужчинам служить пасторами, пресвитерами и дьяконами. Фактически он запрещает женщинам даже говорить громко в церкви, велит им разговаривать только дома и настаивает, что, если они хотят спастись, то должны рожать детей (см.: 1 Тим. 2:11–15) — не особенно просвещенная позиция, также расходящаяся со взглядами Павла. Здесь мы снова имеем тот случай, когда Павла помнят в таком идейном обличии, которое не соответствует историческому Павлу.

Павел и гностики

Пастырские послания особенно озабочены лжеучителями, которые проникли в христианские общины (см.: 1 Тим. 3:1–11). Затруднительно понять, что именно проповедовали эти еретики, но в определенный момент автор предостерегает от «негодного пустословия и прекословий лжеименного знания» (1 Тим. 6:20). Греческое слово, означающее знание, — «гнозис». Может быть, автор предостерегает от гностических взглядов?

Если вы помните, христианские гностики подчеркивали значение гнозиса для спасения{69}. Они утверждали, что мир, в котором мы живем, был создан не истинным Богом, но появился в результате космической катастрофы, вызванной низшим божеством. Это был бог Ветхого Завета. Иудейский бог *думал*, что он единственный Бог, но в действительности он был существом более низкого порядка, которое просто не ведало о великом духовном царстве над ним. Смысл религии состоит в том, чтобы спастись из греховного материального мира, созданного этим низшим богом, и тем самым позволить внутреннему духу вернуться в свою небесную обитель, откуда он пришел. Такое освобождение от ограничений материальности может произойти, когда дух человека узнает истину о своем происхождении и пленении. Это особое знание было дано Христом, который появился на земле, чтобы принести тайное учение, способное дать жизнь вечную.

Данное учение предназначено не для всех. Именно поэтому толпам Христос вещал иносказательно, но все объяснял втайне внутреннему кругу своих учеников. Только они могли получить настоящее знание, возвестить которое он пришел (см.: Мк. 4:11–12), и они также передавали его учение тайным образом. То есть, согласно христианам-гностикам, когда апостолы излагали свои взгляды, они делали это на тайном языке, чтобы посторонние поняли только поверхностный смысл, тогда как те, кто был в курсе дела, постигали более глубокие истины, которые в них содержались. Гностики считали также, что и Ветхий Завет содержит тайные божественные откровения под буквальным значением слов. Поэтому они давали сложные и глубокие символические толкования таким книгам, как Бытие (часть Закона Моисеева).

Автор пастырских посланий вполне мог критиковать группу христиан-гностиков, когда он смеется, например, над теми, кто очарован «баснями и родословиями бесконечными» (1 Тим. 1:4). Это может быть намеком на гностическую мифологию, которая объясняла, как появились божественные существа, которые выше Бога иудеев. Подобные мифы и родословия богов содержатся, например, в некоторых текстах библиотеки Наг-Хаммади. Он также смеется над теми, кто называет себя «законоучителями» (1 Тим. 1:7); возможно, это намек на гностических толкователей Бытия. И он смеется над теми, кто запрещает «вступать в брак [и] употреблять в пищу то, что Бог сотворил» (1 Тим. 4:3), — такой была практика некоторых гностиков, настаивавших, что так как материальное тело человека греховно, его желания и удовольствия следует отрицать.

Если автор пастырских посланий, писавший от имени Павла, действительно критикует некую раннюю форму христианского гностицизма, тем более интересно узнать, что сами христиане-гностики не считали Павла своим противникам. Совсем наоборот, Павел и его сочинения почитались многими христианами-гностиками. Но как это возможно? Как Павла могли цитировать и сторонники, и противники одних и тех же взглядов? Точно так же можно было бы задаться вопросом, почему имя Иисуса могли призывать и для того, чтобы

поддержать западный капитализм, и для того, чтобы противостоять ему, или почему имя пророка Мухаммеда могут призывать и для того, чтобы поддержать радикальный исламский терроризм, и для того, чтобы противостоять ему. Все великие личности прошлого открыты для разнообразных толкований.

Во всяком случае, христиане-гностики почитали Павла и использовали его писания для подтверждения своих взглядов{70}. Конечно, в текстах Павла есть места, которые даже с внешней стороны можно воспринять как гностические. Павел говорит о «боге века сего», который «ослепил умы» неверующих (2 Кор. 4:4). Разве это не ссылка на низшего бога-творца (иудеев), который вызывает хаос среди людей, живущих на земле? Павел утверждал, что он не мог говорить с коринфянами «как с духовными», а только «как с плотскими» (1 Кор. 3:1). Разве это не намек на то, что лишь немногие из христиан имеют истинное знание, которое может освободить дух, тогда как остальные — только внешним образом, поверхностно пребывают среди спасенных? Павел говорит, что проповедует «премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал», которая дана только «любящим Его» (1 Кор. 2:6–7, 9). Разве это не ссылка на тайное знание, данное лишь немногим в церкви, скрытое за поверхностью слов Павла, на то тайное знание, которое способно дать освобождение?

Некоторые христиане-гностики притязали на авторитет Павла и предлагали такие толкования его текстов, которые якобы открывали их «истинный» смысл. Эти толкования выходили далеко за пределы буквального значения слов, стремясь приблизиться к скрытым в них тайнам. Очевидно, когда такие толкователи излагали свои взгляды, они утверждали, что представляют то, что в действительности подразумевал сам Павел. Некоторые гностики претендовали даже на прямое подтверждение своих взглядов с его стороны. Вероятно, самым великим христианским гностиком середины II века был человек по имени Валентин, блестящий риторик и ученый, живший и проповедовавший в Риме. Валентин же учился у человека по имени Февд, который предположительно был близким товарищем апостола Павла. Последователи Валентина утверждали, что их взгляды происходят непосредственно от самого Павла; эти взгляды передавали устно (а не в письменном виде) от одного поколения к другому{71}.

Павел и Маркион

Еще более влиятельным христианином, жившим в Риме во времена Валентина, примерно в 140 году, считается богослов и евангелист по имени Маркион. Маркион не был христианином-гностиком. Он не верил, например, что именно тайное знание (гнозис) приносит спасение, что божественное Царство населено многочисленными божествами. Но он действительно полагал, что есть два божества: гневный Бог Ветхого Завета и любящий Бог Иисуса. И он утверждал, что подобные взгляды проповедовались в писаниях Павла.

Мы видели, что Павел проводил различие между Законом иудеев и Благой вестью о Христе. С его точки зрения, человек оправдан перед Богом не благодаря соблюдению Закона, а благодаря вере в благую весть о смерти и воскресении Иисуса. Из этого различия между Законом и Благой вестью, проповедованием старого и провозглашением нового, Маркион сделал вывод, который считал логичным и подразумевавшимся. Согласно Маркиону, есть абсолютное различие между религией иудеев и религией Павла, и оно существует потому, что Павел возвещал о Боге, отличном от иудейского.

Согласно Маркиону, иудейский Бог создал мир, заключил завет с народом Израиля, через Моисея дал ему свой Закон, а затем вдохновил их написать Священное Писание, Еврейскую Библию. Проблема состоит в том, что никто, с точки зрения Маркиона, не может соблюдать Закон Божий, но поскольку это справедливый Бог, то за грех должно последовать наказание. Именно поэтому все осуждены перед гневом Божьим. Бог не несправедлив в своем требовании платы за грех: в конце концов, люди нарушили его Закон. А он — Бог гнева и отмщения.

И он абсолютно отличается от Бога, о котором возвещал Иисус, а после него — Павел. Маркион утверждает, что понять различие между этими двумя богами очень легко. Когда, согласно Ветхому Завету, сынам Израилевым было велено занять Землю Обетованную, они получили наставления войти в Иерихон и истребить всех мужчин, женщин и детей в городе (см.: Нав. 6:1–21). Разве это — тот же Бог, который велит любить своих врагов, молиться за тех, кто преследует тебя и подставлять другую щеку? В Ветхом Завете, когда пророка Елисея дразнила группа детей, он наслал на них гнев Божий, и две медведицы вышли из леса и растерзали их (см.: 4 Цар. 2:23–24). Разве это тот же Бог, который говорит: «Если… не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»? Бог Ветхого Завета — не Бог Иисуса. Павел раньше всех понял это и возвещал о радикальном различии между Законом иудеев и Благой вестью о Христе.

По Маркиону, Бог Иисуса, о котором благовествовал Павел, никогда не имел какого-либо отношения к тварному, материальному миру. Он послал Иисуса в знак любви, чтобы искупить людей, подверженных гневу Творца. Но как Иисус мог прийти на землю, не принадлежа этому Богу-творцу? Как он мог избежать того, чтобы стать частью материального мира? Маркион утверждал, что только *казалось*, будто Иисус был частью мира сего, поскольку в действительности Иисус не рождался и на самом деле не имел материального тела. Как выразил это герой Маркиона, Павел, Христос пришел «в подобии плоти греховной» (Рим. 8:3). Другими словами, Маркион был докетом и утверждал, что апостол Павел тоже был докетом{72}.

Павел и протоортодоксы

Ни последователи Маркиона, ни гностики не пережили античность{73}. Их различные сочинения — а они, по-видимому, были многочисленными — оказались либо уничтоженными, либо утраченными. Лишь немногие сохранились до нашего времени благодаря таким удивительным находкам, как библиотека Наг-Хаммади. С другой стороны, их противникам повезло гораздо больше. Поскольку такие тексты, как послания Девтеро-Павла, стали частью христианского канона, они могли служить своего рода официально санкционированной призмой, с помощью которой можно было прочитать послания самого Павла. Это верно и для нашего времени, когда в качестве общепринятой истины воспринимается и то, что Павел выступал против гностиков, и то, что он запрещал женщинам говорить в церкви. Если бы писания *других* приверженцев Павла тоже оказались включенными в Новый Завет — вместо, скажем, пастырских посланий, — ничто не говорило бы о том, что всё обстояло совсем иначе. Тогда, возможно, к нашему времени женщина могла бы уже не раз избираться Римским папой.

Так или иначе, разные группировки притязали на Павла как «своего» и «помнили» только то, что им хотелось приписать ему. Но только одна из группировок в конце концов выиграла битву за воплощение истинной сути христианства. Именно эта группировка решила, какие книги должны быть включены в Новый Завет, и сформулировала Символ веры, который христиане продолжают повторять до сих пор. Ее представители, естественно, претендовали на то, что представляют истинную веру, и поэтому они называли себя «ортодоксами» (что буквально означает «правильное мнение»). К середине III века они торжественно узаконили свою победу над христианами-гностиками и последователями Маркиона. А вот духовных предшественников «ортодоксов», разделявших б***о***льшую часть их взглядов еще до того, как они стали господствующим большинством, я называю «протоортодоксами»{74}.

Протоортодоксальные авторы отнюдь не обязательно считали себя связанными непосредственно с Павлом. Мы знаем, например, еще одного известного христианина, жившего в Риме во времена Валентина и Маркиона, — учителя по имени Юстин. Юстин писал трактаты против валентиниан и вступал в жесткие диалоги с последователями Маркиона. Три произведения Юстина сохранились: в двух из них он защищает христианство от обвинений со стороны его культурных (языческих) поносителей, а в третьем доказывает превосходство

христианства над иудаизмом. Однако ни разу в этих работах Юстин не цитирует Павла и не ссылается на него, хотя цитирует другие, более ранние писания, в том числе Евангелия. Может быть, Павел был в своё время слишком горячей темой? Может быть, он действительно считался апостолом «еретиков», как утверждали гностики и Маркион, и потому не вполне подходил в качестве надежного источника? Довольно трудно сказать, так как сам Юстин по этому поводу молчал.

Однако не молчали интеллектуальные и духовные потомки Юстина, протоортодоксальные авторы, например, живший в конце II века епископ Лиона Ириней или энергичный заступник веры Тертуллиан, писавший спустя еще примерно двадцать лет. Эти авторы, и не только они, знали послания Павла и подробно цитировали их, особенно для борьбы с противниками, подобными Маркиону и Валентину. Эти протоортодоксальные авторы, взгляды которых примерно совпадали со взглядами, содержащимися в пастырских посланиях, и стали теми, кто одержал победу. Но означает ли это, что их понимание Павла было правильным? Необязательно. Их победа означает только то, что «их Павел» стал тем Павлом, которого все теперь помнят.

Как и все великие личности далекого прошлого, Павел, которого почитали, был настолько же вымышленным Павлом, насколько и историческим. Я полагаю, в некотором смысле всякая память об апостоле язычников (как и о Петре, апостоле иудеев) — это легендарная память, так как мы всегда помним прошлое не ради него самого, а ради нашего настоящего. Большинство из нас, включая историков, посещает прошлое в своем сознании, чтобы осмыслить его и при этом понять, как оно может быть связано с нами и нашим нынешним миром.

Глава двенадцатая

Ожесточенные враги Павла

Павел казался неоднозначной фигурой не только в течение первых трех столетий, он вызывает разногласия и сегодня. Мне нравится заставлять задуматься над этим самых разных людей, и многие годы я читал лекции о Павле как исторической личности и о Павле как герое легенд. Я беседовал с представителями таких религиозных общин, для которых личность Павла есть нечто оскорбительное, для кого он — апостол язычников, извративший простое евангелие любви и веры, проповедуемое Иисусом, в сложное, греховное, женоненавистническое и антисемитское учение о гневе и искуплении. Общался я и с представителями других религиозных общин, для которых имя Павла — синоним святой истины. За годы преподавания аспирантам и профессиональных встреч с учеными, изучающими Новый Завет, я познакомился с весьма сведущими и искренне увлеченными людьми, посвятившими свою жизнь страстному исследованию текстов Павла. Знал я и других, абсолютно непримиримых с ним. Иисус сказал, что он пришел с огнем и мечом, чтобы разделить землю, а Павел, похоже, осуществил его слова на практике.

Павел и его время

Итак, при своей жизни Павел был главным источником раздора, даже в тех христианских церквах, которые он основал. Для меня одной из самых любопытных особенностей изучения Нового Завета является то, что ученым потребовалось очень много времени — долгие столетия, — чтобы понять значение постоянной полемики Павла с другими христианами: со времен раннего христианства тянется великий спор об истинной сущности этой религии. В каком бы месте мы ни открыли его книги, Павел выступает против представлений той или иной группировки, каждая из которых считала себя христианской. Ни один из текстов противников Павла не сохранился, но если бы они уцелели, какую историю они поведали? Бесспорен тот факт, что Павел на каждом шагу защищается (по крайней мере, там, где не нападает), демонстрируя чрезвычайную многоликость христианства в тот самый

ранний период, когда существовали очень разные представления о том, что значит быть истинным верующим и преданным благой вести.

В Послании к Римлянам Павел вынужден защищаться от обвинения со стороны поверивших другим христианским лидерам, будто он проповедовал благую весть, ведущую к беззаконию и заставляющую усомниться в Боге, ибо получалось, что тот нарушил свои обещания, данные иудеям. В Первом послании к Коринфянам Павел осуждает тех, кто думает (очевидно, под влиянием его же учения), что они уже наслаждаются великолепием духовного воскресения с Христом. Во Втором послании к Коринфянам он критикует новых апостолов, которые пришли в город с подобным посланием, называя их «лжеапостолами». В Послании к Филиппийцам он обрушивается на христиан, призывавших его обращенных к обрезанию, называя их «псами», озабоченными только собственными удовольствиями и поклоняющимися «чреву». А в Послании к Галатам он особенно яростно укоряет христиан-иудеев, утверждавших, что завет между Богом и иудеями был скреплен навечно. Для Павла эти «иудействующие» пребывают под проклятием Бога, и любой уверовавший в их учение сбивается с пути истинного. Чего ученые не отдали бы, чтобы услышать, как те защищаются! Конечно, они могли просто указывать на известные отрывки из Священного Писания, доказывающие, что Бог не изменял и не будет изменять правила игры.

И после смерти у Павла были противники — не только среди тех, кто принял противоположные взгляды, тем не менее хотел найти у Павла поддержку (например Маркион и противники Маркиона, Валентин и противники Валентина, Тертуллиан и противники Тертуллиана), но и среди христиан с ярко выраженной антипатией к самому Павлу. Вместе с тем мы всегда должны помнить, что, когда более поздние христиане объявляли себя противниками Павла, они выступали против того, что считали представлениями Павла, но это не обязательно были те представления, которых придерживался сам Павел. Как мы уже видели, различие здесь может быть весьма существенным.

Павел и Иаков

Согласно ранним хроникам Евангелий, ни один из братьев Иисуса (включая Иакова) не был среди его последователей при его жизни, потому что они не видели в нем ничего необыкновенного (см.: Мк. 3:20–21; 3:1–35; Ин. 7:3–5). Но согласно Павлу (см.: 1 Кор. 15), после воскресения Иисус явился Иакову, и это, должно быть, все изменило. Иаков уверовал, что брат его воистину был Христос от Бога. А учитывая его собственный необычный статус — земного брата самого Господа, — его определили на роль главы последователей Иисуса. Он мог вернее всех остальных интерпретировать слова и деяния Иисуса. В итоге он стал главой церкви в Иерусалиме, родине христианства.

Иаков, как и Иисус до него, по рождению и воспитанию был иудеем и придерживался иудейских традиций даже после принятия веры в Иисуса. Иными словами, он был христианином-иудеем. Это особенно очевидно из комментариев, которые Павел написал в Послании к Галатам, где он с некоторой горечью вспоминает открытый спор с Петром в Антиохии о том, позволительно ли вкушать пищу с язычниками. Павел настаивал, что поступать иначе означало бы исказить истину благой вести, согласно которой человек оправдан перед Богом не следованием иудейским законам (например, законам о чистой пище), а благодаря вере в смерть и воскресение Иисуса. Любой, кто утверждал, что язычники употребляют нечистое, в корне неправильно понимал саму суть нового вероучения.

Похоже, Петр принимал это мнение, по крайней мере временно. Но затем пришли «некоторые от Иакова» (Гал. 2:12), то есть представители иерусалимской церкви, посланные самим Иаковом, и Петр задумался над своими действиями: чтобы не оскорбить прибывших, он перестал вкушать пищу с язычниками. Павел пришел в ярость и публично назвал Петра лицемером. Мы не знаем, каким был ответ Петра. Многие интерпретаторы предполагали, что он не отрицал своей вины, но огрызался и, возможно, даже одержал победу над Павлом. В пользу данной версии говорит то, что Павел никогда не упоминал об исходе спора.

В любом случае по поводу главного затронутого здесь вопроса Иаков, похоже, придерживался иного мнения, чем Павел, который утверждал, что «человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа» (Гал. 2:16). Одна из причин того, почему этот спор между Павлом и Иаковом интересен историкам, заключается в том, что есть послание, приписываемое Иакову, которое в итоге попало в Новый Завет. В этом послании опровергается представление о том, что вера сама по себе оправдывает человека перед Богом. Согласно Иакову, верно только обратное: «человек оправдывается делами, а не верою только» (Иак. 2:24). Изложенная в этом послании точка зрения состоит в том, что вера должна проявляться в деятельности, ибо «вера без дел мертва» (Иак. 2:26). Точно так же, как Павел использовал пример прародителя евреев Авраама, доказывая, что человек оправдывается верой, Иаков обращается к Аврааму, чтобы показать, что «человек оправдывается делами» (Иак. 2:24).

В течение почти пятисот последних лет, начиная с протестантской Реформации Мартина Лютера, библеисты задаются вопросом: можно ли согласовать учения Иакова и Павла. Лютер утверждал, что это невозможно, и послание Иакова понизили до статуса второстепенного текста в каноне Священного Писания. Современные ученые пришли к другим выводам.

С одной стороны, не ясно, был ли автор Послания Иакова на самом деле Иаковом, братом Иисуса. Имя Иаков было очень распространенным среди древних иудеев. Например, в одних только Евангелиях их несколько. Хотя человек, написавший послание, утверждал, что его зовут Иаковом, он ни разу не упоминает, что находится в каком-то родстве с Иисусом. Итак, возможно, в этом послании изложено не продолжение спора между Иаковом, братом Иисуса, и Павлом, апостолом язычников, имевшим инцидент с Петром в Антиохии.

Кроме того, еще не доказано, что Послание Иакова действительно противоречит позиции Павла. Сам Павел тоже считал, что вера в смерть и воскресение Христа имеет прикладное этическое значение. В большинстве его посланий утверждается, что любой, уверовавший во Христа, будет вести праведную жизнь в Духе. Суть Послания Иакова в том, что вера истинна только в том случае, если она подтверждается делами. Но противоречит ли утверждение о том, что человек оправдывается делами, а не одной лишь верой, утверждению Павла, что человек оправдывается верой, а не соблюдением Закона?

Сегодня большинство ученых признают, что суть проблемы в том, что Павел и Иаков, используя одни и те же слова, говорят о разных вещах. Когда Павел говорит о «делах», он явно имеет в виду «соблюдение законов», то есть соблюдение иудейских предписаний об обрезании, Субботе, чистой пище и т. п. Иаков же, говоря о делах, подразумевает что-то вроде «благодеяний». Но Павел не утверждал, что человек может быть верующим, не совершая добрых дел[75].

Так с кем же спорит Иаков в послании, если не с Павлом? Если верить некоторым сохранившимся свидетельствам, Иаков полемизирует с Павлом. Возможно, и так. Павел учил тому, что человек оправдан перед Богом не соблюдением иудейского Закона, а поступая согласно вере в Христа. После смерти Павла, а возможно, еще при жизни, его учение частично искажается, и появляется это броское, но неточное высказывание, что человек «оправдывается не делами Закона, а только верою». Кроме того, некоторые люди истолковали это так, что имеет значение только то, во что веришь, а не образ жизни. Они решили, что можно жить так, как хочется, раз уж все людские грехи искуплены смертью Иисуса. Утверждение, что дела не имеют значения, соблазняло некоторых людей на ужасные поступки. Именно в ответ на это было написано Послание Иакова — либо настоящим Иаковом, либо кем-то другим, назвавшимся именем брата Иисуса, чтобы усилить его авторитетом свое утверждение о том, что «без дел вера мертва».

Другими словами, тот Павел, каким его восприняли, подвергается критике, с которой, возможно, согласился бы и сам Павел.

Павел и эбиониты

Рассматриваемое расхождение между Павлом и историческим Иаковом, братом Иисуса, интересно еще по одной причине. Мы знаем о том, что некоторые христиане II–III веков заявляли о приверженности учению Иакова и отвергали взгляды Павла, лжеапостола язычников. Христиане, которые больше других были известны такой позицией, назывались эбионитами.

Почему им дали такое название, точно неизвестно. Возможно, это было самоназвание, потому что еврейское слово «эбион» означает «бедный». Наверное, они были христианами, добровольно нищенствовавшими ради других, раздававшими свое имущество нуждавшимся, подобно самым первым христианам, как об этом рассказывается в книге Деяний (см.: Деян. 2:44–45). Ясно, что эбиониты, первые христиане Иерусалима, представляли собой общину христиан-иудеев, утверждавших, что для того, чтобы стать последователем иудейского мессии Иисуса, необходимо быть иудеем.

С точки зрения эбионитов, сам Иисус был настоящим иудеем. Более того, он был самым праведным из когда-либо живших иудеев, в совершенстве исполнявшим заветы Бога. Именно за его праведность Бог избрал Иисуса на роль своего сына. Это случилось в тот момент, когда его крестил Иоанн Креститель. Согласно ранним источникам, выйдя из воды, Иисус увидел разверзшиеся небеса и Святого Духа, нисходящего на него в виде голубя (см.: Мк. 1:9–11; Лк. 3:21–22), и он услышал, как голос возвестил: «Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение». Так Иисус стал Сыном Бога. Эбиониты не разделяли положения, что Иисус был сверхъестественным образом рожден девой. В их священном писании не было истории о непорочном зачатии, как в Евангелиях от Матфея и Луки. Кроме того, они не считали его Сыном Божьим от вечности. Они не принимали и Евангелия от Иоанна. Иисус был для них настоящим человеком из плоти и крови, которого Бог принял как Сына благодаря его полному соблюдению законов.

Как на своего Сына, Бог возложил на Иисуса миссию: он должен был стать жертвой за грехи всего мира. И он исполнил эту миссию, оставшись верным своему призванию. Так он положил конец жертвоприношениям в иудейском Храме. Эти жертвоприношения, предписанные Торой, были просто временной мерой до принесения совершенной жертвы.

Однако смерть Иисуса не отменила остальные законы Священного Писания. Когда Бог давал наставления своему народу о том, как жить (например, избегать определенной пищи, отмечать определенные праздники, соблюдать Десять заповедей и тому подобное), он никогда не планировал изменить их. Эти законы все еще остаются в силе и требуют соблюдения. Любой, кто поступает иначе, не может утверждать, что принадлежит к избранному Богом народу.

В существовавшем тогда спектре теологических учений эбиониты во многом занимают положение, противоположное Маркиону. Маркион был дитеистом, поклонявшимся двум богам, в то время как эбиониты были строгими монотеистами, утверждая, что Бог один. Маркион считал, что мир создан низшим божеством, которому нельзя поклоняться; эбиониты полагали, что мир создан единым истинным Богом, и нужно поклоняться только ему. Маркион отклонял Ветхий Завет из-за отсутствия в нем христианских заповедей; эбиониты чтили Ветхий Завет как руководство в христианской вере и практической жизни. Маркиона можно назвать докетом, для которого Иисус — Божественный Дух, а не человек; эбиониты, будучи «адопцианистами» (то есть сторонниками вышеизложенной идеи «усыновления»), утверждали, что Иисус был человеком, а не божественным существом (за исключением того, что Бог принял его при крещении как своего смертного сына). Героем веры Маркиона был Павел, единственный апостол, постигший истинное учение Иисуса; эбиониты отвергли Павла как лжеапостола, полностью извратившего учение Иисуса и апостолов Христовых. К их числу они относили и Иакова, настаивавшего на важности того, чтобы все последователи Иисуса соблюдали законы, включая закон об обрезании.

Похоже, именно эбионитское представление изложено в «Псевдо-Климентинах», посланиях, которые уже обсуждались ранее, где рассказывается, что великий ученик Христа Петр написал письмо Иакову, брату Иисуса, и осудил апостола язычников как «человека, который является моим врагом». Согласно этим более поздним текстам, суждения Павла основаны лишь на кратком видении Христа (на дороге в Дамаск) и поэтому не могут сравниться с учением, которое Христос давал своим ученикам в течение всего периода своего служения: о том, что Закон Божий должен быть соблюден.

Однако в конечном счете этот аргумент эбиониты предали забвению. Нельзя сказать, что протоортодоксы поспешили перейти на сторону Маркиона. Они отвергли оба взгляда из-за их радикальности. Они согласились с Маркионом в том, что Закон утратил силу, но отказались от его утверждения, что творец этого Закона — низшее божество, и ему не следует поклоняться. Напротив, они согласились с эбионитами относительно истинности Бога Ветхого Завета, но не приняли их положения о том, что его заповеди все еще связывают сынов Израилевых. Они согласились с Маркионом, что Иисус был Духом, но не согласились в том, что он не был человеком. И они согласились с эбионитами, что Иисус был человеком, но не согласились с ними в том, что он не был божественным существом. Они согласились с Маркионом в его возвеличивании Павла — апостола веры, но не согласились с его отрицанием авторитета Иакова. Они согласились с эбионитами в почитании Иакова как преемника Иисуса, но не согласились с их отверганием Павла как лжеапостола.

Во многом двойственно, но протоортодоксы приняли то, что хотели. Бог дал Закон, и он же его отменил; Иисус был и человеком, и Богом; Павел был главным апостолом, Иаков — тоже. Отчасти именно одновременное утверждение правильности и в чем-то неправильности обоих позиций (Маркиона и эбионитов) послужило причиной возникновения многих парадоксов, ставших отличительной чертой протоортодоксальных теологических догматов. К примеру, Иисуса считали одновременно и исключительно Богом, и исключительно человеком, а сам Бог представлялся трехипостасным — Отец, Сын и Святой Дух, и тем не менее он — Единый. Такие воззрения невозможно отыскать ни у одного из самых ранних христианских авторов, и даже у великого Павла. Но в более поздние столетия они стали традиционными христианскими представлениями, поскольку протоортодоксальное учение одержало верх над остальными вероучениями, как тех, кто принимал Павла, так и тех, кто отвергал его.

Павел и докеты

Неудивительно, что Павел был почитаем некоторыми христианами-докетами (Маркионом) и отвергнут другими христианами, осуждавшими докетизм (эбионитами), но вместе с тем его почитали некоторые из тех, кто отрицал докетизм (протоортодоксы), и отвергали другие, принимавшие докетизм. История порой становится запутанной, из глубины прошлого великие исторические личности могут представать и умаленными, и искаженными. У нас есть свидетельство в пользу предположения о существовании докетов — противников учения Павла или, по крайней мере, казавшихся таковыми. На эту мысль наводит, в частности, послание, включенное в «Деяния Павла» (II век), более известное как «Третье послание к Коринфянам».

Такое название дал ему не автор. Это просто обозначение, данное тексту читателями, знавшими о двух других посланиях Павла к церкви в Коринфе, которые включены в Новый Завет. Данное послание на самом деле принадлежит не Павлу, а человеку, который решил воспользоваться его именем и авторитетом, подобно авторам посланий Девтеро-Павла из Нового Завета, творившим столетием раньше; через полтора столетия так же поступил фальсификатор писем Павла Сенеке.

Контекстом «Третьего послания к Коринфянам» послужил сюжет в «Деяниях Павла». Некоторые христиане церкви Коринфа были смущены тем, что среди них появились два лжеучителя, возвещавшие толкование благой вести, противоречащее Павлу. Эти двое, по

имени Симон (был ли это Симон Волхв?) и Клеобий, излагали основы докетического вероучения:

«Не нужно внимать [иудейским] пророкам; их Бог не Всемогущий; нет никакого воскресения во плоти; те люди — не творения Бога; Господь не приходил (в мир) во плоти; Он не родился от Марии; мир — творение не Бога, но ангелов».

Другими словами, эти воззрения докетов, во многом схожие со взглядами Маркиона, но, похоже (насколько мы может судить), они не притязают на авторитет Павла. Они отрицают Бога-Творца и его причастность к мирозданию, авторитет Ветхого Завета и телесность Христа.

В сохранившихся текстах самого исторического Павла предполагается иное мировоззрение, по крайней мере в отношении Бога, мироздания и авторитета Еврейского Священного Писания. Ему нет необходимости доказывать, что есть только один Бог, создавший небеса и землю, ниспославший Закон и пророков, потому что в его время не было христиан, отрицавших это. Но в более поздние времена, с появлением Маркиона и ему подобных, данные утверждения стали главным предметом споров, так как появились доводы относительно того, что сам Христос, возможно, не принадлежал к нашему тленному миру. Итак, для ответа на эти вопросы в «Третьем послании к Коринфянам» был призван легендарный Павел.

В нем «Павел» на каждом шагу вступает в спор с лжеучителями, утверждая, что, принимая такие докетические взгляды, они на самом деле отвергают Господа.

«Ибо вначале я передал вам учение, полученное мной от апостолов, бывших до меня… что Господь наш, Христос Иисус, рожденный Марией, рода Давидова, когда Дух Святой был ниспослан в нее с небес Отцом. Он пришел в мир, чтобы освободить всякую плоть через свою плоть и своей властью воскресить нас из мертвых как телесные существа… Ибо Бог, Всевышний и Всемогущий, сотворивший небо и землю, послал пророков иудеям прежде всего, чтобы отвратить их от грехов… Но поскольку Бог Всемогущий праведен и не пожелал отказаться от своего собственного творения, он ниспослал Дух через огонь в Марию-галилеянку, чтобы повергнуть зло через такую же гибнущую плоть, в которой он являлся другим».

Здесь виден Павел-протоортодокс, критикующий докетические взгляды своих противников. Даже сам исторический Павел не смог бы сказать лучше. На самом деле, скорее всего он бы этого *не* сказал, ведь таких проблем в *его* время еще не было. Согласно же приведенному посланию, «Павел» выносит суждение о вопросах (например, о воплощении Христа через Деву Марию), к которым настоящий апостол никогда не обращался.

Радикальные враги Павла

В мире политики существует огромное различие между противниками, с которыми вы, уважительно или неуважительно, не соглашаетесь, и противниками, которые обладают властью над вами, кому под силу преследовать вас, схватить, посадить в тюрьму, подвергнуть мучениям и убить. То же и в религии. Множество религиозных споров остались на уровне личных разногласий. Полемика может быть достаточно острой и привести к серьезной враждебности, но в конце концов она оставляет вас лишь с чувствами раздражения, гнева, обиды, презрения и отверженности. Несомненно, это плохо. Однако временами, когда религиозные разногласия сопровождаются физическими расправами, они по-настоящему отвратительны.

Христианские противники Павла не имели никакой реальной физической власти над ним. Они могли презирать его, отвергать и насмехаться, но, в сущности, вряд ли что могли сделать с ним, как и он — с ними. Это была война слов, идей и взглядов, а не мечей и кинжалов. Но у Павла были и противники-нехристиане, а они не слишком деликатно относились к возможности физической расправы над оппонентами. Павел упоминал,

например, о вынесенных им наказаниях плетьми в синагогах, избиениях палками по приказу римских судей и тюремных заключениях (см.: 2 Кор. 11:23–27). Более поздние предания утверждают, что он, по приказу римского императора Нерона, был предан мученической смерти.

Сложно точно установить, что же вызвало такую антипатию к Павлу у иудейских и римских властей. Согласно Деяниям апостолов, источником этого противостояния были иудеи-нехристиане, которые либо ревновали к тому, что у Павла появлялись последователи, либо были оскорблены его учением. Эти противники подстрекали толпу к насильственным действиям против него, изгоняли его из города или побивали камнями до полусмерти, а в конечном счете сдали его римским властям как нарушителя спокойствия. В общих чертах все это вполне может быть исторически достоверным: сам Павел говорит об иудеях как о людях, «которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись» (1 Фес. 2:15–16). Я никогда не понимал, как иудеи в Иудее, или где-либо в другом месте, могли действительно препятствовать Павлу разговаривать с язычниками, но он ясно говорит о том, что они препятствовали его деятельности. Более того, он утверждает, что они ответственны за сильное противодействие ему и его миссии.

Если римские власти неоднократно вмешивались, чтобы наказать Павла, *кто-то,* должно быть, доносил о нем как нарушителе спокойствия. Обычно римляне не наказывали людей просто за то, что им не нравились их религиозные взгляды. Возможно, иудейских противников Павла так же оскорбляло его учение о Христе, как до собственного обращения христианское учение оскорбляло его самого. Возможно, они выдвинули против него обвинения в преступном поведении, и власти наказали его за то, что он нарушал спокойствие. Или, возможно, ситуация больше походила на упомянутую в Первом послании Петра, когда христианские общины, которые он основал, посчитали антиобщественными и противоречащими общественному благу, и власти решили публично найти одного виновного за весь этот позор. Здесь мы снова оказываемся в тупике из-за скудости первоисточников.

Ясно, что Павел не жалуется на сильное сопротивление, а упивается им. Нигде это не заметно яснее, чем во Втором послании к Коринфянам, где он неоднократно с гордостью говорит о том, как ужасно страдал все эти годы, и это доказывает ему, что он истинный апостол Христа.

«Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор. 4:8–10).

Позже он упоминает о бедствиях, нуждах, тесных обстоятельствах, побоях, темницах, изгнаниях, трудах, бдениях, постах (см.: 2 Кор. 6:4–5). А в своей самой длинной речи он говорит, что далеко превосходит своих христиан-оппонентов в страданиях ради Христа:

«Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе» (2 Кор. 11:23–27).

Вот что значит быть апостолом Христа. Это не особенно приятное призвание. Но Павел принял все это, сознавая, что последователи распятого не могут ожидать, что им будет легко.

Мученическая смерть Павла

Мы не имеем никаких документов о смерти Павла, написанных в его время, хотя предания, появившиеся на несколько десятилетий позже, указывают на то, что он был предан мученической смерти. Самое раннее упоминание об этом содержится в послании от римской церкви к церкви в Коринфе, известном как «Первое послание Климента». Оно написано примерно в 95 году, спустя примерно тридцать лет после смерти Павла. Его неизвестный автор говорит о «столпах» христианской веры, которых преследовали за их веру «вплоть до смерти». Он в особенности ссылается на апостолов Петра и Павла. О Павле он говорит:

«Вследствие зависти и раздоров Павел указал путь к награде за терпение. Семь раз он носил цепи; его изгоняли и побивали камнями; он служил глашатаем на Востоке и Западе; и он обрел благородное доброе имя за свою веру. Он проповедовал праведность всему миру и прибыл в пределы Запада, неся свидетельство правителям. И поэтому он был избавлен от этого мира и унесен в святую обитель, став величайшим образцом терпения».

Видимо, автор послания знал о предании, согласно которому Павел выполнял план, упоминаемый самим апостолом в Послании к Римлянам, — отправиться в Испанию, в «концы земли», чтобы возвестить там благую весть. Но в конечном счете он был предан суду и, очевидно, казнен за свою веру.

Примерно через столетие после «Первого послания Климента» появился сюжет о том, что привело к мученической смерти Павла. Он входит в «Деяния Павла», и, как большинство сюжетов этой книги, основан на преданиях, а не на исторических событиях. Павел, как рассказывается, пришел в Рим и снял в аренду сарай, чтобы встречаться там с христианами. Среди слушавших Павла был молодой человек по имени Патрокл, который, как оказалось, был виночерпием самого Нерона и одним из его любимых слуг. Патрокл сидел в окне на верхнем этаже. Через какое-то время он заснул, выпал из окна и разбился насмерть. Весть о несчастии дошла до Нерона. Императору это не понравилось.

Тем временем Павел совершил одно из своих «фирменных» чудес: подошел к трупу и оживил его. Когда позже Патрокл явился во дворец Нерона, император испугался и изумился: «Патрокл, ты… живой?». Патрокл ответил, что он был мертв, но «Христос Иисус, царь веков» воскресил его из мертвых. Нерон, вместо того чтобы выразить свою благодарность за чудо, тут же начал завидовать чудотворной способности этого Иисуса и подозревать в возможном желании узурпировать его власть. Он допросил Патрокла и узнал: его слуга верит, что Христос станет царем всех. В гневе (разве не император — царь всех?) Нерон отправил Патрокла и двух других людей, провозгласивших себя христианами, в темницу, чтобы там их подвергли пыткам.

Это и привело к гонениям христиан со стороны Нерона. Он приказал, чтобы последователей Христа выслеживали, арестовывали и наказывали. Лишь после того, как при дворе возобладали более мудрые головы, он согласился с тем, что никого не должны наказывать без суда. Самого Павла арестовали и привели к Нерону, который угрожал казнить его за веру. Однако Павел не проявлял никаких признаков страха, а, скорее, демонстрировал гордую уверенность в себе перед лицом смерти. Он сказал Нерону, что если император убьет его, он воскреснет из мертвых и позже явится к нему живым. Ничто не может воспрепятствовать праведнику.

Нерон приказал казнить Павла. Палачи, прежде чем выполнить свое дело, некоторое время беседуют с Павлом. Как и можно было ожидать в истории подобного рода, Павел обращает их в веру, прежде чем они выполняют свой долг. В момент казни происходит чудо: когда Павла обезглавили, из шеи забила струей не кровь, а молоко. Трудно сказать, что это должно было символизировать по замыслу автора. Конечно, молоко — символ жизни, пищи, ведь им кормят новорожденного. Поэтому, возможно, оно означает, что Павел заново родился в новую жизнь с Христом в ином мире. Кроме того, в своих собственных посланиях Павел говорит о том, что питал своих обращенных «молоком» своего учения (1 Кор. 3:2).

Таким образом, возможно, молоко, бьющее струей из шеи Павла, символизировало душеспасительное учение, которое он несет другим людям, учение о том, что смерть — не последнее слово, ибо за ней может последовать жизнь вечная с Богом.

И наконец, Павел выполняет свою клятву Нерону. К удивлению и ужасу императора, апостол является ему после смерти полным жизни. В данной истории император не раскаивается, да едва ли можно было ожидать этого от него. Ведь есть предел тому, насколько сильно благочестивая легенда может исказить исторические факты, а большинство людей времени ранней Церкви считали Нерона деспотом, нераскаявшимся вплоть до самой смерти.

Жизнь Павла после смерти

Независимо от того, оживал Павел после смерти или нет, ясно, что его писания и учение продолжали жить. Как мы много раз убеждались, это не означает, что хранили и помнили его фактическое учение. Гораздо чаще его учение помнили в таких формах, которые мало походили на то, что он в действительности проповедовал. Возможно, это верно для всех великих религиозных учителей. Во всяком случае становится понятнее, как Павел мог «являться» после смерти в столь многих обличиях. Некоторые из его последователей помнили его как приверженца Еврейского Священного Писания (например, те из них, кто хранил его Послание к Римлянам). Другие считали его откровенным противником Священного Писания (эбиониты и маркиониты). Некоторые помнили его как верившего, что будущее воскрешение будет физическим преображением тел верующих (те, кто хранил Первое послание к Фессалоникийцам и Первое послание к Коринфянам). Другие видели в нем сторонника духовного воскресения, которое уже случилось во Христе (неизвестный автор Послания к Ефесянам). Одни помнили его как сторонника важной роли женщин в христианских церквах (автор «Деяний Павла и Фёклы»). Другие считали его откровенным противником участия женщин в деятельности церквей, требовавшим, чтобы женщины хранили молчание, и побуждавшим их ради своего спасения рожать детей (автор Первого послания к Тимофею). Одни помнили его как сторонника докетического понимания мира и Христа (Маркион). Другие считали убедительным противником докетических взглядов (Тертуллиан и автор «Третьего послания к Коринфянам»). Одни помнили его как провозвестника гностического понимания Священного Писания и спасения (Валентин). Другие считали апостольским противником любых гностических идей (Ириней и Тертуллиан).

Короче говоря, Павел — не кладезь всего для всех людей, но совершенно разный для разных людей, каким был и Симон Петр, а во многом и сам Иисус до них. Возможно, такова отличительная особенность христианского величия.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МАРИЯ МАГДАЛИНА

Глава тринадцатая
Мария Магдалина в массовой культуре и истории

Если сравнивать Петра, Павла и Марию, то нет сомнения в том, кто из них — «звезда экрана». Возможно, любимым персонажем для религиозных чувств читателей Нового Завета является Петр, которого характеризуют необдуманные поступки, но в сущности — доброе сердце. Многие столетия умы богословов интриговала и занимала личность Павла, и в настоящее время его все еще повсеместно чтят миряне, которые скорее всего читают его чаще, чем понимают. Но ни Петр, ни Павел не становились культурным событием Бродвея, Голливуда или издательства «Barnes & Noble». Совсем иное дело — Мария Магдалина. Ранняя последовательница Иисуса, о которой мы знаем крайне мало, на многие годы попадала в центр внимания, становясь героиней театра, кино и романов. Возможно, общественный интерес и почитание быстрее приходят к тем, чья реальная жизнь скрыта завесой тайны. Как правило, авторы сценариев редко придерживаются исторических фактов.

Вполне современная Мария

Когда я учился в средней школе и начал всерьез читать Библию, образ Марии Магдалины стал большим публичным событием. В октябре 1971 года на Бродвее состоялась рок-опера Тима Райса и Эндрю Ллойда Уэббера «Иисус Христос суперзвезда». Ее ключевыми персонажами, кроме Иисуса, были Иуда Искариот и Мария Магдалина — интересный дуэт, учитывая, что в самих Евангелиях более заметны другие фигуры — Петр, Иаков и Иоанн. Но если хочется заинтриговать зрителя, то стоит проанализировать общественный интерес: кому на самом деле интересен Иаков, сын Зеведеев? С другой стороны, Иуда — предатель, а Мария была «близка» к Иисусу — и это совершенно другое дело.

В совместном произведении Эндрю Ллойда Уэббера и Тима Райса Мария предстает близким другом Иисуса. (Ивонна Элиман, исполнительница роли Марии — единственная актриса Бродвея, ставшая также звездой киноверсии 1973 года.) Мария здесь — верная последовательница, которая, несмотря ни на что, осталась с Иисусом и пыталась облегчить его муки перед лицом грядущих страданий и смерти.

«Постарайся не волноваться,

Постарайся не думать о проблемах,

Которые тебя расстраивают.

(О,) Разве ты не знаешь, что всё в порядке?

Да, всё хорошо,

И мы хотим, чтобы этой ночью ты хорошо выспался.

Пусть этой ночью мир вращается без тебя…»

Охлаждая лоб Иисуса влажной тканью и умащивая его голову приятными маслами, она возбуждает ярость вездесущего и бессердечного Иуды: как Иисус может общаться с женщиной низкого положения и дурной репутации? Иисус обращает нападки Иуды против его лицемерия, защищает Марию и позволяет ей прикасаться к своим волосам.

Здесь до определенной степени нарастает и готово вот-вот проявиться сексуальное напряжение. Это особенно заметно в популярнейшем бродвейском саундтреке, вошедшем в 40 лучших хитов, где Мария по-настоящему озадачена своей скрытой страстью к Иисусу:

«Я не знаю, как любить его, что делать, как тронуть его чувства.

Я изменилась, да, действительно изменилась.

После этих нескольких дней я не узна***ю*** себя.

Я не знаю, как относиться к этому, я не понимаю, почему так взволнована.

Он мужчина, он просто мужчина.

Раньше у меня было много мужчин, в самых разных смыслах; он просто еще один.

Может, мне бросить его? Плакать мне или смеяться?

Может, мне сказать ему о любви — выплеснуть свои чувства?

Я никогда не думала, что столкнусь с чем-то подобным — что всё это значит?..

Однако, если бы он сказал, что любит меня, я бы растерялась, я бы испугалась.

Я не могу с этим совладать, никак не могу совладать…

Он так пугает меня. Я так хочу его. Я так люблю его».

Я так и не знаю, понимали ли (подобно Марии) люди, слушавшие и напевавшие эту песню в начале 1970-х годов — «о чём она вообще». Это не обычное излияние душевных мук из-за неразделенной любви. Эта песня о… ну, в общем… об Иисусе! Но некоторые понимали. Мой духовный гуру (в те времена мы не называли его гуру, мы как-никак были подающими надежды фундаменталистами) приходил в ярость от одной мысли, что Мария могла намекать на то, что у нее с Иисусом были сексуальные отношения («Может, мне бросить его?»).

Но сама идея о том, что Иисус и Мария были сексуальными партнерами, родилась не в рок-опере «Иисус Христос суперзвезда» и не умерла в ней. Когда спустя много лет я начал преподавать в университете Северной Каролины, вышел фильм Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа». Он тоже стал кассовым хитом и вызвал сильные протесты общественности. Так совпало, что как раз в то время я преподавал на первом семестре базовый университетский курс, который назывался «Иисус в мифах, преданиях и истории». В этом курсе речь шла об описании личности Иисуса в античных источниках, особенно в Евангелиях Нового Завета и в неканонических, апокрифических Евангелиях, включая те, которые я упоминал здесь в более ранних главах, например, в «Евангелии от Петра». Я посчитал, что моим студентам будет интересно поупражняться в критическом анализе того, что они увидят в новом фильме по роману Никоса Казандзакиса, и того, что они узнали об историческом Иисусе в древних апокрифических рассказах о нем. Итак, я объявил, что одним из заданий курса является критический анализ кинофильма на пяти страницах.

Тогда я в первый раз понял, что попал под библейский бич. Там, где я преподавал раньше, в Рутгерсском университете в Нью-Джерси, подобное задание не могло бы стать причиной потрясений. Но в Чэпел Хилл, среди студентов из Северной Каролины, многие из которых происходят из весьма консервативной религиозной среды, это вызвало настоящий бунт. Несколько студентов с вызовом объявили, что никогда не пойдут на просмотр такого «богохульного» фильма. Они предпочли бы сорвать занятия.

У меня создалось впечатление, что здесь проявилось предвзятое отношение людей, не видевших кинокартину, но уже осуждающих ее. Полагаю, что таковы последствия действия духовной цензуры: некто, имеющий для вас авторитет, говорит вам, что нечто пагубно влияет на вашу душу, поэтому вы боитесь этого как чумы, в сущности, ничего не зная о данном нечто. В нашем случае даже сами «авторитеты» (преимущественно фундаменталистские лидеры) не видели фильм. Но они слышали о его сюжете, и этого для них было достаточно. (Я отменил задание и пошел смотреть фильм с теми студентами, кто пожелал посмотреть его просто ради интереса; как оказалось, несмотря на крикливое меньшинство, большинство студентов пошло на фильм.)

Сюжет фильма заключается в следующем. У распятого Иисуса, которого играет Уилем Дэфо, случается вид***е***ние того, какой могла бы стать его жизнь, если бы он сошел с креста и начал вести обычное человеческое существование. Он женится на своей подруге, Марии Магдалине, а затем, после того как она умирает, женится на другой Марии, Марии из Вифании. У них рождаются дети, и он стареет в окружении любящей жены и детей. Многие зрители так и не смогли (и до сих пор не могут) понять, что всё происходящее в сюжете — только вид***е***ние. То есть хотя часть фильма повествует о жизни Иисуса после его распятия на кресте, это — не то, что происходит на самом деле. Это — то, что Иисусу *представилось* за несколько мгновений до смерти на кресте. Но в конце своей фантазии он понимает, что такая альтернатива была бы огромной ошибкой, поэтому он умирает как Бог, как и было предсказано, — ради спасения мира.

Если даже такого рода разворачивающееся вид*е*ние (которое, если быть справедливым, не раскрывается как вид*е*ние до самого конца фильма) показалось оскорбительным для консервативных христиан (и большого числа других людей), то ещё более возмутительными предстали отношения Иисуса и Марии Магдалины до начала его открытого, публичного служения. В фильме Марию играет Барбара Херши (на мой взгляд — лучшая Мария всех времён). Все ее тело покрыто шокирующими татуировками. Не знаю, что они означают, но они выделяют ее из толпы.

Мария в фильме — проститутка, и Скорсезе не стесняется в средствах, показывая ее таковой. В одной из самых интригующих (и оскорбительных для некоторых людей) сцен в фильме, когда в город прибыл караван и погонщики верблюдов в публичном доме ждут своей очереди к Марии, — пытливому зрителю сказано многое. Иисус тоже находится в этой очереди и ждёт до конца (чтобы войти последним), но не для сексуальной близости с Марией, а чтобы попросить у нее прощения за то, что раньше он обманул ее. Как оказывается, именно то, что раньше он отверг Марию, и привело ее к проституции. Но Мария совершенно не в том настроении, чтобы прощать, тем более что Иисус продолжает, довольно трогательно, оплакивать судьбу той, которая целыми днями занимается сексом с незнакомыми мужчинами, и сокрушаться, насколько он грешен. Она выгоняет Иисуса, и создается впечатление, что их отношениям пришел конец.

Но позже они снова встречаются при еще менее благоприятных обстоятельствах. Группа разъяренных иудейских мужчин, которым надоело ее вызывающе безнравственное поведение, волокли ее за волосы, чтобы побить камнями. Иисус вмешивается и, указав на лицемерие убежденных в своей правоте мужчин (некоторые из них были известны своими сексуальными подвигами), спасает Марию от кровавого избиения. Она, разумеется, испытывает к нему чувство благодарности и становится его первой ученицей. Так начинается служение Иисуса, которое достигает своего апогея после множества поворотов судьбы и заканчивается предательством и распятием на кресте.

Такова голливудская Мария Магдалина. В обоих фильмах — «Иисус Христос суперзвезда» и «Последнее искушение Христа» — она занимает центральное место. В обоих фильмах эту роль хорошо исполнили актрисы: Ивонна Элиман в 1973 году и Барбара Херши в 1989 году были признаны лучшими исполнительницами вторых ролей и награждены «Золотым глобусом». Во многих отношениях образы обеих Марий были схожими: преобразившаяся женщина с дурной известностью в прошлом, последовала за Иисусом и испытывала к нему сексуальное влечение. Во втором фильме Мария предстает зрителю в качестве его жены.

В последней по времени шумихе, поднятой средствами массовой информации по поводу Марии Магдалины, она тоже замужем за Иисусом. Я имею в виду роман-бестселлер Дэна Брауна «Код да Винчи».

Эта книга описывает серию таинственных убийств, совершенных в наши дни, но большинство читателей заинтриговали не они, а сделанные в ней заявления, претендующие на историчность, в отношении Иисуса и Марии Магдалины. Не стану здесь пересказывать весь сюжет, поскольку он знаком практически всем (едва ли в англоязычном мире найдется хотя бы шесть человек, которые не читали эту книгу), и к тому же об этом написано множество работ. Лично меня интересует здесь особое изображение Марии Магдалины, которое для многих читателей стало самой притягательной особенностью книги. Согласно основным идеям «Кода да Винчи», которые поданы читателям как основанные на исторических данных и, как может показаться, впитали в себя сведения обо всём, что только известно относительно Святой Чаши Грааля и ее роли в жизни Марии Магдалины, Иисус и Мария были любящими супругами, но этот факт более поздние церковные власти тщательно скрывали. Мало того что у них были (законные) сексуальные отношения, они оставили потомство: после того как Иисуса распяли, Мария бежала из Палестины во Францию, где

родила дочь, Сару. В конце концов Сара стала основательницей меровингской династии, то есть династии французских королей (и прародительницей одного из главных персонажей романа), которые могли бы вследствие этого претендовать на божественное происхождение. Еще бы! Если бы ваш прямой предок был не кем иным, как Сыном Божьим, разве вы не захотели бы, чтобы об этом узнали все люди?

Якобы исторические данные о Марии в «Коде да Винчи» заинтриговали современных читателей, немыслимое число которых просто решило, что речь идет о евангельской истине. За прошлый год или где-то около того, с тех пор как я опубликовал свою собственную книгу о «Коде да Винчи» (не хотелось оставаться в стороне), пришлось дать множество интервью большому количеству людей об исторической проблематике романа Дэна Брауна{76}. Ошибки встречаются фактически на протяжении всего романа; некоторые из них вопиющие, другие допущены просто по недоразумению или, что более вероятно, по незнанию того, что на самом деле рассказывают об Иисусе (и Марии Магдалине) древние первоисточники. Я обнаружил, что люди на встречах со мной очень хотели также понять, откуда Дэн Браун взял эти ошибочные сведения. Но когда дело касается Марии Магдалины, всегда находятся два-три человека, которые будут настаивать, что у него, должно быть, имелось на это право. Среди таких людей не найти историков, которые были бы знакомы с древними источниками и читали бы их на древних языках (например, на древнегреческом или латыни). Они обычные люди, которые считают, что прочитанное ими в книге Дэна Брауна *должно* быть правдой: Иисус и Мария конечно же были женаты, имели детей именно потому, что в этом есть смысл.

Однако история не может быть написана просто исходя из того, что для нас что-то имеет смысл и понятно. Мне, например, больше всего хотелось бы думать, что не должно быть эпидемий гриппа, цунами, ураганов, землетрясений, мировых войн, побоищ и «черной смерти», которая стерла с лица земли миллионы невинных и добропорядочных людей. Но нравится мне это или нет, бедствия происходят независимо от моего предпочтения и наилучших чувств. Историю следует писать на основе фактов, таких как цунами 2004 года, режим красных кхмеров в 1970-е годы, вспышка гриппа в 1918 году, Гражданская война 1860-х годов и всего остального, в том числе таких менее трагических явлений, как жизнь Марии Магдалины.

Однако мы имеем дело с широко распространенным представлением о Марии Магдалине, поддерживаемым Бродвеем, Голливудом и издательством «Barnes & Noble». Но что же говорят о ней историки как об исторической личности и как о той, которую «помнили» не только с 1970-х годов, но и в течение первых веков существования Церкви? Правда ли, что она входила в узкий круг последователей Иисуса? Правда ли, что у них были интимные отношения? Были ли они женаты? Был ли у них ребенок? Правда ли, что она была проституткой, изменившейся благодаря учению Христа? Правда ли, что ее чуть не забили камнями за предосудительное сексуальное поведение?

Мария в эпоху Средневековья

Следует отметить, что современные образы Марии, которые мы упомянули, — не просто продукт сегодняшних представлений (в следующих главах мы увидим, что они появились не в результате исторических познаний). Мария была интригующей личностью для многих поколений христианских авторов. В эпоху Средневековья о ней знали как о весьма значимой и вызывающей интерес фигуре, рассказываемые о ней истории были известными и распространенными, хотя их и не транслировали по кабельному телевидению. Самый известный сборник средневековых историй о христианских святых был написан в 1260 году итальянским автором, известным как Якоб де Вораджине, и в настоящее время он называется «Золотая легенда». Конечно, там нет речи о Марии как супруге Иисуса, в «Золотой легенде» она изображена как целомудренная, преобразившаяся грешница, обращение которой к святой жизни сделало ее одной из самых праведных и преданных последовательниц Христа после его смерти.

Несмотря на то что ее жизнь в ранней молодости проходила в условиях полного достатка — она баснословно богата, безумно красива и чрезмерно чувственна, — она обращается в веру и следует за Иисусом. Спустя четырнадцать лет после воскресения Иисуса Мария, ее брат Лазарь и несколько других христиан, преследуемые неверующими, сели на лодку без руля и поплыли по Средиземному морю, предоставив себя на произвол судьбы. Но происходит чудо, и лодка попадает в Марсель, город на юге Франции (отсюда происходит идея, встречающаяся в «Коде да Винчи», что после казни Иисуса Мария попала во Францию). Там они находят убежище возле одного языческого святилища.

К этому святилищу приходит со своей женой местный правитель, чтобы принести жертву языческому богу, и Мария проповедует им благую весть, отговаривая приносить жертвоприношения. Но правитель возражает ей, говоря, что поверит в ее Бога, если он даст им с женой сына. Мария молится, и по ее молитве женщина становится беременной. Правитель хочет больше узнать о Боге, который совершает такие чудеса, и решает отправиться в Рим, чтобы лично встретиться там с апостолом Петром. Беременная жена правителя настаивает на своем участии, и с этого начинаются неприятности.

На море возникает сильный шторм, что приводит к преждевременным родам у женщины. Она рожает сына и умирает при родах. Моряки хотят избавиться и от матери, и от сына, выбросить их за борт, поскольку считают, что их нахождение на борту принесет им беду. Но правитель убеждает команду высадить его с женой и ребенком на ближайший остров. Когда он высаживается на берег, он закутывает умершую жену своим плащом и кладет еще живого ребенка ей на грудь. Затем возвращается на корабль и продолжает путешествие в Рим к Петру.

Петр приветствует его и просит не расстраиваться по поводу произошедшего: «Ты не должен понимать это превратно… Бог волен давать дары тому, кому пожелает, и забирать к себе то, что дал, возвращать то, что забрал, и превращать горе в радость» («Золотая легенда», 96). Затем Петр берет правителя с собой в Иерусалим, чтобы показать ему все те места, где учил и совершал свои чудеса Христос, где он умер и взошел на небеса. Они остаются вместе в течение двух лет.

В конце концов правитель очень захотел вернуться на родину. Он садится на судно, которое случайно проходит мимо того острова, где он оставил мертвую жену с сыном. Правитель уговаривает и подкупает команду, чтобы те позволили ему увидеть последнее пристанище жены и сына. Но, оказавшись там, он видит, как ребенок, теперь уже двухлетний, спускается с холма к мертвой матери и питается молоком из ее груди. В книге говорится, что это чудо было совершено именно Марией Магдалиной на огромном расстоянии. Правитель воздает хвалу ее величию, но далее происходит еще большее чудо: его жена восстает из мертвых и рассказывает ему, что в то время, когда он был в Иерусалиме с Петром, она находилась рядом с ним вместе с Марией Магдалиной — как невидимые спутницы (так же было со Скруджем и Призраком в «Рождественской песне» [Ч. Диккенс]).

Они возвращаются в свой родной город и восхваляют прекрасную Марию, преобразившуюся грешницу, творящую великие чудеса во имя своего Бога. В этом средневековом тексте и далее в изобилии продолжают происходить чудеса.

Независимо от того, что мы можем сказать о реально существовавшей, исторической Марии Магдалине, память о ней жила в течение столетий — даже тысячелетий — среди верующих, покоренных той удивительной силой, которую она могла источать как человек, близкий (не в сексуальном смысле) ко Христу.

Но что можно сказать об исторической Марии Магдалине?

Мария в самых древних источниках

На примере Петра и Павла мы уже видели, как трудно отделить исторические факты от мифических наслоений. Те же проблемы возникают и в отношении Марии Магдалины, но в

данном случае они проявляются несколько иначе. Современные читатели, вероятно, даже не представляют, как мало сказано о Марии в дошедших до нас источниках. С Петром и Павлом подобной проблемы не было. О Петре можно узнать из многих мест в Евангелиях, еще больше — из Деяний апостолов, а также благодаря двум приписываемым ему посланиям Нового Завета (написанным кем-то от его имени) и нескольким другим книгам, не вошедшим в Новый Завет. Павел — главное действующее лицо книги Деяний и предполагаемый автор почти половины книг Нового Завета, а также других книг, которые не были включены в канон. Проблема в отношении написанного о Петре и Павле состоит лишь в том, чтобы разобраться: что не было о них сказано, поскольку существует огромное количество доступной информации. Что касается Марии, то здесь мы находимся в совершенно другой ситуации. Ее имя встречается лишь тринадцать раз во всем Новом Завете, включая параллельные места (то есть, скажем, ее имя встречается дважды в Евангелии от Матфея, и тот же сюжет присутствует в Евангелиях от Марка и Луки, что составляет шесть из этих тринадцати упоминаний). О ней ни разу не упоминают ни в книге Деяний, ни в посланиях апостола Павла, ни в одной из других книг Нового Завета, ни у десяти авторов, именуемых апостольскими отцами, писавшими сразу после составления Нового Завета, ни у ранних Отцов Церкви.

Кроме того, если она случайно и упоминается в ранних источниках, то очень кратко. Многие предполагают, что она входила в узкий круг последователей и была близка к Иисусу. Зачастую это основывается на домыслах или на легендарных текстах, которые дошли до нас в виде «Золотой легенды» или «Кода да Винчи». Ученые не сделали ничего, чтобы разубедить таких людей, уверявших, что она была самой приближенной к Иисусу ученицей и единственной, кто был верен ему до конца, или что она, возможно, получала от него особые знания в те моменты, когда они оставались наедине. Сколько подтверждений в пользу любой из этих гипотез содержится в наиболее древних источниках, в Евангелиях Нового Завета? Фактически ни одного. В течение всего периода служения Иисуса, до его казни на кресте, Мария упоминается лишь *однажды,* и это упоминание содержится только в одном Евангелии (то есть другие три Евангелия вообще не упоминают о ней вплоть до казни на Голгофе). Но даже в этом единственном случае текст не посвящен только ей одной, не говоря уже о каком-либо упоминании, которое могло бы подтвердить, что она была особенно близка к Иисусу. Упоминание о ней содержится в Евангелии от Луки (8:2), где сказано о трех женщинах, которые путешествовали с Иисусом и его учениками, обеспечивая им финансовую поддержку из собственных средств: это Иоанна, Сусанна и Мария Магдалина. Две из этих женщин идентифицируются конкретнее: Иоанна — жена важной персоны из администрации царя Ирода, а Мария — та, из которой изгнали семь бесов (в тексте не говорится о том, что это сделал Иисус).

Во всем Новом Завете это единственное упоминание о взаимоотношениях Марии с Иисусом на протяжении всего его служения. Очевидно, что налицо слишком скудная информация, чтобы на ее основе что-то выстраивать. То есть ситуация совершенно иная, чем с Петром и Павлом, где так много информации, что трудно отсеять исторические сведения от легенд. Здесь же информации настолько мало, что сложно что-либо сказать о ней.

Однако для христианских авторов (и ученых) дело принимает совсем другой оборот, когда речь заходит о событиях, происходящих *после* служения Иисуса, его распятия и последующего воскресения из мертвых. Согласно древним текстам, Мария была одной из тех женщин, которые присутствовали при распятии, видели похороны Иисуса и пришли на третий день, чтобы помазать его тело, но нашли гробницу пустой. В нескольких источниках воскресший Иисус показался Марии прежде, чем явиться кому-либо другому, даже Петру.

Вот почему Марии суждено было стать фигурой первостепенной важности для христианских авторов прошлого и настоящего. Она изображается как первая свидетельница, которая возвещает о воскресении Иисуса. Если это исторически верно, то трудно отрицать

или приуменьшить ее значение. В некотором смысле можно утверждать, что именно с Марии началось христианство.

Однако тот факт, что она является исторически важной фигурой, не означает, что мы достаточно знаем о ней. Из тринадцати явных упоминаний о ней в наших источниках все, кроме того, о котором я только что говорил (Лк. 8:2), показывают ее участие в судьбе Христа (главным образом на расстоянии; она не была главным персонажем), когда она наблюдала казнь и похороны Иисуса, а позже обнаружила пустую гробницу. Как мы в дальнейшем увидим, эти двенадцать упоминаний о Марии едва ли дают понять, что же с ней происходило в действительности. Я демонстрирую это своим студентам с помощью задания, о котором я рассказывал ранее. Я прошу их взять из Нового Завета четыре эпизода воскресения Иисуса и подробно сравнить их. Для многих из них такая работа становится потрясающим открытием, и я предложил бы всем желающим выполнить это задание, ибо если вы тщательно сравните четыре Евангелия Нового Завета, то увидите, что они отличаются почти по каждому пункту. Кто пошел к могиле Иисуса на третий день после его распятия? Была ли это одна Мария или Мария вместе с другой женщиной? Если были другие женщины, то сколько их там было и кто они? Когда они пришли, камень был перед самой гробницей или уже отвален в сторону? Кого женщины там увидели? Действительно ли это был молодой человек? Двое мужчин? Ангел? Что велели сделать женщинам? Сказать ученикам, чтобы те шли в Галилею и встретились с Иисусом или остались и встретились с ним в Иерусалиме? Как реагировали женщины? Поступили так, как им велели, или хранили молчание и ничего не говорили из страха? И что в ответ сделали ученики? Поверили они женщинам или нет? Подтвердилось это для них самих или нет? Отправились они в Галилею или остались в Иерусалиме? Все ли пришедшие к гробнице женщины (или только одна Мария) видели воскресшего Иисуса? Если это так, то была ли Мария первой, кто увидел его, или там еще кто-то был? А когда она увидела его, прикасалась ли к нему? И так далее и тому подобное. Ответы на все эти вопросы и многое другое полностью зависят от того, какой текст вам довелось читать.

Я подчеркиваю этот момент, потому что, когда речь идет о Марии, мы имеем дело не только с немногочисленными и разрозненными свидетельствами, но и с расхождениями между ними. О ней сказано немного, очень мало мест, в которых о ней упоминается, но вместе с тем в них налицо так много несоответствий, что едва ли можно по-настоящему понять, что произошло на самом деле.

Нельзя сказать, что о Марии Магдалине ничего не известно (по крайней мере я надеюсь, что это не так, ведь я еще не написал о ней и пяти глав), но следует сказать, что наши источники в высшей степени проблематичны, даже в большей степени, чем в случаях с Петром и Павлом, о которых имеются многочисленные сведения. Есть, конечно, более поздние источники, содержащие сведения о Марии и написанные задолго до средневековой «Золотой легенды». Особенно радует то, что в Наг-Хаммади и в других местах обнаружены некоторые гностические Евангелия, включающие, что весьма существенно, «Евангелие от Марии» — так сказать, сведения из первых рук о тайном откровении, которое она якобы получила непосредственно от Христа и передала другим ученикам, которые, однако, выразили большое сомнение в достоверности ее видения, поскольку, в конце концов, оно было «дано женщине». Эти более поздние источники не могут помочь нам понять, какой была историческая Мария, но они дают достоверные сведения о том, какой ее помнили люди.

Кто есть кто? Неразбериха относительно Марий в Новом Завете

Есть еще одна особенность источников, делающая случай с Марией особенным по сравнению с Петром и Павлом, и в некоторых отношениях эта особенность очень интересна. Вероятно, отчасти потому, что упоминания о связи Марии с Иисусом встречаются редко, читатели Евангелий всегда привязывали ее к тем историям, в которых она не участвовала. Именно так возникли различные традиционные интерпретации образа Марии: например,

представление, будто она была проституткой, что ее почти забили камнями за прелюбодеяние, что у нее были сестра Марфа и брат Лазарь, и так далее.

Но на самом деле ни одна из этих подробностей насчет Марии Магдалины не подтверждена. Одна из проблем состоит в том, что в Новом Завете упоминаются разные женщины по имени Мария, и иногда этих других Марий путали с Марией Магдалиной. Другая проблема в том, что в Евангелиях содержатся несколько историй о безымянных женщинах, и читатели иногда связывают эти истории с Марией, предполагая, что именно она и является той женщиной, тогда как фактически всё было иначе.

Вначале следует кое-что рассказать об имени Мария, которое в I веке было одним из самых популярных среди еврейских женщин. В Новом Завете мы узнаём о шести женщинах, носивших такое имя, включая собственную мать Иисуса, и это — не учитывая всех шестнадцати женщин, упоминаемых в Евангелиях. В I веке примерно каждая четвертая еврейская женщина Палестины, имея в виду тех, имена которых известны, носила имя Мария. Именно поэтому древние источники иногда различают людей, определяя их по месту рождения, жительства, по родственным связям: так, одну женщину называют Марией Магдалиной (буквально: Мария из Магдалы), другую — Мария из (города) Вифании, следующую зовут Марией матерью Иисуса и так далее. Проблема возникает, если читатели предполагают, что автор говорит об одной Марии, в то время как в действительности речь идет о другой. Если к подобным недоразумениям добавить еще и то, что в ранних историях об Иисусе упоминаются несколько безымянных женщин, то легко понять, как могла возникнуть вся эта путаница с именами.

Позвольте мне продемонстрировать, как такая путаница привела к хорошо известным, но исторически неверным традиционным представлениям о Марии Магдалине. В Евангелии от Марка некая безымянная женщина умащивает маслом голову Иисуса до его ареста и Страстей. Иисус хвалит ее за то, что она помазала его «к погребению» (Мк. 14:3–9). Нет ничего, что связывало бы эту женщину с Марией Магдалиной, которая ни разу не упоминается в Евангелии от Марка до самых Страстей. Евангелие от Иоанна, написанное примерно тридцать лет спустя, тоже рассказывает о женщине, помазавшей Иисуса, и на сей раз женщину зовут Марией. Однако это не Мария Магдалина, а Мария из Вифании (см.: Ин. 12:1–8). Кроме того, данный случай не может быть тем же событием, которое упоминается в Евангелии от Марка, потому что в нем дело происходит в доме фарисея Симона на земле Галилейской, а в Евангелии от Иоанна событие имеет место в доме Марии (из Вифании), Марфы и Лазаря на земле Иудейской. Но читатели совместили эти две истории, сделав из обеих женщин одну «Марию». Далее, когда сюжет с помазанием рассказывается в Евангелии от Луки, он выглядит очень похожим на историю в Евангелии от Марка, но говорится, что женщина была «грешницей», и фарисей Симон удивился, что Иисус позволил ей прикасаться к себе (см.: Лк. 7:37–39). Если данный, уже третий, вариант истории относят к аналогичному событию, описанному в Евангелиях от Марка и Иоанна, то в результате возникает искаженный сюжет, не встречающийся ни у Марка, ни у Иоанна, ни у Луки, в котором Иисуса помазала грешница по имени Мария. Вообще термин «грешница» почему-то переводится как «проститутка» (что неверно — он означал просто женщину, которая нестрого соблюдала Закон), отсюда получилось, что Иисуса помазала якобы проститутка по имени Мария.

В другом месте Евангелия от Луки есть упоминание о Марии Магдалине, «из которой вышли семь бесов» (Лк. 8:2). При этом не говорится, что там были за бесы. Но предположим, вы представляете, что данная Мария — та самая грешница, помазавшая Иисуса (которой она не могла быть, о чем я расскажу позже). Тогда возможно, что к проституции ее привел сидевший в ней бес (хотя в Новом Завете не упоминается о подобном влиянии бесов). Сопоставляя все эти разные истории, мы получаем следующую идентификацию: Мария Магдалина является также Марией из Вифании, которая была проституткой, но исправилась, потому что Иисус изгнал из нее семь бесов. Сложившаяся картина совершенно не исторична.

Это результат объединения различных сюжетов, в которых упоминаются разные Марии, с сюжетами, где речь идет о других женщинах, причем ни одну из них не звали Марией. Так и получилась одна большая объединенная история о Марии Магдалине, преобразившейся проститутке.

Затем к этой истории присоединились и другие, например, едва не ставший трагическим случай с женщиной, пойманной на месте преступления во время прелюбодеяния и спасенной от побивания камнями благодаря вмешательству Иисуса. Считается, что это была Мария, как, например, в «Последнем искушении Христа» Скорсезе или в полемичном фильме Мэла Гибсона «Страсти Христовы» (один из редких случаев «ответного удара» на другой фильм), где Мария Магдалина тоже единственная верная последовательница Иисуса (кроме его матери, Марии), которую он ранее спас, когда ее хотели забить камнями.

Однако ни одна из этих новозаветных историй не имеет отношения к Марии Магдалине, кроме как в общественном представлении, которое успешно устранилось от внимательного прочтения евангельских текстов. В действительности тексты Нового Завета рассказывают совершенно разные истории. Мария Магдалина — не та личность, за которую ее иногда принимают.

1. Мария Магдалина не может быть той грешницей, которая помазала Иисуса (Евангелие от Луки, глава 7). Повторюсь, что грешница не является проституткой. Любой, кто полагает, что «грешница» — это та, которой платят за секс, является просто женоненавистником. В сущности, для строгих иудеев I столетия грешницей могла быть женщина, которая обработала зерно в Субботу или съела немного закуски с креветками, поскольку она не соблюдала старательно Закон Моисея. Но в любом случае та грешная женщина, которая помазала Иисуса (Евангелие от Луки, глава 7), — не Мария Магдалина, потому что Мария Магдалина фактически представлена Лукой в другом эпизоде (см.: Лк. 8:1–3), где он называет ее имя (Мария) и дает уточнение (из города Магдалы), а также кое-что рассказывает о ней («из которой вышли семь бесов»). Сегодня все изучающие Новый Завет согласны с тем, что, если бы более ранняя история в Евангелии от Луки (7) была о Марии, то автор представил бы ее впервые там, а не позже.

2. Мария Магдалина — не то же самое лицо, что Мария из Вифании. Имя Магдалина указывает на город, откуда она пришла: галилейский город Магдала, стоявший на берегу Галилейского моря. А другая Мария происходила из Вифании, города, расположенного около Иерусалима, в Иудее. Они не могут быть одной и той же личностью, потому что для каждой из них такое уточнение делается для того, чтобы их можно было различать.

3. На Марию Магдалину не нападала группа разъяренных мужчин, желавших побить ее камнями за прелюбодеяние (сюжет в Евангелии от Иоанна, глава 8). Женщина из этой волнующей истории осталась безымянной. Обратите внимание: хотя долгое время данный эпизод был излюбленным для читателей Нового Завета — он вошел во все голливудские версии служения Иисуса, — первоначально он не встречается ни в одном из Евангелий. Сегодня его можно найти в Английской Библии в начале 8-й главы Евангелия от Иоанна. Но практически все современные переводы помещают эту историю в скобки. Дело в том, что она не встречается в самых ранних хорошо сохранившихся рукописях Евангелия от Иоанна. Видимо, ее добавили в него переписчики (точно так же, как и другие стихи, в то время как некоторые стихи изымались), которые слышали эту историю и захотели включить ее в текст Евангелия несмотря на то, что первоначально ее там не было[77]. В любом случае о Марии Магдалине в этой истории не говорится: имя женщины, схваченной за прелюбодеяние, не называется. (Между прочим, если ее схватили, где же тот мужчина, с которым ее застали? Иудейский Закон осуждает на смерть обоих, а не одну лишь женщину.)

Путаница с древних времен

Как я уже указывал, не только современные читатели впадают в путаницу относительно личностей женщин, упоминаемых в историях об Иисусе, что привело к своеобразной составной личности — раскаявшейся проститутки, из которой изгнали бесов, Марии Магдалины, помазавшей Иисуса для погребения до Страстей. Такое же представление о Марии встречается в XIII столетии, например в «Золотой легенде», а фактически оно было распространено и в течение столетий ранее. Если в самих Евангелиях такое представление не было сформулировано, то как давно в прошлом оно зародилось?

Оказывается, можно достаточно точно определить время, когда различные новозаветные сюжеты уже соединяли в одну составную картину. Насколько мы знаем, впервые это было сделано в 591 году на проповеди, произнесенной не кем иным, как Римским папой Григорием Великим (540–604). В своей Тридцать третьей проповеди, прочитав историю помазания Иисуса из 7-й главы Евангелия от Луки, Римский папа заявил следующее:

«Мы считаем, что та, которую Лука называет грешницей, которую Иоанн называет Марией, и есть та Мария, из которой, согласно Евангелию от Марка, были изгнаны семь бесов. А что эти семь бесов означают, если не пороки?.. Ясно, братья, что раньше эта женщина использовала благовонное масло в качестве духов для своего тела ради греховных деяний. Теперь же то, что использовалось ради греха, она предлагала Богу в более достойной похвалы манере. Ее глаза жаждали, а теперь благодаря покаянию они наполнились слезами. Она выставляла напоказ свои волосы, чтобы украсить лицо, а теперь ее волосы вытирали ее слезы. Своими устами она произносила горделивые слова, а теперь она целует ими ноги Господа, Спасителя. Она получала удовольствие, а теперь жертвовала собой. То, что служило греховным побуждениям, она направила на служение Богу, полностью раскаявшись, поскольку так долго жила в греховном презрении Бога».[78]

Здесь схвачен не просто объединенный образ Марии — отдельные его части взяты из разных евангельских текстов, — но также и некая воображаемая Мария, искренне льющая слёзы покаяния в момент своего обращения, ставшая последовательницей Христа с тем большей преданностью, чем греховнее была ее прежняя жизнь соблазнительницы, упорствующей в грехе проститутки, погибшей души.

Даже если мы прежде всего хотим понять, какой была настоящая, историческая Мария, опираясь на сохранившиеся скудные сведения о ней, важно осознавать, что ее запомнили именно такой. Проповедь Григория Великого, конечно, была написана мужчиной — как и «Золотая легенда» и все остальные воспоминания о Марии, дошедшие до нас из античности и Средневековья, как роман и сценарий для фильма «Последнее искушение Христа», сценарий для «Страстей Христовых», музыка и сценарий для рок-оперы и фильма «Иисус Христос суперзвезда». Пожалуй, это о чем-то говорит. Мы имеем дело не только с тем, какой помнили эту женщину годы и столетия после ее смерти, но и с тем, какой ее помнили *мужчины.*

Я не знаю, может ли представленный Григорием Великим образ Марии быть полностью принят как образец для такого коллективного воспоминания, но показательно, что тело Марии воспринималось как угроза, как то, чем можно воспользоваться для совращения мужчин и сбивания их с пути истинного. Единственная искупительная возможность для ее тела состоит в том, чтобы отречься от его опасных деяний (опасных для заинтересованных мужчин) и пасть к ногам мужчины Иисуса в покаянии и скорби. Именно такое скорбное покаяние приемлемо; таков тип женщины, к которому обращены названные тексты. Невозможно удержаться от мысли, что мужчины, которые наслаждаются образом кающейся грешницы Марии, стремятся навязать миру свое собственное в***и***дение сексуальных отношений с женщинами, когда те не соблазняют мужчин опасной сексуальной близостью, а падают к их ногам в смиренном подчинении и раскаянии.

В любом случае наше исследование преданий о Марии Магдалине не будет сосредоточено лишь на ее современном изображении в романах и фильмах, или на

средневековых легендах, или на высказываниях такой значимой христианской фигуры VI века, как Римский папа. Прежде всего нас интересует, что мы можем узнать о ней как об исторической личности, мы хотим выяснить, какой ее помнили и запечатлели в самых ранних христианских источниках, в Евангелиях и других писаниях первых трехсот лет существования Церкви.

Глава четырнадцатая

Мария в период служения Иисуса

Чрезвычайно сложно узнавать что-либо о людях, которые жили в прошлом. Именно поэтому нужны историки. О большинстве из миллиардов людей, которые существовали на нашей планете, мы совершенно ничего не знаем и никогда не узнаем: они жили и умерли, не оставив после себя никаких следов. Конечно, для людей нынешнего времени подобное исследование не столь сложно, как для живших в прошлых столетиях. Для большинства американцев, по крайней мере, составляют некрологи. И поскольку продолжает развиваться компьютеризация, с головокружительной скоростью обрастая электронной почтой и блогами, ускоряется и фиксация событий наших отдельных жизней. Возможно, некоторые из электронных следов нашей жизни *где-нибудь* сохранятся для будущих исследователей (и к огорчению тех, кто по каким-то причинам считал, что электронная почта была конфиденциальной).

Но в отношении живших в прошлом людей у нас нет никаких преимуществ. Фактически нет ни малейших свидетельств об огромном количестве людей, живших, скажем, в XIX столетии. А как насчет I столетия? В большинстве случаев нам может посчастливиться лишь узнать нужное имя.

Тем не менее, что можно предпринять, если в нашем распоряжении есть что-то большее, чем имя, если есть письменные свидетельства? Это тот случай, когда за дело могут взяться историки. Задача включает исследование письменных источников (если безумно повезет, и их окажется больше одного) в отношении их достоверности. Предположим, найдено частное письмо, в котором говорится о некоем Джеймсе Макдугале из Бостона, который жил в 1880-х годах и характеризуется как самый значительный американский философ своего времени. Ни один историк не отнесется к такому документу всерьез: этот Макдугал никогда не публиковал свои книги или статьи, ни разу не упоминался каким-нибудь другим философом того времени, его нет в списках факультета какого-либо колледжа или университета и так далее. Возможно, окажется, что письмо было написано вдовой Макдугала вскоре после его смерти. Тогда нам стал бы понятен мотив, побудивший ее написать такое письмо; оно является историческим свидетельством не философского влияния Макдугала, а ее восхищения мужем и привязанности к нему.

Подобное исследование применимо и по отношению к людям далекого прошлого. Нам всегда легче разобраться, если о какой-либо личности сохранилось множество упоминаний. Благоприятно для дела, если эти многочисленные свидетельства происходят из независимых друг от друга источников и не оказывают друг на друга влияние. Лучше всего, если эти источники современны (соответствуют по времени) тем, кто в них упоминается, или, по крайней мере, если они опираются на современные им данные. Особенно ценно, если источники достоверно отражают то, на что претендуют (чему есть независимое подтверждение). И уж совсем замечательно, если источники демонстрируют отсутствие какого бы то ни было личного предубеждения, способного подтолкнуть на искажение фактов, как в случае с вдовой Джеймса Макдугала.

Так что можно сказать — в отношении Петра и Павла дело обстоит гораздо лучше. Они многократно упоминаются в независимых друг от друга источниках практически своего времени: о Петре говорится в разных Евангелиях и Деяниях, от Павла до нас дошли некоторые из его собственных сочинений. А как дело обстоит с Марией Магдалиной?

Упоминания о Марии в ранних Евангелиях

Как уже отмечалось в предыдущей главе, Мария упоминается во всех четырех Евангелиях Нового Завета, хотя и нечасто (тринадцать раз). Эти источники относительно близки к тому времени, когда она жила: с разницей не более 50–60 лет. Они основываются на преданиях, распространенных в то время, многие из них, должно быть, восходили своими корнями ко времени ее жизни. Мы располагаем также более поздними источниками, такими как «Евангелие от Петра» и гностические писания, например «Евангелие от Филиппа» и даже «Евангелие от Марии». Они ценны тем, что в них показано, какой представляли Марию христиане II и III веков. Но первый шаг — определить, какие из самых ранних источников рассказывают об исторической Марии.

В кратких сведениях из Евангелий от Марка и Луки обнаруживаются крохи полезной информации. Тот факт, что в период служения Иисуса, описанный в Евангелии от Марка, Мария не упоминается ни разу, должно быть, показывает, что, по крайней мере на взгляд этого автора, она не играла значительную роль в жизни Иисуса, не говоря уже о том, чтобы быть его ближайшей последовательницей, спутницей жизни или возлюбленной. Впервые имя Марии появляется ближе к концу повествования, в эпизоде распятия Иисуса:

«Были тут и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего и Иосии, и Саломия, которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за Ним и служили Ему, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим» (Мк. 15:40).

С другой стороны, в Евангелии от Луки, написанном спустя приблизительно пятнадцать лет после Евангелия от Марка, всё же есть краткое упоминание о Марии в период служения Иисуса. Оно подтверждает кое-что из того, о чем рассказал Марк:

«После сего Он проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему имением своим» (Лк. 8:1–3).

В каждом из приведенных эпизодов расставлены свои акценты, но они сходны в нескольких важных пунктах: Мария была состоятельной еврейской женщиной из Галилеи по прозвищу Магдалина, она следовала за Иисусом и материально поддерживала его в ходе его странствующего служения, состоявшего из проповедей и исцелений.

При поверхностном взгляде кажется, что здесь мало информации, но на самом деле, если на время побыть историком и немного покопаться, можно многое раскрыть.

Еврейская женщина из Магдалы

Итак, что мы знаем о том, каково было быть еврейской женщиной в Палестине I столетия? Эта тема интересовала ученых очень долго, и они посвятили ей целые тома[79]. Одной из интересных особенностей исследования жизни еврейских женщин I столетия является то, что оно в значительной степени проводилось христианскими мужчинами XX столетия. Почему же именно они стремились получить сведения о женщинах I столетия, живших в рамках иудаизма? Для многих из них, как отметил авторитетный в таких вопросах Росс Крэмер, это связано с личными интересами: они хотели показать значительное превосходство христианства по сравнению с иудаизмом на примере женщин[80].

Существует стереотипное представление, согласно которому в течение I века еврейские женщины испытывали особенно сильное угнетение, что вынуждало их быть смиренными, сидеть дома, не участвовать в общественной жизни, посвящая себя кухне, стирке, шитью, починке одежды и уходу за детьми. Но явился Иисус, чтобы освободить женщин, принять их в качестве своих последовательниц и избавить их от ограничений властного иудейского Закона.

Как отмечают Крэмер и другие ученые, такое понимание дела нельзя считать непредвзятым описанием жизни людей в I веке. Это намеренная теологическая реконструкция, призванная прославить спасение, принесенное Иисусом не только для будущей загробной жизни, но и для жизни в настоящем, для всех людей, мужчин и женщин.

Как и в большинстве стереотипов, в данном представлении кое-что может оказаться справедливым. Но в некоторых отношениях картина серьезно искажена. Большая ошибка делить женщин Древнего мира на евреек и нееврeек, как будто только первые сталкивались с ограничениями в своей общественной (и личной) жизни. В большинстве патриархальных культур, то есть в большинстве культур вообще, женщины вынуждены были занимать второстепенное положение по сравнению с мужчинами, особенно с теми из них, кто был им наиболее близок: отцом, братьями и мужем. В I веке это касалось язычников так же, как и иудеев. И все культуры, даже наиболее открытые и либеральные, устанавливали ограничения по половому признаку либо в силу закона, либо в силу традиции. Когда в последний раз вы видели в Риме женщину в качестве Римского папы или женщину-президента в Соединенных Штатах?

Правда состоит в том, что еврейские *мужчины* I века часто были невысокого мнения о независимости мышления женщин[81]. Рассмотрим высказывание, которое принадлежат иудейскому раввину по имени Йосеф бен Йоханан, жившему в I веке в Иерусалиме. Он считал, что мужчины не должны много разговаривать с женщинами (следующий текст показывает также, как его слова интерпретировались среди евреев другими священниками-мужчинами):

«Йосеф бен Йоханан из Иерусалима сказал… „не разговаривайте с женщинами слишком много". Он имел в виду жену самого мужчины; тем более это правило распространялось на жену другого мужчины. В этом отношении мудрецы говорят, что „если мужчина слишком много говорит с женщиной, он 1) добудет себе неприятности, 2) упустит время, которое лучше было бы использовать на изучение Торы, и 3) закончит тем, что попадет в геенну"».

Сравним это с высказываниями из других древних еврейских писаний, которые указывают, из-за чего женщина не получала причитающуюся ей по брачному контракту материальную компенсацию при разводе. Причиной могло быть следующее поведение: если она 1) выходила из дома с распущенными волосами, 2) прогуливалась по рыночной площади или 3) с кем-нибудь беседовала. Ученые, изучавшие данную тему, пришли к выводу, что эти правила предполагают необходимое различие между поведением женщины в частной жизни (где она может распустить волосы, прогуливаться и беседовать) и в общественной жизни. Но из приведенных правил совершенно невозможно понять и представить себе реальную социальную жизнь женщин еврейской Палестины в I веке. Они лишь отражают представление некоторых мужчин относительно поведения женщин — каким оно должно быть. Причем, по всей видимости, женщины высшего сословия часто имели б***о***льшую свободу передвижения и общения, чем простолюдинки. Богатые и бедные женщины находились и здесь на разных уровнях.

Одна из самых удивительных современных археологических находок — надписи на еврейской синагоге в городе Афродизия, в Малой Азии. В них приводится список имен главных дарителей и имен духовенства синагоги. И что удивительно, многие имена — женские[82]. Эта находка опровергла утверждение, что в древности еврейские женщины не могли вести активную общественную жизнь и участвовать в богослужении. В некоторых слоях общества женщины угнетались тогда так же, как и теперь. Но если они принадлежали к другому сословию, они могли занимать руководящие должности. Возможно, женщины, желавшие иметь больше свободы самовыражения и передвижения, стремились, насколько было возможно, к тем сферам культуры и к тем общественным деятелям, которые могли сделать такую свободу реальной.

Иисус не был единственным, кто способствовал освобождению женщин в I веке. Но ясно, что его необычная проповедь привлекала женщин определенного круга. Мария Магдалина была одной из тех женщин, которые последовали за ним. Следует подчеркнуть, что в текстах она следовала за Иисусом в числе других женщин — *многих* других женщин, согласно евангелистам Марку и Луке. Некоторые из этих женщин названы по имени, например Иоанна, Сусанна, Саломия, а кого-то из них звали Марией. Это предполагает, что Мария Магдалина не была особой спутницей Иисуса и его близкой подругой, по крайней мере согласно тем документам, которыми мы располагаем. В конце концов, эти документы — единственное, чего должны придерживаться историки, если они не хотят выдумывать нечто на пустом месте, лишь бы подтвердить свою точку зрения (например, о том, что Мария и Иисус занимались любовью и у них были дети).

И Марк, и Лука указывают, что Мария Магдалина была из Галилеи. Это северная часть той области, которая сегодня является территорией Израиля. Иисус родом из этой же области, он родился в маленьком селении Назарет. Назарет был настолько маленьким и незначительным, что он отсутствует на древних картах и ни разу не упоминается в Еврейской Библии. Он не упоминается и в трудах историка I столетия Иосифа Флавия, который прожил в Галилее много лет и упоминает о многих ее местах. Археологи, которые проводили раскопки в Назарете, выяснили, что это было отдаленное, изолированное и маленькое селение{83}. Во времена Иисуса там, видимо, проживало двести-триста человек. Если у него было четверо братьев, несколько сестер, мать и отец, как рассказывается в Евангелиях, то только одна его семья составляла значительную часть населения Назарета{84}.

Некоторые ученые утверждают, что область Галилеи была населена евреями в меньшей степени, чем южная часть Израиля, Иудея. Так сложилось отчасти потому, что в Галилее было несколько больших языческих городов, Тиверия и Сепфор, находившихся недалеко от Назарета. Другая причина в том, что данная область иногда упоминается как «Галилея языческая». Однако последние исследования показали, что за пределами этих двух больших городов иудейские обычаи, культура и религия доминировали среди жителей Галилеи{85}. Сам Иисус был иудеем во всех отношениях. Такими были и его последователи, включая иудейских женщин вроде Марии Магдалины. Они поклонялись иудейскому Богу, соблюдали иудейские обычаи и иудейский Закон. Они были типичными иудейками.

Мы не знаем, где и как Мария встретилась с Иисусом, но осмелюсь предположить, что она слышала его проповеди в сельской Галилее, поскольку он избегал городов: например, Сепфор ни разу не упоминается в Новом Завете. Сама Мария не была родом из крошечного Назарета. В сущности, ее имя указывает на место ее рождения. Ее называют Магдалина, потому что она происходила из Магдалы.

Магдала была намного более крупной, чем Назарет. Это известно из текстов Иосифа Флавия, который с некоторым преувеличением (он часто преувеличивал) указывает, что Магдала был крупным городом, окруженным большой стеной, с двумя рынками зерна, большим акведуком для нужд населения, с театром в греческом стиле и ипподромом для зрелищных скачек, достаточно большим, чтобы вместить десять тысяч человек{86}. Археологические раскопки, проводившиеся в этом городе, не обнаружили ни одного из перечисленных элементов городской культуры.

Город был расположен на западном берегу Галилейского моря и известен в то время как главный центр рыболовецкого промысла (особенно он славился своими засоленными сардинами) и еще тем, что имел очень высокую башню. Слово, означающее «башня», на арамейском языке (языке Иисуса, Петра, Марии и других иудеев из этой области) звучит фактически как «магдала», отсюда и происходит название самого поселения. В некоторых древних источниках его называют Мигдал Нунья (Рыбная Башня).

В конечном счете уже после событий, связанных с Марией и Иисусом, Магдала приобрела известность как своего рода роскошный курорт. Как и большинство подобных

мест, будь то современный Лас-Вегас или старинный Коринф, Магдала стала ассоциироваться с расточительным образом жизни и распущенными нравами. Трудно сказать, когда данная ассоциация оказалась связанной с образом Марии, но ее необоснованная репутация проститутки, возможно, имела отношение к тому факту, что имя Магдалина вызывала именно такие ассоциации.

Я уже обращал внимание на то, что Мария скорее всего была богатой женщиной. Согласно Евангелиям от Марка и Луки, она и другие названные в них женщины «обслуживали» Иисуса. Используемый в текстах греческий термин может быть переведен так, что они «служили» ему (и его ученикам), но часто он имеет значение «обеспечения финансовой поддержки». Ведь Иисус перестал зарабатывать на жизнь плотницким трудом, посвятив себя публичному служению{87}, как и его двенадцать учеников. В одном месте Петр говорит ему: «Вот, мы оставили всё и последовали за Тобою». Иисус сказал в ответ:

«Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (Мк. 10:28–30).

Но как последователи Иисуса могли получить так много, если у них не было никаких источников дохода? Очевидно, кто-то должен был снабжать их тем, в чем они нуждались. Новые родные братья, родители и дети, которых ученики должны были обрести, — это большая группа последователей Иисуса. Они стали духовными членами семьи, объединенными приверженностью учению Иисуса. А вот новое имущество — дома, земли и тому подобное — должны были обеспечить им другие. Мы не знаем, просили ли подаяние Иисус и его последователи, чтобы выжить. Но так как у них не было никаких источников дохода, кто-то должен был обеспечивать их тем, в чем они нуждались, и если не оплачивать их счета (которых у них не было), то по крайней мере кормить несколько раз в день.

Мария и ее спутницы были теми или среди тех, кто занимался именно этим. У нас нет никаких сведений, откуда они сами получали доходы. Возможно, так сложились обстоятельства, что эти женщины были богатыми, то есть происходили из богатых семейств и (или) обрели деньги благодаря замужеству. Так было с одной из женщин, названных Лукой: «Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова…» (Лк. 8:3). Что Хуза думал о своей жене, отдававшей его деньги странствующему иудейскому пророку и его безработным последователям, можно лишь предполагать.

Это поднимает заключительный вопрос о биографических данных Марии. Была ли она, подобно Иоанне, замужем? Как мы подробно выясним в одной из последующих глав, нет абсолютно никаких намеков на то, что она была замужем за Иисусом. Только в одном месте канонических Евангелий она разговаривает с Иисусом, а затем называет его «учителем», но вовсе не «любимым». Однако вполне правдоподобно, что она была чьей-то женой. Большинство ее спутниц были замужними, хотя, как мы увидим позже, не все. Кроме того, мы можем сказать, что, если она и была замужем, ничто не указывает на то, что ее муж странствовал рядом с нею, пока она сопровождала Иисуса вместе с другими мужчинами и женщинами по всей Галилее и в Иерусалиме.

Притягательность личности Иисуса для женщин

Представление о том, что у Иисуса было множество последовательниц во время его публичного служения, а Мария, возможно, была одним из лидеров (если не *единственным* лидером) этих женщин, происходит из ранних источников. Это могло бы объяснить, почему при упоминании о евангельских женщинах ее имя почти всегда называется первым.

Но почему, когда Иисус проповедовал и, как рассказывается, совершал чудеса в галилейских селениях, за ним следовали женщины, подобные Марии? Мысль о том, что они следовали за ним потому, что он был Сыном Божьим, недостаточно убедительна. Грубые

исторические факты говорят о том, что большинство людей не пошло за Иисусом. Подавляющее большинство иудеев того времени не приняло его как мессию, они не стали его учениками, не считали его избранником Божьим, спасителем мира.

Есть ли в учении Иисуса нечто такое, что было особенно привлекательным для некоторых людей? Особенно для некоторых еврейских женщин в Галилее I столетия? Думаю, было бы ошибкой принять точку зрения, выдвинутую некоторыми историками, замечательными исследователями в других отношениях, которые утверждали, что Иисус выдвинул идею абсолютного равенства между полами и заботился прежде всего об установлении некоего эгалитарного общества, отменяющего иерархические структуры, что уже в свою эпоху он нашел способ урегулирования половых отношений{88}. Иисуса занимали иные вопросы, нежели преобразование общества в течение длительного периода. Иисус не думал о длительных сроках. Общество и все его структуры должны были незамедлительно со скрежетом остановиться, когда на землю сойдет с небес Сын Человеческий на Суд, уничтожит все, что противно Богу, и установит Царство Божье здесь, на земле. Иисус был апокалиптическим пророком, а не социальным реформатором{89}.

Но может быть, великое равенство между полами в его вид***е***нии грядущего Царствия Божьего и было тем, что привлекало женщин в его учении и его движении? Вероятно, это ближе к истине, но даже здесь нужно быть осторожным. Так это или нет (одни ученые разделяют такое мнение, другие отклоняют), Иисус в полной мере был сыном своего времени. Он не был либеральным мужчиной XXI века, он был мужчиной, жившим в Палестине в I веке. Он был носителем ее культуры и неоспоримых представлений о мире и людях. И возможно, одним из его убеждений было то, что мужчины, а не женщины, должны быть руководителями.

Если Иисус думал иначе, — если честно, то, учитывая, где и когда он жил, я не очень хорошо понимаю, как он мог думать иначе, — невозможно объяснить то очевидное обстоятельство, что он выбрал двенадцать учеников-мужчин, которые стали его ближайшими спутниками. Позвольте мне пояснить свою мысль прежде, чем кто-нибудь захочет возразить: я не утверждаю, что, поскольку учениками Иисуса были мужчины, то и христианскими лидерами обязательно должны быть мужчины, что только они могут быть пастырями, священниками, епископами и римскими папами. Это совершенно противоположно моим представлениям. Слава Богу, времена изменились, и мнение, что женщин в наши дни нужно в чем-нибудь ограничивать, сдерживать или препятствовать им в чем-либо, абсурдно. Заявлять, что только мужчины могут быть главами церквей или вообще руководителями любых сообществ, включая семью, только потому, что так сказано в Новом Завете, или потому, что так было во времена Иисуса, — всё равно что требовать, чтобы мы побивали камнями детей, если те не повинуются своим родителям, и казнили банкиров, которые предоставляют деньги под проценты, или ткачей, которые сочетают различные виды тканей. Библия была написана в уникальное время и в уникальном месте, и вырывать из контекста сказанное в ней, делая вид, что, несмотря ни на что, библейские слова автоматически и полностью подходят к нашему с вами времени и месту, нельзя назвать иначе, чем невменяемостью.

Но историки хотят знать, что на самом деле имели в виду библейские авторы, даже если это не совпадает с нашими представлениями. Они хотят понять, во что верил Иисус (а также Петр, Павел, Мария и другие), даже если это не то, во что верим мы. А Иисус, насколько мы можем судить, считал, что его главными последователями, двенадцатью учениками, должны быть мужчины, а не женщины. Еще сильнее он верил в приближение Царства Божьего, а не в эгалитарное общество со всеобщим равноправием и равным социальным положением. Как мог он, живя в I столетии, даже помыслить такое? Он предполагал, что в будущем Царстве будут правители, как всегда было у еврейского народа. Как и в древнейшие времена, они управляли бы двенадцатью коленами божьего народа, новым Израилем, который вошел бы в

это Царство. И кто стал бы этими правителями? Те двенадцать мужчин, которых Иисус избрал своими учениками. В одной из наиболее засвидетельствованных Евангелиями речей Иисус объясняет двенадцати апостолам:

«Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:28; ср.: Лк. 22:28–30).

Получается, что Иисус не предусматривал такое будущее Царство Божье, которое было бы устроено и управлялось бы революционным для того времени эгалитарным способом. Им управляли бы двенадцать апостольских мужей.

В то же время учение Иисуса было явно привлекательным для женщин, до такой степени, что некоторые из них, подобно Марии Магдалине, могли уйти из дома и странствовать с ним по селениям, материально поддерживая его из своего кошелька. В таком случае, что же их так привлекало?

Вероятно, следует рассмотреть этот вопрос в более широком контексте. Учение Иисуса привлекало не только женщин. В числе его последователей были и те, кто не относился к влиятельным кругам и числу сильных мира сего. За Иисусом прочно закрепилась репутация (хотя, наверное, сомнительная для иных людей) человека, собиравшего вокруг себя отбросы общества: проституток, сборщиков налогов [мытарей] и грешников. Первосвященники недолюбливали его. Возможно, большинство из них даже презирало его. Ни один из учеников Иисуса не был видным раввином того времени. Ими стали крестьяне из низшего сословия, неграмотные рыбаки Петр и Андрей, Иаков и Иоанн, люди ничем не выдающиеся, не имевшие ни положения в обществе, ни образования, ни богатства, ни престижа. И *эти* люди, по замыслу Иисуса, должны были оказаться во главе мира в грядущем веке? Неужели он всерьез так думал? Если такие люди должны были стать царями, тогда в общем-то любой мог взойти на эту вершину. Возможно, именно такая идея сделала учение Иисуса столь привлекательным для бедных, неимущих, изгоев, угнетенных — ибо в нём содержалось апокалиптическое обещание и надежда для тех, кто страдал в своей реальной жизни.

Подобно другим иудеям своего времени, Иисус считал, что земная жизнь пропитана злом, управляемым космическими силами, которые противостоят Богу и избранному им народу Именно поэтому в мире столько горя и страдания. Но в таком несчастливом человеческом существовании, с огромной детской смертностью, голодом, эпидемиями, войнами, несправедливостью и мучениями, нельзя обвинять Бога. Причина этих бед не в том, что Бог допустил ошибку. Она — в тех силах, которые объединились против Бога. Именно они в ответе за земную клоаку страданий.

Что же в таком случае можно сказать о людях, которые преуспели в сем мире, кто богат, уважаем и могуществен? Как они приобрели свое богатство, престиж и власть? Очевидно, благодаря подстраиванию под те силы, которые правят этим миром. Именно сильные мира сего являются врагами Бога, включая и правящее духовенство. Неудивительно, что у Иисуса было мало друзей из высшего общества. Он полагал, что высшее общество является отвратительной ямой, и любой принадлежащий к нему столкнется с Судным днем, когда всему, что было в этом мире неправедным, будет воздано по заслугам.

Как иудейский апокалиптик, Иисус верил, что истинные верующие в Бога будут оправданы, когда Бог принесет спасение созданному им миру. Мир стал испорченным, но вся гниль должна быть искоренена и уничтожена. Все, кто страдает теперь, потом будут оправданы, так же как все, кто теперь процветает, потом будут осуждены. «И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними» (Лк. 13:30). Это не просто какой-то заумный полет мысли Иисуса. Это сама суть его апокалиптического учения. Бог скоро пришлет с небес освободителя, которого Иисус называл Сыном

Человеческим — того, кто низвергнет сильных мира сего и возвысит смиренных. «Ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 14:11).

Такая радикальная перемена должна произойти очень скоро, с неизбежным пришествием Царства Божьего: «И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе» (Мк. 9:1). Он сказал эти слова своим ученикам, убеждая, что некоторые из них еще при жизни увидят, как всё произойдет: «Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как всё это будет» (Мк. 13:30). Неудивительно, что Петр, Андрей и другие ученики оставили свою работу, чтобы следовать за Иисусом. Скоро должен наступить конец света, и в самом ближайшем будущем они будут возвышены до выдающегося положения в Царстве Божьем, где все те, кто ныне попран и угнетен, будут наслаждаться присутствием Бога в мире, в котором больше не будет ни бедности, ни несправедливости, ни социального остракизма.

Я предпринял этот краткий экскурс в учение Иисуса, чтобы объяснить, почему к его учению примкнули такие женщины, как Мария Магдалина. Это происходило именно потому, что было предложено апокалиптическое учение о радикальной перемене, согласно которому униженные и угнетенные будут возвеличены и освобождены. Я не хотел бы сделать ошибку, говоря, что всех еврейских женщин сильно угнетали, а Иисус оказался единственным по-настоящему просвещенным освободителем, — как заявляют многие христианские богословы, выдающие себя за историков. Но все женщины Древнего мира, и еврейские женщины в частности, были весьма ограничены в своей жизни, в общении, в том положении, которое они могли занимать в семье, в религиозных институтах и в политике. Были и исключения. Но в большинстве случаев женщина с амбициями, особенно из низшего сословия, не могла ничего добиться.

Возможно, учение Иисуса казалось таким женщинам весьма привлекательным. Ведь в ближайшем будущем должна была произойти полная и радикальная перемена. Существующие мир и общество будут низвергнуты. Придет новое Царство. Униженные будут возвышены, угнетенные — освобождены. Несомненно, униженные и угнетенные, среди которых были и женщины, восприняли такое учение как хорошую новость. В сущности, это и была благая весть.

Но речь шла не только об этом. Одним из ключевых аспектов учения Иисуса являлось то, что ожидающие неизбежного пришествия Царства Божьего должны были подготовиться, живя соответствующим образом. Жизнь в будущем Царстве воплотит такие ценности, присущие Богу, как любовь, справедливость, свобода. Но они должны найти отражение в том, как последователи учения Иисуса станут жить в настоящем. В будущем Царстве не будет ненависти, и последователи Иисуса должны любить друг друга. В будущем Царстве не будет одиночества, поэтому ученики Иисуса должны навещать вдов и сирот. В будущем Царстве не будет бедности, так что уже теперь последователи Иисуса должны продать свое имущество и раздать все бедным. В будущем Царстве не будет голода, поэтому ученики Иисуса должны кормить голодных. В будущем Царстве не станет болезней, а в настоящем последователи Иисуса должны исцелять больных. В будущем Царстве не будет бесов, а в жизни сей ученики Иисуса должны изгонять бесов. В будущем Царстве не будет войн, поэтому последователи Иисуса должны заниматься миротворческой деятельностью. В будущем Царстве не будет несправедливости, и в настоящем ученики Иисуса должны бороться с несправедливостью[90].

Будущее Царство должно начать осуществляться здесь и сейчас, поскольку последователи Иисуса стремятся реализовывать его ценности и нормы. Именно поэтому для Иисуса Царство Божье «как зерно горчичное» (Мк. 4:31). Когда его сажают в землю, это маленькое, крошечное семя, но когда оно вырастает, то превращается в огромный кустарник. Царство Божье подобно такому семени, потому что в настоящем оно начинается с малого для жизни последователей Иисуса. Но когда Сын Человеческий придет на землю, чтобы судить, это «растение» вырастет и станет огромным. Оно охватит весь мир.

Если в будущем Царстве женщин больше не будут заставлять молчать, если их не будут угнетать, то как насчет настоящего? Не секрет, что за Иисусом следовало много женщин, как об этом писали евангелисты Марк и Лука. Кто больше их заинтересован в его учении! И в то время когда Иисус был жив, и вскоре после его смерти женщины составляли существенную часть его последователей. Раз они получат свободу в будущем Царстве, то уже и теперь они могли начать вкушать плоды своей свободы. Неудивительно, что в самых ранних христианских общинах, о которых мы знаем, например в общинах Павла, женщины были священниками, дьякониссами, миссионерами и даже апостолами. Женщины восприняли апокалиптическую проповедь свободы Иисуса, а после него — и учение Павла{91}.

Есть еще один аспект апокалиптического учения Иисуса, который, возможно, стал источником утешения и надежды для некоторых из его последовательниц. А именно, что мирские семьи не имеют значения. Это одно из тех учений, которое способно снизить наше современное помешательство по поводу того, что будет с нашими «семейными ценностями». По мнению большинства (американских) христиан и утверждению многих христианских проповедников, Иисус был сторонником таких ценностей, как семья, дом, подчинение родителям, верность одной жене (мужу) и так далее. Но самые ранние предания об Иисусе подают беспокойный сигнал относительно таких утверждений. Мы уже видели, что Иисус не укоряет своих последователей за то, что они оставили своих родителей, супругов и детей, чтобы следовать за ним; он хвалит их за такие поступки. В одном месте, — и это звучит шокирующе для моих студентов, которые не могут поверить, что Иисус мог сказать такое, — он говорит, что никто не может быть его учеником, если «…не возненавидит отца своего и матери…» (Лк. 14:26).

Иисус пришел научить тому, что его последователи должны основать новую семью для тех, кто всё оставил, чтобы сопровождать его на его пути. В самом раннем Евангелии об этом рассказано так:

«И пришли Матерь и братья Его и, стоя вне дома, послали к Нему звать Его. Около Него сидел народ. И сказали Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои и сестры Твои, вне дома, спрашивают Тебя. И отвечал им: кто матерь Моя и братья Мои? И обозрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот матерь Моя и братья Мои» (Мк. 3:31–34).

Это высказывание не может быть утешительным для тех, кто лелеет идею нуклеарной семьи, а друзей и знакомых воспринимает как внешнюю сторону жизни. Но для других новое учение могло быть привлекательным, особенно для некоторых женщин. Женщины во всем греко-римском мире — как в Иудее, так и за ее пределами — в своих семьях обычно были подвластны мужчинам: вначале своим отцам, а затем, после брака, — мужьям. Но что, если институт семьи (семьи как ячейки общества) объявят необязательным? Женщины больше не будут находиться под властью мужчин.

На самом же деле учение Иисуса шло еще дальше. Мало того, что он отрицал авторитет нуклеарной семьи, он еще проповедовал, что институт брака сам по себе является временной мерой и будет отменен, когда придет Царство Божье.

В одном из самых интересных эпизодов ранних Евангелий оппоненты Иисуса, иудейские саддукеи, спорят по поводу того, произойдет ли воскрешение из мертвых (см.: Мк. 12:12–27). Будучи иудейским апокалиптиком, Иисус полагал, что в конце света Бог воскресит из мертвых всех людей, одних — чтобы они предстали перед Судом, а других — чтобы они получили вечную награду. Но саддукеи не были апокалиптиками и не соглашались с идеей будущего воскрешения. Они придерживались мнения (как и многие другие иудеи, не являвшиеся апокалиптиками, и как большинство язычников), что со смертью человека история его жизни заканчивается: он просто прекращает свое существование.

В Евангелии от Марка группа саддукеев пытается убедить Иисуса, что воскрешение не имеет смысла. Они описывают ему такую гипотетическую ситуацию: жил человек, который

умер прежде, чем его жена зачала ребенка. Согласно Закону Моисея, в подобной ситуации брат этого мужчины должен жениться на вдове, чтобы подарить ей ребенка, тем самым сохранив род умершего брата. Так вышло, что первый ее муж был одним из семи братьев. Женщина выходила замуж за каждого из них поочередно, поскольку все они умирали, оставляя ее бездетной. Потом умерла и она сама. Итак, спросили саддукеи, чьей женой она будет после воскресения из мертвых? Она была замужем за всеми семью братьями, но у нее может быть только один муж, даже в предполагаемой загробной жизни.

Это был хороший вопрос и ловкая западня. Но, как обычно, Иисус легко выходит из данной ситуации. Он делает это, доказывая, что брак существует только на этом свете. Брак всего лишь временная мера. В Царстве Божьем, «когда из мертвых воскреснут, *тогда* не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах» (Мк. 12:25). Ангелы не женятся, а в будущем Царстве не будут жениться и люди.

Почему это могло быть благой вестью для женщин? Вспомним, в I веке замужняя женщина находилась во власти мужа. Но если она не вступала в брак (и если ее отца уже нет в живых), она становилась совершенно свободной. Более того, Иисус учил, что его ученики должны начать уже сейчас реализовывать ценности Царства Божьего. Неудивительно, что некоторые ученики Иисуса, включая апостола Павла (который является ярким тому примером), решили, что лучше быть холостыми и девственниками (см.: 1 Кор. 7:7, 25–26). Мы знаем о женщинах-христианках более поздних времен, которые в точности следовали этому учению. Социальное вознаграждение за такое решение было существенным: они становились свободными от социальных ограничений, налагаемых на женщин в патриархальном обществе, где отцы и мужья решали за женщин, что им можно делать и как они должны вести себя.

Теперь, наверное, понятнее, почему для некоторых женщин учение Иисуса показалось столь привлекательным. Мы не можем получить по данному вопросу достоверную информацию о самой Марии Магдалине. Ни один из имеющихся в нашем распоряжении текстов не говорит о том, почему она следовала за Иисусом. Но вполне правдоподобно, что она нашла его учение не только убедительным, но и восприняла его как личное освобождение.

Глава пятнадцатая

Диалоги Иисуса и Марии

Люди идут за религиозными лидерами по разным причинам. Иногда их привлекает учение, настолько влиятельное и преобразующее жизнь, что оно стоит того, чтобы бросить всё и следовать ему. Порой причина состоит в личном обаянии, или харизме, лидера, которые естественным образом непреодолимо привлекают к нему людей. Причина может быть и в особом личностном взаимоотношении лидера с каждым человеком, когда он уделяет внимание всякому, кто в этом нуждается, и в ответ получает полную преданность делу. А иногда все эти причины сливаются воедино.

Возможно, нечто подобное произошло и с Марией, когда она стала одной из верных последовательниц Иисуса. Может быть, ее привлекала харизма Иисуса и его учение о скором пришествии Царства Божьего и свободы. Возможно, Мария искала чего-то подобного его учению, чтобы спастись от повседневной обыденности или от давления патриархального общества. Но, возможно, не только учение Иисуса само по себе дало свободу Марии. Возможно, он лично помог ей обрести свободу — спас от какой-то ужасной беды, в которую она попала.

Иисус и Мария: вероятная первая встреча

В одном эпизоде, где упоминается Мария в период проповедования Иисуса (см.: Лк. 8:2–3), рассказывается, что она была одной из женщин, следовавших за Иисусом, «которых Он исцелил от злых духов и болезней». Более конкретно говорится, что из нее «вышли семь

бесов». Цифру семь в данном контексте не следует понимать буквально. Она часто используется, чтобы показать некую количественную «полноту». Здесь она просто может подразумевать, что до присоединения к ученикам Иисуса Мария была совершенно одержима бесами. Лука точно не указывает, что от болезней ее исцелил именно Иисус, но это можно вывести логически. В предыдущей главе Лука пишет, что «в это время Он многих исцелил от болезней и недугов и от злых духов, и многим слепым даровал зрение» (Лк. 7:21). О том, что Иисус исцелил Марию, прямо говорится в окончании Евангелия от Марка, которое было добавлено позднее (сам Марк закончил свое повествование на 16 главе, 8 стихе)[92]: «Воскреснув рано в первый *день* недели, *Иисус* явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов» (Мк. 16:9). Мы не знаем, действительно ли речь идет об историческом факте, но ясно, что Марию запомнили как одержимую бесами женщину, из которой Иисус изгнал этих бесов. Очевидно, это может объяснить причины глубокой привязанности Марии к Иисусу.

Что еще может открыть нам самое раннее Евангелие о Марии и ее общении с Иисусом в период его служения? К сожалению, как я уже упоминал, новозаветные Евангелия (а также тексты Павла и других авторов Нового Завета) больше ничего нам о ней не рассказывают.

Иисус и Мария в непрестанной дискуссии

Тем не менее Мария играла важную роль в служении Иисуса, поскольку о ней упоминается в писаниях ранних гностиков. Фактически Мария является ключевой фигурой в некоторых текстах, например, в нескольких книгах из библиотеки Наг-Хаммади и в одной книге, найденной приблизительно за пятьдесят лет до того, как была обнаружена эта библиотека, — в «Евангелии от Марии».

«Евангелию от Марии» я уделю много внимания в одной из последующих глав, рассматривая истории встреч Иисуса с Марией после его воскресения. С этой целью можно использовать и другие их беседы, о которых сообщают имеющиеся первоисточники, а иногда в них приводятся диалоги, происходившие во время проповедования Иисуса. В любом случае, как и можно было предположить, эти гностические тексты скорее всего не содержат исторически достоверных сведений, о чем на самом деле говорили Иисус и Мария. Написанные христианами в более поздний период, они представляют собой диалоги, которые фактически отражают гностические представления, вложенные в уста Марии и Иисуса. Но для тех, кому интересно узнать о корнях возникновения традиционного представления о Марии, увековеченного после ее смерти, они являются чрезвычайно притягательными источниками.

«Диалог Спасителя»

Вероятно, самый ранний текст, содержащий диалоги (или, скорее, серию вопросов и ответов), которые происходили между Марией и Иисусом, находится в одном из трактатов библиотеки Наг-Хаммади, известном как «Диалог Спасителя». Этот текст был найден в одной из рукописей, которые в результате столетий хранения в кувшине сильно пострадали, что делало его прочтение практически невозможным. Но основная идея произведения вполне ясна. Иисус беседует со своими учениками, передавая им истинное знание, которое приведет их к спасению. Ученики происходят не из земного жалкого мира. Они спустились в него из великого высшего мира, оказавшись каким-то образом пойманными в этой несовершенной сфере материи. Но как только они познают истину, которую принес им Иисус, они спасутся и возвратятся в свою небесную обитель. Иисус говорит ученикам, среди которых была и Мария: «Вы — из полноты, и вы находитесь в месте, где недостаток. И вот! Его свет сошел на меня!» (изречение 55)[93].

Показательно, что большая часть этого исторического документа состоит из вопросов, которые задают трое учеников Иисуса: Иуда Фома (не тот Иуда Искариот, который стал предателем), Матфей и Мария. Получается, что для автора текста Мария была более важной фигурой, чем другие двенадцать учеников. Фактически Мария изображается как превосходный гностик. В одном месте она произносит три афоризма, которые в Новом Завете приписаны Иисусу: «зло всякого дня», «трудящийся достоин пропитания» и «ученик имеет сходство с учителем». Рассказчик делает вывод, что она «произнесла это как женщина, полностью понимающая» (изречение 53). Какой еще похвалы нужно гностику, ищущему истинное знание?

Или рассмотрим диалог, произошедший позже: «Мария сказала: „Я хочу понять все вещи, так же как они!" Учитель сказал: „Кто бы ни искал жизнь, она — их богатство. Для [покоя] мира ошибочно, а золото и серебро вводят в заблуждение"» (изречения 69–70). Другими словами, истинное богатство, дарующее вечную жизнь, — это абсолютное знание. Материальные вещи земного мира просто обманывают человеческое воображение, будто они имеют значение.

Или, наконец, приведем полностью следующие изречения:

«Мария сказала: „Скажи мне, Учитель, я оказалась в этом месте к прибыли или к потере?"
Учитель ответил: „Ты показываешь силу открывателя".
Мария сказала ему: „Учитель, к тому же там есть место, покинутое или вне истины?"
Учитель сказал: „Место, где меня нет".
Мария сказала: „Учитель, ты страшен и изумителен…".
Учитель сказал: „Когда ты откажешься от дел, которые не смогут следовать за тобой, тогда ты успокоишься"» (изречения 60–64, 68).

Только в присутствии Иисуса, дарующего откровение, проявляется истина; только отринув этот материальный мир, мы обретем вечный покой. Иисус преподал Марии урок, в котором она «все» поняла. Мария — совершенный гностик.

«Пистис София»

Если то важное значение, которое придается Марии в «Диалоге Спасителя», может показаться несколько неожиданным, то ее роль в гностическом сочинении под названием «Пистис София» (что означает «божественная сущность, дарующая мудрость») просто поразительна. Это произведение не входит в библиотеку Наг-Хаммади, ее обнаружили в XVIII веке как часть большой книги, содержащей несколько гностических трактатов. Подобно другим, уже рассмотренным нами книгам христианских гностиков, это сочинение состоит из нескольких откровений, которые Иисус дает своим ученикам, раскрывая истину о материальном мире и необходимости спастись от него благодаря обретению истинного знания. Это объемистый трактат. В одном месте повествование переходит в серию вопросов и ответов, и здесь вновь появляется Мария. Фактически в данной беседе чаще всех упоминаются именно она и «непорочный Иоанн», причем она — в большей степени. Она задает Иисусу четыре из пяти вопросов.

Однако то, что она задает больше вопросов, не означает, что она знает меньше других учеников. Напротив, Мария изображается как ушедшая в своем духовном совершенствовании гораздо дальше других. В одном месте Иисус говорит ей:

«Благословенная Мария, которой я передам все высшие тайны [то есть он намерен совершенствовать ее знания], говори открыто, ибо ты та, чья душа устремлена в небесное царство более всех остальных братьев».

Мария поступает, как ей было велено, и рассказывает о своем понимании — как Иисус одолел злые силы, управляющие этим материальным миром, и освободил ищущих истину от власти рока. Ответ Иисуса показывает, что она понимала его:

«Когда Мария закончила говорить об этом, Иисус сказал: „Истинно так, Мария. Благословенна ты более других жен на земле, ибо ты станешь полнотою всех полнот и свершением всех свершений"».

Но другие ученики, особенно Петр, выказывают недовольство тем, как проходит эта необычная беседа. Петр считает, что Мария отнимает всё время, которое Иисус мог им уделить.

«Петр выступил вперед и сказал Иисусу: „Учитель, мы не можем терпеть эту женщину, которая своевольничает и не дает высказаться ни одному из нас, потому что она все время говорит"» («Пистис София», 36).

Мария воспринимает этот выброс тестостерона как угрозу.

«Учитель, я знаю, что в любой момент могу выйти вперед и разъяснить все, что говорит Пистис София [божественная сущность, дарующая мудрость], но я опасаюсь Петра, потому что он угрожает мне и ненавидит весь женский род» («Пистис София», 72).

Однако, Царство Божье — не то место, где имеют значение половые различия. Половые различия подразумевают материальное, внешнее проявление сущности, тогда как истинное знание предполагает понимание сути вещей. Поэтому Марии было сказано: «Всякий исполненный духом светлым пусть выйдет вперед, разъясняя то, что Я говорю; и никто не посмеет воспрепятствовать ему».

Мы уже говорили о том, что апокалиптическое учение реального, исторического Иисуса могло восприниматься женщинами как освобождение, поскольку они могли надеяться, что в будущем Царстве им больше не придется испытывать гнет патриархального общества. Какого рода свободу может предложить учение гностического Иисуса? Ведь теперь женщины понимают, что совершенно равны с мужчинами. И даже могут превосходить тех из них, кто не в состоянии познать истину и продолжают, подобно Петру, судить на основании внешних данных, вроде половой принадлежности.

В заключительной части «Пистис София» Иисус хвалит Марию за то, что она достигла полного понимания истины, которая дарует спасение:

«Когда Мария закончила свою речь, Спаситель весьма восхищался данными ею ответами, ибо она воплотила в себе чистый дух. Иисус сказал в ответ: „Истинно говорю вам, Мария — чистая духовная женщина"».

Итак, даже женщина может преодолеть свою физическую природу и спастись, став чистым духом.

Это не первый известный нам случай споров среди христиан относительно того, позволительно ли женщинам участвовать в религиозной беседе вместе с мужчинами. Как мы уже ранее видели, несмотря на то, что сам апостол Павел позволял женщинам активно участвовать в богослужениях в своих церквах, более поздний переписчик изменил его Первое послание к Коринфянам, предписывая женщинам «молчать». Точно так же еще более поздний автор, сочинивший Первое послание к Тимофею от имени Павла, требовал от женщин «быть в безмолвии» (1 Тим. 2:12). Насколько отличается это от того, что говорит Павел в Деяниях апостолов и в «Деяниях Фёклы», когда уполномочивает своего апостола-женщину идти и «проповедовать Слово». И насколько отличается это от речи гностического Иисуса в «Пистис София», в которой он хвалит Марию за ее совершенное познание истины, приносящей свободу.

Но здесь перед нами не последнее осложнение в борьбе между Петром и Марией по поводу ее положения в сообществе спасенных.

«Евангелие от Фомы»

Из всех сохранившихся текстов наиболее резкие нападки Петра на Марию содержатся в самом известном трактате библиотеки Наг-Хаммади — в «Коптском Евангелии от Фомы». Ученые продолжают проявлять интерес к данному тексту и писать о нем даже спустя шестьдесят лет после его обнаружения. В некоторой степени это связано с его потенциальной исторической ценностью: по мнению некоторых ученых, «Евангелие от Фомы» содержит подлинные высказывания Иисуса, чего нельзя сказать о Новом Завете. Не говоря уже о разного рода дополнительной информации об Иисусе, которая наделала много шума. Возможно, ни одно другое современное открытие не даст сведений, равных тем, что содержатся в «Евангелии от Фомы».

Это Евангелие содержит 114 изречений Иисуса и ничего более. В нем ничего не сообщается о том, что он делал, не рассказывается никаких чудесных историй, не описывается последняя неделя его жизни, последние часы, смерть или воскресение. Здесь — список изречений, одно следующее за другим, иногда в виде ответа на вопросы или комментария, сделанного тем или иным учеником. Многие из этих изречений очень похожи на те, с которыми мы знакомы по книгам Нового Завета, включая притчи о горчичном зерне и о слепом поводыре слепых. Но большинство других изречений совершенно отличаются от новозаветных, и именно они вызвали жгучий интерес среди исследователей раннего христианства.

Упоминания о Марии Магдалине встречаются в тексте дважды. В 24-м изречении она задает невинный вопрос: «Мария сказала Иисусу: „На кого похожи твои ученики?"»[13] Иисус дает длинный ответ. Во второй раз она упоминается в заключительном 118 стихе, печально известном изречении, в котором Петр и Иисус обсуждают то, что заставило вздрогнуть многих современных читателей.

«Симон Петр сказал им: „Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны [вечной] жизни". Иисус сказал: „Смотрите, я направляю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в Царствие Небесное"».

Как вы понимаете, никакое другое изречение из этого Евангелия не вызвало такого приступа гнева, как это. Некоторые его части несложно понять: совершенно ясно, что Петр невысокого мнения о женщинах вообще и Марии в частности, и он недоволен тем, что Мария присутствует при беседе Иисуса с учениками-мужчинами. Мы и ранее видели неприятие Петра по отношению к Марии, например в «Пистис София». Даже в канонических текстах проглядывает некоторая напряженность в отношениях между этими двумя учениками. В Евангелии от Луки, когда Мария и другие женщины видят, что гробница Иисуса пуста, и узнают, что он воскрес из мертвых, они уходят, чтобы рассказать об этом Петру и другим ученикам, но те не верят женщинам, считая их слова «пустыми» (Лк. 24:11). Мария, согласно всем источникам, переживает от такого отношения Петра. Эта ситуация еще более отчетливо выражена в «Евангелии от Марии», как мы увидим в следующей главе.

В любом случае, Петр в «Евангелии от Фомы» недоброжелателен не только по отношению к Марии, но и к женщинам вообще, как «недостойным [вечной] жизни». Можно сказать, что для Петра небо стало бы скучным местом, ибо там его окружали бы только праведные мужчины. Женоненавистничество не всегда проявляет предусмотрительность.

Немало озадачивает ответ Иисуса, говорящего, что он сделает Марию (как, по-видимому, и других женщин) мужчиной, чтобы она, подобно другим мужчинам, тоже могла стать духом живым и благодаря этому войти в Царство Небесное. Что же неправильного в женщинах? Зачем им нужно становиться мужчинами, чтобы войти в Царство Небесное?

Самое удивительное в состоявшихся обсуждениях данного стиха — непонимание, что его следует интерпретировать в соответствии с древними представлениями о половых различиях[94]. Кто бы ни был автором текста, он жил в древнеримском мире[95], и чтобы понять, что он имел в виду, мы должны знать, как люди жили в древнеримском мире и какими были тогда отношения между мужчиной и женщиной.

К счастью, мы достаточно осведомлены об этом. Многие древние авторы обсуждали данный вопрос, включая философов, исследователей религий, представителей естественных наук, врачей и даже древних гинекологов. Когда читаешь, что они рассказывают о взаимоотношениях полов, становится ясно, что они понимали их иначе, чем мы[96].

В наше время мы обычно воспринимаем мужчину и женщину как два проявления одного и того же существа. Есть человек, и он бывает мужчиной или женщиной. Правда, это представление сталкивается с некоторыми проблемами. Например, существуют гермафродиты. Но в основном дело обстоит именно так, как мы его понимаем. В древности же картина представлялась иной. Мужчина и женщина не были двумя разновидностями одной сущности — человека; они были двумя ступенями развития человека. Фактически женщины считались несовершенными мужчинами.

Чтобы понять суть этого древнего представления, необходимо мысленно поместить все живые создания на своеобразной шкале. В ее крайней левой части располагаются растения, правее — животные, а еще правее — люди. Животные отличаются друг от друга степенью развития интеллекта: слизняки, к примеру, находятся где-то в левой части шкалы, а шимпанзе — намного правее. Подобным образом обстоят дела и с людьми. Дети и рабы не совершенны как люди, так что они — в крайней левой части человеческой полосы. Женщины тоже не совершенны, поскольку они не достигли уровня мужчин. Мужское тело являет собой совершенный человеческий идеал. Далее по шкале вправо, после людей, расположились бы другие живые существа, боги, которые в сущности уже сверхлюди и вершина всего живого.

Цель людей состоит в том, чтобы стать подобными богам, а для этого необходимо продвинуться по шкале вправо. Мужчины должны преодолеть свою смертную ограниченность. А женщинам для этого потребуется сперва пройти на шкале через то положение, которое занимают мужчины. То есть, чтобы войти в жизнь вечную, женщина должна сначала стать мужчиной.

В те времена женщины считались несовершенными людьми, или, по мнению некоторых авторов, — несовершенными мужчинами. Многие в древности понимали это буквально: женщинами стали те мужчины, которые просто оказались недостаточно развитыми. У них не вырос половой орган (влагалище считалось противоположностью пениса, чем-то таким, что так и не развилось); не окрепли мускулы; не расширилась грудная клетка; голос не стал глубоким; не отросли волосы на лице. Женщинами считались мужчины, которые просто не достигли совершенства.

Немного отклоняясь от темы, можно сказать, что в таком представлении кроется причина того, почему некоторые древние тексты диаметрально расходятся во взглядах на однополые сексуальные отношения. Проблема таких отношений в эпоху греческой и римской античности воспринималась не с позиции того, что для двух однополых людей неестественна интимная физическая близость. Она воспринималась с позиции античной идеологии господства применительно к пониманию половой жизни.

В греко-римском мире господствовавшие идеалы редко подвергались сомнению. Организация человеческих отношений по принципу превосходства силы была здесь простым здравым смыслом. Считалось, что сильные должны господствовать над слабыми. Так, одна империя могла безнаказанно уничтожить другую, по этому поводу не возникало никаких угрызений совести. Тот, кто сильнее, имел право и даже должен был господствовать над тем, кто слабее. Хозяева держали в полном подчинении рабов. Родители имели полную власть

над детьми. Мужчины могли и даже должны были подчинять себе женщин, ведь они были для них в буквальном смысле слабым полом.

Такая идеология силы повлияла не только на военную и политическую идеологию, но также на личностные и половые взаимоотношения. В соответствии с нею свободные мужчины призваны господствовать. Современным людям трудно понять, что древние греки могли заниматься педерастией, что взрослый мужчина делал из юноши своего любовника. Такие отношения подразумевали, что зрелый мужчина учит юношу моральным и культурным ценностям, дает ему социально-политические знания в обмен на сексуальные утехи. Было ли это для них «противоестественно»? Нисколько. Греки говорят об этом как о самой естественной вещи на свете. Понять причину не сложно, если только вы понимаете идеологию господства. Мальчики — это несовершенные мужчины. Более совершенный должен доминировать над менее совершенным. Для свободного мужчины считалось естественным иметь сексуальные отношения с юношей. Именно поэтому педерастия практиковалась только между зрелым мужчиной и юношей. Как только мальчик достигал половой зрелости, он становился мужественным, и тогда для него было бы позорно находиться в чьей-либо власти, поскольку с этого момента мужчина должен господствовать, а не подчиняться.

Это объясняет также широкое распространение в Древнем мире сексуальных отношений свободного мужчины со своими рабами, будь то мужчина или женщина. По отношению к ним он являлся господином. Как же обстояло дело в том случае, если в половые отношения вступали двое зрелых свободных мужчин: было ли это для них противоестественным? Как оказалось, древние люди считали, что такая сексуальная связь противоестественна лишь для *одного* из партнеров — того, кто занимал подчиненное положение. Известно, что, когда Юлий Цезарь вступил в сексуальные отношения с царем Галатии и был заподозрен в пассивном партнерстве, его воины сочинили юмористические частушки, высмеивавшие его пассивность. Царь Галатии же не сделал ничего безнравственного или противоестественного. Он просто вел себя как мужчина.

Поэтому когда древние тексты осуждают подобные сексуальные отношения, важно понять, что именно они осуждают. Осуждают ли они мужчину за поступок, свойственный слабому полу, или они осуждают женщину за то, что она вела себя подобно представителю сильного пола.

Теперь разберемся, какое отношение всё это имеет к Петру, Марии, Иисусу и «Евангелию от Фомы». В этом тексте Петр в соответствии с типичным древним мужским представлением смотрит на Марию сверху вниз как на представительницу слабого пола. Но Иисус уверен, что она, подобно Петру и другим мужчинам, спасется. Как это может произойти? Единственный способ обрести жизнь вечную (то есть жить жизнью богов или, согласно христианскому учению, жить с Богом) состоит в том, чтобы усовершенствоваться, перейдя из человеческого царства в Царство Всевышнего. Первое, что требовалось женщине, — стать более совершенной. В этом они получат помощь, Иисус сделает их мужчинами, чтобы они затем смогли даже превзойти мужчин и двигаться дальше ко Всевышнему, становясь, как выразился Иисус, «живыми духами».

Для гностической системы взглядов, согласно которой, по моему мнению, и было написано «Евангелие от Фомы», это означает изучение тайных знаний, которыми обладает Иисус, то есть изучение гностического учения о том, как дух снизошел в этот мир и как он может возвратиться в свою небесную обитель. Это тайное знание доступно всем людям, людям обоих полов, *и* Петру; *и* Марии.

«Евангелие от Филиппа»

«Евангелие от Филиппа», обнаруженное в библиотеке Наг-Хаммади, в большей степени, чем любое иное древнее христианское писание, получило известность как источник сведений

о взаимоотношениях Марии и Иисуса. Дело в том, что оно сыграло значительную роль в создании известного блокбастера Дэна Брауна «Код да Винчи». Историческая подоплека романа предполагает сомнительный брак и сексуальные отношения Иисуса с Марией Магдалиной. После его смерти Мария, будучи беременной от него, бежит во Францию, и их ребенок становится родоначальником меровингской династии, чья родословная сохраняется по сей день.

Все это представлено не как часть выдумки «Кода да Винчи», а как исторические факты, лежащие в основе романа. Но откуда взялись эти факты? На самом деле они взяты из книги, написанной в 1980-е годы, на них-то Дэн Браун в огромной степени и построил свое повествование. Он настолько преуспел в этом, что, как стало известно, авторы упомянутой книги угрожали подать на него в суд. Она называется «Святая Кровь, Святой Грааль» и наполнена фантазиями сторонников теории заговора. Книга написана тремя так называемыми независимыми исследователями (когда кто-то называет себя независимым исследователем, обычно это означает, что в данной области он не специалист). Но в «Коде да Винчи» не говорится о том, что книга содержит информацию из «Святой Крови, Святого Грааля». Дэн Браун утверждает, что взял сведения из неканонических Евангелий, обнаруженных в наше время, особенно из «Евангелия от Филиппа».

Некоторые из заявлений относительно неканонических Евангелий, содержащиеся в «Коде да Винчи», для ученых возмутительны или, по крайней мере, безумно забавны. В тексте утверждается, например, что некоторые из этих Евангелий были обнаружены среди «Свитков Мертвого моря». Это абсолютная ложь: «Свитки Мертвого моря» не содержат ни Евангелий, ни каких-либо других христианских писаний. Это — иудейские тексты, в которых ни разу не упоминается об Иисусе или каком-нибудь из его последователей. В романе Дэна Брауна утверждается, что о браке Иисуса с Марией Магдалиной часто упоминается в Евангелиях, которые не попали в Новый Завет. Но дело обстоит совершенно иначе. Мало того, что об их браке вовсе нет частых упоминаний, о нем вообще ни разу не говорится ни в одном из дошедших до нас Евангелий, будь оно каноническое или неканоническое. В одной из последующих глав я остановлюсь на этом подробнее. А пока предлагаю обратиться к «Евангелию от Филиппа», который стал свидетелем звездного брака между Марией Магдалиной и Иисусом благодаря «Коду да Винчи».

«Евангелие от Филиппа» — одно из наиболее озадачивающих и замысловатых писаний из библиотеки Наг-Хаммади. Оно состоит из множества высказываний и размышлений о природе реальности и об отношении к ней людей, и всё это в контексте гностических представлений о мире. Книга содержит сложные для понимания притчи, метафорические и теологические высказывания, аналогии, наставления и так далее, которые кажутся не связанными между собой. Это не легкий для понимания текст. Многие читатели от отчаяния просто сдаются. Чтобы прочувствовать, о чем идет речь, рассмотрите его первые высказывания:

«4. Язычник не умирает, ибо он никогда не жил, чтобы он мог умереть. Тот, кто поверил в истину, начал жить, и он подвергается опасности умереть, ибо он живет.

5. Со дня, когда пришел Христос, создан мир, украшены города, отброшено мертвое.

6. Когда мы были евреями, мы были сиротами, у нас была только мать. Но когда мы стали христианами, у нас появились отец и мать.

7. Те, кто сеет зимой, собирают урожай летом. Зима — это мир, лето — это другой эон. Будем сеять в мире, чтобы собирать урожай летом. Поэтому нам не следует молиться зимой; за зимой — лето. Если же кто станет собирать урожай зимой, он не соберет урожая, но (только) вырвет (побеги)»[14].

И так далее.

Несмотря на совершенно туманное содержание текста, в «Евангелии от Филиппа» есть несколько забавных высказываний, два из которых связаны с Марией Магдалиной. Они

приводятся и в «Коде да Винчи». К сожалению, оба они проблематичны, чего Браун или же его вымышленные персонажи, очевидно, не понимают. Первое высказывание связано с одной из вопиющих исторических ошибок этого романа, а именно, в «Евангелии от Филиппа» мы читаем:

«32. Трое шли с Господом всё время. Мария, его мать, и ее сестра, и Магдалина, та, которую называли его спутницей. Ибо Мария — его сестра, и его мать, и его спутница»[15].

Один из главных персонажей «Кода да Винчи», ищейка в области истории и эксперт по Святому Граалю по имени Лью Тибинг, приводит это высказывание, а затем интерпретирует его таким образом, что Иисус и Мария Магдалина оказываются женатыми. Он сделал такой вывод на основании того, что «любой специалист по арамейскому [языку] скажет вам, что слово „спутница" в те дни буквально означало „супруга"»[16].

Проблема (которая, возможно, не была известна Брауну) состоит в том, что «Евангелие от Филиппа» написано не на арамейском языке. Оно написано на древнеегипетском (коптском) языке. И если вы посмотрите данное слово в коптском тексте, то увидите, что оно заимствовано из греческого языка и читается как «koinônos». Это греческое слово не означает «супруга». Обычно оно означает «спутница» или «компаньонка». Так что обсуждаемый отрывок из «Евангелия от Филиппа» говорит нам лишь о том, что Мария была спутницей Иисуса; ту же информацию мы можем получить и из канонических Евангелий.

В «Евангелии от Филиппа» есть еще одно относящееся к делу высказывание, которое может показаться более многообещающим в смысле возможных близких отношений между Иисусом и Марией. Согласно «Коду да Винчи» (и в подаче многих толкователей), этот отрывок указывает на то, что для Иисуса и Марии было обычным делом часто целовать друг друга в уста. Однако с данным специфическим текстом существует та же проблема, которую мы уже рассматривали ранее в связи с «Диалогом Спасителя»: рукопись в некоторых местах повреждена настолько, что пробелы затрудняют адекватное понимание текста. Текст выглядит следующим образом:

«И спутница [повреждение в рукописи] Мария Магдалина. [Повреждение в рукописи] её более [повреждение] учеников, и он [повреждение] лобзал её [повреждение]»[17].

Похоже, именно повреждения наводят на мысль, что Иисус любил Марию больше других учеников и часто целовал — то ли ее уста, а может быть, какую-нибудь другую часть ее тела? Но мы об этом, вероятно, уже никогда не узнаем.

Если учитывать только сохранившиеся слова фрагмента, то они отнюдь не однозначно указывают на то, что автор текста считал Марию особенно близкой подругой Иисуса. И совсем смело было бы предположить, что он изобразил их как людей, близких в *сексуальном смысле.* Каждый из нас мог бы твердо сказать только одно: они просто целовались. Но здесь важно вернуть тексту его собственный контекст. Дело в том, что «Евангелие от Филиппа» и другие христианские гностические тексты упоминают поцелуи в своеобразном контексте. Это видно по другим отрывкам, которые, как бы там ни было, являются продолжением общего повествования, и показывают, что отношения Иисуса и Марии не были своего рода божественной любовной игрой{97}.

Например, в более раннем месте «Евангелия от Филиппа» говорится следующее:

«30. Все те, кто порождается в мире, порождаются благодаря природе, и некоторые — благодаря [повреждение рукописи] порождается благодаря ему… к человеку, ибо [повреждение рукописи] от обещания [повреждение рукописи] наверху.

31. [Повреждение рукописи] из уст, [повреждение рукописи] слово выходило оттуда, он стал бы питаться из уст и он стал бы совершенным. Ибо совершенные зачинают от поцелуя и рождают. Поэтому мы также целуем друг друга, зачиная от благодати, которая есть в нас, в одних и в других»[18].

Как и в других отрывках «Евангелия от Филиппа», сложно понять, что это означает. Вполне ясно лишь то, что человек становится совершенным благодаря тому, что исходит из уст, то есть посредством слова, несущего знание слова, которое произносит вдохновенный учитель. Именно это совершенное деяние дарует людям новое рождение, ибо они узнают истину, которая приносит освобождение от их пленения в качестве материальных существ. Данное представление символически выражалось в христианском ритуале лобзания, которое в ранней Церкви было достаточно распространенным, и по сей день во многих церквах во время богослужения люди приветствуют друг друга поцелуем или рукопожатием. Целуя другого человека, вы тем самым показываете, что через уста мы даем друг другу благодать, дарующую жизнь. И таким образом человек «зачинает» и «рождает».

Когда Иисус целует Марию, это не прелюдия к сексуальной близости. Это символ того, что она получила откровение истины, которое Иисус дает своим ученикам. Согласно «Евангелию от Филиппа», она поняла эту истину лучше других. Если такое представление было широко распространено среди христиан-гностиков, не удивительно, что Петр и другие испытывали нечто большее, чем обыкновенный приступ ревности к Марии. Она узурпировала их положение, став одним из наиболее приближенных к Иисусу человеком, не сексуально, а духовно.

Глава шестнадцатая

Мария в дни Страстей Господних

Ничто так не обжигает нашу память, как трагическая смерть. Ни один человек моего поколения не в силах забыть, где он был в тот момент, когда узнал, что убит Джон Ф. Кеннеди. А кто может стереть из памяти его вдову, Жаклин, забрызганную его кровью, стоящую возле Линдона Джонсона, который должен был обеспечивать безопасность поездки в ту наиболее опасную минуту?

Даже сцены событий, которых мы не видели, могут навсегда запечатлеться в нашем сознании, — например, тело Мэрилин Монро, лежащей на постели, обнаженное и одинокое; пустая склянка со снотворным. Но, пожалуй, самым ярким впечатлением, которое снова и снова встает перед мысленным взором, стала трагическая гибель принцессы Дианы, когда разбился ее автомобиль, бессмысленно преследуемый папарацци по утренней трассе Парижа.

Нет ничего удивительного, что так много людей представляют Иисуса из Назарета прежде всего распятым на кресте, израненным, в терновом венце на голове. Мысленное представление распятого Христа — не только современное явление. Наш самый ранний христианский автор, апостол Павел, напоминает своей пастве в Галатии, что «перед [вашими] глазами предначертан был Иисус Христос, *как бы* у вас распятый…» (Гал. 3:1). И еще он обращается к своей церкви в Коринфе: «… Ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого…» (1 Кор. 2:2).

А как насчет Марии Магдалины? Предполагаю, что большинство современных людей думают о ней преимущественно как о проститутке, которая следовала за Иисусом. Но в течение многих столетий ее образ был неизгладимо выгравирован в христианской коллективной памяти как женщины, которая стояла рядом с крестом и была свидетельницей мук Иисуса, которая на третий день после распятия пришла к его гробнице и увидела, что та пуста. Она ассоциируется также со смертью.

Описания Страстей в раннем христианстве

Для того чтобы осмыслить эти воспоминания о Марии, необходимо получить больше информации из рассказов о смерти Иисуса, которые в ранней Церкви передавались устно, а затем были записаны в Евангелиях, дошедших до наших дней. Как я уже упоминал, в разных Евангелиях описания Страстей непропорционально превосходят по объему все прочее, написанное в них. Самым удивительным в данном отношении является Евангелие от Иоанна,

в первых одиннадцати главах которого повествуется о трехлетнем служении Иисуса, а в остальных десяти — о последней неделе его жизни. Сравните с другим Евангелием, от Марка: в нем служению уделено десять глав, а последней неделе жизни Иисуса — шесть.

Для тех, кому интересно знать, как ранние христиане рассказывали истории об Иисусе и какое теологическое значение они придавали последним дням и часам его жизни, эти тексты являются абсолютно фундаментальными. Они важны и для историков, желающих выяснить, что в действительности происходило с Иисусом, основателем самой распространенной религии в истории западной цивилизации. Евангельские истории — наш главный источник информации не только об Иисусе, но и о его последователях, мужчинах и женщинах, в том числе и о самой известной ученице — Марии Магдалине.

Одна из проблем использования евангельских текстов заключается в необходимости установить, что же на самом деле произошло в течение последних часов жизни Иисуса, поскольку тексты в той или иной степени содержат внутренние несоответствия. К примеру, согласно Марку, Иисус был арестован после пасхальной трапезы с учениками и казнен в девять часов следующего утра (см.: Мк. 14:12; 15:25); а согласно тексту Иоанна, Иисуса арестовали ночью до пасхальной трапезы и казнили аж после полудня, в день подготовки к пасхальной трапезе (см.: Ин. 19:14). Кто же из них прав? По Матфею, когда Иисус был подвергнут судебному разбирательству, иудейские первосвященники и старейшины с народом стояли перед Пилатом и просили, чтобы он выполнил их желание (см.: Мф. 27:15–26). А по Иоанну, Иисуса приводят в место жительства правителя [«в преторию»] и, кроме них, никого там больше не было; Пилат выходит и становится между Иисусом, находящимся внутри здания, и иудейскими первосвященниками и народом, которые ожидают снаружи, обращаясь сперва к Иисусу, а затем к первосвященникам (см.: Ин. 18:28–19:14). Какое из вышеприведенных повествований заслуживает большего доверия? Согласно тексту Марка, именно Симон из Кирены, а не Иисус, несет крест к месту распятия (см.: Мк. 15:21); согласно Иоанну, Иисус сам несет крест на протяжении всего пути (см.: Ин. 19:17). Согласно Марку, завеса в Храме «раздралась надвое» после того, как Иисус испустил дух (см.: Мк. 15:38). А согласно Луке, это произошло до его смерти (см.: Лк. 23:45). Иоанн же вообще ничего не говорит об этом. И так далее. Внимательно прочтите сами все истории, сравнивая их друг с другом, и вы обнаружите отличия во всех эпизодах жизни Иисуса.

Повествования о Страстях в интерпретации теологов

Ученые, занимавшиеся Новым Заветом, долго пытались понять причину этих различий. Все дошедшие до нас тексты были изменены в процессе переписывания. Иногда такое соавторство совершенно изменяет весь образ Иисуса в его последние часы, созданный оригинальными авторами или рассказчиками. Необходимо иметь в виду, что когда кто-то изменяет евангельский рассказ, обычно это происходит не потому, что он обладает новой информацией и просто хочет зафиксировать ее напрямую. Чаще причина в том, что некто хочет провести какую-то идею относительно Иисуса, изменив соответствующим образом исторические детали.

Позвольте мне проиллюстрировать, как это происходит. Чтобы понять мою иллюстрацию, нужно вспомнить, что Евангелие от Марка было написано первым в ряду других сохранившихся текстов, но в течение длительного периода в качестве основной базы (для признания других текстов) ученые отдавали приоритет текстам Евангелий от Матфея и Луки. Иногда они принимали текст Марка целиком, без каких либо изменений. А иногда изменяли его, преследуя какие-то свои цели.

В тексте евангелиста Марка, описывающего Страсти, Иисус в течение всего судебного процесса хранит молчание. Автор ничего не говорит о том способе, которым Иисус будет распят, о пригвождении к кресту, о том, что его всякий будет оскорблять, в том числе и двое разбойников, распятых рядом с ним. Лишь в конце Иисус произносит мольбу из Псалма 21: «Эло***и***! Эло***и***! Ламм***а*** савахфан***и***? — что значит: Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня

оставил?» (Мк. 15:34). Затем он издает предсмертный крик и умирает. Здесь Иисус изображается в состоянии отчаяния, безмолвным, как бы в состоянии шока, преданным одним из учеников, покинутым друзьями, осмеянным первосвященниками и старейшинами, обруганным даже двумя разбойниками, распятыми по обе стороны от него, и в довершение всего, чувствующим себя брошенным даже самим Богом. Это очень драматичный момент.

Обратите внимание, я приводил только текст Марка. Я не упоминал другие Евангелия, чтобы смягчить данное в нем изображение глубоких страданий отвергнутого Иисуса. Ведь первые читатели Евангелия от Марка не имели доступа, скажем, к Евангелиям от Матфея, Луки или Иоанна, где можно найти иные нюансы. Если вы хотите знать, что думал о казни Иисуса Марк, вам следует читать именно Евангелие от Марка.

В то же время, хотя и сам Иисус не понимает, что происходит, для Марка ясно, что его читатель все знает. Сразу после того, как Иисус испускает дух, происходят два важных события: в Храме разрывается надвое завеса, а сотник, стоящий напротив креста, признается себе: «Истинно Человек Сей был Сын Божий» (см.: Мк. 15:38–39). Оба события являются ключевыми для понимания описания смерти Иисуса у Марка. В иудейской традиции храмовая завеса отделяла самую священную комнату — так называемое святилище — от остальной части храма. Бог присутствовал именно в Святая Святых; именно в этом земном месте присутствовал Бог. И никто не смел войти в Святая Святых, к находящемуся там Богу, чаще одного раза в год. Это был День Искупления; тогда иудейский первосвященник заходил за завесу, предлагая две жертвы. Одна жертва была за его собственные грехи; а после своего очищения первосвященник предлагал жертву за грехи людей, чтобы они также могли быть снова оправданы перед Богом.

В Евангелии от Марка, когда Иисус умирает, эта завеса разрывается надвое (см.: Мк. 15:38). Что это может значить? Бог больше не отделен от своего народа. После смерти Иисуса Бог стал доступен для всех людей — не благодаря иудейской системе жертвоприношений, а благодаря смерти Иисуса — Его мессии. С системой жертвоприношений теперь покончено. Отныне люди сами могут стоять перед лицом Бога благодаря деянию, совершенному Иисусом.

Дело спасения наконец было признано — не последователями Иисуса, сбежавшими с места трагических событий, не иудейскими первосвященниками и старейшинами, которые по-прежнему враждебно настроены по отношению к Иисусу и всему, чему он учил, и даже не верующими иудеями, которые следовали за Иисусом во время его служения. Спасение, принесенное смертью Иисуса, было признано совершенно посторонним человеком — языческим воином, распявшим его, — тем, кто вдруг понял, что Иисус действительно «Сын Божий» (см.: Мк. 15:39). Это признание очень важно для автора Евангелия от Марка, потому что еще никто в этом повествовании, кажется, не понял, кем же на самом деле был Иисус. В начале Евангелия мы узнаём, что родственники Иисуса считают, будто он сошел с ума (см.: Мк. 3:21), первосвященники и старейшины полагают, что им руководит дьявол (см.: Мк. 3:22), люди его родного города отвергают его как выскочку (см.: Мк. 6:1–6), и даже его собственные ученики так и не поняли, кто он (см.: Мк. 6:51–52; 8:21). В разных местах Евангелия Иисус неоднократно говорит своим ученикам, что ему предстоит идти в Иерусалим, чтобы быть отверженным и казненным, и каждый раз, когда он говорит им это, они демонстрируют непонимание его слов (см.: Мк. 8:32–33; 9:32; 10:35–40). А когда, наконец, наступает финальный момент, их нет рядом, чтобы увидеть происходящее. Все они сбежали.

Но сотник, который видит смерть Иисуса, понял всё и признает Иисуса, чего Петр и другие ученики никогда не делали. Понимание того, что Иисус — Сын Божий, приходит именно в момент его смерти на кресте, а не в моменты демонстраций им потрясающих чудес.

Я считаю, что Марк написал свою историю казни Иисуса на кресте для того, чтобы сделать теологическое заявление: именно эта смерть принесла спасение миру. Несомненно,

на сей счет существуют исторически достоверные воспоминания. Но Марк не стремился к беспристрастному описанию того, что произошло утром первого апреля в Римской Палестине. Он хотел преподнести теологический урок о миссии смерти Иисуса по отношению к грехам мира. Историки, которые хотят понять, что произошло на самом деле, должны принять во внимание теологический характер этого повествования. В противном случае они будут использовать Евангелие от Марка как хронику реальных событий, а не теологически мотивированный их пересказ.

То, что авторы Евангелий интересовались главным образом теологическими пересказами, становится очевидным, если сравнить версию Марка с другими имеющимися текстами. Здесь я не буду приводить исчерпывающее сравнение, а просто рассмотрю текст евангелиста Луки, повествующий о тех же событиях.

У Луки акценты, поставленные Марком на безмолвии Иисуса до того как его распяли на кресте, на его отчаянии перед лицом смерти, полностью изменены. В его повествовании Иисус не молчит во время шествия на Голгофу. По пути к месту казни (это отражено только у Луки) Иисус видит нескольких женщин, плачущих около дороги, и обращается к ним, говоря: «…дщери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших…» (Лк. 23:28). Пригвожденный к кресту, он не корчится от боли в забытьи, а молится (только в Евангелии от Луки): «Отче, прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). Уже распятый на кресте, он не молчит, а разговаривает с одним из разбойников, распятых рядом с ним. В отличие от Евангелия от Марка, где оба преступника «поносят» Иисуса, в Евангелии от Луки «злословил Его» только один из них. Другой же унимает первого, после чего говорит Иисусу: «…помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!». Иисус в ответ утешает его, говоря: «…истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:39–43).

Иисус в Евангелии от Луки, в отличие от рассказа Марка, не молчит, как будто находясь в шоковом состоянии и не понимая, что с ним происходит. Он не чувствует себя покинутым Богом. Он прекрасно осознает, что с ним происходит и почему. Он испытывает сострадание к другим («дщерям Иерусалимским»). Он обращается к Богу как к своему Отцу. Он молится за спасение других. И что особенно важно, он знает, что должен умереть, но затем пробудиться в раю перед лицом самого Бога (вместе с одним из распятых разбойников). Это особенно отчетливо видно в самом конце текста. В Евангелии от Луки Иисус не «возопил» перед смертью, что традиционно понимают как крик отчаяния («Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»). Вместо этого он смиренно молится Богу, тем самым показывая, что он знает — его благой Отец на его стороне до самого конца: «Отче! В руки Твои предаю дух Мой» (Лк. 23:46). И затем умирает.

Отличие от текста Марка поразительное, и его не следует смягчать тем соображением, что оба повествования достоверны. Но именно так происходит, если читатели берут сюжет из Евангелия от Марка, объединяют его с тем, что написал Лука, а затем для полного счастья добавляют туда слова из Евангелий от Матфея и Иоанна, так что в итоге получается образ Иисуса, не существующий ни в одном из Евангелий. Конечно, никто не может запретить делать это. Но необходимо понимать, что, если вы именно так трактуете Евангелие, соединяя четыре самостоятельных текста в один большой, в котором Иисус говорит и делает все, что было описано в каждой из версий, то тем самым вы создаете свое собственное Евангелие, вместо того чтобы пристально рассмотреть тексты Евангелий такими, какие они есть на самом деле, то есть как самостоятельные тексты. Действительно, изображение личности Иисуса, данное Лукой, отличается от того, что мы находим у Марка (так же, как оно отличается и от описаний у Матфея, Иоанна и других). Более чем немногословный и несчастный Иисус у Марка, у Луки спокоен и сдержан, полностью осознает свою судьбу, верит Богу и знает, что в конце концов все будет хорошо, знает, как всё произойдет («…истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю»).

Несомненно, у Луки были причины изменить сюжетную линию Марка. Некоторые ученые предполагают, что Лука писал для какого-то преследуемого властями христианского сообщества и своим текстом стремился показать им, как следует встречать смерть, если придется с нею столкнуться. Подобно Иисусу, они должны сохранять самообладание, зная, что в конце концов Бог позаботится о них. Если они смогут вынести муки тяжелого испытания в полной вере в Бога как своего Отца Небесного, они тоже будут вознаграждены блаженством в раю. Другими словами, это не исторический текст, написанный для того, чтобы показать, что в действительности происходило в жизни Иисуса. Текст Луки — образец для подражания, призванный показать, что может произойти в жизни последователей Иисуса.

Я не случайно подчеркиваю данную точку зрения при обсуждении личности Марии Магдалины. Если в некоторых текстах ее изображают присутствующей при смерти Иисуса на кресте, это вовсе не обязательно простое историческое воспоминание о том, что произошло на самом деле. Возможно и такое, но с той же вероятностью предложенное описание может оказаться частью важной теологической теории, которую пытались создать авторы Евангелий.

Рассказы о жизни и смерти Иисуса написаны спустя много десятилетий после изложенных в них событий, написаны людьми, которые не могли быть их свидетелями. Свои тексты они основывали на историях, годами передававшихся из уст в уста. Даже для христиан I столетия было бы очень сложно провести настоящее историческое расследование, чтобы выяснить детали того, что произошло на самом деле. Вспомним, что, согласно самим текстам, ученики Иисуса сбежали с места событий. Так откуда у авторов Евангелий оказалась информация о том, что сказал пригвожденным к кресту Иисус? Там не было никого, кто мог бы зафиксировать его слова. Если взглянуть на этот вопрос критически, то очень маловероятно, чтобы римские солдаты, сделав свое дело по казни преступников, затем расположились подле их распятых тел и расчувствовались настолько, что записали последние слова умирающего Иисуса.

В данной связи примечательно, что многие из событий, описанных в евангельской истории смерти Иисуса, имеют четкие параллели с пророчествами Священного Писания, которые, по утверждениям более поздних христиан, исполнил Иисус. То, что Иисус был казнен вместе с двумя разбойниками, а его одежда разделена между солдатами, то, что он молчал в течение всего суда над ним, то, что перед смертью он произнес слова из Псалма, то, что его ноги не были перебиты, — всё это, а также множество других деталей, было найдено христианами в таких библейских текстах, как стих 53 из Книги пророка Исаии и Псалом 21. Некоторые ученые подчеркивают, что связь между событиями, о которых рассказывают евангельские тексты, и ветхозаветными текстами, на которые ссылались христиане, чтобы придать смысл этим событиям, не случайна: когда христиане стали придавать спасительный смысл смерти Иисуса, они искали его в Священном Писании, стараясь понять, почему всё так произошло. Они нашли отрывки, в которых рассказывалось о страдании и смерти праведного Бога. Эти отрывки повлияли на рассказы о страданиях и смерти Иисуса. Псалмы и Книга пророка Исаии представили муки Иисуса на кресте в новом свете. Самые ранние авторы записали истории эти такими, какими они их слышали. Только более поздние читатели, прочитав историю об Иисусе, могли сказать: «А ведь приняв смерть таким образом, Иисус исполнил пророчества Священного Писания!» Несомненно, происходило нечто в таком роде. Кроме того, само Священное Писание служило основанием для многих историй. Подобные истории — не беспристрастные тексты о том, что происходило с очевидцами, которые аккуратно зафиксировали увиденное, а устно передававшиеся рассказы, сформированные главным образом благодаря знанию христианами Священного Писания.

Рассказав обо всем этом, я должен обратить ваше внимание на некоторые аспекты рассказов о казни Иисуса, которые с историко-исследовательской точки зрения кажутся правдоподобными, воплощающими исторический факт, а не положения христианского богословия. Вот один важный пример: все тексты сходятся в том, что Иисуса распяли по приказу римского правителя Понтия Пилата и что смертный приговор был вынесен по обвинению в том, что Иисус является «царем Иудейским», то есть вследствие политического обвинения в государственной измене (так, независимо друг от друга, пишут евангелисты Марк и Иоанн; см. также «Евангелие от Петра»). Данное обвинение было написано на верхней части креста Иисуса. Такая информация засвидетельствована в ряде независимых источников и полностью согласуется с тем, что мы знаем о римском административном праве Палестины I столетия.

И наконец, ключевой вопрос этой главы. Что можно сказать о Марии Магдалине и других женщинах, присутствовавших вместе с нею, когда Иисуса распяли на кресте? Действительно ли они наблюдали всё происходящее там, и если да, то какую роль они сыграли в тех событиях?

Женщины, присутствовавшие при казни

Все четыре Евангелия единодушны в том, что Мария Магдалина вместе с несколькими другими женщинами присутствовала на казни Иисуса. Самый древний текст Евангелия от Марка гласит:

«Были тут и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего и Иосии, и Саломия, которые и тогда, как Он был в Галилее, следовали за Ним и служили Ему, и другие многие, вместе с Ним пришедшие в Иерусалим»
(Мк. 15:40–41)

Матфей пишет нечто весьма схожее, но при этом указывает, что среди женщин были Мария Магдалина, Мария, мать Иакова и Иосифа, и мать сыновей Зеведеевых (которая может оказаться Саломией Марка) (см.: Мф. 27:55–56). Лука фактически не называет женщин, но констатирует, что все, кого Иисус знал, включая женщин, следовавших за ним из Галилеи, присутствовали на казни (см.: Лк. 23:49). Это может быть ссылкой на тех трех женщин, которых мы уже ранее рассматривали в 8-й главе Евангелия от Луки: Марию Магдалину, Иоанну и Сусанну. Евангелие от Иоанна сообщает, что женщины наблюдали не с расстояния, а стояли прямо под крестом (см.: Ин. 19:25), и называет по имени трех или четырех женщин: мать самого Иисуса, ее сестру, Марию Клеопову (сестра матери Иисуса или какая-то другая женщина?) и Марию Магдалину.

Кроме того, во всех четырех Евангелиях Нового Завета и в «Евангелии от Петра» говорится, что Иисус был похоронен ранее не упоминаемым последователем Иисуса, Иосифом из Аримафеи. Три самых ранних Евангелия — от Матфея, Марка и Луки — указывают, что Иисуса хоронили и женщины. В Евангелии от Марка Иисуса хоронили Мария Магдалина и Мария, мать Иосии (но не Саломия) (см.: Мк. 15:47); Матфей пишет, что это была Мария Магдалина и «другая Мария» (какая именно, не уточняется) (см.: Мф. 27:61); а Лука указывает, что это были «женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи» (Лк. 23:55). Иоанн ничего не говорит о женщинах, хоронивших Иисуса, возможно потому, что был другой свидетель тех событий — Никодим, с которым Иисус беседовал (в начале Евангелия от Иоанна, в главе 3).

Как мы увидим позже, все Евангелия единодушны в том, что именно женщины, во главе с Марией Магдалиной, а не ученики-мужчины или кто-либо другой, пошли к гробнице Иисуса на третий день и узнали, что он воскрес из мертвых.

Кто же был автором этих любопытных упоминаний о женщинах, видевших казнь, погребение и первыми узнавших о воскресении Иисуса? Почему в первоисточниках эти

сюжеты повторяются? Выдумали ли их христиане? Или они представляют собой исторические воспоминания о событиях, происходивших на самом деле?

У историков не было повода для размышлений над возможными причинами того, что эти истории были кем-то придуманы. Суть христианской религии во всём многообразии ее развития в течение многих лет после земной жизни Иисуса выразилась в символе веры, согласно которому «Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию» (1 Кор. 15:3–4). Но любой из нас может усомниться в этом символе веры и спросить: а откуда известно, что Иисус действительно умер? Может быть, он просто потерял сознание на кресте. Ведь известно, что с другими именно так и случалось. Откуда известно, что он на самом деле был похоронен? Даже если бы он был убит римлянами, вероятнее всего, его просто оставили гнить на кресте, как это порой делалось в те времена, или его могли бросить в общую могилу вместе с другими трупами преступников. И даже если его действительно похоронили в гробнице, откуда известно, что на третий день она оказалась пуста? Конечно, такие размышления бросают вызов вере. Возможно, кто-то пришел не к той гробнице, или, может быть, кто-то выкрал тело, или тело разорвали бездомные собаки. Откуда известно, что Иисус умер, был похоронен, а затем воскрес? В конце концов, после того как ученики Иисуса сбежали и скрылись, они не могли видеть ничего подобного.

Можно предположить, что истории об этих женщинах придумали именно для того, чтобы снять подозрения, будто главные события были выдуманы. Христианские авторы не могли сослаться на учеников Иисуса, как обеспечивших их сведениями из первых рук о тех событиях. Учеников там не было. Но, возможно, там были другие люди, например женщины, которые издали наблюдали происходящее. Другими словами, именно женщины послужили апологетической цели. То есть, возможно, они понадобились, чтобы защитить (значение корня греческого слова «апология») утверждения, ставшие центральными в христианском Символе веры.

Одним из важных аспектов работы историка является то, что для каждого аргумента практически всегда найдется исторически обоснованный контраргумент. В данном случае, если кто-то заявит, что христиане придумали историю о Марии Магдалине и других женщинах, видевших смерть Иисуса, его похороны и пустую гробницу, он столкнется с проблемой. Ведь если христианские авторы хотели придать своим словам историческую убедительность, зачем им было вводить женщин в качестве свидетельниц? Была ли в этом необходимость, ведь тогда о текстах могли с легкостью сказать, что это сплетни старых баб, небылицы, рассказанные глупыми женщинами. Если бы вы были древним автором, которому требовалось подтвердить главный Символ веры, придумывая для этого свидетелей важнейших событий, разве вы не предпочли бы, чтобы ими были мужчины?

Чем не хороший контраргумент, способный склонить к выводу, что рассказ о Марии, видевшей смерть и похороны Иисуса (и видевшей его после воскресения), является настоящей исторической правдой, которую невозможно сочинить? Но для историка в его работе существует еще один важный аспект — большинству контраргументов можно противопоставить другие контраргументы. Мои студенты любят заниматься их поиском (если их будоражит проблема). Так вот, можно представить себе причины, по которым рассказчик (например, автор Евангелия от Марка) задумал, что именно женщины, поскольку они не были самыми близкими учениками Иисуса, должны стать свидетельницами решающих событий его смерти, похорон и воскресения.

Реалии таковы, что Евангелие от Марка написано почти исключительно о мужчинах и об их поведении в связи с Иисусом, и ни один из мужчин, откровенно говоря, не оказался на высоте положения. Если вернуться к тексту, мы увидим, как римские солдаты насмехаются над Иисусом, истязают и убивают его. А также увидим двух распятых разбойников, которые злословят на него. Там есть и Понтий Пилат, который осуждает Иисуса на смерть, хотя не

находит за ним никакой вины. Есть иудейский первосвященник Каиафа и совет старейшин, Синедрион, состоящий только из мужчин, который посчитал Иисуса виновным в богохульстве, хотя ничего такого он не совершил. Там есть саддукеи, с которыми Иисус пребывает в непримиримой конфронтации, и фарисеи, утверждавшие, что миссия Иисуса вдохновлена дьяволом.

Кроме того, там есть его собственные ученики-мужчины — один предаёт его, другой трижды отрекается от него, остальные бросают его, спасая свою жизнь. Это те самые двенадцать мужчин, которые были с Иисусом в течение всего его служения, неоднократно демонстрируя свое непонимание, что миссия Иисуса состоит в том, чтобы умереть на кресте; это те, кого Иисус мог бы упрекнуть за непонимание его учения или его миссии. На протяжении всего Евангелия Иисус говорит этим мужчинам, что он должен отправиться в Иерусалим, принять там страдания и умереть, и если они хотят быть его учениками, то также должны нести свой крест и следовать за ним. И чем они отвечают? Они не раз обсуждают между собой, кто из них самый главный и кто будет играть более важную роль в будущем Царстве. Иначе говоря, они полагают, что, следуя за Иисусом, они придут не к кресту, а к трону.

Кто в этом Евангелии действительно понимает, что Иисус должен умереть? Не двенадцать посвященных, а безымянная женщина, которая умастила его тело как бы для похорон (см.: Мк. 14:3–9). Кто несет крест Иисуса? Не Петр, не Иаков и не Иоанн, а совершено посторонний человек, Симон из Кирены (см.: Мк. 15:21). Кто признает свою веру в Иисуса как Сына Божьего в момент его смерти? Не кто-либо из его учеников, а римский солдат-язычник, стоявший у подножия креста (см.: Мк. 15:39). Кто беспокоится о мертвом теле Иисуса после его казни? Не один из тех, кто был наиболее близок к нему, а дотоле неизвестный и незнакомый человек по имени Иосиф из Аримафеи (см.: Мк. 15:43). А кто был свидетелем всех этих событий? Никто из учеников-мужчин, а несколько последовательниц-женщин, сохранивших верность Иисусу до самого конца и издали наблюдавших за событиями спасения мира (см.: Мк. 15:40–41; 47).

Спасение, которое Иисус принес в мир, не было признано сильными мира сего — пилатами, каиафами и синедрионами. Хотя оно вызвало переоценку ценностей и приоритетов человеческой жизни. Слава пришла в форме страдания, спасение было пронизано болью. Спасение, благодаря которому рабы возликуют, став господами, угнетенные станут сильными, убогие — могущественными; это такое спасение, когда последний станет первым, а первый — последним. И кто стали его свидетелями? Ими не стали ни те, кто считал себя причастным к миру сему, ни будущие епископы могущественных церквей христианского мира; свидетелем стала группа смиренных женщин. Спасение пришло в мир как «безумие», но на самом деле, как выразился апостол Павел, как «Божия премудрость» (см.: 1 Кор. 1:24).

Допускаю, что присутствие именно женщин во время смерти, похорон и воскресения Иисуса могло быть идейной находкой, использованной ради теологически мотивированной «памяти» о произошедшем, но оно не является действительно историческим событием. Возможно, оно было придумано христианскими рассказчиками, которые, подобно Марку, писавшему после них, хотели, чтобы их слушатели знали, что «немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное», что спасение, принесенное в мир Иисусом, было предназначено не для сильных мира сего, а для униженных и угнетенных. И об этом спасении впервые узнали не от великих мира сего и даже не от великих мужей — избранных апостолов Иисуса, а от женщин, о которых мы знаем только их имена.

Короче говоря, если основываться на этих доводах, то остается неясно, действительно ли женщины наблюдали события смерти и похорон Иисуса. *Возможно,* это является исторической памятью. Но вероятно и то, что эту историю выдумали для того, чтобы показать и запечатлеть, что Мария Магдалина вместе с другими женщинами первыми узнали о спасении, принесенном Иисусом Христом.

Однако в приведенном контраргументе скрывается противоречие (то есть его аргументы вступают в противоречие между собой). Как историк, я удивлен устойчивостью изложения у независимых друг от друга авторов Евангелий, в том что касается присутствия Марии Магдалины и у креста, и у гробницы на третий день. Если это не истинное историческое событие, а лишь вымысел христианского рассказчика, который затем передал его другим, то как получается, что данная особая частица информации проникла в тексты, которые никоим образом не были связаны между собой? Мария присутствует у креста и в Евангелии от Марка (и в Евангелиях от Луки и Матфея, которые использовали Марка), и в Евангелии от Иоанна, которое является независимым от Евангелия от Марка. И что весьма важно, все ранние Евангелия (не только от Иоанна и Марка, а также от Матфея и Луки, но даже «Евангелие от Петра», которое, видимо, не связано ни с одним из них) указывают, что именно Мария Магдалина обнаружила, что гробница Иисуса пуста. Как могло случиться, что все эти независимые друг от друга тексты говорят об одном и том же человеке? Трудно поверить, что это произошло только благодаря счастливой случайности. Вероятнее всего (по крайней мере, в отношении предания о пустой гробнице), мы имеем дело с чем-то восходящим к подлинной истории.

Женщины у гробницы

Истории о том, как женщины обнаружили гробницу Иисуса пустой, в большей степени, чем другие евангельские истории, не поддаются согласованию друг с другом во всех деталях. Некоторые из студентов-новичков, приходившие слушать мой курс о Новом Завете, были убеждены, что в Библии не может быть никаких несоответствий. Я предлагал внести все, что сказано в каждом Евангелии по поводу того или иного события, в соответствующие списки, со всеми подробностями, а затем сравнить эти списки. Трудно не удивляться получавшейся картине расхождений. Безусловно, на какие-то различия между Евангелиями можно закрыть глаза или смириться с ними, если вы так настроены. Считается, что Мария пришла к гробнице на третий день после распятия, но в одном тексте она пришла одна, а в другом сказано, что вместе с другими женщинами. В разных текстах имена этих женщин различаются (в Евангелии от Матфея это — «другая Мария»; в Евангелии от Марка — Мария, мать Иакова, и Саломея; в Евангелии от Луки речь идет уже о группе безымянных женщин; в Евангелии от Иоанна Мария приходит одна). Если вы намерены согласовать эти тексты, то получается, что к гробнице пришла целая группа женщин: Мария, упоминаемая в Евангелии от Иоанна; Мария вместе с женщинами, упоминаемыми в другом Евангелии; одна из женщин, указанная в двух других Евангелиях, и ни одна из них, как сказано в еще одном тексте. Как видно, получилась целая ярмарка женщин. И если Марк говорит о том, что женщины видели в гробнице юношу, то Матфей сообщает, что они видели ангела, а Лука пишет, что они видели двух мужчин, — вероятно, они видели двух ангелов, которых приняли за мужчин и которых Марк упоминает как одного, ошибочно считая, что это был мужчина. (Между прочим, если прийти к такому выводу, то получится, что имело место нечто, о чем не сказано ни в одном из Евангелий, а именно, что женщины видели двух ангелов.)

Есть и другие расхождения, которые еще сложнее согласовать и которые, как я полагаю, можно было бы также признать откровенным несовпадением. Например, в Евангелии от Иоанна, когда Мария Магдалина очень рано приходит к гробнице, она видит, что камень уже отвален в сторону, и убегает, чтобы рассказать об этом двум ученикам Иисуса (см.: Ин. 20:1). Однако, по версии Матфея, Мария с другой женщиной, тоже по имени Мария, приходят к гробнице и видят, как ангел нисходит с неба, откатывает камень в сторону и садится на него. Женщины напуганы, но ангел успокаивает их, убеждая посмотреть, что в гробнице нет тела Иисуса, и пойти рассказать об этом другим ученикам (см.: Мф. 28:1–2). В тексте Марка женщины не видят ангела, откатывающего камень: они приходят к гробнице, видят, что она открыта, заходят и видят там юношу, сидящего по правую сторону (ангел сидит не на камне, который он только что далеко откатил, как у Матфея); юноша говорит им, что Иисус воскрес

и что они должны рассказать об этом другим (см.: Мк. 16:4–5). Так какой из этих вариантов выбрать?

То, что велят сделать женщинам в разных текстах, также различается. По версии Марка, им велят вернуться к другим ученикам в Галилею, чтобы встретиться там с воскресшим Иисусом, как он и сам им об этом ранее говорил. У Луки им вовсе не велят уходить из Иерусалима, но напоминают слова, сказанные Иисусом, когда они еще были в Галилее, что он должен воскреснуть. Вместо того чтобы идти в Галилею на встречу с Иисусом, они остаются в Иерусалиме, чтобы встретить его там. Фактически им велят не уходить (см.: Деян. 1:4, написанные автором Евангелия от Луки). Так они ушли из города или нет?{98}

Может быть, женщины даже видели, как Иисус воскрес из мертвых? В текстах Матфея, Луки и Иоанна Мария Магдалина (иногда с другими женщинами) уходит, чтобы рассказать ученикам о том, что она видела в пустой гробнице (у Матфея и Луки она не пустая, но там нет Иисуса). Однако Евангелие от Марка заканчивается более таинственным образом. Там женщинам велят передать ученикам, что Иисус встретит их в Галилее (не в Иерусалиме, как у Луки), но они не в силах так поступить. Они бегут от гробницы и из страха никому ничего не рассказывают (см.: Мк. 16:8). И на этом Евангелие от Марка заканчивается. Так рассказали женщины о том, что видели, или нет? В одном Евангелии сообщается одно, в других — другое. Фактически в каждом Евангелии эта история выглядит по-своему.

А видела ли сама Мария воскресшего Иисуса? В Евангелии от Марка ни она, ни кто-либо другой не видели его[19]. В Евангелии от Луки ученики-мужчины встретили Иисуса, но в тексте не сказано, что Мария и другие женщины видели его. В Евангелии от Матфея Мария вместе с другими женщинами первыми видят Иисуса, воскресшего из мертвых, и в благоговении припадают к его ногам. В Евангелии от Иоанна Мария также первая видит Иисуса, но без других женщин, и Иисус не позволяет ей прикасаться к себе: это известное евангельское место: «не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему и Богу вашему» (Ин. 20:17). Любопытно, что через неделю Иисус вновь появляется перед учениками и меняет свои прежние наставления, предлагая Фоме неверующему коснуться его рук и ребер (см.: Ин. 20:24–28). Всходил ли Иисус на небеса, чтобы затем вернуться?

Ни в одном другом месте Евангелий вы не найдете такой неразберихи с сообщениями. Некоторые читатели утверждают, что иначе и быть не могло. Если действительно произошло такое из ряда вон выходящее событие, как воскресение из мертвых, а женщины стали его первыми свидетельницами, то скорее всего они были полностью дезориентированы, и это привело к путанице исторических фактов. Но даже если дело обстояло именно так, для историка остается проблематичным, что же все-таки могло произойти, учитывая тот факт, что различные источники явно не согласуются в многочисленных деталях. И если все детали настолько не совпадают, что же делает эту историю целостной?

Есть несколько точек соприкосновения этих различных источников. Например, то, что Иисус был похоронен, на третий день его тела уже не было в гробнице, и Мария Магдалина была первой, кто узнал об этом. Так независимо друг от друга пишут в своих Евангелиях Марк, Иоанн и Петр. Кроме того, Матфей, Лука и Иоанн, как независимые друг от друга авторы, указывают, что Мария (одна или с другими женщинами) пошла и рассказала об этом нескольким (или всем) ученикам Иисуса.

Я считаю, что мы располагаем правдивыми историческими сведениями, позволяющими предположить, что Мария Магдалина первой узнала и объявила остальным о воскресении Иисуса. Как я уже ранее говорил, мы очень мало знаем об этой женщине. Большая часть имеющейся о ней информации является либо преувеличенной легендой (такой ее представляли в более поздние века), либо ее приходится выводить из очень немногих упоминаний, подтверждающих действительно произошедшие события, в дошедших до нас древних источниках. Но это не должно умалять ее значения. Христианская религия основана на вере в то, что Иисус воскрес из мертвых. И возможно, что из всех людей именно

галилеянка Мария Магдалина впервые выразила эту веру. Поэтому мысль, что Мария дала начало христианству, — вовсе не такая уж надуманная.

Данный вопрос я собираюсь обсудить в следующей главе. Вероятно, Мария не была подругой Иисуса при его жизни, супругой или возлюбленной; вероятно, у них не было совместных детей; вероятно, она не была исправившейся проституткой, выведенной в более поздней евангельской версии, которая стала образцом целомудрия для женщин. Но можно утверждать, что она была в высшей степени важной фигурой в ранней истории христианства и что без ее рассказа о пустой гробнице Иисуса ученики сами по себе, вероятно, никогда не вдохновились бы возвестить о новой религии.

Глава семнадцатая

Мария и ее откровения

Пожалуй, трудно оправдать некоторые из преувеличенных утверждений, которые можно услышать в наши дни о Марии Магдалине как от ученых, так и от популяризаторов. Она была ближайшей ученицей Иисуса! Она была его ближайшей спутницей при жизни! Она была его женой! Она родила от него детей! Но ни одно из этих утверждений не подтверждается данными исторических исследований. Образ Марии делают особенным не ее отношения с Иисусом во время его жизни, а то, что случилось с нею после его смерти. Именно она обнаружила, что тело Иисуса отсутствует в гробнице.

Иногда течение всей жизни человека определяется одним-единственным случаем — каким-то определяющим моментом, который все изменяет. Именно таким моментом стало для Марии решение помазать тело Иисуса для похорон на третий день после его смерти. Когда Мария пришла к гробнице, она обнаружила, что его тела там нет. Она пошла и рассказала об этом другим. Они поверили, что он воскрес из мертвых. Так началось христианство.

Христианство стало самой могущественной и влиятельной религиозной, политической, социальной и культурной организацией в истории западной цивилизации. Оно началось однажды воскресным утром с благочестивого и набожного поступка, который сменился замешательством, ужасом и волнением. Мария Магдалина не играла большой роли в жизни Иисуса, но сразу после его смерти она стала самой важной фигурой. Более важной, чем Петр, Иаков или Иоанн. Она стала первой, кто поверил, что Иисус воскрес.

Что было бы, если бы тем утром она не пришла туда? Пришел бы кто-то другой? Трудно сказать. Нет никаких данных в пользу того, что кто-либо из учеников или спутниц, не связанных с Марией, собирался пойти к гробнице. Если бы больше никто не пришел туда, разве узнал бы кто-нибудь о том, что гробница пуста? Возникло бы само христианство? Получается, что Мария изменила ход человеческой истории больше, чем кто-либо другой в истории Запада, — не потому, что у нее были дети от Иисуса, а потому, что она обнаружила его склеп пустым.

Некоторые первые христиане признавали значение Марии и сочиняли о ней истории. Неудивительно, что многие из этих историй повествуют не о ее связи с Иисусом, когда он был жив, поскольку в то время было широко известно, что контактов с ним у нее не было. Они рассказывают о том, что случилось, когда она увидела Иисуса после его смерти. Мысль о том, что он явился ей, привела к предположению, что он, должно быть, говорил с нею и открыл ей тайное знание, которое могло быть дано только немногим избранным, принадлежащим к внутреннему кругу его учеников. А кто был бы ближе к нему, чем тот, кому первому он явился после воскресения? Поэтому именно Марии Иисус, как считали некоторые авторы, дал высшие откровения о смысле жизни, сущности этого мира и пути спасения.

Эти откровения (встречающиеся главным образом в Евангелиях, не включенных в Новый Завет) воплощают в себе вопросы, верования и точки зрения рассказчиков, которые первоначально сочинили их. В результате различные истории об откровениях, полученных Марией, противоречат друг другу, поскольку они были не тем, что Иисус действительно

рассказал ей, а тем, что авторы хотели бы, чтобы он рассказал ей. Примечательно, что большинство этих откровений так или иначе имеют дело с вопросом, который, наверное, был у всех на уме, как только стало понятно, насколько роль Марии Магдалины оказалась важна для начала христианской религии: как получилось, что *женщина* сыграла здесь главную роль? Вспомним, что во всем римском мире, включая иудеев Палестины, женщины обычно не занимали в обществе руководящих должностей, не были учителями или философами. Однако в данном случае именно женщина начала проповедовать то, что легло в основание новорожденной веры в смерть и воскресение Христа. Как такое могло случиться?

Многие из откровений, якобы данных Марии Иисусом, имеют отношение к этому вопросу. В большинстве случаев откровения передаются Марии не наедине, а в окружении других учеников «внутреннего круга». И часто трудно понять, задумывались ли эти откровения авторами писаний как данные перед смертью Иисуса или после его воскресения (хотя в иных случаях всё ясно).

Разрушение трудов женщины

Одним из самых древних текстов является «Диалог Спасителя», который в дополнение к тому, что мы уже обсуждали (см. главу 15), включает некую беседу. Предположительно эта беседа произошла между Иисусом и тремя его учениками: Иудой (то есть братом Иисуса, Иудой Фомой), Матфеем и Марией. Как и в случае с другими беседами, содержащимися в этом гностическом произведении, довольно трудно понять их общий смысл. В интересующем нас тексте необходимо немного разобраться. Беседа начинается с комментария Иуды Иисусу (некоторые слова пришлось реконструировать, потому что в рукописи есть пропуски):

«Иуда сказал: „Ты сказал нам это от ума истины. Когда мы молимся, как мы должны молиться?"

Учитель сказал: „Молитесь в месте, где нет женщины".

Матфей сказал: „Ты сказал нам: „Молитесь в месте, где нет женщины", это значит — „разрушьте труды женщины", не потому, что есть другой способ рождения, но потому что они прекратят [рождать]".

Мария сказала: „Они никогда не будут разрушены".

Учитель сказал: „[Вы] знаете, что они умрут [еще раз], и [труды женщины в этот момент] всегда [разрушаются также]"».

Иуда начинает с вопроса о молитве, то есть о том, как можно наслаждаться общением с Богом. Ответ Иисуса, согласно которому общение с Богом происходит «в месте, где нет женщины», Матфей потом интерпретирует так: это означает, что общение с Богом произойдет в том случае, если с «трудами женщины» будет покончено. Это не выглядит чем-то связанным с эмансипацией или подтверждением половой принадлежности. Но в таком случае, что это означает? Как показывают слова Матфея, «труды женщины» подразумевают те действия, которые однозначно связаны с женщинами, а именно — зачатие и деторождение.

Здесь мы должны вспомнить, что, согласно взглядам христиан-гностиков, материальный мир и все, что принадлежит к нему, — результат космической катастрофы: это не благое место, созданное одним истинным Богом. Мир был создан малым божеством, и смысл гностических религий состоял не в том, чтобы утверждать материальное существование или надеяться на его конечное искупление. Смысл был в том, чтобы *спастись* от материального мира. Тем не менее, что происходит, если ребенок зачат и рождается в мир, то есть если женщина выполняет свои «труды»? Материальный мир продолжает сохранять себя. Но если смысл некой религии в том, чтобы спастись от материального существования, то деторождения нужно избегать любой ценой. Вот что означает «разрушить труды женщины». Это значит — отказаться от половой активности, приводящей к рождению детей.

Когда-нибудь это «разрушение» станет полным. Когда-нибудь те, кто является истинным гностиком, избавятся от земного мира-ловушки и вернутся в свою небесную обитель, нематериальное царство духа. Поэтому в ответ на вопрос Марии Иисус говорит, что труды женщины будут разрушены. Деторождение прекратится, младенцы перестанут рождаться, и в конечном счете придет спасение. Я полагаю, что это можно рассматривать как древнюю критику того, что мы считаем «семейными ценностями», где сам Иисус поддерживает сторону обвинения. Вместо того чтобы утверждать семью, он осуждает ее.

Можно показать, что подобные наставления имеют место и в другом раннем христианском Евангелии, где главной собеседницей Иисуса тоже является женщина, на этот раз не Мария Магдалина, а ее спутница к пустой гробнице, Саломея. Данный текст называется «Евангелием от Египтян». К сожалению, у нас нет всего документа, сохранились лишь несколько цитат из него в сочинениях автора конца II века Климента Александрийского. Однако этих цитат достаточно, чтобы понять общий смысл некоторых основных акцентов данного Евангелия. Они тоже связаны с ролью женщин в достижении спасения от материального мира.

В одном месте «Евангелия от Египтян» Саломея спрашивает Иисуса: «Как долго будет господствовать смерть?» То есть как долго будет существовать этот жалкий материальный мир со всей его ограниченностью? Иисус дает краткий ответ: «Пока вы, женщины, рожаете детей». Однажды тела перестанут рождаться, больше не будет темниц, в которых вынуждены обитать божественные искры, и тогда, очевидно, смерти больше не будет. Саломея отвечает: «Значит, я хорошо поступаю, что не рожаю детей». Иисус поддерживает ее выбор, говоря: «Ешь всякую траву, но не ту, которая горькая». Другими словами, лучше избегать болезненного опыта деторождения.

В другой беседе с Саломеей Иисус делает замечание, которое покажется знакомым тем, кто прочитал «Диалог Спасителя». Здесь, в «Евангелии от Египтян», Иисус говорит: «Я пришел, чтобы разрушить труды женщины». Климент объясняет, что под «женщиной» Иисус подразумевает физическое желание, а под «трудами» — рождение и увядание. Другими словами, Иисус пришел, чтобы разрушить страсти, приводящие к появлению потомства. Значение имеет не существование в греховном материальном мире — со всеми его наслаждениями и страданиями, — а жизнь в духовном мире, где нет никакой боли, страдания или смерти.

Саломея хочет узнать, когда это случится. Иисус отвечает словами, похожими на те, что встречаются в «Коптском Евангелии от Фомы»: «Когда ты истопчешь это позорное одеяние и когда эти двое станут одним, а мужчина и женщина больше не будут ни мужчиной, ни женщиной». Ясно, что «истоптать одеяние» значит избавиться от материального тела, облекающего или, скорее, завлекающего нас в ловушку (Евангелие от Фомы, 37). Кроме того, «двое станут одним», когда исчезнут половые различия, как было до того, как человек стал мужчиной и женщиной (Адам и Ева в Быт., 2). Согласно таким книгам, как «Евангелие от Фомы» и, по-видимому, «Евангелие от Египтян», первый шаг к сверхчеловеческому существованию состоит в том, чтобы женщины стали мужчинами, после чего и мужчины и женщины, которые больше не различаются, смогут достичь более высокой сферы — жизни божественной.

Поглощение семени

Каким бы странным ни казалось откровение Марии в «Диалоге Спасителя», оно бледнеет в сравнении с другим эпизодом, якобы произошедшим с нею после воскресения Иисуса и описанным в ныне утраченном произведении под названием «Великие вопросы Марии». Это одна из тех многочисленных книг раннехристианского мира, о существовании которой мы знаем, но которая не сохранилась. Вполне возможно, ее уничтожили разгневанные читатели. Из того, что мы знаем о книге, понятно, как много она содержала такого, что оскорбляло религиозные чувства.

Мы знаем об этой книге лишь из ссылок на нее в произведении жившего в IV веке склочного и не всегда заслуживающего доверия «охотника за ересями» по имени Епифаний. Епифаний был полон решимости стереть с лица земли все следы христианской ереси и написал подробное опровержение всех ересей, которые он знал; всего восемьдесят ересей. Его критический разбор этих недопустимых форм религии — ядовит и мелочен. Епифаний был мастером очернительства и поливания грязью. Есть места, где он критикует ереси, которые, как мы имеем основания подозревать, даже не существовали. Это давало ему возможность излить свой гнев на воображаемый объект. Есть места, где все, что он говорит об альтернативных формах христианства, на самом деле неверно.

Книга Епифания называется «Панарий», что буквально означает «ящик с лекарствами». Он назвал ее так потому, что своей книгой стремился дать противоядие от укусов змей ереси, раскрывая природу еретического яда (лжеучения) и показывая, как ему можно противостоять, обращаясь к ортодоксальной истине. В некоторых случаях Епифаний цитирует в «Панарии» письменные источники, которые ему удалось собрать. Даже если его толкования приведенных текстов сомнительны, польза есть уже в том, что он цитирует авторов, так как в большинстве случаев их книги не сохранились. Именно так обстоит дело с «Великими вопросами Марии», книгой, которая, как предполагается, использовалась группой христиан-гностиков. Епифаний утверждает, что он знал о них из первых рук, и называет по-разному, например, фибионитами.

С точки зрения Епифания, ни одна другая группа не была более печально известной, более коварной в своих верованиях и практиках, более опасной для неосторожных христиан, и она больше других подверглась потоку брани, клеветы и неистового бичевания со стороны Епифания. Отчасти фибиониты, возможно, вызывали особую язвительность Епифания по личным причинам: он сообщает, что в молодости его почти соблазнили присоединиться к этой группе христиан, пока он не узнал о ее нечестивых практиках. Эти практики были обоснованы литературой, которую они читали и принимали в качестве авторитетной, включая откровение, якобы данное Марии Магдалине Иисусом после его воскресения{99}.

Что же это за практики? Согласно Епифанию, они связаны главным образом со странным отправлением обряда Вечери Господней. Как известно, первые христиане не праздновали Тайную Вечерю так, как это обычно происходит в наши дни: съедая облатку и отпивая глоток вина или виноградного сока. В ранних церквах это был своего рода ужин из того, что имелось в наличии. Люди приносили пищу и напитки и по ходу трапезы специальное время отводили на то, чтобы преломить хлеб, символизировавший тело Христа, которое было распято ради спасения, и отпить вина, символизировавшего кровь Христа, которая была пролита за грехи мира. Епифаний утверждает, что фибиониты вкладывали в этот обряд совершенно другой смысл, основываясь на своем гностическом понимании материального мира и необходимости избавиться от него. В некоторой степени, как и в «Диалоге Спасителя», это понимание очерняло «труды женщины», то есть зачатие и деторождение.

Согласно Епифанию, фибиониты отмечали Вечерю Господню, исполняя не приводящий к деторождению сексуальный ритуал, включавшим священный *coitus interruptus*[20]. После вечерней трапезы члены общины разделялись на пары (с кем-нибудь кроме собственного супруга (супруги), как поспешно указывает Епифаний) и совокуплялись. Но когда мужчина достигал момента эякуляции, он прекращал половой акт, а извергнутую сперму они вместе с женщиной собирали и употребляли внутрь, говоря: «Это — Тело Христово». Если в это время у женщины бывала менструация, они также собирали часть ее менструальной крови и употребляли ее, говоря: «Это — Кровь Христова».

Трудно понять, придумал Епифаний все это или нет. Но показательно, что данный ритуал, видимо, символизирует некую противоположность «трудам женщины» (зачатию и деторождению). Сексуальная активность проявляется здесь намеренно не связанной с деторождением. Может быть, Епифаний знал, что фибиониты были противниками

деторождения и, основываясь на этом знании, *выдумал* ряд ритуалов, которые могли воплощать их взгляды? Критиковал ли он этих еретиков за практикуемые ими ритуалы или на самом деле они совершались лишь в его собственной фантазии? Или он действительно знал, что происходило на вечерних молитвенных собраниях во время фибионитской среды?

Ясно лишь, что христиане-фибиониты обосновывали свои необычные евхаристические практики, апеллируя к собственным священным писаниям, — не к книгам, включенным в Новый Завет, а к другим книгам, якобы тоже написанным апостолами. В особенности Епифаний упоминает «Великие вопросы Марии» (он указывает, что у фибионитов были еще «Малые вопросы Марии», но ничего о них не говорит). В этой книге, по его словам, содержалось описание одной из самых ошеломляющих встреч между Иисусом и Марией Магдалиной. Как утверждает Епифаний, Иисус взял Марию на вершину горы и чудесным образом извлек женщину из своего бока (в какой-то мере подобно тому, как Ева была рождена из ребра Адама). Затем он приступил к половому акту с нею. Но когда Иисус достиг момента эякуляции, он собрал сперму и проглотил ее, говоря Марии: «Так мы должны поступать, дабы мы могли жить». Мария, понятно, была потрясена и, потеряв сознание, упала на землю. Но Иисус поднял ее и сказал: «О ты, маловерная, почему ты усомнилась?» Если даже кинофильм Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа» наделал так много шума, когда вышел на экраны, то представьте себе реакцию в обществе на появление «Великих вопросов Марии».

Однако, как я уже говорил, нет никакой уверенности, что Епифаний действительно имел подтверждения того, о чем писал. Кажется маловероятным, чтобы сами фибиониты распространяли слухи о своих противозаконных и возмутительных ночных оргиях. А подробности, описанные Епифанием, можно найти в античных источниках, содержащих слухи о множестве тайных обществ Древнего мира[100]. Полагаю, вполне возможно, что он прочитал какие-то книги фибионитов и дал волю своей фантазии в ритуалистическом выражении их веры, согласно которой необходимо спастись от материального мира и больше не рожать в нем детей, так как спасение не будет полным до тех пор, пока все души не вернутся в свою небесную обитель в духовном царстве. Согласно таким взглядам, обладание потомством означает продление боли и страданий земной жизни людей.

Поэтому даже если описание евхаристических ритуалов фибионитов было измышлением Епифания, вполне возможно, что фибиониты действительно практиковали секс, исключающий оплодотворение, чтобы «разрушить труды женщины», сделав невозможными зачатие и деторождение. И вполне возможно, что подобная практика была связана с гностическим положением о том, что женщины, стремящиеся войти в Царство Небесное, должны стать мужчинами, о чем мы уже рассказывали. То есть, возможно, не связанный с деторождением секс представлял собой символическое подтверждение женщинами того, что они уже продвинулись в своем превращении в мужчин, в таких же «духов живых», как мужчины (Евангелие от Фомы, 114).

Подчиненность женщин

Едва ли есть необходимость оговариваться, что взгляды на женщин, выраженные в текстах «Диалога Спасителя», «Евангелия от Египтян» и «Великих вопросов Марии» представляются сегодня весьма возмутительными. Я допускаю, что кто-то *может* говорить, что они содержат прогрессивные взгляды на женщин, показывают, что женщины играют активную роль в религии и могут наслаждаться сексом, не связанным с деторождением. Здесь Иисус лично открывает свои истины не мужчине, а женщине, Марии Магдалине или Саломее. Он заверяет, что женщины наряду с мужчинами могут быть партнерами в том спасении, которое он принес людям. Но путь женщин к обретению спасения, согласно этим текстам, состоит в том, чтобы воздерживаться как раз от тех аспектов их существования, которые делают женщин женщинами (для этих авторов), то есть от секса, имеющего следствием зачатие и рождение детей. Другими словами, если женщина перестает быть

женщиной, она может оказаться спасенной. Похоже ли это на учение о ее освобождении? Но, с другой стороны, подобная позиция, возможно, все-таки ступенькой выше по сравнению с некоторыми вариантами выбора, предоставляемого женщинам в других, негностических христианских группах.

Например, в некоторых из них, связанных с апостолом Павлом, женщины оставались женщинами. Но как женщинам им отводилась подчиненная роль по отношению к мужчинам, без какой-либо надежды на изменение их положения. Такая точка зрения принималась не всеми группами, связанными с Павлом, но она стала настолько преобладающей в церквах Павла, что была канонизирована в Священном Писании, и в значительной степени именно из-за нее в наше время некоторые ученые склонны считать, что Павел был одним из великих женоненавистников христианской античности.

Выражение этой точки зрения можно найти в Пастырских посланиях, написанных от имени Павла более поздним последователем, жившим примерно в конце I века:

«Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1 Тим. 2:11–15).

Интересно, что как и в «Великих вопросах Марии», здесь тоже ссылаются на Адама и Еву для подтверждения взгляда автора на женщин в связи с мужчинами и спасением. Но теперь извлекается противоположный урок: женщины, чтобы спастись, должны непременно выполнять «труды женщины». Все в точности наоборот: Ева была создана как женщина для мужчины (а не наоборот) и поэтому предназначена для того, чтобы служить мужчинам (а не стать мужчиной). Для автора послания история Адама и Евы показывает, что происходит, если женщины пытаются узурпировать положение мужчин: их легко обманывают. Не следует забывать, напоминает он, что случилось с Евой, когда, поддавшись искушению змея, она съела плод с дерева познания добра и зла. Она сбила мужчину с пути истинного. Нечто подобное происходит каждый раз, когда женщина осуществляет власть, и именно поэтому женщины должны молчать и быть всецело покорными. Единственный способ, с помощью которого они могут спастись, — рожать детей, то есть нести проклятие, которое Бог наложил на женщину («в болезни будешь рождать детей») в результате грехопадения в раю (см.: Быт. 3:16).

Таким образом, мы имеем два совершенно различных взгляда на женщин в раннем христианстве. Оба относятся к женщинам свысока, предписывая, что им нужно делать ради спасения. Оба представлены мужчинами, которые написали эти тексты. Оба признают существенное различие между мужчинами и женщинами. Оба подразумевают, что различие ставит женщин в низшее положение по отношению к мужчинам. Оба используют в свою поддержку миф об Адаме и Еве. И оба крайне скупо допускают возможность спасения для «низших» человеческих существ.

Различие между этими двумя взглядами разительно, но в конечном счете оно не так уж существенно. Что лучше для женщины: возможность достичь спасения, отказавшись быть женщиной, или возможность достичь его, подчинившись прихотям своего мужчины? «Выбери свой яд».

Показательно, что позиция, связанная в Пастырских посланиях с именем Павла, оспаривается другой позицией, тоже апеллирующей к Павлу, в других текстах раннего христианства. Мы уже отмечали это при обсуждении «Деяний Павла и Фёклы», где женщина «становится мужчиной» и тем самым заслуживает свое спасение. Женщина Фёкла становится мужчиной, приняв проповедь благой вести самоотречения, с которой выступал Павел. Женщины вообще не должны вести половую жизнь, если хотят спастись (мужчины также не должны). Эта аскетическая благая весть очевидно расходится с тем, что мы находим в

Первом послании к Тимофею, где утверждается, что женщина может спастись именно благодаря половой жизни и деторождению.

Фёкла на самом деле стала подобной мужчине. В тексте рассказывается, как однажды она остригла волосы и изменила свой внешний вид, чтобы стать похожей на мужчину. Переодевание христиан в одежду противоположного пола не прибавляло им популярности, но в случае с Фёклой это оказалось очень эффективным. Она не только стала выглядеть как мужчина, она и вела себя по-мужски: крестилась сама (вместо того, чтобы ее крестил мужчина) и была уполномочена Павлом идти дальше и «проповедовать Слово».

Взгляд на женщин, выражаемый Павлом в «Деяниях Павла и Фёклы», противоречит тому, которого он придерживается в Первом послании к Тимофею. В одном тексте женщины должны стать мужчинами; в другом они обречены оставаться зависимыми от мужчин. Что-то подобное можно сказать и о взглядах на женщин, связанных с образом Марии Магдалины. В некоторых древних преданиях она убеждает женщин перестать быть женщинами, чтобы стать мужчинами и таким способом войти в Царство Божье. Но в других текстах она настаивает на том, что женщины могут обрести спасение именно как женщины.

Нигде этот последний взгляд не проповедуется более ясно, чем в самой важной книге христианской античности, связанной с Марией — в гностическом «Евангелии от Марии».

«Евангелие от Марии»

«Евангелие от Марии» стало одним из самых значительных открытий конца XIX века. К сожалению, в течение почти шестидесяти лет после того, как оно было найдено, оно оставалось недоступным для читающей публики. История открытия этого Евангелия и обстоятельств, которые помешали его публикации, захватывающе рассказана профессором Гарвардского университета Карен Кинг в одном из лучших в настоящее время исследований данной книги[101]. Рукопись, содержащая «Евангелие от Марии» вместе с тремя другими коптскими текстами (включая «Деяния Петра», которые мы рассматривали раньше), была куплена в Каире в 1896 году и увезена в Берлин. В Берлине немецкий египтолог по имени Карл Шмидт расшифровал рукопись и подготовил ее издание. Оно было готово к публикации в 1912 году. Но на типографии, которая печатала книгу, произошла авария: прорвалась водопроводная магистраль. И само издание, и множество других артефактов оказались уничтоженными. Шмидт вынужден был начать все сначала. Затем в эту историю вмешалась Первая мировая война; в умах и в жизни немецких ученых самыми актуальными стали совсем иные заботы. Только после войны Шмидт смог возобновить свою работу К сожалению, ему лично мешали многочисленные другие обязательства. Он умер в 1938 году, так и не выполнив задачу. Затем за проект взялся другой немецкий ученый по имени Вальтер Тилль. Тилль закончил свою работу к 1943 году, но, очевидно, это тоже был тяжкий момент в истории Германии — разгар Второй мировой войны.

Вскоре после войны было сделано замечательное открытие гностических рукописей в Наг-Хаммади. Тилль рассудил, что среди трактатов Наг-Хаммади могла быть еще одна копия «Евангелия от Марии», и поэтому он задержал публикацию рукописи, чтобы проверить свое предположение. В конечном счете стало ясно, что его рукопись остается единственным наличным экземпляром этого Евангелия. Он опубликовал свое издание в 1955 году Прошла почти целая жизнь после того, как документ был впервые обнаружен в Египте.

Книга, которую создал Тилль, стоила долгого ожидания. «Евангелие от Марии» — важный и ранее неизвестный текст Евангелия времен раннего христианства. Большинство ученых полагают, что оно было написано примерно во II веке, возможно, в начале II века. Это сделало бы его одним из самых ранних Евангелий, не входящих в Новый Завет. И оно — единственное древнее Евангелие, названное в честь женщины. Полагаю, неудивительно, что этой женщиной оказалась Мария Магдалина.

С тех пор как появилось издание Тилля, в Египте было обнаружено несколько небольших фрагментов данного Евангелия. Эти фрагменты были написаны на греческом, который, как обычно считают, является первоначальным языком документа (коптская рукопись, опубликованная Тиллем, признана переводом с греческого оригинала). Но за исключением этих дополнительных фрагментов, почти половина первоначального «Евангелия от Марии» осталась утраченной. В более полной коптской рукописи 1896 года не хватало первых шести страниц и еще четырех страниц прямо в середине текста. Таким образом, мы имеем только фрагментарные сведения о том, что первоначально содержалось в этом документе. Но то, что сохранилось, представляет собой весьма захватывающее повествование, поскольку в нем описывается явление Иисуса своим ученикам после воскресения и откровения, которое он ранее дал Марии.

Текст делится ровно на три части. Первая часть начинается в разгар беседы, которую Иисус ведет со своими учениками и отвечает на их вопросы. Их главным образом беспокоят вопросы о природе этого мира и греха. Иисус рассказывает им о том, что они должны знать, и излагает краткий набор предостережений, чтобы избегать лжеучителей и не требовать от других строгого соблюдения законов. Затем он покидает учеников.

Во второй части появляется Мария. Ученики опечалены тем, что Иисус ушел, и обеспокоены, что их может постичь та же участь. Мария утешает их, а Петр говорит, что всем будет полезно, если она расскажет, какое откровение дал ей Иисус лично. Мария начинает описывать вид***е***ние, которое у нее было. К сожалению, именно на этом месте текст прерывается на четыре страницы. Повествование возобновляется в середине рассказы Марии о том, как человеческая душа восходит через небесные сферы, которыми правят силы, сопротивляющиеся ей по пути в небесную обитель.

В третьей части ученики обсуждают вид***е***ние Марии и подвергают сомнению его истинность. В конце концов оно было дано женщине. Можно ли в него верить? Андрей и Петр высказывают свои сомнения, но на помощь Марии приходит Левий. Евангелие заканчивается на том, что ученики собираются и далее проповедовать благую весть.

Даже из такого краткого резюме становится очевидно, что это Евангелие является важным текстом для понимания определенных аспектов раннего гностического христианства, его понимание мира, греха и спасения, поскольку душа узнаёт, как спастись от материального мира и вернуться в мир духа. Текст в равной степени важен своим характерным изображением Марии и ее пониманием отношения женщин к мужчинам, Спасителю и к самим событиям спасения. Стоит подробно рассмотреть каждую из частей книги. Как мы увидим, выраженные в ней взгляды сильно расходятся со взглядами, которые в конечном счете одержали победу в ортодоксальном христианстве. Действительно, они представляют гностическое понимание веры, которое было подавлено христианскими лидерами более поздних столетий.

Часть первая: Напутственные слова Иисуса своим ученикам

Текст начинается с вопроса предположительно одного из учеников: «Материя тогда разрушится или нет?» Это — фундаментальный вопрос, который первые христиане должны были решить, вопрос, который лежит в основе конфликта между гностиками и протоортодоксами во II и III веках. Протоортодоксальный взгляд состоял в том, что материальный мир и всё в нем было создано одним истинным Богом, как описано в начальных главах библейской книги Бытия. Это не означает, что протоортодоксы полагали, будто с земным миром все в порядке. Они тоже могли видеть, что материальное

существование вовсе не приятно для большинства живущих здесь людей. Есть цунами, ураганы, торнадо, землетрясения, распутицы; есть бедность, голод, засуха; есть эпидемии, разнообразные опасные для жизни болезни и разрушительное действие старения. Никто не может смотреть на мир, в котором мы живем, и безоговорочно заявлять, что он счастливый.

Но для протоортодоксов мир первоначально *создан* благим. Зло, которое теперь причиняет страдания, — не естественное состояние всего мира. Скорее, благое творение было впоследствии испорчено. Среди людей эта порча проявляется в греховных поступках, таких как убийство, насилие, грабеж, угнетение и клевета друг на друга. Зло проявляется и в природе, например в стихийных бедствиях, которые происходили всегда (согласно богословам, со времени грехопадения) и, по-видимому, всегда буду случаться.

Интересно сравнить понимание мира в «Евангелии от Марии» с представлениями таких ранних христианских апокалиптических мыслителей, как Павел. С апокалиптической точки зрения однажды зло, которое так испортило природу, будет разрушено. Бог вмешается в ход истории и уничтожит силы зла и всех (грешников), кто примкнул к ним. Затем он восстановит материальный мир таким, каким тот был первоначально задуман — в его древнем состоянии. Наступит прекрасное, райское царство здесь, на земле, где все люди будут наслаждаться обильными плодами земли, где не останется никаких трудностей, боли и страданий, которые являются участью людей в нынешнем мире. Согласно этому апокалиптическому представлению, когда Бог снова утвердит свою волю над всем благим творением, которое он создал, материя будет не разрушена, а искуплена.

Иначе дело обстояло для многих христиан-гностиков, включая сочинителей «Евангелия от Марии». Иисус, отвечая здесь на вопрос, будет ли разрушена материя, утверждает, что «все существа, все создания, все творения пребывают друг в друге и друг с другом; и они снова разрешатся в их собственном корне»[21] {102}. Другими словами, все исчезнет, даже сама материя: «Ведь природа материи разрешается в том, что составляет ее единственную природу». В гностическом представлении материальный мир — не благое творение, которое должно быть искуплено. Он — источник боли и страдания, и с ним должно быть покончено. Жизнь вечная — это некое нематериальное существование. Только дух вернется в духовное царство, а все, что является материальным, обречено на окончательное исчезновение.

Это приводит к другому вопросу, который теперь задает Петр: «Что есть грех мира?» Для такого апокалиптического мыслителя, как Павел, на вопрос, что такое грех, было несколько ответов. С одной стороны, грех — это акт неповиновения Богу. Но акт неповиновения, согласно Павлу, глубоко укоренен в человеческой природе, потому что люди порабощены космическими силами, которые управляют этим миром, в том числе и силой греха. Как апокалиптик, Павел утверждал, что грех совершенно реально присутствует в мире, он противостоит Богу и порабощает людей, творящих его волю. Отчуждение от Бога происходит тогда, когда греху удается (как это всегда происходит) побудить людей не повиноваться предписаниям Бога для человеческой жизни.

Однако в «Евангелии от Марии» дело предстает иначе, поскольку Иисус отвечает Петру: «Нет греха, но вы те, кто делает грех, когда вы делаете вещи, подобные природе разврата, которую называют „грех"». В таком случае грех не существует как некая независимая сущность. Когда Иисус упоминает о «смятении» из-за «страсти… от чрезмерности», он подразумевает неправедное соединение вещей, особенно соединение духовного и материального. Если дух воплощается в материи (неправедное соединение, то есть прелюбодеяние), происходит отчуждение от Бога. Именно эта человеческая дилемма должна быть решена. Необходимо не искупление (или прощение) за грехи против Бога, не уничтожение космической силы греха. Все должно быть «направлено… к ее [природы] корню». Это произойдет в том случае, если материальный мир исчезнет, и дух вернется в свою небесную обитель. Согласно «Евангелию от Марии», в этом и состояла миссия Иисуса:

«Вот почему благо сошло в вашу среду к вещам всякой природы, дабы направить ее к ее корню».

Иисус продолжает говорить о проблеме, создаваемой человеческими желаниями. Так как дух находится в своем истинном состоянии, если он больше не заключён в теле, то не следует уступать желаниям плоти. Желания возникли, когда дух «прелюбодействовал», то есть когда он соединился с физическим телом. Иисус говорит: «Материя породила страсть, не имеющую подобия, которая произошла от чрезмерности». Не Бог соединил дух и материю: это соединение неестественно, оно приводит к страсти и внутреннему страданию, которое страсть порождает. Все это противоречит природе. Очевидно, что избавиться от одержимости желаниями возможно лишь, избавившись от тела.

На этом вопросы учеников заканчиваются, и Иисус дает им несколько напутственных наставлений. Сначала он дарует им свой мир и говорит:

«Берегитесь, как бы кто-нибудь не ввел вас в заблуждение, говоря: „Вот, сюда!" или „Вот, туда!" Ибо Сын человека внутри вас. Следуйте за ним! Те, кто ищет его, найдут его»[22].

Эти наставления напоминают некоторые высказывания из «Коптского Евангелия от Фомы», где Иисус также настаивает, что Царство Божье не физически присутствует здесь, в материальном мире, а является царством внутри человека, в духе, который сам является божественным. Поэтому бессмысленно отправляться на поиски будущего царства на земле — оно не здесь. В «Евангелии от Фомы» написано:

«2. Иисус сказал: „Если те, которые ведут вас, говорят вам: Смотрите, царствие в небе! — тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно — в море, тогда рыбы опередят вас. Но царствие внутри вас и вне вас.

3. Когда вы познаете себя, тогда вы будете познаны и вы узнаете, что вы — дети Отца живого. Если же вы не познаете себя, тогда вы в бедности и вы — бедность"»[23].

Царство — не то, на что можно показать вне человека; оно — внутри него. И оно также внутри других людей (именно поэтому оно также «вне вас»). Только познав себя таким, каков ты в действительности есть, постигнешь царство внутри. Те, кто имеет этот гнозис, — дети Божьи. Те, кто не имеет гнозиса, — бедные. То же самое верно и для «Евангелия от Марии». Человек должен следовать скрытой искре («Сыну человека»), которая находится внутри, чтобы достичь спасения, и «те, кто ищет его, найдут его».

Это учение тоже противоречит апокалиптическим взглядам таких христиан, как Павел. Христианские апокалиптики верили, что Бог создал этот материальный мир; они утверждали, что он также искупит его и его Царство придет сюда, в мир, в котором мы живем. Это не какое-то мистическое царство в каждом из нас. Это — царство, которое еще придет, в котором будет править Бог.

Первая часть «Евангелия от Марии» заканчивается тем, что Иисус убеждает своих учеников: «Не ставьте предела кроме того, что я утвердил вам, и не давайте закона как законодатель, дабы вы не были схвачены им». Конечно, на протяжении всей истории христианства его лидеры были полны решимости узаконить моральное поведение, предписывая, что можно и чего нельзя делать с собственным телом и при взаимодействии с телами других людей. Таким образом, есть правила сексуального поведения (никакого внебрачного секса), общественного поведения (не укради собственность твоего соседа), политического поведения (заплати налоги) и так далее — все, что воспринимается как «христианский» образ жизни. Но согласно «Евангелию от Марии», внешние предписания — не то, что требуется для идущих путем Христа. Имеет значение лишь внутреннее признание истины.

Часть вторая: Откровение Марии

После этих наставлений Иисус оставляет учеников и возвращается в свою небесную обитель. Но вместо того чтобы принять близко к сердцу его наставления и углубленно проповедовать благую весть, они колеблются в сомнениях и жалости к себе, показывая тем самым, что они не поняли учение Иисуса о чудесном царстве внутри себя. Иисус сказал им, что материальное тело не имеет значения, а они беспокоятся о спасении своей собственной шкуры:

«Они же были в печали, пролили обильные слезы и сказали: „Как пойдем мы к язычникам и будем проповедовать евангелие царствия Сына человека? Если они не сберегли его, как они сберегут нас?"»

Именно в этот момент на сцене появляется Мария. Лишь она понимает учение своего учителя. Она, последовательница Иисуса, является истинной ученицей, которая имеет гнозис. Мы читаем ее вступительные слова утешения ученикам:

«Тогда Мария встала, приветствовала всех их и сказала своим братьям: „Не плачьте, не печальтесь и не сомневайтесь, ибо его благодать будет со всеми вами и послужит защитой вам. Лучше же восхвалим его величие, ибо он приготовил нас и сделал нас людьми"».

Это ключевой отрывок в книге. Мария не должна перестать быть женщиной, чтобы стать совершенной. Кто из нас истинные люди? Не те, кто озабочен своим материальным телом, а те, кто принимает учение Христа. Мария одна понимает это, и она призывает мужчин оставить тревоги и страхи по поводу своего материального благополучия. Человек — больше, чем тело, а это означает, что он — больше, чем тело, принадлежащее определенному полу. Согласно данному Евангелию, для человека имеет значение не пол. Значение имеет самопознание, бурно ускоренное откровением Христа. Мария — единственный человек, который понимает это. И ее слова возымели действие: «Сказав это, Мария обратила их сердца ко благу, и они начали рассуждать о словах Спасителя».

Петр, как бы в качестве уступки, просит, чтобы Мария открыла, что Спаситель рассказал ей наедине:

«Петр сказал Марии: „Сестра, ты знаешь, что Спаситель любил тебя больше, чем прочих женщин. Скажи нам слова Спасителя, которые ты вспоминаешь, которые знаешь ты, не мы, и которые мы и не слышали"»[24].

В просьбе Петра есть несколько показательных моментов. Во-первых, он подтверждает, что Мария — самая любимая женщина Христа. Это не следует понимать в сексуальном смысле: это не значит, что Христос любил Марию как-то *иначе*, чем других женщин (или других мужчин). Он любил ее *больше* других. Она была удостоена особой милости — откровения Христа. Петр также подтверждает, что откровение было дано только Марии. Его утверждение будет важно вспомнить позже, в том месте текста, где Петр полностью отрицает признанное им здесь. Возможно, самый важный момент состоит в том, что именно Марии — женщине — Христос дал тайное откровение. Снова мы видим, что, согласно этому тексту, внешние, материальные качества, даже такие, как половые различия, не важны. Значение имеет лишь знание, которое дарует Христос.

Рассказ Марии о своем вид***е***нии начинается с ее вопроса Христу: как человек получает вид***е***ние — через душу или дух? Христос отвечает, что вид***е***ния приходят не через душу и не через дух, а через ум. Именно на этом месте текст прерывается, оставляя нас перед вопросом, как он объяснил различия между душой, духом и умом. Похоже, он собирался объяснить превосходство ума как субъекта вид***е***ния, поскольку говорит: «ум, который между двумя и который созерцает вид***е***ние, он [тот]…». Но когда после четырех недостающих страниц текста повествование возобновляется, важной оказывается душа, а не ум. Мария описывает свое вид***е***ние, в котором душа стремится в свою небесную обитель, проходя через царства, которыми правят враждебные силы, полные решимости сохранять ее заключенной здесь, в мире материи.

В ее видéние душа ведет беседу со второй небесной властью, называемой Вожделением. Душа должна пройти через царство, которым правит эта власть, чтобы достичь своей небесной цели. Первая власть, уже пройденная в недостающей части текста, называлась Тьмой. Она, конечно, связана с духовной слепотой, неспособностью воспринимать истину. Пройдя мимо Тьмы, душа показывает тем самым, что она стала просветленной; теперь она переходит во вторую сферу, сферу Вожделения.

Вожделение не хочет позволить душе пройти через свое царство и утверждает, что душа — земная тварь, которая не имеет небесного происхождения. Поэтому у нее нет никакого права отправляться в духовное царство. И Вожделение говорит: «Я не увидела тебя нисходящей, но теперь вижу тебя восходящей. Почему же ты лжешь, принадлежа мне?»

Конечно, есть люди, которые переполнены вожделением, являются его рабами, принадлежат ему. Но не эта душа. Истинная душа из высшего мира была заключена в одеяние тела. Но вопреки тому, что думает Вожделение, душа не идентична телу. И поэтому душа может сказать Вожделению: «Я увидела тебя. Ты меня не увидела и меня не узнала. Я была для тебя как одеяние, и ты меня не узнала». Вожделение не имеет никакой власти над нематериальной сущностью, душой. И душа может продолжить свое странствие.

Затем она сталкивается с третьей властью, называемой Незнанием. Незнание также стремится сохранить душу привязанной к ее материальному якорю, утверждает, что душа «схвачена лукавством» и поэтому не имеет никакого права взойти в духовное царство. Но душа отвечает, что Незнание выносит неправильное решение. Привязанность к материальному царству временное положение, а не постоянное. Душа теперь осознаёт, что материальное царство должно скоро закончиться. Она сообщает Незнанию: «Я была схвачена, хотя не схватила. Меня не познали, я же, я познала, что все подлежит разрешению, будь то вещи земные, будь то небесные».

Незнание не может признать истину, но истина (внутри души) знает, что материальный мир — всё на земле и на небе — должно постепенно исчезнуть. Именно истина освобождает душу. Она восходит выше царства Незнания и встречается с четвертой — и последней — властью.

Эту власть называют Гневом, и считается, что она принимает семь форм (первые три соответствуют властям, с которыми душа уже сталкивалась): тьмы, вожделения, незнания, смертельной ревности, владычества плоти, лукавства плоти и яростной мудрости. Эти семь сил гнева спрашивают душу: «Откуда идешь ты, убивающая людей?.. Куда направляешься ты, поглощающая пространства?» Насколько хорошо эта власть знает душу! Душа убивает человека, в котором она овладевает человеческим телом. И она разрушает царства, одолевая тем самым материальный мир, который пытался удержать ее заложницей.

Душа дает достойный ответ этой четвертой власти:

> *«Что хватает меня, убито; что опутывает меня, уничтожено; вожделение мое пришло к концу, и незнание умерло. В [мире] я была разрешена от мира (вар.: миром) и в отпечатке отпечатком свыше. Узы забвения временны. Отныне я достигну покоя времени, вечности, в молчании»*[25].

Как еще можно лучше выразить гностическую веру в спасение? То, что связывает бессмертную душу, — тело, — должно быть уничтожено, и благодаря этому наступит освобождение. Душу больше не сковывает вожделение и не мучает незнание. Она предстает истинно духовным существом, освобожденным от телесных страстей и полностью осознающей, что она есть на самом деле. Это знание происходит не от существующего материального мира, а от небесного высшего мира, поскольку душа видела свой истинный духовный образ. Как только она достигает познания себя, она освобождается от временного забвения, которое мучило ее. И она может навсегда вернуться в место покоя.

Для любого человека, знакомого с традиционным христианством, вышеизложенное понимание спасения сильно расходится с тем, которое стало называться «ортодоксальным». В ортодоксальном христианстве тело и его желания не являются злом, от которого нужно избавиться. Тело будет искуплено, а все желания направлены на их праведный объект — самого Бога. Согласно ортодоксальному христианству, само по себе желание не является проблемой; проблемы порождает неуместное желание. Спасение — это не вопрос освобождения духа от его материальных атрибутов; это вопрос искупления материального мира, который сам Бог создал так, чтобы душа могла вернуться в свое первоначальное состояние, а люди — состоящие из тела и души — могли вечно поклоняться своему творцу. Спасение приходит не благодаря самопознанию, принесенному Христом. Оно приходит благодаря жертве, которой Христос искупил грехи. Именно смерть и воскресение Иисуса, — а не тайное откровение, которое он принес, — восстановили отношения человека с Богом. Восстановление отношений не означает, что отдельные личности растворяются в единстве божественного. Это означает, что люди избавляются от состояния отчуждения от Бога, умиротворяются в страстной любви и преданности своему Творцу.

Можно без преувеличений сказать, что откровение Марии в этом Евангелии представляет собой альтернативное в*и*дение того, что означает быть последователем Иисуса.

Часть третья: Реакция мужнин на откровение Марии

Уже из приведенного текста ясно, что только Мария — единственная упомянутая в нем женщина — поняла учение, которое открыл сам Христос. Она — истинный гностик (тот, кто обладает полным самопознанием), который будет освобожден от ограничений своего материального тела. Как оказывается, ученикам-мужчинам это не понравилось.

Первым высказался Андрей, говоря своим «братьям»: «Скажите-ка, что вы можете сказать по поводу того, что она сказала. Что касается меня, я не верю, что Спаситель это сказал. Ведь эти учения суть иные мысли». Другими словами, это, должно быть, очередные россказни старых жен. Комментарий Андрея, конечно, выдает: вот — человек не понимающий, не достигший самопознания, он все еще ограничен своим незнанием истины, что мешает ему достичь своего спасения. Получается, вовсе не мужчины успешно начали дело спасения. Совсем наоборот.

Затем Петр отвечает, демонстрируя, что он тоже не понимает божественного откровения, способного принести спасение: «Разве говорил он с женщиной втайне от нас, неоткрыто? Должны мы обратиться и все слушать ее? Предпочел он ее более нас?»

Петр, наверное, задавал эти вопросы как риторические. К своему сожалению, он получил отрицательный ответ. Христос действительно предпочел Марию им, ученикам-мужчинам, он беседовал с нею лично без их ведома, открыв ей истину, которая может принести спасение. Комментарий Петра выдает и воинственность, и лицемерие, ведь, как вы помните, сначала он сам попросил, чтобы Мария рассказала о том, что Христос открыл ей одной. Теперь же, когда она сделала это, он отказывается поверить, что это было возможно. Могла ли женщина получить откровение, если мужчины его не получили? Очевидно, нет.

В следующей главе мы еще расскажем о личной борьбе между Петром и Марией — в раннехристианской борьбе полов. Здесь достаточно отметить реакцию Марии; она начинает плакать и спрашивает его: «Брат мой Петр, что же ты думаешь? Ты думаешь, что я сама это выдумала в моем уме или я лгу о Спасителе?» Как бы Петр ни ответил, он будет не прав: Мария не обманывала ни себя, ни других.

Апостол Левий поддержал Марию и закончил обсуждение: «Петр, ты вечно гневаешься. Теперь я вижу тебя состязающимся с женщиной как с противником. Но если Спаситель счел ее достойной, кто же ты, чтобы отвергнуть ее? Разумеется, Спаситель знал ее очень хорошо. Вот почему он любил ее больше, чем нас».

Как заключительный аргумент, слова Левия имеют особое значение. Петр изображается как «горячая голова» (вспомним наши более ранние обсуждения характера Петра). И он считает Марию противником, хотя она только что описала настоящих врагов: вожделение, незнание и гнев, которые все, по-видимому, в полной мере были присущи Петру.

Показательно, что Левий подтверждает: Мария оправдана Христом. Он «счел ее достойной». Христос принимал ее такой, какая она была, не делая ее похожей на кого-то из учеников, которые (кроме Левия) продолжают казаться немного туповатыми. Это потому, что Спаситель очень хорошо знал ее, знал, какая она на самом деле, и «он любил ее больше, чем нас».

Последнее утверждение отмечает важный этап развития мысли в книге. Если вы помните, Петр попросил, чтобы Мария рассказала о своем видении, потому что Христос любил ее «больше, чем прочих женщин». Теперь оказывается, что Христос любил ее даже больше учеников-мужчин. Мария здесь возвеличена до наивысшего возможного уровня. Она — тот человек, которого полностью знал Христос, кому он открыл истину, необходимую для спасения, кто был возвеличен в его присутствии даже больше, чем Андрей, Петр, Левий и другие ученики. Мария — истинный гностик, свободный дух, который должен вернуться в свою небесную обитель.

Левий заканчивает свою речь, убеждая Петра и других быть скромными и человечными — истинными и совершенными (то есть духовными) людьми. Они должны проповедовать благую весть спасения и не навязывать своим обращенным какие-либо правила или законы кроме тех, которые дал Спаситель. В ответ на это ученики отправляются дальше, чтобы учить и проповедовать, по-видимому, то послание, которое передала им Мария, любимейшая из всех учеников[103].

Глава восемнадцатая

Мария: вопросы, оставшиеся без ответа

Как и многих моих друзей, которые занимаются исследованием Нового Завета и раннего христианства, меня часто просят читать лекции по всей стране. За последние несколько лет стало очень заметно, что, по-видимому, многих людей волнует, — являются ли они прихожанами, преданными своей вере в Христа, или светскими зрителями, интересующимися христианством как культурно-историческим феноменом. Когда я читаю лекцию о Петре или Павле, обычно бывает немного внимательных слушателей. Но когда я начинаю рассказывать о Марии, то собираются толпы. Мария — горячая тема нашего времени; по сравнению с нею Петр и Павел кажутся устарелыми и скучными.

Это может вызывать сожаление, учитывая выдающееся значение Петра и Павла. Но это неудивительно. Так как Мария менее известна, здесь намного больший простор для спекуляций. Всегда интереснее придумывать дикие и диковинные теории, чем описывать то, что достаточно хорошо документировано. Бесспорно, для большинства людей вымысел более неотразим, чем факт.

Факт же состоит в том, что мы очень мало знаем о Марии. В отличие от Павла, она не оставила никаких текстов. Вероятно, она была неграмотной. В отличие от Петра, нет никаких длинных текстов, написанных о ней свидетелями и охватывающих несколько лет ее жизни. И в отличие от Павла и Петра, нет никаких текстов, подделанных от ее имени более поздними последователями. Даже «Евангелие от Марии», написанное, вероятно, через столетие после ее смерти, повествует о ней, но его авторство ей не приписывается.

Так как она была самой известной последовательницей Иисуса, для спекуляций открывался самый широкий простор, как в современном мире, так и в древности. Была ли она *особенно* близкой к Иисусу? Были ли у них сексуальные отношения? Были ли они женаты, были ли у них дети? Была ли она его самым близким последователем? Действительно ли она была первым руководителем группы апостолов? Была ли ее подлинная история уничтожена патриархальными силами молодой религии, когда мужчины возглавили Церковь и переписали историю ее ранних лет, исключив из нее Марию и всех других женщин? Вот лишь немногие из интригующих вопросов вокруг наименее известной, но для многих самой интересной личности из тех, которые я рассмотрел в этой книге. В заключительной главе я хотел бы обратиться к некоторым из оставшихся вопросов.

Вопрос первый:

Были ли Мария и Иисус женаты, были ли у них дети?

Именно этот вопрос, по-видимому, многим приходит в голову, именно его мне задают чаще, чем какой-либо другой. Полагаю, он уже давно носился в воздухе. Масло в огонь подбросил роман-бестселлер «Код да Винчи». Какие доказательства там приведены? Если изложенная там теория достаточно интригующая, я бы прежде всего спросил: зачем нам нужны доказательства?

Как мы уже видели, множество исторических утверждений в «Коде да Винчи» просто несостоятельны. Неверно, например, что «Свитки Мертвого моря» содержали Евангелие, в котором обсуждались Мария и Иисус. Серьезные историки считают такие утверждения возмутительными. Те из нас, у кого больше чувства юмора, посчитали их скандально забавными.

Неверно также, что брак Марии и Иисуса неоднократно обсуждается в Евангелиях, которые не включили за это в Новый Завет. В действительности он нигде никогда не обсуждается, даже не упоминается — ни разу. Неверно то, что в «Евангелии от Филиппа» Мария названа супругой Иисуса. Совсем немногие из исторических утверждений о Марии и Иисусе в «Коде да Винчи» правильные. Но все же это потрясающая книга, если вам нравится быстро развивающийся сюжет с тайной убийства, основанный на теории заговора, который включает прикрытие со стороны Ватикана. Тридцать шесть миллионов читателей не могут все быть неправыми. (И это до того, как книга вышла в мягкой обложке и на экраны был выпущен фильм!)

Так что же говорят нам исторические данные о Марии и Иисусе? Как мы видели, они не говорят нам почти ничего, что указывало бы на то, что Иисус и Мария имели сексуальные отношения какого-либо рода. Когда я сообщаю это своей аудитории, неизменно один-два человека поднимают руку, чтобы спросить: «Разве не *возможно*, тем не менее, что они были женаты?» И я отвечаю: *конечно*, возможно, так же, как возможно и то, что Иисус был женат на Сусанне, или Саломее, или Марии из Вифании (которые также несколько раз упоминаются в Евангелиях, — гораздо чаще и больше, чем в одном Евангелии, — во время служения Иисуса), или на ее сестре Марфе, или на одной из других женщин, упомянутых в Новом Завете. Или он был женат на ком-то, кто не назван вообще ни разу. Или он был гомосексуалистом. Почему бы и нет? Это *возможно.* Но историки должны иметь дело не только с тем, что могло бы быть возможным, но и с тем, что является вероятным. Насколько вероятно, что Иисус был близок с Марией? Или с Сусанной? Или с Петром? Хорошо, но как мы узнаем это? Нам нужны доказательства.

С исторической точки зрения интересно отметить, что в более поздних, а не ранних, источниках Мария становится более заметной в жизни Иисуса. В них есть намеки на их возможную близость. Вспомним источники, которые мы уже обсуждали, в обратном хронологическом порядке. Последний источник, который я упомянул, — «Великие вопросы Марии», — предположительно использовался гностиками-фибионитами в IV веке. В этом

тексте Иисус тайно берет Марию с собой на гору и заставляет наблюдать его сексуальную близость с женщиной, которую он извлекает из своего бока? В данном случае сама Мария не находится в интимных отношениях с Иисусом, а невольно является пассивной наблюдательницей его близости с другой. Более ранний источник — «Евангелие от Филиппа», где говорится, что Иисус любил Марию больше, чем других, и часто целовал ее. Эти поцелуи не следует считать сексуальной любовной игрой, как я показал в ходе обсуждения данного Евангелия в главе 15, но они действительно указывают на особую близость. В том же Евангелии говорится и о том, что она была его спутницей.

Несколько раньше написано «Евангелие от Марии», где между Иисусом и Марией вообще нет ничего сексуального, но Иисус, как написано, любил ее больше, чем учеников-мужчин. Это не означает, что он любит ее по-другому (например, как любовник); это означает, что он полностью ее понимает и дает ей особое откровение, неизвестное другим ученикам. Еще ранее было написано Евангелие от Иоанна. Здесь Мария ни разу не упоминается в ходе описания жизни Иисуса, но именно она обнаруживает его пустую гробницу, и ей он впервые является после воскресения из мертвых. Она удивлена и впала в экстаз, видя Иисуса живым, но не стала цепляться за него, а отправилась к ученикам, чтобы рассказать им о его воскресении.

Еще раньше написано Евангелие от Луки, где Мария тоже обнаружила, что Иисус воскрес из мертвых, но она находилась при этом в компании других женщин. Она даже не называется в тексте, но можно предположить, что она была одной из женщин, пришедших к гробнице, так как ранее ее называют как одну из женщин, которые следовали за Иисусом от Галилеи до Иерусалима перед его арестом. В этом Евангелии мы имеем одно упоминание, что Мария сопровождала Иисуса в период его служения вместе с Иоанной, Сусанной и множеством других женщин. Наше самое раннее Евангелие — Евангелие от Марка. Здесь женщины находят, что гробница Иисуса пуста, и бегут в страхе, не сказав никому о том, что они увидели.

Моя точка зрения состоит в том, что лишь более поздние источники начинают предполагать близость между Иисусом и Марией, чего нет в более ранних источниках. Фактически в самых ранних источниках нет ни намека, ни проблеска вероятности, что между ними было что-либо особое.

Но есть ли какое-нибудь доказательство, что они *не* были женаты или, по крайней мере, близки? Иногда выдвигают тот аргумент, как, например, в «Коде да Винчи», что Иисус, должно быть, был женат, потому что иудейские мужчины в I веке *всегда* были женаты. Если Иисус не был женат, то хотя бы один из наших источников что-нибудь сказал бы о его «неестественном состоянии холостяцкой жизни». (А если он был женат, то кто более вероятен в качестве супруги, чем Мария, женщина, которая упоминается чаще, чем любая другая?) Хотя такое утверждение выглядит вероятным, в действительности оно неверно. Дело в том, что мы знаем иудейских мужчин, живших в I веке, которые были одинокими и девственниками. Показательно, что они разделяли религиозные взгляды, подобные взглядам исторического Иисуса.

Важнейший аспект «Свитков Мертвого моря» состоит не в том, что в их состав входили Евангелия, а в том, что они были написаны группой иудеев, известных историкам как ессеи[104]. Мы знаем о ессеях из множества источников, не входящих в «Свитки Мертвого моря». О них упоминается, например, в текстах еврейского историка I века Иосифа Флавия. В этих источниках рассказывается, что ессеи были группой одиноких мужчин-девственников. Они жили в то же время и примерно в том же месте, где и Иисус. И мы теперь знаем из «Свитков Мертвого моря», что они, как и Иисус, были иудейскими апокалиптиками. Они тоже верили, что живут в конце времен, что скоро Бог вмешается в ход истории, свергнет силы зла и установит свое Царство. Готовясь к этому неизбежному катастрофическому событию, ессеи

оставались в пустыне, сохраняя ритуальную чистоту, удалившись от присутствия и влияния женщин.

Иисус отличался от ессеев во многих важных отношениях. Например, он не разделял уверенности, что ради сохранения ритуальной чистоты нужно вести изолированную жизнь. Напротив, он странствовал вместе с проститутками, сборщиками податей и другими грешниками. Но он разделял с ессеями апокалиптическое мировоззрение, ощущая, что Царство Божье скоро придет в силе, и настаивал, чтобы люди готовились к этому. Совершенно необязательно, чтобы такой человек, как Иисус, — иудей I века — был непременно женат. Не были женаты и другие апокалиптики.

Мы знаем еще одного иудея-холостяка, жившего в I веке. Это был не кто иной, как один из самых важных последователей Иисуса — апостол Павел. Он наставлял своих новообращенных в Коринфе, что, поскольку «время близко», они должны оставаться в том социальном положении, в котором они пребывали. Если они были рабами, они не должны стремиться стать свободными; если они женаты, им не следует разводиться; если они одинокие, то не надо жениться. Более того, по его мнению, ввиду приближения конца света лучше всего оставаться одиноким, каким он был сам (см.: 1 Кор. 7:7, 25–26).

Ессеи, рассуждавшие аналогичным образом до Иисуса, как и Павел после него, — все они иудеи-апокалиптики, — вели жизнь одиноких мужчин-девственников. Нет ничего неправдоподобного в том, что такую же жизнь вел и Иисус.

Но есть и другие доказательства. Мы ранее упоминали, как Иисус учил, что в грядущем Царстве Божьем «не будут ни жениться, ни замуж выходить» (Мк. 12:25). В грядущем веке люди будут жить, «как Ангелы», то есть безбрачной и бесполой жизнью. Это, возможно, не такой рай, каким *мы* могли бы его себе представить, но для некоторых людей он был довольно привлекательной перспективой. Во всяком случае это то, во что верил Иисус. Кроме того, он учил своих последователей, что они должны начать осуществлять идеалы Царства уже в настоящем. В том Царстве не будет ненависти, войны, болезней, демонических сил, одиночества и страданий любого рода; поэтому люди должны здесь и сейчас вести жизнь, соответствующую тому Царству, любя друг друга, примиряя, исцеляя больных, изгоняя бесов, посещая одиноких, облегчая страдания. Если идеалы Царства должны воспроизводиться здесь и сейчас и если в том Царстве не будет ни секса, ни брака, то что это значит для жизни в настоящем? По-видимому, Иисус полагал, что ввиду грядущего конца света от секса и брака нужно воздерживаться (если, конечно, человек еще не женат). Исходя отсюда, как историк, я предполагаю, что Иисус был одиноким девственником.

Есть данные, предполагающее, что он не был женат на Марии Магдалине. С одной стороны, если он был женат и если это было вообще известно, то почему авторы Евангелий не сказали об этом ни слова? Кроме того, почему большинство из них никогда не упоминают о Марии в период служения Иисуса? И почему у того, кто упоминает о ней, у Луки, она фигурирует только в компании двух других женщин (одна из которых была замужем) и большой группы других учеников? Авторы Евангелий называют мать, отца и братьев Иисуса (четырех из них по имени), а также его сестер. Почему же они ни разу не сказали о его жене? И если бы его женой была Мария Магдалина, почему они ни разу не отметили это, учитывая тот факт, что они упоминают ее?

Кроме того, важно, как именно они ее упоминают. Евангелисты именуют ее Марией из Магдалы. Как я уже объяснял, они называют город, откуда она прибыла, чтобы отличать ее от других Марий, фигурирующих в Новом Завете, например, от Марии — матери Иисуса и от Марии из Вифании. Каждую Марию характеризует какая-нибудь яркая черта, отличающая ее от других. Если бы какая-то конкретная Мария была женой Иисуса, разве *это* не та особенность, которая отличала бы ее гораздо ярче от любой другой, чем, скажем, город, из которого она родом?

В конечном счете, как бы ни возбуждала воображение мысль о том, что у Иисуса были тайные сексуальные отношения с Марией, или каким бы «разумным» ни казалось предположение, что у них были нормальные семейные отношения и дети, данное доказательство работает, скорее, против этого. Как профессиональный историк я не очень хотел бы признавать это, но иногда история не так интересна, как вымысел.

Вопрос второй:

Действительно ли Мария была первым апостолом?

Термин *«апостол»* происходит от греческого слова, означающего что-то вроде «посланник». Он может относиться к любому человеку, которого посылают на служение. В христианской терминологии данное слово используется для обозначения тех, кто был специально уполномочен и послан Христом для распространения его благой вести. Это слово иногда отличают от термина *«ученик»*, означающего «последователь». В узком смысле было двенадцать учеников. Они были самыми близкими последователями Иисуса в течение всего его публичного служения, теми (все мужчины), кого он выбрал в качестве своего внутреннего круга. Но и в более широком смысле всех последователей Иисуса, как мужчин, так и женщин, тоже можно было бы назвать его учениками.

В таком случае, кто же были апостолы? Обычно их считают самыми близкими последователями Иисуса *после* его смерти, они несли его учение в другие земли, чтобы обратить других людей в веру в то, что своей жизнью, смертью и воскресением Иисус совершил акт спасения, сделавший теперь возможным для людей установить правильные отношения с Богом. Другими словами, апостолы были первыми свидетелями Христа, уполномоченными им, уже после воскресения, проповедовать его благую весть.

Обычно мы думаем об апостолах как о мужчинах: одиннадцать оставшихся учеников (Иуда совершил самоубийство); тот, кто заменил Иуду согласно Деяниям апостолов (человек по имени Матфий), а также один-двое других, включая земного брата Иисуса, Иакова, и Павла. В ранних преданиях указывается, что Иисус явился этим другим после своего воскресения, чтобы уполномочить их как миссионеров и руководителей Церкви. Большинство людей не знают, что в ранние дни Церкви были также апостолы-женщины.

В сущности, здесь нет места для споров, так как сам апостол Павел по именам называет апостолов-женщин в послании, которое он написал христианам Рима. В конце своего послания Павел посылает приветствия разным членам общины, которых он знал (хотя Павел никогда не посещал Рим, он, должно быть, встречался с этими людьми в других местах). В его послании говорится следующее: «Приветствуйте Андроника и Юнию, сродников моих и узников со мною, прославившихся между Апостолами и прежде меня еще уверовавших во Христа» (Рим. 16:7). Андроник — имя мужчины, а Юния — женщины. Мы больше ничего не знаем об этих двоих: были ли они мужем и женой? Братом и сестрой? Не состоявшими в браке миссионерскими партнерами? Здесь тоже историки не могут избавиться от чувства отчаяния из-за нехватки первоисточников. Кто *были* эти люди? Как они обратились в веру в Христа? Чем они занимались в своей жизни? В чем состояла их миссия? Как они выполняли ее? Что делало их столь особенными в глазах Павла? Почему он назвал их «прославившимися»? Считал ли их Павел более важными, чем, скажем, Петр, которого он здесь не упоминает? К сожалению, мы, вероятно, никогда не узнаем этого.

Но мы знаем, что одним из отмеченных Павлом людей была женщина и что она была апостолом, причем выдающимся апостолом. Следует сказать, что не все знали об этом. Оказывается, переводчики Библии на английский язык иногда позволяли своим собственным предубеждениям влиять на перевод данного отрывка (Рим. 16:7). В таких маститых изданиях, как Исправленная Стандартная Версия Библии (Revised Standard Version), Юнии изменили пол. В этих переводах ее называют не Юния (женское имя), а Юний (мужское имя)[105].

Почему переводчики внесли это изменение? Разумеется, именно из-за того, что в действительности написал Павел. Ведь он написал имя Юния, имя женщины. Юния (женское имя) в Древнем мире было распространенным именем, в то время как имени Юний (мужское имя) вообще не существовало: оно не встречается ни в одном древнегреческом тексте. Так какую традицию продолжают переводы, подобные Исправленной Стандартной Версии Библии? Это просто следствие патриархальных предубеждений. Переводчики оказались не в силах предположить, что женщина могла быть апостолом, поэтому они превратили женщину Юнию в несуществующего мужчину Юния.

Были ли и другие женщины-апостолы? Женщины, которые осознавали себя и воспринимались другими как уполномоченные Христом распространять учения о его смерти и воскресении? Мы знаем по крайней мере еще одну женщину, которую фактически можно было бы считать первым апостолом, — Марию Магдалину Апостолом называют Марию и некоторые ранние христианские авторы. В их число входит неизвестный автор, которого иногда принимают за Ипполита, главу христианской церкви в Риме, жившего около 200 года. В своих комментариях к ветхозаветной книге Песнь Песней он пишет, что Иисус сначала явился женщинам в гробнице и велел им рассказать ученикам о том, что он воскрес. Затем он явился ученикам, браня их за то, что они не поверили рассказу женщин. Автор указывает: «Христос явился [мужчинам] апостолам и сказал им: „Это я явился этим женщинам, и я хочу послать их к вам в качестве апостолов"». Поэтому Марию и других можно было бы воспринимать как «апостолов, посланных апостолам» — титул, который Мария обрела в Средневековье (лат.: *apostola apostolorum*).

Как я уже говорил, представление, что Мария была первым апостолом, — человеком, уполномоченным проповедовать благую весть о воскресении Христа, — встречается уже в книгах Нового Завета. В Евангелии от Марка именно Мария Магдалина вместе с Марией, матерью Иакова, и Саломеей приходят к гробнице на третий день, узнают там от молодого юноши, «облеченного в белую одежду», что Иисус воскрес, а затем юноша велит им пойти и рассказать об этом ученикам. Однако они «никому ничего не сказали, потому что боялись» (Мк. 16:8). И у Марка нет ни слова о том, что сам Христос явился этим женщинам (как, впрочем, и другим ученикам)[26]. Но в более позднем тексте, в Евангелии от Матфея, Мария и «другая Мария» не только узнают о воскресении Иисуса от ангела в гробнице, но и получают наставление рассказать об этом другим. По пути сам Иисус является женщинам и велит им: «…пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня» (Мф. 28:10). Явно не говорится, что женщины сделали то, что им было велено, но мы читаем, что ученики отправились в Галилею, и Иисус явился им там, так что можно предположить, что женщины выполнили данное им поручение.

В последнем из Евангелий Нового Завета, в Евангелии от Иоанна, сама Мария выбрала себя в качестве первого человека, которому открылось, что Иисус воскрес из мертвых. Согласно этому тексту, Мария пришла к гробнице одна, обнаружила, что она пуста, и пошла рассказать об этом Петру и «любимому ученику». Они наперегонки побежали к гробнице и увидели, что там нет тела Иисуса. Когда они вернулись в свои дома, Мария еще оставалась у гробницы, и внезапно ей явился Иисус. Она приняла его за садовника и спросила, куда он положил тело. Но затем Иисус назвал ее по имени, и она узнала его, назвав его *«раввуни»* (что означает «учитель»). (Кстати: она не назвала его «муженек».) Иисус уполномочивает ее рассказать ученикам, что он собирается взойти на небо, и она делает все, как ей было велено.

Здесь Марии первой дано право возвестить о воскресении. По крайней мере в данном тексте Мария является первым апостолом. Показательно, что в других имеющихся у нас преданиях не Мария, а Петр был первым, кто увидел Иисуса, ожившего после распятия на кресте. Так дело обстоит, например, в Евангелии от Луки, где нет никакого упоминания о том, что Иисус явился в гробнице женщинам, но есть несколько историй о его явлении своим

последователям-мужчинам. Первое явление Иисуса было Петру как возвещают об этом ученики: он «истинно воскрес и явился Симону» (Лк. 24:34). Но и здесь, прежде чем Иисус явился кому-либо, именно женщины — Мария Магдалина вместе с Иоанной, Марией, матерью Иакова, и несколькими другими женщинами — обнаруживают пустую гробницу и сообщают об этом ученикам. Разумеется, мужчины отвергают рассказ женщин как «пустые слова». Только когда им явился сам Иисус, они поверили.

Еще более показателен самый ранний текст о воскресении Иисуса, который имеется в нашем распоряжении. Он встречается не в Евангелиях, а в послании Павла, написанном примерно за пятнадцать-двадцать лет до того, как появились Евангелия. В Первом послании к Коринфянам Павел напоминает своим обращенным об учении, которое он «первоначально» дал им, пытаясь убедить присоединиться к нему в его вере в Христа:

«Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати; потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне…» (1 Кор. 15:3–8).

Интересно, что Павел ни разу не упоминает женщин, обнаруживших пустую гробницу Фактически он ни разу не упоминает о пустой гробнице или вообще о женщинах — ни об одной женщине. Он перечисляет явления воскресшего Иисуса, и все они произошли с мужчинами (возможно, кто-то захочет оспорить это, указывая, что в число «пятисот братий» могли входить «братья и сестры», но если Павел и подразумевал это, сказал он иначе).

Некоторые ученые полагают, что Павел назвал только те явления Христа, о которых он знал. Это означало бы, что истории о женщинах у пустой гробницы не были в широком хождении. Другие указывают, что Павел формулирует доводы в пользу христианских утверждений о Христе. Доказательство того, что он умер, заключается в том, что он был похоронен, а доказательство того, что он воскрес, заключается в том, что позже он воскрес. Но поскольку вся суть доказательства иногда оспаривается, Павел ограничился перечислением *мужчин,* которым явился Христос, так как свидетельство женщин было неприемлемым в иудейском суде[106].

Возможно, это и верно, но трудно знать наверняка. Ясно, что в раннем христианстве были две конкурирующие традиции. В одной традиции Христос сначала явился Марии Магдалине (и, возможно, другим женщинам); в другой он сначала явился Петру (и, возможно, другим мужчинам). Мы неоднократно убеждались в данном разделе о Марии Магдалине, что существует устойчивый поток историй, в которых показано ее соперничество с Петром или, по крайней мере, рассказывается, как Петра огорчает высокий статус, которым Христос наделяет ее. В «Пистис София» Петр жалуется, что Мария все время говорит. В «Евангелии от Фомы» Петр требует, чтобы Мария покинула Иисуса и учеников, «ибо женщины недостойны [вечной] жизни». А в «Евангелии от Марии» Петр в свойственной ему импульсивной манере доказывает, что откровение Марии не могло прийти от Христа, который не открыл бы свои тайны женщине наедине, а скорее сделал бы это публично — мужчинам. Это соперничество между Петром и Марией, по-видимому, восходит к самым ранним преданиям: в одних утверждается, что он был первым, кто увидел воскресшего Иисуса, а в других — что он явился ей.

Вопрос третий:

Дала ли Мария старт христианству?

Нет сомнения, что во главе Церкви на ранней стадии развития христианского движения стал Петр, а Мария отступила на задний план. Мы имеем множество текстов, в которых говорится о Петре, о его близости к Иисусу во время его жизни и о его руководстве Церковью после его смерти. При этом едва ли можно отыскать какие-либо ссылки на Марию.

Пусть это выглядит довольно иронично, но именно данное обстоятельство заставляет многих ученых сделать вывод о том, что в действительности новая религия началась с Марии, а не с Петра. Логика их рассуждений такова: более поздние рассказчики знали об огромном значении Петра для развивающегося христианского движения. Как же иначе? Он был видной фигурой во время служения Иисуса, одним из его внутреннего круга, главой двенадцати апостолов. После смерти Иисуса он возглавил церковь в Иерусалиме, а в конечном счете стал главным миссионером для еврейского народа. Вместе с апостолом Павлом он был ответствен за распространение новой религии от момента ее трагического, внешне неудачного зарождения до ее относительного триумфа по всей империи. Петр сыграл здесь огромную роль.

А как насчет Марии? Она осталась практически неизвестной, о ней мало говорили. Но, если бы рассказчикам надо было сочинять или, по крайней мере, изменять истории о начале христианства, разве стали бы они выдумывать сюжет о том, что именно женщина дала ему начало? Разве они не прославляли бы, что более вероятно, величие известного апостола Петра? Разве они не показали бы, что, хотя он и отрекся от Христа в критический момент, впоследствии он искупил вину, став первым, кто понял, что Христос был оправдан Богом, воскрес из мертвых и взошел на небо? Зачем кому-то сочинять историю о фактически неизвестной женщине, нашедшей гробницу Иисуса пустой и возвестившей о его воскресении?{107} Особенно, если суть истории заключалась в том, чтобы свидетельствовать: смерть Иисуса не была последним словом, последнее слово сказал сам Бог, полностью аннулировав незаконный суд иудейских и римских властей, воскресив своего сына из мертвых. Зачем приводить «пустые слова» женщины в качестве доказательства воскресения?

Это кажется маловероятным. Но тогда откуда первоначально взялись истории о Марии Магдалине, о ней одной или в обществе других женщин? Если трудно представить, что они были сочинены ранними христианскими рассказчиками, то, возможно, эти истории имеют реальное историческое основание. Возможно, Мария действительно нашла гробницу пустой на третий день и возвестила, что Иисус воскрес из мертвых. Следует подчеркнуть, что хотя в конечном счете христианство основывается на жизни и служении Иисуса, оно этим не исчерпывается. Традиционное христианство — это вера в то, что он умер за грехи мира и воскрес из мертвых. Так сказать, технически христианство не могло начаться до тех пор, пока кто-то не возвестил, что Иисус воскрес из мертвых. По-видимому, первой это сделала Мария Магдалина. Если это так, что я доказывал в предыдущей главе, то действительно, именно Мария дала начало христианству. Едва ли в истории западной цивилизации есть более значительная для нее женщина, — или, коли на то пошло, мужчина, — которая вместе с тем была бы менее известной, чем Мария Магдалина.

В некоторых регионах ее роль в истории христианства уменьшалась, тем более что мужчины все в большей степени возглавляли Церковь, а женщины-руководители, среди них были и апостолы, замолкали. В других местах слава Марии продолжала жить, как свидетельствуют разрозненные упоминания о ней в различных документах раннего христианского движения, особенно среди гностиков. Но в ортодоксальном христианстве в конечном счете одержали победу Петр и Павел.

В каких отношениях представление Петра и Павла о христианской вере отличалось от ее понимания Марией? К сожалению, мы никогда не узнаем об этом наверняка, поскольку Мария не оставила после себя текстов и едва упоминается в ранних первоисточниках. Мы знаем от Оригена, автора начала III века, что у Марии были последователи ее понимания религии. Но, к сожалению, мы не знаем, каким оно было, — в чем состояла ее вера в отношении Христа — за исключением того, что можно логически вывести из некоторых исторических фактов.

К их числу относится и тот факт, что она была еврейской женщиной из Галилеи и преданной ученицей Иисуса. Должно быть, ее привлекло его учение, иначе она не последовала бы за ним и не поддерживала его служение своими средствами. Это означает,

что она, должно быть, была также сторонницей иудейского апокалиптизма, ожидавшей, что этот греховный век боли, страдания и гнета скоро подойдет к концу, и здесь, на земле, наступит Царство Божье. В этом Царстве не станет больше войн, ненависти, несправедливости, бедности, болезней, бесовских сил, угнетения. Наступит райский век, когда высшей властью будут Бог и те, кого он поставит править. Больше не будет угнетения, основанного на классовых различиях, богатстве, престиже или половых различиях. Не будет нужды, бедности, рабства, половой дискриминации. Женщинам больше не придется подчиняться мужчинам. Они, как и мужчины, станут похожими на ангелов небесных. Учение Иисуса о будущем освобождении земли сама Мария, должно быть, восприняла как весть о своем собственном освобождении в будущем веке, полном только всего благого, когда будет безраздельно властвовать Бог.

И как только она поверила, что Иисус воскрес из мертвых, она, подобно другим иудеям-апокалиптикам, таким как Павел, вероятно, сделала логический вывод: конец близок. Царство Божье — почти уже здесь. Ожидания Иисуса скоро должны осуществиться, и скоро исполнятся обещания Бога. Мария, возможно, надеялась встретить освобождение земли еще при своей жизни.

Заключение:

Петр, Павел и Мария в перспективе

В ходе этого исследования я утверждал, что Петр, Павел и Мария, как Иисус до них, были иудейскими апокалиптиками. Мыслители-апокалиптики полагали, что конец мира будет похож на его начало: земля вернется в свое первоначальное райское состояние — наступит новый Эдем, где больше не будет греха, зла, боли и страданий. В том же духе — что конец света должен быть похожим на начало — хотелось бы закончить эту книгу замечанием, с которого я ее начал — о «Петре, Павле и Марии».

Эта фольк-группа 1960-х годов тоже были рассказчиком своего века. Как и у большинства рассказчиков, многие из их самых популярных песен воспроизводили песни, уже сочиненные когда-то другими людьми. Но такое воспроизведение всегда подвержено множеству истолкований применительно к широкому диапазону ситуаций.

Некоторые из самых известных песен группы «Петр, Павел и Мария» говорят о личной утрате и разлуке. Например, в популярной песне «500 миль» говорится о влюбленном, пропустившем поезд, в котором ехала она; он услышал лишь его свисток на расстоянии в сто миль.

Еще более известна песня (написанная Джоном Денвером, не иначе) могла взволновать до глубины души, даже если теперь она кажется несколько пресноватой:

«Все мои сумки упакованы, я готов идти.

Я стою здесь, за твоей дверью,

Я не хочу будить тебя, чтобы сказать — до свидания.

Но забрезжил рассвет, это раннее утро.

Такси ждет, сигналит.

Я так одинок, что мог бы умереть…

Потому что я улетаю на реактивном самолете,

Не знаю, когда вернусь снова.

О, малышка, я очень не хочу уходить…»

Эти песни — просто о душераздирающей боли, вызванной отъездом? Они о любимой, теряемой навсегда? Или, возможно, они о перемещении в модерный мир 1960-х, далекий от уюта послевоенных 50-х, в век гонки вооружений, протестов и напряженности межрасовых отношений? Возможно, они об ощущении утраты, поскольку мы движемся в новый мир, оставляя позади старый, добрый мир?

Первые христиане знали подобное чувство отчуждения от мира. Фактически оно было одним из основных рефренов их писаний. Несомненно, его знали и христиане-гностики, включая автора «Евангелия от Марии». С их точки зрения, глубоко внутри человека, в его сущности, есть искра божественного, которая оказалась отчужденной от своей небесной обители. Эта искра поймана в ловушку греховного материального мира, отделенного от духовного царства, из которого она пришла и куда стремится вернуться. Другие христиане тоже переживали чувство отчуждения, в том числе апостол Павел и автор Первого послания Петра, который полагал, что их настоящая родина — на небе. По их мнению, душа временно приходит в этот мир боли и горя, которые они теперь переживали.

Многие ранние последователи Христа рассказывали истории о красоте иного мира, сила которого иногда проявлялась здесь, на земле, и благословения которого ждали те, кто еще оставался в лапах смерти. Как нужно интерпретировать эти истории? Следует ли понимать великолепие грядущего Царства Божьего как выражение того, что случится здесь, на земле? Бог свергнет силы зла, чтобы установить свое владычество раз и навсегда. Так, по-видимому, учил сам Иисус и так, очевидно, верили его последователи Петр, Павел и Мария. Или эти истории относятся к жизни на небе, которую обретут души, как только они уйдут из этой смертной жизни, как учит апокрифический «Апокалипсис Петра»? Или, возможно, они имели в виду блага жизни здесь и сейчас для тех, кто испытал все преимущества спасения в момент крещения и кто, следовательно, уже «правил в небесных обителях», как учили противники Павла в Коринфе и некоторые из его собственных более поздних последователей, включая автора Послания к Эфесянам?

Соль этих историй в том, что никто, даже их авторы, не могут контролировать ход их истолкования. После возникновения они живут своей жизнью. И пока они живут, они меняются. Это особенно верно для Древнего мира, когда не было ни одной из возможностей и ограничений, предоставляемых и налагаемых современными средствами массовой информации. Скажем, я покупаю в своем городе компакт-диск с «Петром, Павлом и Марией», поющими: «Лимонное дерево очень красивое, и лимонный цветок — сладок / Но плод бедного лимона невозможно съесть». Но если я окажусь в другом городе, в другой стране, я тоже могу купить такой же диск с этой же песней, и на диске будет в точности та же самая песня. И я могу многократно повторять ее.

В Древнем мире такое было невозможно, потому что не существовало механических или электронных средств, которые могли бы гарантировать точность воспроизведения. Поэтому рассказчики не видели необходимости сохранять предания неизменными от одного пересказа к другому. Это вообще верно для людей, живущих в условиях устной культуры. Они изменяли свои песни и истории под воздействием своих собственных чувств или ситуации, в которой пели или рассказывали их. Изменения могли быть сделаны в зависимости от состава слушателей, времени дня, исторических, культурных или политических обстоятельств и так далее. Иногда истории подправляли от уверенности, что они должны быть изменены. Слова «Лимонного дерева» могли быть «доработаны» просто потому, что некоторые из них не имеют смысла. В самом деле, ведь плод лимона не «невозможно» съесть. И кто-то мог бы выразиться, что «плод бедного лимона не очень приятен на вкус». Но тогда ритм был бы нарушен, поэтому пришлось бы снова изменить слова как-то иначе. Кто-нибудь третий мог бы решить, что песня станет лучше по смыслу, если будет не о лимонах, а, скажем, о кумкватах. Тогда нарушилась бы рифма, и все пришлось бы переделывать. И так далее.

Если это верно даже для песен о лимонах, то насколько больше это верно для вопросов, которые по-настоящему волновали тех, кто жил своими любимыми преданиями? Мы, люди письменной культуры, могли бы думать, что действительно важные исторические события старины — жизнь и смерть Сократа, завоевания Рима, смерть Иисуса — будут помнить с точностью именно потому, что они *были* очень важны. Но древним людям они виделись не так. Истории об этих событиях изменялись вследствие того, что удивляет нас сегодня как

беспечная небрежность, но в действительности отражает значение событий для тех, кто о них рассказывал. Их видоизменяли, преувеличивали и приукрашивали. А иногда выдумывали.

Для историков, изучающих Древний мир, важно знать, насколько это возможно, что происходило на самом деле. Важно, например, понять, что Иисус действительно говорил и делал, узнать, почему он столкнулся с таким сопротивлением, почему был распят, почему его последователи продолжали верить в него после его смерти. Но также важно понять, как пересказывались истории о нем: иногда измененные, преувеличенные и приукрашенные. А иногда и выдуманные.

То же относится и к его последователям, в том числе к трем, о которых мы здесь говорим, к древнему трио Симона Петра, апостола Павла и Марии Магдалины. Они жили реальной исторической жизнью, и важно — или, по крайней мере, любопытно — понять, что собой представляла их жизнь, узнать, насколько это возможно, что они говорили, что делали и пережили. Кроме того, важно знать, как изменялись истории о них в течение десятилетий и столетий после их смерти.

Некоторые из этих рассказов не приближают нас к историческому Петру, Павлу и Марии. Вероятно, Петр не оживлял вяленую рыбу; вероятно, Павел не крестил говорящего льва; а Мария, вероятно, не оживила женщину после того, как та в течение двух лет лежала мертвой на пустынном острове. Но многие христиане *верили,* что все это происходило. Когда они рассказывали эти и другие подобные истории — в том числе истории, которые, как оказалось, были исторически достоверными, — они делали это по определенным причинам. Они что-то значили для рассказчиков — истории обращались к ним, выражали их понимание мира, воплощали их верования, ценности и волновали их так же, как некоторых из нас волновали фольк-песни 1960-х.

Вероятно, не многие из нас озабочены надлежащим истолкованием песен «Если бы у меня был молот» или «Лимонное дерево». Гораздо сильнее нас волнует смысл жизни Иисуса и, возможно, жизнь его последователей. Но всегда важно помнить, что, занимаясь решением этих проблем, мы пытаемся не только восстановить исторические факты. Мы также наблюдаем, как история интерпретировалась теми, кто передал ее нам.

Реальность состоит в том, что история не приходит к нам в непосредственном виде. Она приходит к нам в историях из прошлого, рассказанных реальными людьми из плоти и крови, которые интерпретировали свои истории — даже исторически достоверные — в свете своих собственных ситуаций, проблем, верований, обрядов, потребностей и ценностей. Это верно даже для нас, живущих в условиях письменной культуры, в электронном веке. Мы тоже говорим о прошлом, потому что оно что-то значит для нас в нашем настоящем; мы тоже говорим о том, что знаем и о чем думаем, и мы верим в то, что имеет для нас значение; мы тоже стремимся понять прошлое, желая понять смысл мира, в котором мы сегодня живем.

Об авторе

Барт Д. Эрман (род. 1955) — профессор, руководитель департамента изучения религии (2000–2006) в Университете Северной Каролины в Чэпель Хилле (США). Является одним из крупнейших специалистов по раннему христианству и Новому Завету. Хорошо известен не только ученым, но и широкой публике благодаря двум десяткам своих книг, среди которых бестселлеры *«Потерянные христианства»* (“Lost Christianities”), *«Утерянные писания»* (“Lost Scriptures”), *«Искажения слов Иисуса»* (“Misquoting Jesus”) и *«Правда и вымысел в “Коде да Винчи”»* (“Truth and Fiction about Da Vinci Code” — переведена на русский язык в 2007 г. под названием *«Тайны Иисуса и Марии Магдалины»*), *«Иисус, которого прервали»* (“Jesus, Interrupted”) и др. Книга *«Петр, Павел и Мария Магдалина»*, впервые изданная Oxford University Press в 2006 г., также?была встречена с большим интересом.

О книге

Эта книга о том, кем на самом деле были трое из самых значимых последователей Иисуса и основателей христианства — Симон Петр, апостол Павел, Мария Магдалина. Она?также о том времени, когда рождалось христианство, о людях той эпохи, которые были творцами многих дошедших до?нас мифов и легенд о Петре, Павле и?Марии Магдалине. Барт Эрман «…сделал больше, чем кто‑либо из современных исследователей для того, чтобы передать великолепные результаты своих научных изысканий читающей публике» (*Джеймс Табор, автор книги «Династия Иисуса»*).

www.vesmirbooks.ru

Примечания

1

При цитировании текстов Библии использовался русский синодальный перевод (Издание Московской патриархии. М., 1968). При цитировании других произведений

раннехристианской литературы привлекались их имеющиеся переводы на русский язык. — *Примеч. ред.*

2

Для большей наглядности и во избежание путаницы названия книг, вошедших в библейский канон Ветхого Завета и Нового Завета, приводятся без кавычек. Названия всех других произведений раннехристианской литературы, часто близко напоминающие новозаветные, даны в кавычках. — *Примеч. ред.*

3

Rocky (англ.) — скалистый, каменистый, крепкий, твердый, непоколебимый, неподатливый. Видимо, автор намекает здесь на имя известного героя серии кинофильмов по имени Рокки Бальбоа, которого сыграл С. Сталлоне. — *Примеч. пер.*

4

Апокалипсис Петра *(пер. А. Б. Рановича) // Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. М.: Политиздат, 1990. С. 216–217. — *Примеч. пер.*

5

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. С. 94. — *Примеч. пер.*

6

Там же. — *Примеч. пер.*

7

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. С. 94. — *Примеч. пер*.

8

Там же. С. 95. — *Примеч. пер.*

9

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. С. 96. — *Примеч. пер.*

10

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. С. 57. — *Примеч. пер.*

11

Цит. по: *Мещерская Е.* Апокрифические деяния апостолов. М.: Присцельс, 1997. С. 416, 417. — *Примеч. пер.*

12

Первая часть поговорки: «С такими друзьями и враги не нужны». — *Примеч. пер.*

13

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. С. 262. — *Примеч. пер.*

14

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. С. 274. — *Примеч. пер.*

15

Там же. С. 278. — *Примеч. пер.*

16

Браун Д. Код да Винчи. М.: АСТ, 2005. С. 298. — *Примеч. пер.*

17

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. С. 281–282. — *Примеч. пер.*

18

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. С. 278. — *Примеч. пер.*

19

По всей видимости, автор имеет в виду первоначальный текст Евангелия от Марка, заканчивавшийся на 16:8. См. — *Примеч. ред.*

20

Прерванный половой акт *(лат.).* — *Примеч. пер.*

21

Евангелие от Марии / / Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. С. 324. — *Примеч. пер.*

22

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. С. 325. — *Примеч. пер.*

23

Там же. С. 250. — *Примеч. пер.*

24

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. С. 325–326. — *Примеч. пер.*

25

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. С. 327. — *Примеч. пер.*

26

См. примечание 19. — *Примеч. ред.*

Комментарии

1

Подобно многим песням, ставшим популярными в исполнении группы «Петр, Павел и Мария», эту песню сочинили не они. Она была написана Ли Хейзом (Lee Hays) и Питом Сигером (Pete Seeger) в 1958 г.

2

Что касается апокрифических текстов, то в этой книге я использовал переводы, содержащиеся в изданиях: *Elliott J. K.* The Apocryphal New Testament: A Collection of Apocryphal Christian Literature in an English Translation (Oxford: Clarendon Press, 1993).

3

Первым упоминаемым в письменных источниках христианином, указавшим на то, что двадцать семь книг, которые мы теперь называем Новым Заветом, должны составить канон Священного Писания, был епископ Александрии Афанасий. Это произошло в 367 году, то есть примерно через триста лет после того, как было написано большинство указанных книг. О спорах по вопросу о том, какие книги включать, а какие не включать в канон, и обсуждение оснований для принятия таких решений см.: *Ehrman Bart D.* Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew (New York: Oxford University Press, 2003).

4

См.: *Ehrman Bart D.* The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings. 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2003). Chap. 5.

5

Все цитаты из трудов Папия приведены в моем переводе. Данная цитата взята из *«Церковной истории»* Евсевия (3, 39). См.: *Ehrman Bart D.* The Apostolic Fathers. Loeb Classical Library (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004). V. 2. P. 93–95.

6

Например: *Thiede Carsten P.* Simon Peter: From Galilee to Rome (Grand Rapids: Academie Books, 1988).

7

Небольшое размышление показывает, что автор не назвал бы книгу так: он может подписать свою книгу и может дать ей название, но он не дает ей название, которое указывает, кем она написана. Автор этого текста, возможно, назвал его «Евангелием» или «Благой вестью об Иисусе Христе», но кто бы ни назвал ее, Евангелие от Марка говорит о том, от чьего имени автор написал ее.

8

Множество сюжетов автор Евангелия от Матфея скопировал из Евангелия от Марка, которое первоначально также было написано на греческом. Это означает, что он также, должно быть, писал на греческом. Более подробное обсуждение см.: *Ehrman Bart D.* The New Testament. Chap. 6.

9

Я мог бы упомянуть, что по мысли некоторых читателей утверждение Папия, что Петр служил источником сведений для Марка, подтверждается тем, каким Петр изображается в Евангелии от Марка, — довольно наглым, тупым и в конечном счете вероломным. Аргумент состоит в том, что Марк, должно быть, знал об истинном характере Петра и его поведении от самого Петра. Это остроумный аргумент, но в действительности он не срабатывает. Независимо от того, решил ли Петр не ретушировать свой собственный характер или Марк решил не ретушировать его, в любом случае это не доказывает, кто же написал книгу; есть множество отрицательных описаний людей в большом количестве книг, но никто не считает, что во всех этих случаях рассматриваемый человек был источником информации о себе. Разве Иуда был источником для Евангелия от Матфея по той причине, что так ужасно закончил жизнь? Или Ирод? Или Иаков и Иоанн? И так далее.

10

Cheney Johnson M. (Ed.) The Life of Christ in Stereo (Portland: Western Conservative Baptist Seminary, 1969).

11

Более полное обсуждение см.

12

См.

13

В какой-то момент своей академической карьеры я задавался вопросом о том, было ли столкновение Павла именно с Петром или с кем-то другим, также называемым Кифой. Причина моего вопроса в том, что в Послании к Галатам (2:8–9) Павел упоминает и Петра, и Кифу, и если не знать других текстов, то можно подумать, что он говорит о двух разных людях. Возможно, было двое людей с одним и тем же прозвищем: Кифа — глава церкви в Иерусалиме и Петр — миссионер иудеев за пределами Иерусалима? Вероятно, нет. Это было не обычное прозвище. В действительности, насколько мы знаем, оно было только у одного человека. Однако существует древнее церковное предание, согласно которому все-таки речь идет о двух разных людях. См. мою статью: Cephas and Peter // Journal of Biblical Literature. № 109 (1990). P. 463–474.

14

См.: *Reed Jonathan.* Archaeology and the Galilean Jesus: A Re-examination of the Evidence (Harrisburg, PA: Trinity Press International, 2000).

15

Лучшим исследованием, по моему мнению, остается исследование Уильяма В. Харриса: *Harris William V.* Ancient Literacy (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989); о еврейской грамотности в Палестине в тот период см.: *Heszer Catherine.* Jewish Literacy in Roman Palestine (Tübingen: Mohr-Siebeck, 2001).

16

Это не было вопросом для социального класса, в котором даже рабы иногда обучались грамоте, чтобы помогать в домашнем хозяйстве своим господам. Но рыбаки, такие как Петр, не нуждались в подобном обучении. Это поднимает интересный вопрос о том, как Петр общался позже с иудеями, чтобы пытаться обратить их в христианство, и затем — с иудеями и язычниками, жившими за пределами Палестины. Был ли с ним переводчик?

17

См. обсуждение: *Crossan lohn Dominic and Reed Jonathan.* Excavating Jesus: Beneath the Stones, Behind the Texts (San Francisco: HarperSanFrancisco, 2001). P. 92–93.

18

Я привожу библиографию работ, которые я считаю самыми важными (или по крайней мере самыми интересными) в своем исследовании: Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium (New York: Oxford University Press, 1999.

19

Для более развернутой оценки см. мою книгу: *Ehrman Bart D.* Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium.

20

Подробное объяснение апокалиптического учения Иисуса см.: *Ehrman Bart D.* Jesus: Apocalyptic Prophet of the New Millennium.

21

Более полное обсуждение того, что подразумевали иудеи I века под словом *«мессия»,* см.: *Collins John.* The Scepter and the Star: The Messiahs of the Dead Sea Scrolls and Other Ancient Literature (New York: Doubleday, 1995).

22

Это мои переводы. См.: *Ehrman Bart D.* The Apostolic Fathers. Loeb Classical Library (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004). V. 1. P. 171–173.

23

Слово *«синоптический»* буквально означает «обозревающий всё вместе». Обычно так называют Евангелия от Матфея, Марка и Луки, потому что эти три Евангелия настолько похожи своими сюжетами, что их можно расположить рядом друг с другом в параллельных колонках и читать вместе.

24

Согласно Ин. 19:14, Иисус был распят днем, когда полным ходом шли приготовления к пасхальной вечерней трапезе. В Евангелии от Марка Иисуса распяли утром (в 9 часов; Мк. 15:25), после того как была съедена пасхальная пища, а в Евангелии от Иоанна — за день до трапезы.

25

Более полное обсуждение «Евангелия от Петра» см.: *Ehrman Bart D.* Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew (New York: Oxford University Press, 2003). P. 13–28.

26

Распятый человек умирал от удушья, поскольку под воздействием тяжести тела его легкие раздувались, лишая возможности дышать. Если человека пригвождали через ступни, он мог отталкиваться вверх ногами, чтобы облегчить давление на легкие. Если ноги перебивали, это становилось уже невозможно, и смерть наступала быстрее.

27

Более подробный текст см. во Введении к кн.: *Robinson James Л.* (Ed.) The Nag Hammadi Library in English. 4th ed. (Leiden: E. J. Brill, 1996).

28

Мы знаем это благодаря тому, что владелец или создатель этих книг использовал для укрепления корешка кожаного переплета макулатурную бумагу и вложил в эту бумагу датированные расписки.

29

Перевод Джеймса Брашера (James Brasher) и Роберта Балларда (Robert Bullard): *Robinson.* (Ed.) Nag Hammadi Library.

30

Перевод Фредерика Виссе (Frederik Wisse): *Robinson.* (Ed.) Nag Hammadi Library in English.

31

Более полное обсуждение этих вопросов см.: *Ehrman Bart D.* Misquoting Jesus: The Story Behind Who Changed the Bible and Why (San Francisco: HarperSanFrancisco, 2005).

32

Более подробное обсуждение того, почему данный стих нельзя считать подлинным в тексте Евангелия от Луки, и причины того, почему он был позже добавлен переписчиками, см.: *Ehrman Bart D.* The Orthodox Corruption of Scripture: The Effects of Early Christological Controversies on the Text of the New Testament (New York: Oxford University Press, 1993). P. 212–217.

33

Само по себе это Евангелие фактически анонимно, и довольно интересно, что Иоанн, сын Зеведея, никогда не упоминается в нем по имени.

34

Обсуждение данного стиха и различных концовок, которые переписчики добавляли в Евангелие от Марка, включая последние двенадцать стихов, знакомых читателям по Библии короля Якова (и другим английским переводам), см.: *Ehrman.* Misquoting Jesus. P. 65–68.

35

Те, кто читал этот отрывок на греческом, отмечают, что существует нюанс, который трудно перевести на английский язык, поскольку в первых двух эпизодах Иисус спрашивает Петра: «Любишь ли ты меня?», — используя слово *«agapaw»,* которое может относиться к глубокой, преданной любви, а Петр отвечает: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя», — используя для обозначения любви слово *«philew»,* которое означает, скорее, дружескую любовь. В третий раз, когда Иисус задает свой вопрос, он тоже использует слово *«philew»,* после чего получает тот же ответ. Это привлекательная интерпретация, но проблема состоит в том, что два указанных слова не имели твердых значений или нюансов на греческом; иногда их использовали попеременно без различий в значении.

36

Кажется странным, что в «Евангелии от Петра» говорится о том, что после распятия «двенадцать» учеников были убиты горем. Разве Иуда не ушел, чтобы убить себя, после чего

осталось лишь одиннадцать учеников? Следует также отметить, что, когда Павел говорит о явлениях воскресшего Христа в Первом послании к Коринфянам, он указывает, что Христос сначала «явился Кифе, потом двенадцати». Какая традиция здесь продолжается? Интересно, что ни в «Евангелии от Петра», ни у апостола Павла никогда явно не упоминается об Иуде Искариоте, одном из двенадцати апостолов, как человеке, который предал Иисуса. Разве они не знали об этом?

37

Краткое обсуждение этого вопроса см.: *Ehrman Bart* D. The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings. 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2003). P. 133–134.

38

То, что эти различные проповеди представляют взгляды Луки, а не взгляды апостолов, которые, как считается, произносили проповеди, особенно ясно в отношении Павла. Как мы увидим позже, то, что Лука говорит о проповедях Павла, и то, что говорит Павел о своих проповедях, часто весьма сильно отличается, иногда противоположно одно другому.

39

Например, в известной «Легенде Абгара», которую рассказывает Евсевий: «Церковная история» (1, 13).

40

Некоторые исследователи предполагают, что наличие греческого в этом послании — учитывая его стилистические особенности и близость к греческому переводу Библии — связано с тем обстоятельством, что Петр использовал в качестве секретаря Сильвана (см.: 1 Пет. 5:12). Согласно этой теории, именно Сильван — тот человек, который составил послание под диктовку Петра на арамейском языке. Проблематичность данной теории в том, что в таком случае фактическим автором послания является Сильван, а не Петр. Кроме того, в послании Сильван упоминается как посыльный, а не автор послания.

41

Эту хитрую уловку — осудить подделку в книге, которая сама была поддельной, — можно обнаружить, например, в книге под названием «Апостольские правила», созданной в IV веке. В книге утверждается, что она написана апостолами Иисуса вскоре после его смерти. И в ней читателей просят не читать книги, в которых *утверждается*, что они написаны апостолами, в то время как в действительности это не так. По-видимому, данная уловка использовалась для того, чтобы избавить читателей от подозрений в обмане.

42

См. мое обсуждение: *Ehrman Bart D.* The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings. 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2003). P. 456–458.

43

См.: Introduction to the Shepherd of Hermas // *Ehrman Bart D.* The Apostolic Fathers. V. 2. Loeb Classical Library (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003).

44

См. обсуждение в моей книге: *Ehrman Bart D.* Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew (New York: Oxford University Press, 2003). Самым авторитетным исследованием является: *Metzger Brace M.* The Canon of the New Testament: Its Origin, Development, and Significance (New York: Oxford University Press, 1987).

45

Для начала см. мое руководство по Новому Завету: *Ehrman Bart D.* The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings. 3rd ed. (New York: Oxford University Press,

2003); а также библиографию, которую я привожу в конце каждого обсуждения какого-либо из посланий Павла.

46

Более полное обсуждение этого вопроса см. в комментарии книги: *Fee Gordon.* The First Epistle to the Corinthians (Grand Rapids: Eerdmans, 1987).

47

Диаспора начала существовать за 600 лет до Павла, когда Вавилонская империя, возглавляемая Навуходоносором, победила Иудею (586 г. до н. э.), вынудив многочисленных иудеян (откуда мы получаем слово «иудей») переселиться в другие части Древнего мира.

48

Септуагинту называют так в связи с существующим преданием, согласно которому она была переведена на греческий язык с древнееврейского семьюдесятью (латинский корень: *«септ-»*) еврейскими переводчиками.

49

Нет никаких оснований предполагать, что во времена Павла существовало нечто вроде закрытого канона Священного Писания. Это произошло позже. Но были многочисленные книги, дополнявшие Тору, которые многие иудеи также считали авторитетными.

50

Есть много книг, написанных о фарисеях и других иудеях того периода, когда возникло христианство. Два превосходных источника: *Cohen Shaye.* From the Maccabees to the Mishnah (Philadelphia: Westminster, 1987) и *Sanders E.* P. Judaism: Practice and Belief 63 BCE-66 CE (Philadelphia: Trinity Press International, 1992).

51

См. статьи Яна Бреммера и Яноша Боллока в: *Bremmer Jan.* (Ed.) The Apocryphal Acts of Paul and Thecla (Kampen: Kok Pharos, 1996).

52

Самая влиятельная книга Сандерса — *Sanders E. P.* Paul and Palestinian Judaism (Philadelphia: Fortress Press, 1977).

53

Ученые, изучавшие взгляды Павла на Закон, пришли к довольно разным выводам. Это необычайно сложная тема. Чтобы получить представление о вариантах, которых придерживаются весьма знаменитые ученые, см.: *Westerholm Stephen.* Israel's Law and the Church's Faith: Paul and His Recent Interpreters (Grand Rapids: Eerdmans, 1988).

54

См. коммент. 53.

55

Термин *«апостол»* происходит из греческого языка и буквально означает «посланник». Он применяется не только по отношению к двенадцати апостолам Иисуса, но и к любому человеку, который считал себя уполномоченным Христом распространять его учение.

56

В 2 Кор. 11:24 Павел действительно пишет, что «пять раз дано мне было по сорока *ударов* без одного». Большинство толкователей воспринимают эти слова как ссылку на телесное наказание, на которое его осуждали власти синагоги. Если это верно, то Павел, должно быть, постоянно производил переполох в синагогах, которые посещал во время странствий, как рассказывается в Деяниях.

57

См.: *Hock Ronald.* The Social Context of Paul's Ministry: Tent-making and Apostleship (Philadelphia: Fortress, 1980).

58

См.: *Adamik Tamás.* The Baptized Lion in the Acts of Paul // Bremmer Jan. (Ed.) The Apocryphal Acts of Paul and Thecla (Kampen: Kok Pharos, 1996). P. 60–74.

59

Дэйл Мартин, исписавший замечаниями весь первый вариант этой книги в тщетной попытке заставить меня улучшить его, просил сообщить читателям, что именно он сделал это жизнепреобразующее открытие.

60

Даже если Павел в самом деле иногда проповедовал в синагогах, о чем можно догадаться на основе 2 Кор. 11:24 (см. коммент. 56), он никогда не говорит, что у него были обращенные среди иудеев, и его послания, по-видимому, адресованы к обращенным язычникам.

61

Особенно см.: *Davis Stephen.* The Cult of Saint Thecla: A Tradition of Women's Piety in Late Antiquity (New York: Oxford University Press, 2001).

62

Современный перевод см.: «The Acts of Thecla» // *Ehrman Bart D.* (Ed.) Lost Scriptures: Books That Did Not Make It into the New Testament (New York: Oxford University Press, 2003). P. 113–121.

63

Читатели часто отмечали, что в некоторых из историй, связанных с Фёклой, Павел оказывается не на высоте. В одном из самых странных эпизодов книги, когда аристократ Александр видит Фёклу и хочет ее взять себе, он просит Павла отдать ее ему. Но Павел заявляет, что он не знает, кто она!

64

Перевод см.: *Elliott J. K.* The Apocryphal New Testament: A Collection of Apocryphal Christian Literature in an English Translation (Oxford: Clarendon Press, 1993). P. 620ff.

65

О том, кто в действительности написал эти послания, обсуждения каждого из них (и сопроводительную библиографию) см.: *Ehrman Bart* D. The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings. 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2003).

66

Ibid. P. 376–378.

67

Ibid. P. 381–385.

68

Ibid. P. 385–393.

69

Подробнее о гностиках и их взглядах см.: *Ehrman Bart D.* Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew (New York: Oxford University Press, 2003). Chap. 7.

70

Этот тезис взят из: *Pagels Elaine.* The Gnostic Paul: Gnostic Exegesis of the Pauline Letters (Philadelphia: Fortress, 1975).

71

Это предание можно найти у Климента Александрийского: *Clement of Alexandria.* Stromateis, 7, 17, 106.

72

Подробнее о Маркионе и его учении см.: *Ehrman Bart D*. Lost Christianities. Chap. 6.

73

До сих пор существуют гностические церкви (см. «Желтые страницы» в калифорнийской телефонной книге), но они не имеют исторических корней, восходящих ко II веку. Это современные явления, проистекающие из «повторного открытия» гностиков и их давно утерянных писаний.

74

О победе протоортодоксального движения см.: *Ehrman Bart D.* Lost Christianities. Chaps. 9–13.

75

Под термином *«вера»* Иаков и Павел также, по-видимому, подразумевали что-то свое. Для Павла вера означает доверчивое принятие смерти Христа; для Иакова она означает нечто подобное интеллектуальному принятию суждения. См., например, Иак. 2:19: даже бесы «верят». Таким образом, даже они «знают», что есть только единый Бог. Это совсем не то, что подразумевает под верой Павел (например, Рим. 3). Подробнее об этом см.: *Ehrman Bart D.* The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings. 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2003). P. 366–368.

76

См. мою книгу: *Ehrman Bart D.* Truth and Fiction in the Da Vinci Code (New York: Oxford University Press, 2004).

77

Более полное обсуждение того, как переписчики иногда изменяли тексты Священного Писания, см. в моей книге: *Ehrman Bart D.* Misquoting Jesus: The Story of Who Changed the New Testament and Why (San Francisco: HarperSanFrancisco, 2005). На с. 106–107 можно найти более развернутое обсуждение этой темы.

78

Gregory the Great, Homily 33; цит. по: *Haskins Susan.* Mary Magdalene: Myth and Metaphor (New York: Harcourt Brace and Co., 1993). P. 96. Ученые, интересующиеся подобными вопросами, латинский текст могут найти в: *Migne J. P.* Patrologia Latino, XXXVI, col. 1239.

79

См. библиографию в одной из самых беспристрастных научных и в то же время общедоступных трактовок: *Kraemer Ross.* Her Share of the Blessings: Women's Religions Among Pagans, Jews, and Christians in the Graeco-Roman World (New York: Oxford University Press, 1992).

80

Kraemer Ross. Jewish Woman and Christian Origins: Some Caveats // *Kraemer Ross Shepard and D'Angelo Mary Rose.* (Eds.) Women and Christian Origins (New York: Oxford University Press, 1999).

81

Эти примеры и размышления взяты из кн.: *Kraemer and D'Angelo.* (Eds.) Women and Christian Origins. P. 38–39.

82

См. новаторское исследование: *Brooten Bemadette.* Women Leaders in the Ancient Synagogue: Inscriptional Evidence and Background Issues (Chico, CA: Scholars Press, 1982).

83

См. исследование Джонатана Рида: *Reed Jonathan.* Archaeology and the Galilean Jesus: A Re-examination of the Evidence (Harrisburg, PA: Trinity Press International, 2000).

84

См.: *Crossan John Dominic and Reed Jonathan.* Excavating Jesus: Beneath the Stones, Behind the Texts (San Francisco: HarperSanFrancisco, 2001). P. 31–36.

85

См. важное исследование Марка Ченси: *Chancey Mark.* The Myth of a Gentile Galilee (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).

86

Josephus. The Jewish. Wars. Book 2. P. 598–599. Одно из лучших и полных исследований истории города Магдалы можно найти в кн.: *Schaberg Jane.* The Resurrection of Mary Magdalene (New York: Continuum, 2002). Chap. 2.

87

Во всем Новом Завете есть только одно упоминание о том, что Иисус был плотником, и оно находится в Евангелии от Марка (6:3). Слово *«плотник»,* которое используется там (греческое «tekton»), имеет различные значения, все они связаны с человеком, который работает руками и придает предметам форму. Таким образом, оно могло также означать, к примеру, «каменщик» или «кузнец». Если оно подразумевает, что Иисус работал с древесиной, то, возможно, он делал такие изделия, как ворота и ярмо. Учитывая исторические обстоятельства жизни в маленькой деревне в сельской Галилее, маловероятно, чтобы он изготавливал изящные деревянные изделия.

88

Одна из современных классических работ в области феминистских интерпретаций личности Иисуса и раннего христианства принадлежит влиятельной исследовательнице Нового Завета Элизабет Шюсслер Фьоренце: *Elisabeth Schüssler Fiorenza.* In Memory of Her: A Feminist Theological Reconstruction of Early Christianity (New York: Crossroads, 1983).

89

В то же время, независимо от его намерений, учение Иисуса могло быть социально революционным. См. коммент. 90.

90

Ранее я уже говорил, что Иисус не был социальным реформатором, поскольку его не интересовало улучшение общества длительным путем. Его учение фактически вело к своего рода социальной реформе, однако лишь в той степени, в какой его последователи должны были реализовывать новые ценности и приоритеты в ожидании грядущего Царства.

91

См. обсуждение и приведенную библиографию в моей книге: *Ehrman Bart D.* The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings. 3rd ed. (New York: Oxford University Press, 2003). Chap. 24.

92

См. обсуждение.

93

Я использую перевод Стивена Эммеля: *Emmel Stephen // Robinson James A.* (Ed.) *The Nag Hammadi Library in English.* 4th ed. (Leiden: E. J. Brill, 1996).

94

Есть, конечно, исключения. Одно из наиболее проницательных исследований принадлежит Элизабет Кастелли: *Castelli Elizabeth.* «I Will Make Mary Male»: Pieties of the Body

and Gender Transformation of Christian Women in Late Antiquity // *Epstein J. and Straub K.* (Eds.) Body Guards: The Cultural Politics of Gender Ambiguity (New York: Routledge, 1991). Различные варианты толкований см.: *Schaberg Jane.* The Resurrection of Mary Magdalene: Legends, Apocrypha, and the Christian Testament (New York: Continuum, 2002). P. 156–160.

95

Автор утверждает, что он Иуда Фома, который в других ранних христианских преданиях представлен как брат Иисуса (например, в апокрифических «Деяниях Фомы»). Но все понимают, что подлинный автор не он.

96

Литература по этому предмету обширна. Для начала см.: *Lequeur Thomas.* Body and Gender from the Greeks to Freud (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990).

97

Об интригующей истории традиции целования в раннем христианстве см.: *Penn Michael.* Kissing Christians: Ritual and Community in the Late Ancient Church (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2005).

98

Это различие может являться следствием разных географических акцентов разных Евангелий. Марк рассматривает Галилею как место спасения, а Иерусалим — как город бесов. Лука же рассматривает Иерусалим как град Божий, из которого спасение должно распространиться дальше.

99

Английский перевод работы Епифания см.: *Williams Frank.* The Panarion of Epiphanius of Salamis (Leiden: E. J. Brill, 1997).

100

См. обсуждение и библиографию: *Ehrman Bart D.* Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew (New York: Oxford University Press, 2003). P. 198–201.

101

Я считаю весьма поучительным изложение этого текста у Карен Кинг; см.: *King Karen.* The Gospel of Mary of Magdala: Jesus and the First Woman Apostle (Santa Rosa, CA: Polebridge Press, 2003). Но я решительно не согласен с одним из ее главных положений, что данное Евангелие лучше всего рассматривать как нечто отличное от «гностического». Карен Кинг утверждает, что ученые упорно, но неверно называют некоторые тексты гностическими, — применяя этот термин к любому раннехристианскому тексту, который не является иудейским. Должен сказать, я не вижу, чтобы такая точка зрения (которую она критикует) очень часто проявлялась у других ученых.

102

Я использовал перевод Мервина Мейера: *Meyer Marvin.* The Gospels of Mary: The Secret Tradition of Mary Magdalene, the Companion of Jesus (San Francisco: HarperSanFrancisco, 2004).

103

В сохранившемся греческом фрагменте говорится, что только Левий идет дальше проповедовать эту благую весть. Возможно, Петр никогда и не получал данного послания.

104

Есть многочисленные трактовки «Свитков Мертвого моря» и их связей с ессеями. Беглый обзор см.: *Fitzmyer Joseph.* Responses to 101 Questions About the Dead Sea Scrolls (Mahwah, NJ: Paulist Press, 1992); обзор другого весьма компетентного ученого см.: *Vanderkam James*. The Dead Sea Scrolls Today (Grand Rapids: Eerdmans, 1994).

105

Полное обсуждение этого и связанных с ним вопросов см.: *Epp Eldon Jay.* Junia: The First Woman Apostle (Philadelphia: Augsburg Fortress, 2005).

106

Впервые данная точка зрения сформулирована немецким ученым Мартином Хенгелем.

107

Мы видели, что, возможно, у автора Евангелия от Марка были свои причины придумать эту историю. Но вспомним высказанное мною ранее соображение: так как сюжеты, повествующие о Марии и пустой гробнице, обнаруживаются во всех источниках, это, должно быть, очень древнее предание (существовавшее задолго до того, как о нем узнал Марк). Трудно представить, чтобы столь многие христианские рассказчики независимо друг от друга придумали *одну и ту же* историю о Марии, если бы она не была фактической в историческом смысле.